№ 4, ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

ВЪ ЕДИНЕНІИ СИЛА! — ВЪ РАСКОЛѢ НАША ГИБЕЛЬ!

ЧЕТВЕРГЪ, 22 МАЯ, 1930 Г.

Содѣйствуя
распространенію
„Русскаго
Инвалида"
Вы исполняете
свой долгъ передъ
Арміей

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

Rousski Invalide — L'Invalide Russe

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ВОЕННО-НАУЧНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1813-1917 Г. Въ Санктъ-Петербургѣ.

СЪ 22 ФЕВРАЛЯ 1930 Въ Парижѣ

ИЗДАНІЕ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ ЗАРУБЕЖНАГО СОЮЗА РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ИНВАЛИДОВЪ.

РЕДАКЦІЯ: 23, RUE FOURCROY, PARIS (17), Tél.: CARNOT 71.21.

Цѣна номера:

Англія	5 пенсовъ.
Болгарія	7 левa.
Бельгія	3 бельг. фр.
Германія	35 пфениг.
Греція	6 драхмъ.
Польша	75 грошей.
Румынія	10 лей.
Финляндія	4 марки.
Чехословакія	3 кроны.
Югославія	4 динара.
Америка и Азія	10 сент.

Во всѣхъ другихъ странахъ въ мѣстной валютѣ по курсу.

ЦѢНА НОМЕРА ВО ФРАНЦІИ 2 ФРАНКА.

LE NUMERO 2 FR.

Главный редакторъ Генералъ Н. Н. Баратовъ, Помощникъ главнаго редактора Профессоръ Ген.-Лейт. Н. Н. Головинъ, Секретарь Шт. Кап. К. С. Поповъ.

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА:

Полк. АБРАМОВИЧЪ, Д. А. — За Родину.
Ген. БАРАТОВЪ, Н. Н. — "S. O. S" не для насъ, а для Россіи.
Ген. БАРАНОВЪ, В. Г. — "На крыльяхъ смерти".
Ген. БОГАЕВСКІЙ, А. П. — Храбрость.
Ген. ГОЛОВИНЪ, Н. Н. — Ученіе Суворова (Глазомѣръ, быстрота).
Ген. ГУЛЕВИЧЪ, А. А. — Императоръ Александръ I, и Ген. Дохтуровъ.
Ген. ДЕНИКИНЪ, А. И. — Выпускъ
ЗАЙЦЕВЪ, Б. К. — Правитель.
Кн. КАСАТКИНЪ - РОСТОВСКІЙ, Ф. Н. — Долгъ передъ Инвалидами.
Ген. КРАСНОВЪ, П. Н. — "Соберитесь... разъясните... все ученье!...".
ЛАДЫЖЕНСКІЙ, В. Н. — На Сенѣ и на Бзурѣ.
Полк. ЛОККЕРЪ - ЛАМПСОНЪ О. — "Благодарное воспоминаніе".
ЛУКАШЪ, И. С. — Феска.
Кап. 1 р. МЕРКУШОВЪ В. - Подводники.
НАБОКОВЪ, С. — Инвалидъ Скобелевъ.
Ген. ОЛЬХОВСКІЙ, П. Д. — "Кухонная стратегія".
Ген. ПОЗДНЫШЕВЪ, С. Д. — Въ борьбѣ съ врагомъ и природой.
РЕННИКОВЪ, А. М. — Философія танцевъ.
РОЩИНЪ, Н. — Николкинъ день.
Кап. ТЕРЕЩЕНКО, С. К. — Планы войны на морѣ въ Германіи до 1914 г.
ЧЕРНЫЙ, А. — Человѣкъ съ завязанными ушами.
ШМЕЛЕВЪ, И. С. — Миронъ и Даша.
Э. В. К. — Полицейская длань и искусство.
ЯБЛОНОВСКІЙ, А. А. — Слава.

„S.O.S."

... не для насъ, а для Россіи!

Безгранично велико было счастье всѣхъ нашихъ военныхъ инвалидовъ, разсѣянныхъ по всему міру, когда на мой первый призывъ откликнулась вся Зарубежная Россія. Памятный — теперь уже историческій, — **призывъ Русскихъ Писателей** къ русскимъ зарубежнымъ людямъ, выраженныхъ ими въ заключительныхъ словахъ — "Пусть наши инвалиды [illegible] насъ связью [illegible] — "ЗА РОССІЮ!" [illegible] **первый же** [illegible] **сталъ днемъ созданія** [illegible] **всѣмъ воинамъ** доблестной Россійской Арміи и Флота, **погибшимъ** за благо **не только Россіи,** но и за **общее дѣло Союзниковъ** и даже **всего** цивилизованнаго **міра.**

Въ настоящемъ году, въ тотъ же самый день Россійскаго Національнаго Праздника, объединяющаго всѣхъ на чужбинѣ, нашего Небеснаго Покровителя Св. Николая Чудотворца 22 (9) Мая во всѣхъ странахъ Зарубежья мы устраиваемъ, увы! уже 5-й "День Русскаго Инвалида". И я снова вынужденъ просить отъ лица всѣхъ возглавляемыхъ мною 6150 братьевъ — по несчастью — русскихъ инвалидовъ, всѣхъ васъ бывшихъ и **будущихъ** Россійскихъ гражданъ, протянуть намъ руку **братской помощи.**

Я горячо вѣрю, что и на нашъ 5-й призывъ дружно, **организованно и единодушно** откликнется наша Зарубежная Россія и замѣнитъ намъ и въ этомъ году отсутствующую **Великую Мать - Россію!** Тяжела моя доля ежегодно напоминать и протягивать руку, но вѣдь Вы сами понимаете, что еще тяжелѣе тѣмъ, **у кого старыя раны и увѣчья** мучительно даютъ себя чувствовать и лишаютъ возможности **заработать** кусокъ хлѣба. Вѣдь къ этому привыкнуть нельзя! А къ тому же трагизмъ положенія увеличивается оттого, что съ теченіемъ времени, отъ **постояннаго** подрыванія здоровья въ непосильномъ трудѣ **число** нашихъ **инвалидовъ не уменьшается, а увеличивается?!...** Пока инвалидъ нашъ можетъ своимъ трудомъ обезпечивать свое существованіе, онъ и не записывается въ нашъ союзъ.

Такъ вспомните же, Россійскіе граждане, хоть **разъ въ годъ,** о вашихъ многострадальныхъ инвалидахъ, "носителяхъ Роосійской чести" и своей лептой сберегите ихъ къ Свѣтлому дню Воскресенія Россіи, когда они смогутъ сослужить еще великую службу въ великомъ и самомъ трудномъ **тогда дѣлѣ — перевоспитанія** систематически развращаемой **сейчасъ** молодежи и **воспитанія** подростающихъ поколѣній въ духѣ беззавѣтной **любви** къ Отечеству нашему, и постоянной **готовности пожертвовать** для него **своей жизнью. Живой примѣръ—раны и увѣчья нашихъ Инвалидовъ** въ борьбѣ за **честь, свободу и счастье Россіи,** будутъ говорить глазамъ, душѣ и сердцу каждаго **ярче, сильнѣе и краснорѣчивѣе** всякихъ словъ и поученій.

Итакъ, мы, Инвалиды, ждемъ всѣхъ на свой **Инвалидный фронтъ.** Придите къ намъ въ день Св. Николая и **помогите.** Помогите разъ въ годъ, въ нашъ день — Русск. Инвалида. Главное, чтобы было бы національное патріотическое **сознаніе** и доброе **желаніе** помочь, а способовъ для этого можно найти сколько угодно. Вотъ, наприм., въ Бразиліи, въ г. Санъ Паоло, наша русская газета и русская колонія дали **прекрасный примѣръ** — отказъ въ "Д. Р. И." отъ **одного** только блюда. И результатъ получился прямо удивительный. Возможны, конечно, и другіе подходы къ тому же вопросу — **какъ и сколько пожертвовать** Инвалидамъ.

Пожертвуйте, родные, хотя бы только по 1 франку... въ мѣсяцъ!?

Вѣдь я горячо вѣрю, что ни одинъ эмигрантъ, — здоровый и трудоспособный, — если бы я могъ лично обратиться къ нему съ просьбой — отъ лица 6150 русскихъ великомучениковъ - инвалидовъ — дайте въ нашу общую Инвалидную кассу всего **одинъ франкъ** въ этомъ мѣсяцѣ, — **не отказалъ бы ни** [illegible] въ какомъ другомъ мѣсяцѣ, а въ общемъ Инвалиды **получили бы съ каждаго 12 фр. за годъ!?** Но этотъ сборъ — по **одному** франку съ каждаго — для меня и отсылка **одного франка для каждаго изъ васъ** представляется и жизненно и технически **непреодолимымъ.**

Но если каждый изъ тѣхъ же эмигрантовъ согласится за 12 дней до или послѣ "Дня Русскаго Инвалида" **ежедневно** откладывать по **одному** франку въ сторонку (въ ящикъ, въ отдѣльный конвертъ или семейную копилку, все равно), то въ самый "День Р. И." онъ будетъ имѣть полную возможность внести въ Обще - Инвалидную кассу (28, Av. de Chevreuse. Clamart (S.). свою посильную лепту.

Такое жизненное рѣшеніе каждымъ эмигрантомъ, — было самымъ **простымъ, легкимъ и многорезультатнымъ.**

Успѣхъ всякаго дѣла во многомъ зависитъ отъ надлежащей **организаціи** и если бы всѣ наши зарубежные россійскіе граждане захотѣли пойти въ 5 Д. Р. И. на помощь инвалидамъ **организованнымъ** порядкомъ и показать всему міру, что русскіе эмигранты, хотя и разсѣяны по всѣмъ странамъ міра, но они **не бѣженская пыль, а живая творческая сила,** которая можетъ объединиться могучей волей къ исполненію своего **національнаго долга** — то результатъ могъ бы получиться прямо удивительный, не только для иностранцевъ, но и для насъ самихъ.

Для этого нужно было бы всѣмъ нашимъ многочисленнымъ, какъ эмигрантскимъ организаціямъ, такъ и всѣмъ предпріятіямъ, не только въ Парижѣ и Франціи, но и во всѣхъ странахъ русскаго разсѣянія, принять на себя починъ проведенія сбора на Инвалидовъ **среди своихъ членовъ** и своихъ кліентовъ и т. д. И задаться сборомъ всего по 1 фр. за каждый прожитый мѣсяцъ, отъ 4-го Дня Рус. Инвалида до 5-го и сборъ этотъ произвести въ періодъ отъ 9-го Мая и до 22-го, или отъ 22-го Мая до 3 іюня.

Мы горячо увѣрены, что такая **патріотическая сплоченность и организованность нашей эмиграціи** можетъ побудить и нашихъ друзей **иностранцевъ,** послѣдовать этому увлекательному и красивому примѣру, какъ по идеѣ, такъ и по ея осуществленію.

Для достиженія такого желаннаго во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго результата необходимо какъ всей нашей эмиграціи, такъ и каждому эмигранту въ отдѣльности только **захотѣть!** А потому —**надо захотѣть!**

Отъ лица всѣхъ 6.150 нашихъ инвалидовъ, отъ лица ихъ женъ и дѣтей, что составитъ почти **9.000** я прошу горячо и единодушно **захотѣть** и помочь намъ **организованно:** 1) великую Шестую Державу" — нашу зарубежную печать, открыть **на своихъ страницахъ** призывъ къ пожертвованіямъ и пріемѣ ихъ у себя, 2) нашу зарубежную **Церковь и всѣ** православные приходы во имя служенія Христу спасителю. 3) Наши **Армію и Флотъ** — въ лицѣ **Русскаго** Обще - Воинскаго Союза во главѣ съ ген. Е. К. Миллеромъ. 4) наше **казачество** — въ лицѣ ихъ Войсковыхъ Атамановъ Дона, Кубани и Терека и ком. Донского Каз. корпуса и всѣ **казачьи станицы и хутора.** 5) Всѣхъ славныхъ **русскихъ** женщинъ, настоящихъ героинь, **такъ** блистательно на глазахъ всего міра показавшихъ всю силу своего непоколебимаго духа, всю изобрѣтательность своего ума, безграничную стойкость въ тяжеломъ трудѣ, **творчество въ работѣ** и, главное, обаятельную, несравненную прелесть и чуткость русской женской души. 6) Союзы **писателей, журналистовъ, художниковъ, поэтовъ, композиторовъ и артистовъ** и пр. и пр. и пр.

Инвалиды просятъ всѣхъ васъ, богато одаренныхъ Божественнымъ талантомъ, прославляющихъ въ нашемъ изгнаніи дорогое и славное имя Россіи, озаряющихъ весь міръ своей лучезарною безсмертною славою — разъ **въ годъ вспоминать о братьяхъ** - воинахъ, **пострадавшихъ въ борьбѣ за** честь, **свободу и славу Россіи на поляхъ** сраженій **и... внести на помощь инвалидамъ** лепту своего таланта, подобно тому, какъ это сдѣлалъ уже въ **Америкѣ С. В. Рахманиновъ** и какъ обѣщала намъ сдѣлать въ Парижѣ или Лондонѣ **А. П. Павлова.** 7). Организаціи нашихъ **шофефровъ.** 8). Всѣ **финансово - торгово - промышленныя организаціи и агентства** и г. г. финансовыхъ агентовъ **б. Россійскаго** Правительства. 9) Нашу **чудную, національно настроенную молодежь, студентовъ, учащихся и дѣтей,** идущихъ намъ на смѣну, вѣдь для васъ Инвалиды **живой примѣръ** беззавѣтной **и** жертвенной **любви** къ нашей многострадальной Великой Родинѣ. 10). Всѣ торговыя и коммерческія **предпріятія,** какъ во Франціи, такъ и во всѣхъ странахъ русскаго разсѣянія. — Книжные магазины, кутюры, рестораны, типографіи, антикварные и ювелирные магазины и проч., и проч. и проч.

Итакъ, во исполненіе своего Долга, какъ передъ Россіей, такъ и передъ своими шестью тысячами братьевъ инвалидовъ, прошу всѣхъ Россійскихъ Гражданъ, временно за рубежомъ находящихся, прислушаться къ голосу нашихъ писателей — "въ день Св. Николая — пусть всѣ помнятъ: — **На помощь Инвалидамъ, — носителямъ Россійской чести!...**

Н. Н. Баратовъ

КОММАНДАНТЪ ОЛИВЕРЪ ЛОККЕРЪ ЛАМПСОНЪ

НОВЫЙ ДРУГЪ "РУССКАГО ИНВАЛИДА".

Коммандантъ . Локкеръ Лампсонъ, членъ Англійскаго Парламента, во время Великой Войны былъ участникомъ боевыхъ операцій на нашемъ Кавказско - Турецкомъ фронтѣ, а затѣмъ на Румынскомъ.

На Кавказско - Турецкій фронтъ Ком. Локкеръ - Лампсонъ прибылъ со своимъ [illegible] броневымъ Дивизіономъ изъ г. Архангельска въ 1916 г. до Владикавказа — по желѣзной дорогѣ, затѣмъ по Военно - Грузинской дорогѣ на Тифлисъ и далѣе уже на фронтъ черезъ Карсъ и Сарыкамышъ.

Г. Владикавказъ, во главѣ съ Городскимъ Управленіемъ и Начальникомъ Терской Области Ген. Флейшеромъ, устроилъ Локкеръ-Лампсону съ его Дивизіономъ исключительно радушную и торжественную встрѣчу.

Боевое участіе Англійскаго Дивизіона въ операціяхъ нашей Арміи сроднило Ком. Локкеръ - Лампсона съ нашей Арміей и оставило на всю жизнь въ его замѣчательно добромъ сердцѣ неизгладимую память и самую глубокую и искреннюю любовь къ Россіи.

Благодаря этому мы часто читаемъ въ га[illegible] о его выступленіяхъ самаго рѣшительнаго характера, какъ въ Англійскомъ Парламентѣ, такъ и на громадныхъ митингахъ, имъ самимъ организуемыхъ въ Лондонѣ и въ наиболѣе крупныхъ провинціальныхъ центрахъ.

Воспоминаніе о Владикавказѣ — икона Спасителя съ неугасимой лампадой — Локкеръ - Лампсонъ хранитъ какъ драгоцѣнную [illegible] у себя въ рабочемъ кабинетѣ. И [illegible] трогательно видѣть въ домѣ Англи[illegible], члена Англійскаго Парламента и об[illegible] Спасителя и неугасимый свѣтъ горящей передъ нимъ лампады. Такое - же впечатлѣніе испытываютъ всѣ наши русскіе, бывающіе въ Лондонѣ, какъ мѣстной колоніи, такъ и наѣзжающіе временно пѣвцы, музыканты и джигиты, при радушно - тепломъ пріемѣ съ чисто русскимъ хлѣбосольствомъ, который всѣ встрѣчали у нашего друга Комм. Локкера - Лампсона и его сла[illegible] покойной жены.

Узнавъ отъ меня о желаніи нашего Заруб. Союза Инвалидовъ возродить здѣсь нашъ историческій "Русскій Инвалидъ", служившій болѣе [illegible] лѣтъ вѣрнымъ спутникомъ и другомъ нашей Россійской Арміи, ежемѣсячнымъ изданіемъ первоначально на средства специально [illegible] этого жертвуемыя. Онъ внесъ свою [illegible] на изданіе двухъ номеровъ «Р. И." и подѣлился съ читателями "Рус. Инв." своими воспоминаніями о походѣ съ англійскимъ авто - Дивизіономъ изъ Архангельска на Кавказско - Турецкій фронтъ.

Редакція "Русскаго Инвалида", высоко цѣня такое яркое и активное проявленіе любви къ Россіи и вѣрности своимъ боевымъ соратникамъ Комманданта **О. Локкеръ - Лампсона,** съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія и благодарности помѣщаетъ его фотографію и присланные имъ его "Благодарныя Воспоминанія". **Н. Н. Баратовъ.**

БЛАГОДАРНОЕ ВОСПОМИНАНІЕ О ПОХОДѢ АНГЛИЧАНЪ НА КАВКАЗСКІЙ ФРОНТЪ.

Для меня Лондонъ, Парижъ и Нью-Іоркъ — три различныхъ типа городовъ, каждый со своимъ особымъ, индивидуальнымъ запахомъ. Лондонскій пропитанъ копотью, Парижскій — составленъ изъ свѣжаго тѣста и заплѣсневѣлыхъ овощей, а Нью - Іоркъ это "газолинъ" съ мятой и больше ничего.

Привычному путешественнику нужно только понюхать воздухъ, чтобы знать въ какомъ городѣ онъ очутился.

Но есть одинъ городъ, это "Жемчужина" среди городовъ, который трудно было бы узнать по запаху.

Въ этомъ городѣ путешественникъ почувствовалъ бы особый ароматъ Востока, а дующій по временамъ свѣжій, прохладный вѣтерокъ, предупредилъ бы его о близости снѣговъ и о томъ, что жгучіе пески далеки.

Если бы онъ могъ понять эту смѣсь тропической растительности, запаха лошадей, скота, жареной баранины, старыхъ ковровъ, пота человѣческой толпы и мягкой кожи высокихъ сапогъ и одновременно очень привлекательный ароматъ — безъ сомнѣнія онъ понялъ бы, что достигъ Владикавказа.

Почему я назвалъ Владикавказъ "жемчужиной городовъ", когда въ дѣйствительности это совсѣмъ не городъ, я объясню позднѣе, а пока что сравненіе гражданъ вышеупомянутыхъ городовъ было бы не лишнимъ.

Житель Лондона — по крайней мѣрѣ такъ говорятъ иноземные гости — веселъ, гостепріименъ, но находится въ полуснѣ. Парижанинъ — высокомѣренъ, оказываетъ путешественникамъ гостепріимство лишь ради тѣхъ денегъ, которыя онъ у него оставитъ, но въ общемъ весьма мало считается съ нимъ. Обитатель Нью - Іорка такъ занятъ своими дѣлами, что онъ просто не сознаетъ существованіе кого - либо другого въ "Старомъ Готамѣ".

Гражданинъ Владикавказа — всѣмъ извѣстно, что этотъ городъ расположенъ у подножья Кавказскихъ горъ — не похожъ ни на одного изъ нихъ; хотя, можетъ быть, у него есть и нѣсколько чертъ общихъ съ жителемъ Лондона.

Этотъ фактъ не покажется страннымъ, если вспомнить, что Владикавказецъ —европеецъ и азіатъ, христіанинъ и магометанинъ, гордъ, но любезенъ, выдержанъ, но гостепріименъ, и скорѣе представляетъ сочетаніе несмѣшивающихся племенъ, чѣмъ космополита. Это описаніе Владикавказа и его жителей относится только къ дореволюціонному времени, когда миръ, свобода и порядокъ царствовали въ Россіи.

Болѣе точно, мы имѣемъ ввиду лѣто 1916 г., когда время было тяжелое, надежда на побѣду не угасала, мужество не ослабѣвало, и рѣшимость побѣдить была тверда, какъ утесы стараго Казбека, который высится надъ городомъ, вѣчный, нѣмой зритель человѣческаго величія и низости, доброд. и грѣховности.

Можетъ быть, въ эту минуту сѣдой красавецъ-великанъ, нахлобучивъ свою снѣжную шапку, посмѣивается надъ властителями страны, простирающейся у его ногъ, и надъ ихъ безумными усиліями возродить человѣчество пролетарскими методами уничтоженія всѣхъ, кто съ ними не согласенъ; и вѣрно старый Казбекъ не разъ уже видѣлъ ту же картину, повторяющуюся изъ вѣка въ вѣкъ, и все съ тѣмъ же результатомъ и съ той же неудачей.

Когда нашъ автоброневой дивизіонъ, проведя всю зиму на дальнихъ, обледенѣлыхъ берегахъ Бѣлаго моря, впервые увидалъ "городъ на Терекѣ", мы были въ восхищеніи.

Познакомившись уже съ Архангельскомъ и Вологдой, мы не были ими удивлены. По пути на Югъ, мы посѣтили Москву — дивное сердце Россіи, соединеніе древности и современности, одухотворенности и матеріализма глубоко взволновавшія насъ. Ростовъ - на-Дону интересенъ мѣстами, но въ общемъ оставляетъ мало впечатлѣнія. Но "Жемчужина" городовъ чудесно отвѣтила на нашъ привѣтъ, полный любви къ Россіи.

Какъ только мы выгрузились, Владикавказъ сразу плѣнилъ насъ и глубоко вошелъ въ наши сердца.

Сквозь открытыя окна вагоновъ, съ легкимъ вѣтеркомъ и голубовато - розовымъ туманомъ проникъ къ намъ этотъ упоительный ароматъ, который я уже пытался описать.

Мы почувствовали, что мы дѣйствительно пріѣхали какъ домой.

Восхитительные широкіе и длинные бульвары, — обсаженные деревьями, — можетъ быть съ нашей западной точки зрѣнія плохо содержимые, — постоянно представляли собой не забываемую панораму удачнаго сочетанія Запада и Востока.

Рядомъ съ дачами, церквами, храмами и сараями воздвигались современныя постройки. Электрическій трамвай и старыя дрожки пытались избѣжать столкновенія съ высокими арбами, которыя напоминали намъ картинки библейскаго быта; Русскіе офицеры разъѣзжали среди казаковъ, черкесовъ, грузинъ... всѣ на чудныхъ скакунахъ; красивыя женщины, одѣтыя по послѣдней парижской модѣ, дружелюбно проталкивались сквозь толпу магометанокъ подъ чадрой и женщинъ въ скромной одеждѣ старой Арменіи. Мы видѣли людей въ высокихъ сапогахъ, ботинкахъ, чевякахъ, сандаліяхъ, въ рваныхъ обмоткахъ и босикомъ — разнообразная по внѣшнему виду, но все - же однородная по духу толпа!

[illegible] пыль, которая кружилась и навивалась вокругъ насъ, какъ смерчъ, но черезъ нѣсколько минутъ мы уже вдыхали освѣжительный дивно прохладный воздухъ городского сада на берегу буйнаго Терека, гдѣ пальмы, фруктовые деревья и цвѣты блаженствуютъ подъ яркими лучами южнаго солнца. Дѣйствительно, намъ казалось, что передъ нами чудная жемчужина въ дивной оправѣ, и теперь вы поймете, почему я употребилъ выраженье "городъ - жемчужина" — это единственное подходящее выраженіе, которое я могъ придумать.

Вокругъ насъ были люди всѣхъ племенъ, нарѣчій, состояній: военные въ яркихъ формахъ, чиновники съ портфелями, купцы, разносчики, крестьяне, погонщики, пастухи, туземцы, спустившіеся изъ ауловъ сосѣднихъ горъ. Медленно шагали длинноволосые съ бородами священники, татары съ бритыми черными волосами, шумливые, хлопотливые. Все же у всѣхъ находилась минута, чтобы съ интересомъ посмотрѣть на новую, странную воинскую часть изъ далекой Англіи и состоящую изъ добровольцевъ всѣхъ возрастовъ, мужчинъ и юношей, (почти мальчиковъ), пришедшихъ для помощи своей великой Союзницѣ къ достиженію побѣды, наградой за которую долженъ былъ быть долгій и прочный миръ.

Когда насъ хорошенько разсмотрѣли, громкіе, радостные крики привѣтствовали насъ и густая толпа лишала насъ всякой возможности идти какъ подобаетъ воинской части.. Волна энтузіазма подхватила насъ и сопровождала всю дорогу отъ станціи до нашего временнаго дома — Кадетскаго Корпуса. Насъ забрасывали цвѣтами и старались выразить свой восторгъ похлопываніемъ солдатъ нашихъ, по ранцамъ.

Съ этой минуты нашъ городъ - жемчужина насъ чествуетъ... У воротъ Корпуса, мы были встрѣчены со всѣми воинскими почестями. Тутъ насъ тепло, чисто по - русски привѣтствовали Генералъ Троцкій - Сенютовичъ, въ то время бывшій Коммендантомъ, теперь же дорогой, незабвенный старый воинъ лежитъ въ сырой землѣ, жертвой "обновителей міра".

Съ этого дня, Англо - саксонецъ, Славянинъ и Кавказецъ раскрыли другъ другу свои объятія. Всѣ старались на перерывъ дѣлать все возможное, чтобы дать намъ почувствовать, что мы тоже члены этой большой сердечной семьи. Двери театровъ безплатно открывались для каждаго англичанина въ защитной формѣ, владѣльцы ресторановъ угощали насъ замороженнымъ виномъ, трамвайные вагоновожатые, по распоряженію Городской Управы отказывались брать съ насъ денегъ. Время проходило быстро, почти ежедневно насъ приглашали на оффиціальные обѣды, чудесные праздники, прелестные вечеринки, организован-

ные комитетами милыхъ кавказскихъ дамъ, которые теперь.... Богъ знаетъ гдѣ. Часть изъ нихъ погибли со своими отцами и мужьями, братьями и сыновьями, и тѣ, которымъ удалось избѣжать смерти, пытаются зарабатывать тяжкимъ личнымъ трудомъ пропитаніе во всѣхъ странахъ свѣта.

Наконецъ, настал великій день, когда мы стали собирать и чистить всю нашу аммуницію, пока не заблестѣли, какъ моржи только что вышедшіе изъ воды. Это былъ тотъ день, когда намъ назначилъ смотръ и принялъ насъ Великій Князь Николай Николаевичъ. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ, царственный и вдохновляющій, за внѣшностью котораго часто внушающей страхъ, таилось рѣдко доброе сердце.

Съ перваго же взгляда мы увидѣли въ немъ прирожденнаго Правителя и Вождя, и не пади онъ жертвой преступной интриги изъ - за своей прямоты и честности, онъ вывелъ бы Россію изъ войны побѣдительницей и она заняла бы подобающее ей мѣсто въ ряду торжествующихъ союзниковъ.

Онъ подарилъ намъ на память медвѣженка и Мишка этотъ дѣлилъ съ нами всѣ горести и радости походной жизни.

Великаго Князя уже у насъ нѣтъ, онъ потерянъ для Россіи, которая старается воспрянуть, и, дѣйствительно, воспрянетъ, израненная но полная вѣры въ себя. Ушелъ отъ насъ и послѣдній помощникъ его, которому онъ поручилъ великое дѣло! Генералъ Кутеповъ похищенъ среди бѣлаго дня совѣтскими агентами въ Парижѣ, и теперь преданъ тяжкимъ мукамъ въ Московской тюрьмѣ. Но я опять забѣгаю далеко впередъ, надо вернуться во Владикавказъ, къ смотру нашего дивизіона.

Великій Князь въ краткой, энергичной рѣчи поблагодарилъ насъ за дисциплину и выправку, мы громко и восторженно привѣтствовали его; сейчасъ же послѣ смотра, мы приступили къ разработкѣ маршрута нашего похода по Военно-Грузинской дорогѣ, этому чуду Русскаго инженернаго искусства, этой побѣды надъ природой въ ея самомъ суровомъ обликѣ.

Вообразите себѣ узкую бѣлую ленту, которая начинается у Владикавказа, поднимаясь на ближніе холмы, все выше, черезъ горы, надъ облаками, вокругъ ущелій, тянется отъ красивыхъ равнинъ, къ вершинамъ покрытымъ вѣчнымъ снѣгомъ, все время внизу Казбека и Эльбруса, затѣмъ, такимъ же образомъ спускается къ Тифлису въ долины прекрасной Грузіи надъ нами, а не у нашихъ ногъ.

Такова эта Великая Дорога. Первый этапъ нашего долгаго пути—Тифлисъ, затѣмъ Карсъ, Сарыкамышъ, Мушъ, Битлисъ, Эрзинджстанъ, Эрзерумъ, Тейлерабадъ, Тавризъ, Урмія, и дальше по холмамъ и горамъ, черезъ грозныя ущелья, черезъ рѣки и высохшіе потоки, по бездорожнымъ мѣстамъ все время двигались впередъ, борясь и преодолѣвая убійственныя трудности, то подъ раскаленными лучами солнца, то терпя ледяную стужу.

Когда наши броневики, автомобили съ безпроволочнымъ телеграфомъ, повозки, цистерны, лазареты, мастерскія, кухни и мотоциклетки выстроились для похода на разсвѣтѣ, жители Владикавказа собрались, чтобы насъ проводить, пожелать намъ счастливаго пути, напутствовать насъ хлѣбомъ - солью и сказать намъ "возвращайтесь скорѣй" и "до свиданія!".

Среди большой толпы стоялъ нашъ милый генералъ Троцкій, онъ пытался казаться строгимъ, но это ему не удавалось, и ему приходилось часто и громко сморкаться, чтобы скрыть свое волненіе... Можетъ быть, онъ предчувствовалъ, что никогда больше мы не увидимся. Кто знаетъ? За нимъ стояла его жена; она была для всѣхъ насъ какъ родная мать; еще дальше — всѣ наши дорогіе друзья, со слезами на глазахъ, стараясь ободрить и напутствовать насъ улыбками — вѣдь наши сердца — ваши, казалось, говорили они.

Все это было такъ удивительно, чудесно, что я далъ бы многое, чтобы повернуть обратно колесо Времени, и пережить вновь эти дивные дни.

Я долженъ еще сказать, что благодаря этимъ очаровательнымъ Владикавказцамъ мы узнали истиннаго Русскаго человѣка. Онъ прекрасный, высоко - честный джентльменъ, олицетвореніе щедрости, самый вѣрный, добрый, простой другъ, онъ вѣчно будетъ жить въ нашей памяти. Мы почувствовали, что истинная Россія это страна, которая была велика, и которой, суждено быть еще болѣе великой!

Однимъ словомъ, именно потому, что мы любимъ и помнимъ Владикавказъ, ни одинъ солдатъ моего дивизіона никогда не будетъ имѣть ничего общаго съ той шайкой негодяевъ, садистовъ и умалишенныхъ, которые теперь оскверняютъ мѣсто великихъ, умершихъ въ тронныхъ залахъ Россіи, и обращаютъ прекрасную страну въ бойню и чудовищный сумасшедшій домъ.

Мы полюбили Россію.

8 —

О. Локкеръ - Лампсонъ.

ВЫПУСКЪ *)

Давно это было — вотъ ужъ сорокъ почти лѣтъ, а помнится такъ живо, будто происходило вчера...

Съемки въ "Кіевскомъ юнкерскомъ училищѣ, съ военно - училищными курсами" — такое неуклюжее названіе носила наша школа — кончены. У инспектора класовъ составленъ уже списокъ выпускныхъ юнкеровъ по старшинству балловъ, и передъ выходомъ въ лагерь произойдетъ важный въ юнкерской жизни актъ — разборъ вакансій.

Большое волненіе, нѣкоторая растерянность. Вѣдь, помимо объективныхъ условій и личныхъ вкусовъ, есть нѣчто провиденціальное въ этомъ выборѣ тропинки на жизненномъ распутьи, на переломѣ судьбы. Этотъ выборъ предопредѣляетъ во многомъ укладъ личной жизни, служебные успѣхи и неудачи, — и жизнь, и смерть...

Какъ общее правило, на юнкерской "биржѣ" вакансіи котировались въ такой послѣдовательности: гвардія, полевая артиллерія, крѣпостная артиллерія и саперы, наконецъ, — армейская пѣхота въ зависимости отъ боевой и мирной репутаціи полковъ и ихъ стоянокъ. Бывало, однако, что юнкера, высоко стоявшіе въ спискѣ и имѣвшіе широкій выборъ, выходили въ захолустья изъ привязанности къ роднымъ мѣстамъ или роднымъ полкамъ; особенно замѣчалось это у кавказцевъ и туркестанцевъ.

Земля Россійская необъятна, а "Краткое расписаніе сухопутныхъ войскъ" не вразумительно... Бѣгаютъ другъ къ другу, ищутъ свѣдущихъ людей, обращаются за разъясненіемъ къ своимъ офицерамъ, посылаютъ телеграммы роднымъ — за совѣтомъ... Всѣ мысли занимаетъ одинъ вопросъ — куда выйти?

— Что такое "Рѣшинскій штабъ"?

"Урочище Термезъ"... Почему — "урочище"?

— Чортъ ихъ знаетъ. Одно могу вамъ сказать, что, если написано "штабъ" или "урочище" — плюньте, трущоба.

— Это безсовѣстно, Володя. Разъ ты прикомандировываешься къ саперному батальону, зачѣмъ берешь Екатеринославъ? Взялъ бы дыру какую нибудь...

— А если черезъ годъ на саперномъ экзаменѣ провалюсь?

— Предусмотрительно!...

— Скажите, "Рускій островъ" — это все равно, что Владивостокъ?

— Что вы, батенька, полъ года нѣтъ сообщенія съ сушей!... Туда только кандидатамъ въ самоубійцы можно выходить.

— Просто, вы представленія не имѣете объ артиллеріи — резонерствуетъ среди группы, сбившейся тѣсно подъ деревомъ, въ училищномъ садикѣ, солидный юнкеръ — типа всезнающихъ. — Варшавская крѣпость и Варшава — это двѣ вещи разныя. Въ Варшаву надо отпускной билетъ брать изъ крѣпости — я знаю, мой дядька тамъ служилъ... И, кромѣ того, вылазочная батарея совсѣмъ не то, что полевая: ее запрягаютъ только, когда крѣпость на осадномъ положеніи. Будете ходить пѣшедраломъ, а шпоры — это больше для утѣшенія.

Но, видимо, слушатели не вѣрятъ ни одному слову говорящаго: самъ онъ стоитъ низко, не заинтересованъ; старается, вѣроятно, въ пользу пріятеля, облюбовавшаго вылазочную батарею.

Черезъ шестнадцать лѣтъ мнѣ довелось, руководя съемкой въ Казанскомъ юнкерскомъ училищѣ, вмѣстѣ съ выпускными юнкерами пережить опять эти памятные дни юнкерской жизни. До чего живучъ бытъ! Тѣ же типы, настроенія, разговоры даже... Словно и не было этихъ лѣтъ, посеребрившихъ мою голову, не было разстоянія въ двѣ тысячи верстъ, и я — не въ барачномъ лагерѣ у Казанки рѣки, а въ старомъ крѣпостномъ зданіи на Печерскѣ, у тихаго Днѣпра...

Любители составляли заранѣе "черновой списокъ" путемъ опроса всѣхъ выпускныхъ. Но онъ не окончателенъ: нѣкоторые юнкера — въ нерѣшительности, другіе ставятъ рѣшеніе вопроса въ зависимость отъ ожидаемой телеграммы. И потому нервное напряженіе растетъ.

⁂

Наконецъ приходитъ день разборки вакансій.

Къ столу, за которымъ сидятъ начальникъ училища и инспекторъ классовъ, подходятъ вызываемые по старшинству списка: серьезные, веселые или сумрачные; нѣкоторые съ волненіемъ называютъ избранную часть и дрожащей рукой заносятъ названіе ея въ вѣдомость.

Нашъ фельдфебель взялъ единственную вакансію въ гвардію. Въ позднѣйшихъ выпускахъ ихъ было больше. Но гвардейскія вакансіи не общедоступны... По оплошности училищнаго начальства, не остерегшаго юнкеровъ о существованіи въ гвардіи особыхъ порядковъ пріема, съ нѣкоторыми изъ нихъ случились впослѣдствіи прискорбныя недоразумѣнія...

Разборъ вакансій продолжается. Кто-то изъ высоко стоящихъ заявляетъ:

— Разрѣшите, господинъ полковникъ, взять вакансію послѣ юнкера Н.

Это — друзья неразлучные. Первый жертвуетъ своимъ старшинствомъ и снижается человѣкъ на двадцать, чтобы, совмѣстно съ другомъ, выбрать вакансію въ одинъ полкъ или, по крайней мѣрѣ, въ одинъ городъ. И какая обида, если жертва окажется напрасной — подходящія вакансіи разберутъ раньше!..

Постепенно вакансіи въ спеціальные роды оружія, въ популярные полки и хорошія стоянки разобраны. Остались лишь "урочища", "штабы" и вообще отчаянныя трущобы. Юнкера нижней части списка — "камчатка" — веселы и безпечны: имъ безпокоиться нечего — все равно никакого выбора нѣтъ. Одинъ юнкеръ называетъ полкъ съ какой то неудобопроизносимой и неизвѣстной стоянкой. Инспекторъ классовъ, съ присущимъ ему ехидствомъ, поинтересовался:

— Скажите, юнкеръ, почему вы избрали именно эту часть?

— По околышу, господинъ капитанъ. Синій — пойдетъ къ лицу.

Юнкеръ имѣетъ "зубъ" противъ инспектора классовъ, считая его виновникомъ своей неудачи...

Въ Казанскомъ училищѣ я былъ свидѣтелемъ характернаго эпизода. Юнкеръ съ высшимъ въ училищѣ балломъ, не имѣвшій нашивокъ и поставленный поэтому послѣ всѣхъ должностныхъ, вышелъ къ столу мрачный и блѣдный и отчетливо, рѣзко заявилъ:

— Въ Н-ю Восточно - сибирскую обозную полуроту.

Въ баракѣ — движеніе. Всѣ — и начальство, и юнкера — смущены. Я изумленъ, что присылаютъ такія нелѣпыя вакансіи молодымъ офицерамъ, къ тому же въ отчаянную сибирскую глушь, и ничего не понимаю въ происходящемъ. Начальникъ училища сталъ отговаривать юнкера:

— Послушайте, зачѣмъ вы это дѣлаете? Передъ вами столько прекрасныхъ полковъ и отличныхъ стоянокъ...

Вторичное твердое заявленіе:

— Я желаю выйти въ Н - ю Восточно-сибирскую обозную полуроту.

Мнѣ разсказывали потомъ исторію юнкера. Отличный по наукамъ и по строю, онъ былъ назначенъ фельдфебелемъ. Но вскорѣ его разжаловали за какой то безпорядокъ въ ротѣ, въ которомъ юнкерская молва считала его совершенно невиновнымъ. Онъ тяжело пережилъ свою неудачу и сохранилъ въ сердцѣ глубокую обиду. И вотъ теперь онъ такъ своеобразно "мстилъ" своему начальству: думали, молъ, лишить его преимуществъ, обидѣть, такъ вотъ онъ съ презрѣніемъ относится къ предоставляемымъ "ими" преимуществамъ; беретъ такую вакансію, которую не взялъ бы послѣдній юнкеръ.

Впослѣдствіи кто - то съумѣлъ подойти къ больной душѣ юноши и уломать его. Откликнулось и Главное управленіе воен. - учебн. заведеній, предоставивъ ему болѣе подходящее назначеніе.

И такъ, списокъ для Высочайшаго приказа заполненъ. Жребій брошенъ.

⁂

Судьба разбросала насъ по свѣту. Много - ли осталось въ живыхъ отъ выпуска 1892 года въ дни, когда пишутся эти строки? А тѣ, что уцѣлѣли, какими путями пошли, какихъ становъ воинами стали?

Невольно приходятъ на память два имени...

Военно - училищный курсъ окончилъ тогда, вмѣстѣ со мною, выйдя подпоручикомъ въ артиллерію Павелъ Сытинъ... Впослѣдствіи онъ прошелъ курсъ Академіи генеральнаго штаба и былъ возвращенъ въ строй. Въ концѣ великой войны въ чинѣ генерала командовалъ артиллерійской бригадой. Съ началомъ революціи неудержимой демагогіей и "революціонностью" ловилъ свою фортуну въ кровавомъ безвременьи. И преуспѣлъ: поступивъ однимъ изъ первыхъ на службу къ большевикамъ, занялъ вскорѣ, но не надолго, постъ главнокомандующаго Южнымъ краснымъ фронтомъ.

Это онъ велъ красныя полчища зимою 18 го года противъ изнемогавшаго въ борьбѣ Дона...

Юнкерскій курсъ окончилъ, выйдя подпрапорщикомъ въ пѣхоту, С. Л. Станкевичъ... Свой первый офицерскій Георгій онъ получилъ въ китайскую кампанію, командуя ротой сибирскихъ стрѣлковъ, за громкое дѣло — взятіе имъ форта Таку. Въ великой войнѣ онъ былъ командиромъ полка, потомъ бригады въ 4-й стрѣлковой "Желѣзной" дивизіи, участвуя доблестно во всѣхъ ея славныхъ бояхъ; въ концѣ 16-го года принялъ отъ меня "Желѣзную" дивизію. Послѣ крушенія арміи, имѣя возможность занять высокій постъ въ нарождавшейся польской арміи, какъ полякъ по происхожденію, онъ не пожелалъ оставить своей второй родины: дрался искусно и мужествено противъ большевиковъ, сначала командуя отвѣтственнымъ отрядомъ на поляхъ ставропольскихъ, потомъ — во главѣ 1-й Добровольческой дивизіи въ Донецкомъ бассейнѣ, противъ войскъ... Павла Сытина. Тамъ же и умеръ.

Два пути, двѣ совѣсти.

7

А. Деникинъ.

---

*) Глава изъ II тома "Старой арміи".

„ДОЛГЪ ПЕРЕДЪ ИНВАЛИДАМИ"

Они за Родину сражались на войнѣ,
Здоровье, силы Родинѣ отдали,
И вотъ, теперь несутъ свои печали.
Забытые, безъ силъ, въ чужой странѣ!
Въ душѣ у нихъ сознаніе живетъ
Передъ родной страной, исполненнаго долга,
Но жизнь тяжелая, въ трудѣ, для нихъ идетъ,
Мучительно, томительно и долго...
Войной истерзаны, силъ ею лишены,
Не могутъ такъ они работать, какъ другіе,
И многіе изъ нихъ, калѣки и больные,
Подъ наблюденьемъ быть должны!..
Россія милая больна и далека,
Надъ ней кровавый вихрь крушитъ все и ломаетъ,
Чье сердце, чья любимая рука,
Поддержитъ ихъ и приласкаетъ?!.
Не слышенъ скрытый стонъ ихъ, въ гулѣ городскомъ,
Здѣсь каждый для себя!.. Все о войнѣ забыто,
Но сердце русское — вѣдь ты всегда открыто
Тому, что говоритъ намъ о родномъ,
Тому, кто отдавалъ и силы и страданья
Служенью Родинѣ, и кровью связанъ съ ней,
Здѣсь, на чужбинѣ, въ эти дни изганья,
Оно поддержитъ Родины дѣтей!
Пусть каждый скажетъ: брата я не выдамъ,
Помочь ему — за долгъ святой сочту".

⁂

Изгнанники Руси! Дадимте инвалидамъ,
Отъ всей души посильную лепту!

Кн. **Федоръ Касаткинъ-Ростовскій**

ТРЕБУЙТЕ

„Русскій Инвалидъ"

во всѣхъ газетныхъ кіоскахъ Франціи, въ которыхъ продаются
русскія періодическія изданія.

„СОБЕРИТЕСЬ... РАЗЪЯСНИТЕ... ВСЕ УЧЕНЬЕ..!"

Когда маневръ подходилъ къ концу и части шли въ рукопашный бой, гдѣ исходъ разыгрываемаго сраженія рѣшался уже доблестью войскъ, на маневрѣ предполагаемой одинаковой, отъ старшаго посредника подавали сигналъ : — "отбой". Двумя басовыми нотами пѣхотныхъ горновъ и пѣвучимъ призывомъ кавалерійскихъ трубъ разносился онъ по полю маневра, отъ части къ части, отъ полка къ полку, отъ роты къ ротѣ, отъ эскадрона къ эскадрону и "потѣшный" бой замиралъ. Смолкала артиллерія, прекращала пачечный огонь пѣхота, обрывалось тутъ — тамъ раздавшееся ура, пошедшіе въ атаку эскадроны останавливались, и люди слѣзали съ лошадей тамъ, гдѣ ихъ застигъ "отбой". Въ наступившую тишину отъ старшаго посредника рѣзкимъ и властнымъ приказомъ несся сигналъ "сборъ начальниковъ": —

"Собе - ритесь... разъя - сните... все ученье !"

Въ разборѣ маневра были его смыслъ и поучительность. Чѣмъ болѣе авторитетное и знающее лицо было старшимъ посредникомъ и разбирало маневръ, тѣмъ больше пользы выносили изъ маневра его участники. Разборъ большихъ маневровъ, когда трудно собрать всѣхъ старшихъ начальниковъ тутъ-же на полѣ, когда всѣ устали и является неизбѣжная торопливость, спутница всякаго оконченнаго дѣла, производился послѣ, въ спокойной обстановкѣ штабного помѣщенія, печатался объемистыми тетрадями и разсылался старшимъ начальникамъ.

Если любопытенъ и поучителенъ разборъ маневра, гдѣ нѣтъ самаго главнаго элемента войны : — опасности и смерти, гдѣ доблесть войскъ не играетъ никакой роли, то какъ-же интересенъ разборъ сраженій Великой войны ? Прочесть описаніе своихъ дѣйствій и дѣйствій противника и выслушать мнѣніе безпристрастнаго историка-посредника, уже не теоретическое, выведенное изъ предпосылокъ и уроковъ тактики и стратегіи, но явленное результатомъ кроваваго столкновенія : — побѣдой съ ея трофеями, или пораженіемъ ?

Такой разборъ минувшей войны даетъ генералъ Головинъ въ своихъ весьма примѣчательныхъ книгахъ : — "Изъ исторіи кампаніи 1914 года на Русскомъ фронтѣ".

Это не только, или вѣрнѣе, не столько — исторія войны, сколько исторія ея, сопровождаемая критическимъ разборомъ, подобнымъ разбору оконченнаго маневра, потому и назвалъ свои большія и цѣнныя книги генералъ Головинъ не "исторіей войны", но "Изъ исторіи", т. е... какъ бы опытъ, взятый изъ исторіи, разборъ ошибокъ и успѣховъ, обѣихъ сторонъ въ Великую войну.

Сейчасъ вышла вторая книга этого основательнаго, громаднаго труда : — "Галиційская битва. Первый періодъ. До 1-го сентября новаго стиля"... Восемнадцати днямъ войны посвященъ томъ въ 555 страницъ большого формата, убористой печати ! День за днемъ, часъ за часомъ разбираетъ генералъ Головинъ Галиційскую битву, которая должна была рѣшить всю кампанію, которая могла ее рѣшить... и не рѣшила !

Теперь, когда войну ведутъ не одни военные, но народъ въ его цѣломъ, когда подготовка войны и исходъ ея зависятъ отъ всѣхъ министерствъ и вѣдомствъ, а на войну поднимаются всѣ люди, до самыхъ мирныхъ — книга генерала Головина интересна не только военнымъ, но всѣмъ, кому дороги судьбы отечества, своего-ли, истерзаннаго и поруганнаго большевиками, или того, что временно стало своимъ и дорогимъ, какъ дорогъ гостю его радушный хозяинъ.

Книга генерала Головина — помимо живости и мѣстами драматической страстности изложенія — интересна еще и потому, что въ ней мы увидимъ, какъ отразились и къ чему привели мирныя настроенія общества господствовавшія передъ войной, на побѣдахъ и пораженіяхъ, на успѣхѣ и неуспѣхѣ. Войну ведетъ народъ. Душа этого народа, его воспитаніе отражается во всей войнѣ, и военнымъ профессіоналамъ трудно, иногда невозможно бороться съ тѣмъ, что годами наслоилось и отложилось мощными пластами и залежами предвзятыхъ идей въ народной душѣ.

Этотъ безпристрастный разборъ "Галиційской битвы" заставляетъ вспомнить: — "арміи, разбитыя на поляхъ сраженій, разбиты задолго до самаго сраженія". По существу въ Великой войнѣ — не оказалось настоящихъ побѣдителей. Ни Парижъ, ни Москва (?), ни Вѣна, ни Берлинъ не были заняты побѣдоносными войсками побѣдителя. Арміи разложились, война замолкла, замерла, врагъ униженно запросилъ "пардона",... Побѣдитель оказался безъ побѣды...

Кровавые уроки войны не пошли на пользу, ибо не только продолжается то, что было передъ войной и что привело войну къ такому печальному результату, но настроенія народныхъ массъ стали еще хуже.

Предвзятыя идеи, искусно и искусственно внушенное представленіе о войнѣ въ мирное время, роковымъ образомъ отражалось, отражается и отразится и на войнѣ.

Планъ войны... Если прежде, когда арміи были маленькія, когда война могла питать войну, еще какъ то можно было вынуть листъ бѣлой бумаги и сказать: — "вотъ мой планъ войны !",. Да и то... Не анекдотъ-ли это, не шутка-ли дурного тона, которую, однако, такъ любятъ вспоминать лѣтяги ? Теперь, когда арміи стали милліонными, когда этимъ милліоннымъ арміямъ сопутствуетъ безумная техника, расходъ снарядовъ и патроновъ исчисляется милліардами, когда для сосредоточенія войскъ нужно заранѣе построить желѣзныя дороги, подготовить пункты посадки и разгрузки, когда за войсками тянется артиллерійское довольствіе и продовольствіе, — какъ же можно быть безъ плана ? И можно-ли, создавъ планъ и начавъ его готовить, незадолго до войны его перемѣнить ? Можно-ли перемѣнить его уже при начавшейся войнѣ ? Всякая перемѣна отражается: — на желѣзныхъ дорогахъ, на пунктахъ обороны, на мирной дислокаціи войскъ, словомъ — на всемъ — и прежде всего на духѣ войскъ ! А, если противникъ узналъ планъ войны ? Богъ съ нимъ — лучше играть въ открытую, чѣмъ играть со спутанными картами. Тѣмъ болѣе, что стратегія насъ учитъ : —рѣшить задачу наиболѣе выгодно для себя, поставить себѣ цѣль и, стремясь къ ней, навязать свою волю противнику, но не думать о томъ, что бы я сдѣлалъ на мѣстѣ противника и соотвѣтственно съ этимъ придумывать, какъ парировать его дѣйствія.

О неизбѣжности войны съ нѣмцами мы давно знали. И чѣмъ это было раньше, тѣмъ крѣпче вѣрили въ эту неизбѣжность и въ полную возможность нашей побѣды. Раны Берлинскаго конгресса заживали медленно. Страстная рѣчь генералъ-адъютанта Скобелева въ Парижѣ въ 1882 году, была лишь отраженіемъ царившихъ тогда въ Русскомъ обществѣ идей. Задолго до франко-русскаго сближенія мы знали, что нѣмецъ уже нашъ врагъ. И тогда мы нѣмца не боялись. Графъ Милютинъ въ бытность свою военнымъ министромъ, а еще того болѣе начальникъ Главнаго штаба у генерала Ванновскаго генералъ Обручевъ выработали планъ войны съ Австро-Германцами. Польскій клинъ они использовали для наступленія. Они считали его выгоднымъ для насъ. Мы изъ него выходили во флангъ и въ тылъ врагу. Соотвѣтственно съ этимъ наступательнымъ планомъ были расположены Русскія крѣпости, опорные пункты, проведены стратегическія желѣзныя дороги и шоссе, наконецъ, расположены и самыя войска." Мы наступали... мы охватывали, окружали... мы побѣждали !..

И вдругъ въ 1910-мъ году — Польскій клинъ — "передовой театръ" оказывается "польскимъ мѣшкомъ", въ которомъ могутъ быть отрѣзаны собирающіяся тамъ Русскія войска. За три года до войны, въ предвидѣніи ея (совѣщанія съ французскимъ генеральнымъ штабомъ, Алжезирасскій инцидентъ, поѣздка императора Вильгельма на востокъ, Багдадская желѣзная дорога), мы съ непонятнымъ легкомысліемъ отъ этого плана отказываемся. Отодвигаемъ центръ нашего стратегическаго развертыванія къ Брестъ-Литовскому плацъ-дарму и начинаемъ разрушать наши первоклассныя крѣпости !!! Мы уводимъ съ границы войска — и куда ! — на Волгу, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы дать населенію доходы, которые отъ войскъ имѣли жители приграничныхъ губерній. При ген. Сухомлиновѣ, военномъ министрѣ, въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба вмѣсто творческой научной работы, господствуетъ мертвящій канцелярскій духъ. Отвѣтственныхъ рѣшеній избѣгаютъ, и въ важнѣйшихъ спорныхъ вопросахъ господствуетъ система отписокъ.

Планъ войны создается, какъ создавалась бы какая нибудь "тема въ академіи", безъ вѣры, что все это придется проводить въ жизнь.

Между представителями Русской и французской арміи ежегодно происходятъ совѣщанія, на которыхъ вырабатывается согласованіе Русскаго и французскаго плановъ войны. Ген. Сухомлиновъ на эти совѣщанія не ѣздитъ. Онъ передаетъ защиту Русскихъ интересовъ начальнику Генеральнаго Штаба (генералу Жилинскому) и съ его доклада дѣлаетъ представленія Государю Императору.

Вырабатывается планъ величайшей мировой войны и все сводится... къ "отпискѣ" !!

Что это ? легкомысліе генерала Сухомлинова ? Его измѣна, подкупъ его нѣмцами ? , о чемъ одно время даже писали (уже во время войны).

Нѣтъ... Это только — духъ времени. Это глубокое невѣріе въ войну. Оно шло сверху, съ высоты Престола. Въ 1898 году, на четвертый годъ царствованія, Императоръ Николай II собралъ въ Гаагѣ мирную конференцію и посѣялъ тѣ сѣмена, изъ которыхъ теперь выросли Лига Націй, пактъ Келлога и всѣ эти мирныя конференціи, трактующія о разоруженіяхъ. Не приведутъ онѣ къ добру !

Война съ Японіей показала, какъ технически стала трудна война и хотя и заставила снизу, въ войскахъ, подтянуться, вверху, въ штабахъ углубила отсутствіе вѣры въ возможность войны съ нѣмцами. Если бы Германія хотѣла напасть на Россію, — она напала бы въ 1904-05-мъ году, когда Россіи не подъ силу было бороться на два фронта. Она этого не сдѣлала — значитъ...

Это невѣріе въ войну наростало въ обществѣ давно и постепенно. Раны Берлинскаго Конгресса постепенно зарубцевались и зажили. Въ печати появилась достопримѣчательная, толстенная книга еврейскаго банкира Бліоха "Война будущаго", составленная при помощи военныхъ авторитетовъ. Въ этой книгѣ было предвидѣно все то, что осуществилось въ великую войну — и воздушный флотъ, и мощь артиллеріи, и пулеметы, и удушливые газы и болѣзнетворныя бациллы ; — эта книга сказала: "война будущаго" — просто невозможна.

Въ Швейцаріи, въ Люцернѣ, былъ устроенъ музей войны, гдѣ была показана исторія войнъ — и наглядно, путемъ ряда панорамъ и картинъ доказано, что войны стали немыслимы.

Слабое человѣчество опустило руки. Надъ тѣми, кто говорилъ о войнѣ, и особенно о войнѣ съ Австро-Германіей издѣвались. Генералъ Сухомлиновъ и Главное Управленіе Генеральнаго Штаба не обладали силой воли, чтобы въ полномъ одиночествѣ вести борьбу противъ этого злостнаго пацифизма. Они готовили планъ войны, они готовились къ войнѣ, но дѣлали это, "спустя рукава", не вѣруя, что это когда нибудь пригодится. Планъ величайшей войны, который нельзя перемѣнить, когда война началась, носилъ характеръ "отписки", канцелярской, мертвой работы.

Это мое мнѣніе, что въ войну не вѣрили, генералъ Головинъ прямо объ этомъ не пишетъ, но вдумчиво и внимательно, терпѣливо и тщательно прочтите и перечтите первую главу "Галиційской битвы", стр. 1-61, разборъ плана войны, какъ онъ составлялся при генералѣ Обручевѣ, какъ онъ былъ составленъ при ген. Сухомлиновѣ и какъ онъ выполнялся и выправлялся генераломъ Алексѣевымъ, и придется признать, что ничѣмъ другимъ, какъ такимъ невѣріемъ въ возможность войны объяснить все то, что было создано, нельзя.

Этотъ планъ отразился на Галиційской битвѣ. Исходъ Галиційской битвы повліялъ на всю войну.

МИРОНЪ и ДАША.

Къ покосу воротился плотникъ Миронъ ; отпустили его на поправку, на годъ. Два раза ходилъ въ штыки, но не тронуло его ни штыкомъ, ни пулей. А всѣмъ примѣтно : гложетъ его снутри. "Толконуло" его снрядомъ, рядомъ совсѣмъ ударило. Съ недѣлю не говорилъ. — "отъ страха", — и все тошнило. И вотъ, отпустили на поправку. Написалъ ему фельдшеръ на бумажкѣ его болѣзнь, — такой не слыхалъ никто : та-бесъ-дор-за-лисъ. Ни учитель, ни батюшка не вниали. Видимости нѣтъ, только въ шеѣ порой заломитъ и въ кончики ногъ стрѣляетъ. Собирался Миронъ въ земскую больницу, да все работа.

Это самый тихій мужикъ въ селѣ, и потому, должно быть, называютъ его — Мироша. Тихая ласка смотритъ изъ его умныхъ глазъ. Они у него голубинаго цвѣта, какъ часто бываетъ у молодыхъ русыхъ мужиковъ. Онъ средняго роста, съ мягкой, какъ пухъ, бородкой, съ пухлыми, добрыми губами. И весь онъ мягкій и ласковый. У него изба новенькая, съ затѣйливой рѣзьбою, какъ игрушка : года четыре, какъ поставилъ. По бокамъ — скворешни на тычкѣ — пѣтушокъ-вертушка. Самая нарядная стройка въ селѣ, съ занавѣсочками изъ тюля, съ фуксіями и гераньками въ окошкахъ. Обдѣлывалъ онъ ее любовно. И жизнь его началась любовно.

У него жена Даша, подъ стать ему : синеглазая, ласковая славянка. Когда она стоитъ въ церкви, въ бѣломъ платочкѣ, ясная, кроткая и какая-то особенно чистая, и смотритъ на икону, съ нея можно писать русскую Дѣву Марію. Пріятно глядѣть, какъ они дружно идутъ къ обѣднѣ. Она несетъ годовалую Танюшу, которую ласкаетъ — "ясная ты моя", а Миронъ, прибранный и тоже по особенному какъ-то чистый, ведетъ за ручку трехлѣтняго Ванюшу, въ башмачонкахъ на пуговкахъ и въ курточкѣ съ кружевцами, какъ водятъ барчатъ съ усадьбы.

Это совсѣмъ новая для села семейка : такъ они чисты, ласковы, и такъ у нихъ чисто въ домѣ. На свѣтлыхъ стѣнахъ картинки — моря и горы, на полочкѣ сверкающій будильникъ, который играетъ "По улицѣ мостовой", въ шкапчикѣ, за стекломъ, голубенькія чашки съ цвѣточками и никкелированный самоварчикъ дынькой, изъ котораго они пьютъ по праздникамъ.

Съ поста по Михайловъ день работалъ Миронъ въ Москвѣ, не пріѣзжалъ даже на покосъ, все спѣшилъ сколотить тысячу рублей и заторговать лѣсомъ у станціи. Даша ткала на дому фитильныя ленты, помогала сколачивать. Сколотили семьсотъ рублей и ужъ послѣднее лѣто ходилъ Миронъ на заработки, когда началась война.

За годъ войны Миронъ переслалъ Дашѣ цѣлую пачку писемъ, а съ собой принесъ шелковую, варшавскую косынку и германскую каску. Теперь она лежитъ у него на шкапчикѣ, какъ знакъ побѣды. Теперь они опять вмѣстѣ, вмѣстѣ ходятъ къ обѣднѣ и снова живутъ надеждами. Ихъ жизнь налаживается. Въ усадьбахъ по округѣ работы много : шлютъ за Мирономъ отовсюду. Онъ подымается до солнца, — послѣднія сотни доколачиваетъ на торговлю лѣсомъ, — и возвращается къ темнотѣ. Они радостно ужинаютъ при свѣтѣ лампочки съ круглымъ голубымъ шаромъ, и долго потомъ сидятъ на рѣзномъ крылечкѣ, ласковые другъ къ дружкѣ, и шепчутся о хорошемъ, что скоро будетъ, когда заторгуютъ лѣсомъ. Гадаютъ, кончится ли война къ сроку его поправки. И кажется имъ, что кончится.

На Успеньевъ день въ селѣ было освященіе земскаго лазарета. Пріѣхали изъ управы и съ округи. Былъ и Миронъ съ Дашей, надѣлъ боевую фуражку и навѣсилъ георгіевскую медальку. Комиссія осмотрѣла койки и одобрила чистую работу : дѣлалъ Миронъ на совѣсть. Даша спросила доктора, не надо ли Мирону полѣчиться, а то очень стали уставать ноги. Докторъ залюбовался Дашей, похлопалъ по ладошкѣ и обѣщалъ, что послѣ закуски зайдетъ посмотрѣть Мирона.

Они пили чай изъ самоварчика-дыньки подъ молодой березкой, у крылечка. Подъѣхалъ докторъ, подсѣлъ къ столику, на травкѣ, попробовалъ сотоваго меду, пощекоталъ Танюшку, подивился ея кудряшкамъ и сталъ спрашивать Мирона, что у него такое.

— Она васъ задарма побезпокоила, ваше благородіе... Только что слабъ маленько, а такъ ничего, будто ! — четко сказалъ Миронъ, съ застѣнчивой улыбкой.

Онъ стоялъ по-солдатски, по швамъ руки. Потомъ разсказалъ, какъ толконуло его снарядомъ. И показалъ доктору бумажку.

— Хорошо... — сказалъ докторъ и помоталъ бумажкой, улыбнулся будто.

Улыбнулись и Даша, и Миронъ, обрадованные, что улыбнулся докторъ и что сказалъ "хорошо" и даже помоталъ бумажкой. Упрашивала его Даша медку покушать и все краснѣла. А Миронъ молодцовато стоялъ и говорилъ бодро :

— Только бы чутокъ, ваше благородіе, ногами укрѣпиться ! А такъ все во мнѣ исправно.

Докторъ пощекоталъ Ванюшку, тутъ же простукалъ Мирона, долго глядѣлъ въ глаза, приказывалъ смотрѣть на палецъ, потомъ велѣлъ Мирону сѣсть на табуретку, принять руки за спину и положить нога на ногу. Постучалъ подъ колѣнку и опять сказалъ "хорошо". Потомъ все нажималъ по хребту пальцемъ, а Миронъ все крякалъ. Опять сказалъ — "хорошо", похлопалъ Мирона по плечу и послалъ его за водой — помыть руки. А когда Миронъ, радуясь, что все хорошо, весело пошелъ въ избу, докторъ далъ въ ротъ Танюшкѣ медку и сказалъ Дашѣ, хмурясь :

— Ммм... неважно его дѣло.

Увидалъ, какъ подобрались и побѣлѣли у Даши губы, и поправилъ :

— На войну не пойдетъ.

Помылъ руки изъ ковшика, велѣлъ Мирону приходить въ лазаретъ и не взялъ ни яицъ, принасенныхъ ему въ лукошкѣ, ни полтины денегъ. Даша проводила его до тарантаса. А когда онъ усѣлся, спросила робко, что же это такое у Мирона.

— На года... А мужу не говори, — сказалъ докторъ, невольно любуясь Дашей, — называется — сухотка мозга.

— А пройдетъ? а работать сможетъ?

— Тамъ посмотримъ... — сказалъ неопредѣленно докторъ.

Даша сквозь слезы не видала, какъ отъѣхалъ докторъ. Долго глядѣла въ травку, въ поставленное въ лопухи лукошко. Пошла, не забравъ лукошка. Когда подошла къ избѣ, Миронъ тихо поплясывалъ съ Танюшкой.

— Чего еще говорилъ докторъ ? — спросилъ онъ Дашу.

— А сказалъ, что... пройдетъ, работать будешь... — сказала пригоже Даша. И стала перемывать посуду.

— Я жъ тебѣ говорилъ... только бы ногами поокрѣпнуть ! — бодро сказалъ Миронъ и мазнулъ Дашу медовой ложкой.

. . **Даша поглядѣла на Мирона, на ясный самоварчикъ, на цвѣтики въ окошкахъ,** нагнулась къ своей Танюшѣ, которая сидѣла въ стульчикѣ мироновой работы, и Миронъ услыхалъ : плачетъ.

— Чего жъ ты плачешь ? — тревожно спросилъ Миронъ. — На войну, что ль, возьмутъ, боишься ?..

— Да... устала... напугалась... — сказала въ Танюшу Даша.

Вечеромъ, какъ всегда, Миронъ снялъ съ полочки будильникъ, посадилъ на колѣни Ваню и завелъ машинку. Будильникъ весело заигралъ "По улицѣ мостовой", и они оба слушали и улыбались. Слушала и Даша, баюкая Танюшу. Слушалъ и дядя Семенъ, сосѣдъ, съ улицы, привалившись на подоконникъ, глядѣлъ въ комнаты на голубую лампочку-ночничокъ и все завидовалъ, какъ у Мирона чисто и приглядно, и какъ повезло ему на войнѣ, — отпущенъ на цѣлый годъ, — и можетъ работать, а его Михайла все еще подъ Двинскомъ гдѣ-то.

Иванъ Лукашъ.

ФЕСКА

(РАЗСКАЗЪ).

Отецъ мой былъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ Полтавской губерніи, отбывалъ службу въ лейбъ - гвардіи Финляндскомъ полку, вышелъ ефрейторомъ и принятъ былъ въ Академію Художествъ натурщикомъ.

Мать моя была воспитанницей художника Боголюбова. Я самый младшій въ семьѣ, насъ семеро. Я помню мою маленькую маму съ горячими глазами. Отецъ звалъ ее Галей.

Онъ былъ такой статный и такой сильный, отецъ мой, что по громаднымъ многопролетнымъ лѣстницамъ на академическіе чердаки носилъ въ молодости корзины съ сырымъ бѣльемъ; моя мать была прачкой.

Четверо старшихъ братьевъ могли понимать разсказы отца о войнѣ, а я, самый младшій, въ бархатныхъ своихъ штанишкахъ только забирался къ отцу на колѣни, не понимая его мѣрныхъ словъ, и, можетъ быть, тормошилъ его пушистые усы, а то дремалъ, прижавъ горячую щеку къ милой щекѣ.

Онъ училъ меня писать первыя палочки косыхъ буквъ синими чернилами. У меня выходили очень жирныя, а у него ровныя, чуть дрожащія.

Я помню, теплый голосъ, помню, какъ послѣ бритья у него блестѣлъ подбородокъ. Онъ носилъ подусники солдата Александра Второго,, а брился передъ маленькимъ зеркаломъ вовсе сточенной бритвой съ пожелтѣвшимъ костянымъ черенкомъ.

Высокій и статный, мой отецъ,. Я держался всѣмъ кулачкомъ за его указательный палецъ, когда онъ водилъ меня къ набережной смотрѣть съ Николаевскаго моста ледоходъ. Зеленоватое, просторное и нѣжное небо моего дѣтства надъ Невой, затихшій воздухъ апрѣля, сиреневый дымъ, легкіе огни Англійской набережной...

На масленицѣ отецъ угощалъ меня халвой съ грецкими орѣхами въ балаганахъ. У него былъ потертый кожаный кошелекъ со стальнымъ ободкомъ. Однажды на балаганахъ кошелекъ у него вытащили.

Я вижу всѣ спокойныя и статныя движенія отца. Я вижу его громадныя деревянныя калоши, какихъ теперь не носятъ. Онѣ, кажется, назывались кеньги.

Братъ Миша, блѣдный, съ блестящими глазами, былъ тогда большимъ мечтателемъ и увѣрялъ насъ, насупясь, что по ночамъ ему доводится улетать изъ нашей кухни въ путешествіе по звѣздамъ, либо на табуретѣ, либо верхомъ на чайникѣ... Я хорошо помню, какъ съ фырканьемъ прыгала жестяная крышка нашего чайника, пугая меня.

Но память не сохранила мнѣ разсказовъ отца...

Долго - долго въ письменномъ столѣ моего покойнаго старшаго брата хранился его первый башмачекъ, коричневый и стоптанный. Башмачокъ этотъ можетъ быть, помнилъ, какъ отецъ съ лейбъ - гвардіи Финляндскимъ полкомъ ушелъ въ походъ на Балканы. Это было, кажется, въ началѣ сентября 1877 года, за пятнадцать лѣтъ до моего рожденія.

Я смутно помню разсказы матери о томъ, какъ отецъ вернулся съ похода.

Зеленыя вѣтви, дубовыя вѣтви на штыкахъ, на солдатскихъ кэпи, бьются флаги на Невскомъ, по штыкамъ плещетъ солнце.

Въ тысячахъ загорѣлыхъ усатыхъ лицъ, въ колыханіи солдатскихъ кэпи, искала мать лицо отца. Она съ сестрой на рукахъ, а братъ Петръ самъ держался за ея скромную мантилью — сестрѣ и брату было тогда вмѣстѣ лѣтъ семь — шли черезъ весь городъ за мѣрно - блистающимъ въ зеленыхъ вѣтвяхъ Финляндскимъ полкомъ на Васильевскій островъ, къ сѣрымъ казармамъ. Мой братъ усталъ и горько плакалъ...

Но отецъ съ полкомъ не пришелъ. Его привезли позже, въ цынгѣ. У него было затекшее сѣрое лицо, а забинтованныя ноги недвижно и тяжело лежали на носилкахъ. Онъ былъ раненъ въ атакѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Все мое дѣтство чудилось мнѣ, что Горный Дубнякъ голая гора, а на ней каменные дубы.

Я недавно узналъ, что Горный Дубнякъ глухое болгарское село за Плевной, на шоссе въ Софію, турецкая полевая крѣпость, зарытая въ редуты, куда водилъ Гурко россійскую гвардію.

Въ кустарникѣ, у дороги, подъ смертельнымъ огнемъ, долго стоялъ тамъ въ строю лейбъ - гвардіи Финляндскій полкъ. И въ какомъ звенѣ, въ какой ротѣ -- развѣ я знаю — стоялъ молодой солдатъ, будущій мой отецъ — молился ли онъ, дергались ли его губы, или побѣлѣло лицо, и померкшіе глаза смотрѣли въ кипящій дымъ турецкаго огня. Горнисты запѣли атаку...

Слова дѣтства какъ будто бы слышу, — рѣкущій Дунай, Плевна въ снѣгу, балканскія мятели, Долина Розъ...

На ногѣ отца миндалинкой синѣлъ шрамъ отъ пули, а на боку шрамъ отъ штыка, съ красноватыми неровными краями.

И съ балканскаго похода принесъ отецъ домой красную феску съ потемнѣвшими отъ пота краями. Черная кисть изъ крученыхъ шелковистыхъ нитей таинственно и пышно шуршала и раскидывалась по ладони, какъ конскій хвость.

Сукномъ и чужимъ запахомъ пахло отъ фески. Съ дѣтства я игралъ съ нею, и мнѣ нравилось прятать лицо въ ея теплую темноту.

Въ домѣ у насъ феска побурѣла, выгорѣла отъ многолѣтняго солнца. У братьевъ сложилось преданіе, что эта феска того самого турка, — который ударилъ отца штыкомъ подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Съ дѣтства мерещилось мнѣ смуглое и ощеренное лицо аскера съ жесткими колючками усовъ. Можетъ быть, такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Но когда я надѣвалъ феску, когда смотрѣлъ на ея края, пропотѣвшіе темными пятнами, или пропускалъ сквозь пальцы ея шуршащую черную кисть, странныя и жалостныя видѣнія рѣяли предо мною: солнце, минареты, виноградники. И чудилось, что пахнетъ отъ фески горячимъ солнцемъ, и я жалѣлъ убитаго турка, и думалъ, что у него есть такой же мальчикъ, какъ я, и его тоже зовутъ Ваней, только по турецки.

Съ феской игралъ и сосѣдскій мальчикъ Витя. Мы нагораживали стулья, накидывали старый, въ дыркахъ, платокъ, и это была наша солдатская палатка. Туркомъ былъ поперемѣнно то Витя, то я. Въ палаткѣ мы сидѣли на корточкахъ и говорили по - турецки.

Послѣ смерти отца я сталъ забывать его быстро, какъ забываютъ смерть дѣти.

Черезъ много лѣтъ, красная феска аскера попалась мнѣ подъ руки. Ее проѣла точками моль, и черная кисть откуда и я вырывалъ нѣкогда шелковистыя пряди, смоталась въ жгутокъ...

За иконой Іисуса Благословляющаго, послѣ смерти отца, нашелъ его кресты и медали, завернутые въ тонкую папиросную бумагу. Потускнѣвшія ленточки были пристегнуты на крошечныхъ мѣдныхъ крючкахъ къ красной суконѣ.

Тамъ былъ чугунный крестъ на зеленой лентѣ и крестъ на Георгіевской лентѣ и медали съ чеканнымъ профилемъ Александра Второго, на шеѣ императора запомнился мнѣ кадыкъ, и была тамъ мѣдная, начищенная медаль съ легкимъ крестомъ надъ полумѣсяцемъ, въ лучахъ. "Не намъ, не намъ, а имени Твоему"...

Послѣ смерти отца его медали и кресты хранились у матери, всегда подъ изголовіемъ. Тамъ хранилась и записка отца. Въ нее была завернута еловая вѣтка... Уже давно осыпались пожелтѣвшія иглы,... чернила тоже выцвѣли, но я разобралъ крупный почеркъ отца:

"По этимъ вѣтвямъ везли тѣло Царя-Мученика"...

Но вотъ затеряна та солдатская записка, и вотъ пропали тѣ солдатскіе кресты, и давно исчезла та турецкая феска, которую принесъ отецъ изъ подъ Горнаго Дубняка.

Исчезли, пропали, потеряны...

Иванъ Лукинъ.

ХРАБРОСТЬ

(Продолженіе).

— "Это было еще въ началѣ войны", — началъ Иванъ Петровичъ. Я командовалъ тогда баталіономъ въ л.-гв. Н-полку. Нашъ полкъ былъ отлично подготовленъ въ мирное время, офицерскій составъ — сравнительно молодой, хорошо зналъ свое дѣло, и, горѣлъ желаніемъ идти въ бой, нижніе чины, видимо, неясно представляли себѣ, что ждетъ ихъ тамъ, немного волновались, но были веселы и внимательно слушали наставленія старшихъ.

А въ сущности, всѣ мы были — отъ командира до младшаго рядового — въ одномъ и томъ же положеніи: никто изъ насъ въ бою еще не былъ, все было ново.

И вотъ, послѣ высадки съ поѣзда и нѣсколькихъ дней марша, мы впервые попали въ сферу артиллерійскаго огня нѣмцевъ. Остановились, подтянулись, улеглись за бугромъ. Снаряды рвались недалеко въ сторонѣ. Впереди слышалась ружейная и пулеметная перестрѣлка нашихъ передовыхъ частей съ нѣмцами. Мы — пока въ резервѣ. Начиналось наше боевое крещеніе.

Я внимательно вглядывался въ лица солдатъ. Затихли разговоры, шутки, смѣхъ. Многіе поблѣднѣли, потихоньку крестились, другіе дѣлали видъ, что ихъ нисколько не волнуетъ стрѣльба, внимательно осматривали свою одежду, винтовку, крутили цыгарку, но большинство молча слушало вой снарядовъ и раскаты взрывовъ, не спуская глазъ съ нашей офицерской группы.

Мы, офицеры, тоже дѣлали видъ, что не волнуемся, хотя, — я по себѣ зналъ, что это далеко не такъ... Чувство страха, самого простого, подлаго страха, боязнь за жизнь — охватывало душу, холоднымъ кольцомъ сдавливало горло. Нужно было собрать всю силу воли, чтобы не выдать себя, не показать, что невольно дрожатъ зубы и колѣни. Мгновеніями я ловилъ себя на страстномъ желаніи — бѣжать назадъ, укрыться подальше отъ этого проклятого воя снарядовъ, которые падали все ближе и ближе, отъ свиста пуль, которые уже начали летѣть черезъ голову...

И вмѣстѣ съ тѣмъ являлось какое - то новое чувство — любопытство, жгучее желаніе узнать — что впереди, каковы нѣмцы, что сейчасъ будетъ съ нами.. Но такъ было въ первые часы. Потомъ привыкать сталъ...

Начали подходить раненые изъ передовыхъ ротъ; нѣкоторыхъ несли или вели подъ руки. Невольно обращали на себя вниманіе почти довольныя лица у провожатыхъ: они не могли скрыть животной радости, что хоть на время уходить отъ опасности, дальше отъ боя.

Солдаты молча провожали глазами каждаго раненаго.

Наконецъ получено приказаніе и моему батальону: 2 роты — въ цѣпь.

Какъ на Красносельскихъ маневрахъ — быстро и въ порядкѣ, безъ суеты, двинулись впередъ назначенныя роты. Всѣ точно рады были, что кончилось жуткое ожиданіе, началась какая - то работа.

Едва цѣпи перешли черезъ бугоръ, какъ надъ нашими головами начали рваться шрапнели. Съ бугра я хорошо видѣлъ перебѣжки своихъ ротъ, и меня

Милліоны жертвъ, доблесть Русскаго офицерства и солдата стали напрасными..

Ну а теперь ?.. Сегодня ?..

Вѣримъ мы, что будетъ война ?.. Нѣтъ !.. Наше невѣріе, нашъ злостный пацифизмъ, переходящій въ преступный антимилитаризмъ, не отразится-ли на планѣ войны, — все равно какомъ — Французскомъ, Польскомъ, Сербскомъ, Итальянскомъ, тою же неувѣренностью, тою же легкомысленною безпечностью отписки ?

А воевать то придется по этому плану.

Мы знаемъ, что въ силу многихъ и многихъ обстоятельствъ въ гражданской войнѣ добровольческія, бѣлыя арміи вели войну безъ плана.

Къ чему это привело ?

Вотъ первое значеніе книги генерала Головина, его разбора плана войны : — онъ заставитъ задуматься. А задумавшись, мы, можетъ быть, что-нибудь и придумаемъ.

⁂

Задолго до Великой войны въ обществѣ родилось убѣжденіе, что кавалерія былая царица полей сраженія, отжила свой вѣкъ. Одно время ей придавали значеніе только развѣдывательнаго органа: — "глаза и уши арміи", потомъ, при появленіи летательныхъ машинъ и эту ея пользу стали отрицать. Агентурная развѣдка, телеграфъ и телефонъ, воздушный флотъ должны были дать арміи нужное освѣщеніе для предстоящаго боя.

Какъ было не зародиться такому убѣжденію. Двѣ большія войны прошли: — война съ Турціей 1877-78 годовъ и Русско-Японская война 1904-05 годовъ, и ни та, ни другая не дали примѣровъ конныхъ атакъ. Особенно это поразило въ Русско-Японскую войну, гдѣ наша кавалерія и численно, и качественно, и вооруженіемъ во много разъ превосходила японскую конницу и все таки не играла никакой роли. Такія прекрасныя части какъ Отдѣльная Кавалерійская бригада (Черниговскій и Нѣжинскій драгунскіе полки), 4-ая Донская казачья дивизія, Терско-Кубанская казачья бригада, Уральская, Сибирская, Оренбургская, двѣ Забайкальскія дивизіи, Уссурійцы, Амурцы и Приморскій драгунскій полкъ, дали въ результатѣ Инкооскій набѣгъ ген. Мищенки съ сомнительнымъ успѣхомъ, атаку сотни Сибирскихъ казаковъ на японскій эскадронъ у Вафангоо, попытку атаки сотни Донцовъ есаула Косоротова у Лидіантуни на японскую батарею, атаку Терцевъ и Кубанцевъ... — и все. Помню, какъ іюльскимъ вечеромъ, когда затихало поле сраженія у Дашичао, Приморскій драгунскій полкъ, какъ на ученьи развернулся для атаки утомленной боемъ японской пѣхоты. Разсыпались по тогдашнему уставу въ двѣ шеренги передовые полуэскадроны, сзади сомкнутыя стали поддержки. Сверкнули вынутыя шашки. Грозенъ былъ видъ полка. Но полкъ не атаковалъ.

Военные, особенно кавалеристы, боролись съ этимъ. Въ "Вѣстникѣ Русской конницы" отстаивали право кавалеріи на конную атаку. Въ 1909 году, по настоянію Великаго Князя Николая Николаевича, въ боевое вооруженіе была введена пика, брошенная кавалеріей послѣ Русско-Турецкой войны. "Наставленіе для веденія занятій въ кавалеріи" настаивало на конномъ боѣ, не пренебрегая боемъ спѣшенными частями. "Наставленіе для обученія стрѣльбѣ" первый разъ отвело больше мѣста кавалеріи и дало ей достаточно патроновъ для обученія. Кавалерія стала на распутьи. Она не отрѣшилась отъ идеи коннаго боя, но она и не была подготовлена для боя стрѣлковаго, не имѣла достаточнаго числа патроновъ, мало была снабжена пулеметами (8 на дивизію ! — на 24 эскадрона !). Однако тенденція къ пѣхотному бою конницы въ кавалеріи передъ войной уже была такъ сильна, что въ приказѣ войскамъ Приамурскаго военнаго округа № 518 за 1910 годъ, было отдано : — "уставъ для спѣшенныхъ частей кавалеріи предлагаю пересмотрѣть въ Штабѣ Уссурійской конной бригады, ввести въ немъ измѣненія, согласно дѣйствующаго строевого пѣхотнаго устава и представить таковыя по командѣ мнѣ для утвержденія"...

Это Высочайше-то утвержденный уставъ ! Это измѣненіе закона въ порядкѣ частной инициативы !

На этотъ приказъ послѣдовалъ окрикъ со стороны Военнаго Министра генерала Сухомлинова, — но уже самая возможность появленія такого приказа показывала, что жизнь шла впереди закона.

Командуя сотней, а потомъ полкомъ, я вводилъ въ обученіе спѣшенному бою — движеніе змѣйками, примѣненіе къ мѣстности и къ освѣщенію, широко разсыпанныя цѣпи и поддержки и т. д. чего не было въ кавалерійскомъ уставѣ, что только вводилось въ пѣхотѣ, о чемъ только что было написано Лешемъ въ его примѣчательной книгѣ "Обученіе звена и взвода". Въ этомъ проявленіи своей личной инициативы я на войнѣ не раскаялся, какъ не раскаялся и въ обратномъ. Въ 1913 году, въ августѣ на маневрахъ частей Семирѣченской области я съ 1-мъ Сибирскимъ Ермака Тимофеевича полкомъ въ Ала-Таускихъ горахъ, по крутой, каменистой осыпи, во флангъ и отчасти въ тылъ атаковалъ цѣпи 21-го Туркестанскаго стрѣлковаго полка. Старшій руководитель маневра, командующій войсками области, генералъ лейтенантъ Фольбаумъ, горячо поблагодарилъ полкъ за лихую атаку, и потомъ, отозвавъ меня въ сторону, учинилъ мнѣ жестокій разносъ за "маневренныя картинки", за не имѣющую смысла на войнѣ удаль. "Вы, конечно, не дошли... Вы всѣ разстрѣляны. Вы должны были спѣшиться и атаковать пѣшкомъ"...

Годъ спустя, въ ноябрѣ 1914 года, при совершенно подобныхъ же условіяхъ, этотъ самый, мой 1-й Сибирскій казачій полкъ, подъ командой полковника Раддаца, по обледенѣлымъ горнымъ кручамъ атаковалъ въ конномъ строю подъ Сарыкамышомъ таборъ турецкой пѣхоты, порубилъ его, взялъ знамя и много способствовалъ Сарыкамышской побѣдѣ !

Сколько разъ передъ войною говорили : — "Ну это возможно только на маневрахъ !"... "Атаковать стрѣляющую батарею !... За это подъ арестъ ! Это игрушки !.. Мировщинка... Игра въ солдатики".

А на войнѣ ? Атака ротмистра барона Врангеля подъ Каушеномъ съ 3-мъ эскадрономъ Л. Гв. Коннаго полка на германскую батарею 6-го августа 1914 года и многія, многія другія конныя атаки.

Итакъ на войну Русская кавалерія выступила съ подорванною вѣрою въ конныя атаки и чѣмъ выше и "образованнѣе" былъ начальникъ, тѣмъ менѣе вѣрилъ онъ въ силу своего рода войскъ. Она вышла и недостаточно подготовленною и снабженною для спѣшеннаго огневого боя.

Не было въ Русской кавалеріи 1914-го года, въ ея обученіи **единой доктрины.** И это не могло не отразиться на ея работѣ на войнѣ.

Обратимся къ книгѣ генерала Головина, послушаемъ, что скажетъ намъ старшій посредникъ послѣ величайшаго маневра, именуемаго войною.

Какъ правило : — Русскій конный взводъ (разъѣздъ, застава) кидался въ конномъ строю на противника и побѣждалъ его. Корнетская храбрость.

Очень часто : Русскій эскадронъ, или сотня въ конномъ строю атаковали противника и побѣждали его.

Выучка эскадрона и вѣра въ него его командира ..."31-го іюля (13 августа) одна изъ сотенъ (1-й Донской Казачьей дивизіи — 13-го полка) изрубила къ сѣверу отъ м. Нароль непріятельскій эскадронъ"... (стр. 90).

..."27-го іюля (9 августа) два эскадрона нашего 12-го уланскаго Бѣлогородскаго полка восточнѣе Волочиска атаковали развѣдывательный эскадронъ противника и изрубили его"... (стр. 119)

...4 (17) августа командиръ 1-го Линейнаго полка Черный, замѣтивъ... "идущіе въ атаку на нашу пѣхоту 2-3 эскадрона венгерскихъ гусаръ... направляетъ въ контръ-атаку 3-ю и 5-ю сотни. Командиръ 5-й сотни, есаулъ принцъ Шахъ-Рухъ-Дарабъ-Мирза, разворачиваетъ сотню и бросается въ атаку, охватывая флангъ австрійцевъ. Командиръ 3-й сотни, есаулъ Труфановъ, поддерживаетъ 5-ю сотню, атакуя вслѣдъ за ней. Кубанцы идутъ въ контръ-атаку лавой и на ходу стрѣляютъ изъ винтовокъ. Венгры встрѣчаютъ атаку выстрѣлами изъ револьверовъ на короткѣ. Сойдясь, и тѣ и другіе рубятъ другъ друга. Охваченные съ фланга, послѣ короткаго рукопашнаго боя, Венгры въ безпорядкѣ бросаются назадъ, преслѣдуемые казаками. Показавшіяся на фонѣ лѣса новыя части непріятельской конницы, видя результаты боя, уже не рискуютъ атаковать и скрываются въ лѣсу"... (стр. 121-122) и т. д. и т. д.

Атаки въ конномъ строю цѣлымъ полкомъ уже были значительно рѣже, однако были.

...11 (24) августа въ бою 11-й кавалерійской дивизіи у Каменки, Струмиловой, командиръ 11-го Чугуевскаго Ея Величества Уланскаго полка "повелъ своихъ улань (5 1/2 эскадроновъ) въ направленіи на дер. Лопаювку и атаковалъ выходившіе изъ этого селенія и строившіе фронтъ четыре непріятельскихъ эскадрона. Послѣдніе были смяты и повернули назадъ въ селеніе, гдѣ завязался уличный бой между раздѣлившимися на группы уланами и венгерскими гусарами"... (стр. 187-188).

Атаки въ конномъ строю частей болѣе полка были, какъ исключеніе. Генералъ Головинъ подробно останавливается на описаніи замѣчательной атаки частями 10 кавалерійской дивизіи графа Келлера 4-й австро-венгерской кавалерійской дивизіи генерала Зарембы 8 (21) августа у д. Волчковце. "Этотъ бой представляетъ собой единственный для всей войны на Европейскихъ театрахъ случай", — пишетъ ген. Головинъ, — "когда двѣ кавалерійскія дивизіи дошли до столкновенія въ конномъ сомкнутомъ строю". Побѣда осталась за нами. "Потерявъ всѣ свои пушки, зарядные ящики, пулеметы, бросивъ своихъ раненыхъ и оставивъ до 200 человѣкъ плѣнныхъ, части австро-венгерской кавалерійской дивизіи быстро уходили назадъ. Дивизія окончательно собралась только у Са́ссова, въ 20 километрахъ отъ поля боя" (стр. 108-111).

Разборъ генераломъ Головинымъ дѣйствій Русской конницы въ Галиційскую битву весьма для нея благопріятенъ.

..."Наша кавалерія совершенно точно установила первоначальный составъ "внѣшняго контура" противника. Натискъ частей Русской конницы на эту завѣсу потребовалъ отъ нашихъ враговъ борьбы со значительнымъ кровавымъ напряженіемъ"... (стр. 131-132).

Тамъ, гдѣ наша конница проявила храбрость, доходящую до безумнаго дерзанія и гдѣ она была разбита и должна была, потерявъ пулеметы отойти въ тылъ на поправку — она своею кровью достигла громадныхъ результатовъ. Набѣгъ глубоко въ расположеніе непріятеля Сводной кавалерійской дивизіи и атака Каменной казармы у Каменки Струмиловой 7 (20-го) вгуста, совершенный **безъ артиллеріи** показался австрійцамъ нападеніемъ Русскихъ "силою въ одну квалерійскую дивизію при 30 орудіяхъ, поддержанную пѣхотой ! Мы знаемъ, что ни артиллеріи, ни пѣхоты при свод. кав. дивизіи не было" (стр. 96-100)

Это уже паника !

Русская конница умѣло примѣнялась къ мѣстности и искусно дралась въ пѣшемъ строю.

..."Вотъ отзывъ австрійскаго генерала", — пишетъ генералъ Головинъ, — "книга котораго написана очень пристрастно въ свою пользу : —

"1-ая Донская казачья дивизія, со своей конной артиллеріей дѣйствовавшая безъ всякой поддержки пѣхоты, съумѣла въ свою пользу использовать ту мѣстность, которая оказалась неподходящей для австрійской конницы и ея артиллеріи"... (стр. 92).

Тамъ, гдѣ не было конницы — пѣхота чувствовала себя непрочно и шла въ слѣпую.

..."Несомнѣнно также, что такой безсвязный характеръ боевъ XIV корпуса", — пишетъ ген. Головинъ, — "обуславливался еще и тѣмъ, что эти бои были для него неожиданными, или, вѣрнѣе выразиться, "случайными". Эта случайность встрѣчи являлась непосредственнымъ слѣдствіемъ отсутствія въ нашей арміи настоящей дивизіонной конницы... Въ распоряженіе начальниковъ пѣхотныхъ дивизій нашъ планъ войны придавалъ совершенно не отвѣчающія для боевой работы въ роли дивизіонной конницы казачьи части 2-й и 3-й очереди. Къ то-

НА СЕНѢ И НА БЗУРѢ

Митя Черкасовъ бойкій, способный и шаловливый мальчуганъ, учится во французскомъ лицеѣ. Учится онъ хорошо, къ чужому языку приспособился, даже иногда думаетъ по-французски, и только арифметику, которую онъ называетъ [illegible], недолюбливаетъ. Проживаетъ въ пансіонѣ, устроенномъ для русскихъ дѣтей. Въ свободное время послѣ обѣда, пока не посадятъ за приготовленіе уроковъ, онъ на шалости первый затѣйникъ. То товарища ниткой къ стулу привяжетъ, то электричество внезапно потушитъ, и тогда среди шумныхъ растерявшихся мальчишекъ, побѣдоносно кричитъ пѣтухомъ.

— Кто это сдѣлалъ? — грозно спрашиваетъ воспитатель.

Молчаніе.

— Я накажу всѣхъ за такое безобразіе.

Черкасовъ выходитъ впередъ, съ наивной хитрецой смотритъ на воспитателя, и говоритъ:

— Это-я. Очень всѣ пугаются, когда вдругъ темнота.

— То-то, вдругъ!

А по средамъ наканунѣ свободнаго четверга, въ лицеѣ, онъ вмѣстѣ съ другими занимается предметами нашими, русскими, — какъ жили русскіе люди, какая у нихъ страна. Развѣ знаютъ русскую географію въ лицеѣ? У нихъ только про Волгу написано. Рѣка, молъ, это самая большая въ Европѣ, и ничего больше. И вотъ, теперь, вмѣстѣ съ толпой другихъ ребятишекъ, разбираетъ Черкасовъ на старой, большой картѣ Россіи ея огромныя рѣки. Учатъ они ихъ по бассейнамъ, которая въ какое море впадаетъ.

— Двина, Нѣманъ — въ Балтійское море.

— Постой, — говоритъ Черкасовъ, — а Бзура? Гдѣ тутъ эта самая Бзура?

— Маленькая, должно быть. Такой, можетъ, и на картѣ нѣтъ.

— Какъ это, нѣтъ? На Бзурѣ нѣмцы ранили моего папу. Онъ говоритъ объ атакахъ, о ревущей шрапнели, обо всемъ томъ, что онъ такъ часто слыхалъ отъ раненаго отца. А по картѣ въ это время водятъ пальцами и ищутъ маленькую Бзуру.

— А вотъ тутъ, видишь, — Кубань, — говоритъ другой мальчуганъ. — Ну, такъ вотъ тутъ насъ прижали красные и мы пробивались.

— Какъ это ты пробивался?

— Да не я, а мой папа, его въ ту пору въ голову ранили.

И въ разсказъ о великой войнѣ врывается сказочно-геройская повѣсть о Ледяномъ походѣ, безпримѣрномъ въ исторіи. Кубань, разумѣется, нашли, — бассейнъ Чернаго моря. Нашли, наконецъ, и Бзуру, — такъ, маленькая рѣчка. Нашли заодно и Равку, и Гнилую Липу, — все названія, полныя славы и крови, крови еще не высохшей, не покрытой пылью исторіи, крови родныхъ и близкихъ... Гдѣ-то они, если еще живы, теперь?

— А мой папа теперь, — говоритъ Черкасовъ, — на фабрикѣ служитъ, на самомъ берегу Сены работаетъ.

— Бассейнъ Атлантическаго океана, — бойко отвѣчаетъ товарищъ.

Такъ географія переплетается въ дѣтскихъ разсказахъ съ войной и съ той жизнью, которой живутъ теперь отцы и матери и близкіе люди. Тутъ уже окончательно перепутываются всѣ бассейны, — Атлантическій и Балтійскій, Азовскій и Средиземный, — [illegible] американскіе и азіатскіе впутываются въ это дѣло...

А я стою и слушаю. Иногда хочется позавидовать дѣтямъ: имъ есть чѣмъ гордиться, вспоминая раны отцовъ. Впрочемъ, что-жъ я? Развѣ не всѣ мы гордимся тѣми, кому выпало на долю защищать Родину, а потомъ пытаться ее спасти отъ тяжкаго рабства? Судьбы царствъ не въ рукахъ человѣческихъ. И воспоминаніе о борьбѣ служитъ залогомъ, быть можетъ, новой борьбы противъ рабства. И если не для себя, то для тѣхъ, кто растетъ на Родинѣ въ рабствѣ, и для тѣхъ, кто здѣсь на чужбинѣ учитъ рѣчные бассейны всѣхъ странъ. И рѣки этихъ бассейновъ говорятъ имъ либо о быломъ подвигѣ, либо о тяжелой, изгнаннической, трудовой жизни...

Вл. Ладыженскій

невольно охватывало чувство гордости: вѣдь это — моя выучка!

Какъ на смотру, отчетливо, равняясь, всѣ на своихъ мѣстахъ перебѣгали мои солдатики по командѣ своихъ офицеровъ, ложились, снова поднимались и бѣжали впередъ, становясь все меньше [illegible]

[illegible] ъ. рѣдь которыми отбѣгали наши порѣдѣвшія цѣпи, ложились, отстрѣливались и снова отходили назадъ. Вскорѣ мои роты слились съ отступавшими. Всѣ остановились. Началась упорная перестрѣлка, сильнѣе затрещали пулеметы съ обѣихъ сторонъ. Стали окапываться.

Съ моего бугра ясно было видно все обширное поле боя съ небольшими перелѣсками. Нашъ полкъ дѣйствовалъ на правомъ флангѣ дивизіи, которая въ этотъ день вела бой, мой батальонъ — на крайнемъ флангѣ, правѣе насъ небольшая рѣчка, за которой были видны части нашей конницы. Наша артиллерія лѣвѣе насъ, видимо, хорошо нащупала противника. Нѣмцы остановились и тоже начали окапываться.

Наступалъ сентябрьскій вечеръ, [illegible] тоже...

[illegible] нешь вспоминать — снова переживаешь минувшее, какъ будто вчера все было... Что намъ, старымъ русскимъ офицерамъ, осталось теперь? Только одни воспоминанія славнаго прошлаго, да надежда на то, что сгинетъ же когда нибудь проклятая власть, губящая Россію, и снова будетъ она, наша великая Родина, сильна и крѣпка!".

А. Богаевскій.

(Продолженіе въ слѣд. номерѣ)

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I. И ГЕН. ДОХТУРОВЪ

(ИЗЪ АРХИВА ПРЕОБРАЖЕНСКАГО СОЮЗА)

Въ началѣ 1809-го года кн. Багратіонъ и Барклай де-Толли совершили труднѣйшій переходъ по льду черезъ Ботническій заливъ, и перенесли войну въ самую Швецію, которая и была вынуждена къ заключенію мира, отдавшаго намъ всю Финляндію до р. Торнео. За этотъ подвигъ они были произведены въ полные генералы.

Старше ихъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта былъ Д. С. Дохтуровъ. Скромный, добрый и щедрый, онъ не былъ блестящимъ въ бояхъ генераломъ, подобно Милорадовичу и Багратіону, но былъ всегда одинаково хладнокровенъ, спокоенъ и твердъ.

Въ 1806-мъ и 1807-мъ г.г. подъ Дирнштейномъ, Аустерлицемъ, Прейсишъ-Эйлау, Гейльсбергомъ и Фридландомъ онъ проявилъ большую стойкость и мужество. Чуждый всякаго честолюбія и тщеславія, онъ счелъ себя, тѣмъ не менѣе обманутымъ, увидя себя обойденнымъ при производствѣ младшими, и подалъ просьбу отъ отставкѣ.

Въ отвѣтъ, Императоръ Александръ I удостоилъ его слѣдующимъ рескриптомъ:

"Дмитрій Сергѣевичъ! Получивъ прошеніе Ваше объ увольненіи отъ службы, не могу Я не предполагать, что побужденіемъ сему было производство нѣкоторыхъ сверстниковъ Вашихъ. Заслуги Ваши, отличное усердіе и ревность, коими служба Ваша всегда отличалась, заставляютъ Меня объяснить Вамъ причины, на коихъ производство сіе основано. Въ военномъ дѣлѣ не всегда и не всѣмъ равно можно избирать случаи къ отличію, но когда обстоятельства военныя представятъ кому либо возможность оказать отличіе, то вредно было бы службѣ остановлять производство по одним уваженіямъ старшинства. Посему и принялъ Я правиломъ никогда не останавливаться на сихъ уваженіяхъ. Извѣстныя Мнѣ чувства справедливости и чести, Васъ одушевляющія, ручаются Мнѣ, что Вы сами признаете всю основательность сего правила. Прилагая его ко всѣмъ вообще, Я никакъ не мыслилъ сдѣлать симъ кому-либо предосужденіе, а тѣмъ менѣе Вамъ, коего достоинства и служба всегда обращали Мое отличное вниманіе. Первый случай, который представится Вамъ въ какомъ-либо дѣлѣ, Я приму съ совершеннымъ удовольствіемъ, чтобы показать Вамъ, сколь пріятно Мнѣ всегда отдавать Вамъ полную справедливость.

"[illegible] подробнѣе всѣ сіи уваженія [illegible] его [illegible] такія же предположенія, чего, конечно, не въ намѣреніяхъ Вашихъ быть не могло. Я увѣренъ, что Вы сами предпочтете слѣдовать сродному Вамъ побужденію справедливости и отличному Вашему усердію, не увлекаясь предположеніями, съ заслугами Вашими и съ понятіемъ Моимъ о чувствахъ Вашихъ несовмѣстными.

Впрочемъ, если за симъ изъясненіемъ желаніе Ваше оставить службу останется непремѣннымъ, то Я считаю нужнымъ предупредить Васъ, что не могу Я уволить Васъ иначе, какъ тѣмъ же чиномъ".

Глубоко тронутый вниманіемъ Монарха, Дохтуровъ остался на службѣ и своими подвигами подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, Тарутинымъ и Мало-Ярославцемъ онъ поставилъ высоко свое имя среди героевъ Отечественной войны и снискалъ болѣе чѣмъ кто-либо другой общую къ себѣ любовь и уваженіе. Съ окончаніемъ войны онъ вышелъ въ отставку и вскорѣ умеръ.

Письмо Императора Александра I къ Д. С. Дохтурову весьма знаменательно. Оно является характернымъ образцомъ тѣхъ взаимныхъ отношеній, которыя въ то время существовали между молодымъ Монархомъ и старыми заслуженными генералами.

Это личное обращеніе Верховнаго Главы Арміи къ одному изъ ея начальниковъ въ простомъ и ясномъ изложеніи объясняетъ обойденному генералу тѣ совершенно правильныя по существу основанія для производства въ чины, которыя Онъ считаетъ необходимымъ примѣнять для пользы службы. Сколько благородства, красоты и изящества въ самомъ построеніи, въ формѣ и въ стилѣ этого обращенія! Какое громадное оно должно было имѣть общее воспитательное значеніе! Недаромъ Дохтуровъ такъ гордился полученнымъ имъ рескриптомъ.

Разумное сочетаніе принципа старшинства и отличія при прохожденіи службы, устанавливаемое этимъ письмомъ, примѣчательно въ особенности тѣмъ, что всего 8 лѣтъ отдѣляетъ время его написанія отъ эпохи Императора Павла, когда случайные милость или гнѣвъ Государя - Отца опредѣляли судьбу офицеровъ, когда самъ "стопобѣдный" Суворовъ былъ отставленъ отъ службы и сосланъ въ деревню, когда обычны были такія колебанія фортуны, какія, напримѣръ, представляетъ судьба младшаго однополчанина Дохтурова, капитана Преображенскаго полка Чиркова: 15-го ноября 1796-го года онъ былъ выключенъ за просрочку, 19-го ноября принятъ обратно, 27-го произведенъ въ полковники и назначенъ Командиромъ батальона Его Величества; затѣмъ, 18-го іюня, отданъ подъ команду младшего себя и 20-го іюня за дурное поведеніе выключенъ изъ службы со снятіемъ чиновъ; 30-го іюня снова возвращенъ въ полкъ, а въ 1798-мъ году произведенъ въ генералъ-маіоры.

Да и самъ Дохтуровъ не избѣгъ въ [illegible] общей [illegible] участи. Ко времени [illegible] Императора Павла на [illegible] былъ полковникомъ [illegible] въ 1797 году произвелъ его въ генералъ-маіоры и назначилъ шефомъ Софійскаго полка. Черезъ годъ онъ былъ произведенъ въ генералъ - лейтенанты, а 22-го іюля 1800-го года отставленъ отъ службы, но 8-го ноября принятъ на службу снова, съ состояніемъ по арміи. Вновь строевое назначеніе онъ получилъ уже по восшествіи Императора Александра Перваго, въ іюлѣ 1801-го года.

А. Гулевичъ

8 марта 1930 г.

СЛАВА

Читалъ въ газетахъ, какъ восторженные соотечественники встрѣчали Эмиля Яннингса по его возвращеніи изъ заграницы.

Знаменитый артистъ дошелъ уже до такой степени популярности, что его нельзя выпустить на улицу безъ полиціи изъ опасенія, чтобы поклонники не разорвали на части.

Когда Яннингсъ возвращался изъ Холливуда, на вокзалѣ его сопровождало 40 городовыхъ, которые окружили артиста кольцомъ.

Но недавно случилось такъ, что полиціи не было, и Яннингсъ, выйдя изъ вагона, попалъ въ такую человѣческую кашу, что можно было опасаться за его жизнь.

Бѣснующаяся толпа положительно оглушала артиста своими неистовыми криками.

Задніе напирали на переднихъ, передніе сопротивлялись, сколько могли, кулаками и ногами; кое-гдѣ начались зуботычины, а рёвъ толпы заглушалъ всѣ голоса.

Яннингсъ и не замѣтилъ, какъ съ него сорвали шляпу и начали рѣзать ее на кусочки "на память"...

Потомъ хотѣли рѣзать "на память" и пальто, но благоразумные въ толпѣ воспротивились этому и оборвали только всѣ до одной пуговицы съ пальто.

А толпа все росла, а крики уже превратились въ сплошной оглушительный вопль, и, наконецъ, бѣднаго артиста опрокинули на землю, потомъ подняли и еще разъ опрокинули...

Толпа извинялась, благодарила, ревѣла, дралась, кричала, а знаменитый артистъ, весь блѣдный и "растроганный", молился въ душѣ Богу:

— Вынеси, Господи!.. Защити, спаси и помилуй!..

И Богъ услышалъ эту молитву, — подоспѣла полиція, и артиста, хоть и помятаго, вырвала изъ толпы...

Какъ видите, поклонники — это вещь серьезная.

Какъ еще ребра при оваціи не поломали!..

Но зато славы, славы-то сколько!

— Ужъ какой же вамъ еще славы, если человѣкъ пришелъ домой безъ шляпы, весь оборванный и въ грязи...

Я не знаю, любитъ ли славу Яннингсъ, или онъ уже объѣлся ею.

Но я знаю много людей, которые отдали бы полжизни, чтобы получить такую же овацію.

Они были бы на высотѣ блаженства, если бы имъ при оваціи и ребра еще переломали.

— Что можетъ быть лучше, какъ лежать въ постели, принимать интервьюэровъ и жаловаться на излишнюю восторженность публики:

— Да, и ребра поломали... Два ребра...

— Ну, и конечно, тѣло не обошлось безъ синяковъ...

— Ну, что вы хотите, толпы... Энтузіазмъ...

Очень люди любятъ эту игрушку — славу...

Исторія знаетъ случаи, когда люди даже умирали отъ славы.

Вольтеръ, напримѣръ, въ буквальномъ смыслѣ слова погибъ отъ популярности, или, какъ онъ самъ говорилъ, "задохнулся подъ розами"...

Вольтеру было уже 84 года, когда изъ своего фернейскаго изгнанія онъ возвратился въ Парижъ, окруженный блескомъ міровой славы.

Почести начались еще по дорогѣ.

— "Не многіе королевскіе въѣзды, — говоритъ Карлейль, — и не многія римскія тріумфальныя шествія могутъ сравниться съ тріумфомъ Вольтера. Его узнали по дорогѣ въ Бургуанъ-Бресъ, когда перемѣняли лошадей, и въ одну минуту собрался цѣлый городъ около его кареты, такъ что онъ долгое время принужденъ былъ сидѣть запершись въ комнатѣ гостиницы. Станціонный смотритель приказалъ кучеру заложить лучшихъ лошадей и кричалъ:

— Вали во весь духъ! Загони моихъ лошадей на смерть: ты везешь господина де-Вольтера!"...

Въ Дижонѣ нѣкоторые значительные люди переодѣвались лакеями, чтобы прислуживать Вольтеру за столомъ и хоть такимъ способомъ увидѣть его".

А что дѣлалось въ Парижѣ, когда знаменитый изгнанникъ вернулся, наконецъ, въ свой городъ — этого и вообразить себѣ нельзя.

Парижъ влюбился въ Вольтера.

Парижъ носилъ старика на рукахъ.

И такъ какъ Вольтеръ до безумія любилъ славу и отъ почестей не прятался, то старое сердце его не выдержало, и онъ "задохнулся подъ розами".

— Если бы не Парижъ, — говорили его друзья, — и если бы не эта вакханалія почестей, старикъ могъ бы смѣло прожить еще нѣсколько лѣтъ...

Но вотъ, какая интересная подробность есть въ этой "смерти подъ розами":

— Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, уже въ наше время, парижскіе каменщики производили ремонтъ какой-то часовни и нашли въ стѣнѣ замурованный ларецъ.

Свѣдущіе люди долго ломали голову надъ этой реликвіей и не могли понять, что въ этомъ ларцѣ хранится, пока кому-то не удалось прочитать полустертую надпись:

— "Сердце Вольтера"...

Парижъ удушилъ великаго писателя розами и... забылъ...

И когда прошли годы, тотъ же Парижъ нашелъ въ стѣнѣ ящичекъ, и съ изумленіемъ прочиталъ:

— "Сердце Вольтера"...

Ну, скажите пожалуйста, кто могъ бы подумать!..

Такъ быстро проходитъ невѣрная, вѣтреная [illegible]

Капризн[illegible] вая, непос[illegible] иногда... [illegible]

Раскройте [illegible] астронома міроваго значенія, сдѣлавшаго для своей науки безпримѣрно много, и прочитайте послѣднія строчки:

— "Послѣ Кеплера осиротѣвшей семьѣ остались: 7 копѣекъ денегъ, поносильное старенькое платье, 2 рубашки и астрономическія таблицы"..

Коплеръ состоялъ на службѣ у трехъ императоровъ и, хотя ему полагалось жалованье, но за 26 лѣтъ императоры не заплатили ни одной копѣйки.

— Да, слава въ прихотяхъ вольна... Ярко горитъ ея огни, но сколько людей

му же. 10 (23) августа и эти части въ значительной мѣрѣ еще не прибыли на театръ военныхъ дѣйствій. Въ результатѣ, наши пѣхотныя дивизіи шли навстрѣчу къ еще не скованному боемъ врагу **слѣпыми** и будучи, вмѣстѣ съ этимъ, лишенными возможности, въ случаѣ встрѣчнаго боя съ противникомъ, сразу же установить съ сосѣдними колоннами боевую связь конницей, которая обезпечивала бы отъ внезапнаго проникновенія непріятеля между колоннами и сопряженнаго съ этимъ охвата ихъ фланговъ. Мы знаемъ, что нѣмцы, обратившіе послѣ войны 1870-71 годовъ большое вниманіе на изученіе встрѣчнаго боя, рѣшали задачу иначе : у нихъ каждая пѣхотная дивизія имѣла свой полкъ хорошей кавалеріи. Отсутствіе у насъ настоящей дивизіонной конницы приводило къ одинаковымъ отрицательнымъ результатамъ какъ въ первыхъ операціяхъ въ Восточной Пруссіи, такъ и въ Галиціи. Такъ неправильныя отправныя точки въ отвлеченныхъ верхахъ науки создавали въ низахъ исполненія условія, затрудняющія побѣду и облегчающія пораженіе". (стр. 169-160).

Такъ говоритъ "посредникъ", разбирая войну. Онъ повторяетъ мысль, что сто лѣтъ до него, въ эпоху расцвѣта кавалеріи, высказалъ ген. Жомини : —

«...Sans une cavalerie experimentée et suffisante les armées marchent en aveugle et peuvent être compromises»...

Въ военномъ искусствѣ есть истины, подобныя аксіомамъ въ математикѣ : — онѣ вѣчны и непреложны. Какъ ни отрицай, какъ ни косись презрительно на кавалерію : — безъ нея не обойдешься.

Такъ много говорили передъ войной и такъ много кричатъ послѣ войны о томъ, что агентурная и особенно воздушная развѣдка дѣлаютъ работу конницы излишней. А вотъ, что выяснилъ генералъ Головинъ, внимательно изучивъ и безпристрастно разбирая Галиційскую битву : — наша кавалерія, которая была пріучена работать и которая работала во что бы то ни стало — выяснила и нащупала контуръ Австро-Венгерскихъ армій и почти вездѣ — XIV корпусъ не въ счетъ — онъ былъ безъ кавалеріи — дала нужныя свѣдѣнія о противникѣ, а Австрійская кавалерія, встрѣтившая вездѣ сопротивленіе Русской кавалеріи дать этихъ свѣдѣній не могла. Что касается воздушнаго флота — ген. Конрадъ, разбирая бой у Городка и Гусятина 6 (19) августа пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ : "Эти важныя свѣдѣнія были 21 (8) августа провѣрены летчиками ; послѣдніе могли установить, что въ районѣ между Днѣстромъ и дорогой Проскуровъ - Тарнополь **нѣтъ крупныхъ частей противника**". "А между тѣмъ", — поясняетъ въ своей книгѣ генералъ Головинъ, — "какъ разъ въ этомъ районѣ наступала вся Русская 8-я армія (стр. 146).

Точно также и механическая связь техническими аппаратами на войнѣ не всегда была надежна, возможна и примѣнима, имѣя ее въ полной мѣрѣ, слѣдуетъ ли отказываться и отъ почти всегда безотказной конной связи, для чего и "казачки" 3-й очереди вполнѣ пригодны ?... Въ бояхъ 12 (25) августа 4-й арміи въ армейскомъ управленіи царилъ хаосъ, приведшій къ катастрофѣ. "Связь, какъ общее правило, не дѣйствовала совершенно, и телефонограммы часто доходили до адресата только на вторыя сутки" (стр. 169).

Таковы заключенія разбора генерала Головина дѣйствій Русской конницы въ Галиційской битвѣ. Конница наша съ честью вышла изъ испытанія войны, выдвинувъ рядъ крупныхъ и даровитыхъ кавалерійскихъ начальниковъ, какъ генералы Драгомировъ, Калединъ, гр. Келлеръ и Павловъ. Что же дала бы она, если бы она вышла на войну твердая въ единой и вѣрной кавалерійской доктринѣ, гдѣ корнетъ, ведущій разъѣздъ и генералъ, водитель дивизіи и корпуса были бы заряжены единымъ коннымъ порывомъ наступленія, атаки и преслѣдованья до изнеможенія ?

Тогда не было бы такихъ случаевъ, что послѣ разгрома венгерской дивизіи у Городка 4 (17) августа генералъ Ж. не рѣшился бросить въ преслѣдованіе всю свою дивизію (стр. 122). Или послѣ блестящей атаки 10-й кавалерійской дивизіи у д. Волчковце 8 (21) августа кавалерійскій корпусъ генерала Бе[illegible]дѣева, имѣвшій возможность глубоко проникнуть въ тылъ Австро-Венгерскихъ армій къ Злочеву и Поморжанамъ и раскрыть карты развертыванія [illegible] Австро-Венгерской арміи не сдѣлалъ этого. Почему ? Да просто потому, что самъ командиръ корпуса не [illegible] своей побѣдѣ, не повѣрилъ въ то, что въ современномъ бою конница **такъ можетъ дерзать !**

Не угашайте духа конницы ! Изучайте ея работу не по Западному Германо-Французскому фронту, гдѣ въ силу особаго характера мѣстности, широко развитыхъ путей сообщенія и высокой техники, — возможно, конницу придется замѣнить механизированными войсками, но по театру Русскому, гдѣ и въ будущемъ намъ предстоятъ тѣ же Нароли, Волчковце, Городки, Каменки-Струмиловы, — пески, болота, лѣса, бездорожье и широкія пространства, которыя не освѣтишь быстро пролетающимъ аэропланомъ. Не давайте себя соблазнить идеями, возникающими въ горячихъ, по большей части, штатскихъ, безотвѣтственныхъ на войнѣ, головахъ.

* *

Такъ опасны эти навязчивыя идеи ! Газы... отравленіе рѣкъ (!!!) и колодцевъ болѣзнетворными бациллами... международный флагъ, который во время войны долженъ охранять отъ разрушенія всѣ памятники и сокровища искусства (Господи ! Какая американская чепуха !)... агитація въ тылу... шпіономанія... всякіе вздорные слухи — все это для твердаго, воспитаннаго войска пустяки, но для войска, близкаго къ психологической толпѣ — безконечно опасно.

Насколько серьезно такое внушеніе войскамъ различныхъ страховъ показываетъ наступленіе частей 3-й арміи (генерала Рузскаго) въ Галицію.

"Описывая первые переходы въ Галиціи своего корпуса (XXI арм.) генер. Шкинскій пишетъ : — "По имѣвшимся свѣдѣніямъ, полоса мѣстности между границей и Западнымъ Бугомъ, по которой предстояло наступать XXI корпусу, была покрыта болотами и считалась трудно-проходимой. По тѣмъ-же свѣдѣніямъ мѣстное населеніе Восточной Галиціи считалось враждебно настроеннымъ къ Русскимъ. Усиленно культивировалось невидимою рукою въ войскахъ убѣжденіе, что съ первыхъ же шаговъ они наткнуться на вооруженное возстаніе всего населенія и на партизанскую войну. Самъ Командующій Арміей, ген. Рузскій, предупреждалъ меня лично объ очевидной неизбѣжности такого положенія вещей и впередъ, какъ онъ выразился, подписывался обѣими руками подъ самыми суровыми мѣрами, которыя будетъ необходимо принимать противъ бунтовщиковъ. Такимъ образомъ, все предвѣщало, что наступленіе до Львова будетъ производиться въ очень тяжелыхъ условіяхъ"... "Внушеніе войскамъ убѣжденія неизбѣжности вооруженнаго возстанія мѣстнаго населенія, имѣло самое пагубное на нихъ вліяніе, способствовавшее даже развитію паническаго настроенія, особенно въ не столь устойчивыхъ частяхъ вспомогательнаго назначенія, какъ артиллерійскіе парки и транспорты. На каждомъ шагу людямъ мерещились нападенія изъ-за угла и стрѣльба изъ строеній засѣвшими тамъ мѣстными жителями. Начали разыгрываться трагическія картины уничтоженія мнимыхъ злодѣевъ ; при прохожденіи черезъ населенные пункты часто открывалась безпричинная безпорядочная стрѣльба по всѣмъ направленіямъ, въ которой сами стрѣлявшіе, вслѣдствіе предвзято настроенной фантазіи, принимали свои собственные выстрѣлы за направленные будто бы въ нихъ чужіе. Правда, бывали единичные случаи стрѣльбы по войскамъ или со стороны еврейскаго населенія или шайками, организованными австрійскими жандармами, но они, какъ единичные, не могли служить показателемъ враждебнаго отношенія къ намъ населенія въ массѣ.

"Для меня становилось ясно, что войска находятся подъ гипнозомъ неосновательнаго внушенія, и что дѣло можетъ кончиться полнымъ разореніемъ страны, которой придется еще пользоваться, и разложеніемъ самихъ войскъ, первые признаки котораго начали уже проявляться въ безпричинной подчасъ паникѣ, возникающей, какъ слѣдствіе массоваго разстройства воображенія. Пришлось кромѣ разубѣжденія войскъ въ виновности жителей, принимать строгія мѣры противъ виновныхъ въ поджогахъ и самовольныхъ расправахъ и возложить отвѣтственность за поджоги на начальниковъ войсковыхъ частей".

"Такое искусственно привитое повышенное нервное настроеніе продолжалось до перваго серьезнаго столкновенія съ противникомъ на Западномъ Бугѣ, когда въ войскахъ опредѣленно почувствовалось сознаніе своего превосходства надъ непріятелемъ и исчезли миражи относительно враждебности населенія и вездѣсущности непріятельской конницы".

"Полоса мѣстности между границей и Западнымъ Бугомъ, вопреки ожиданіямъ оказалась сухою, такъ какъ лѣто было жаркое, и всѣ болота успѣли просохнуть"... (стр. 199-200).

Не живемъ-ли мы сейчасъ, сегодня, въ такомъ "искусственно привитомъ повышенномъ нервномъ настроеніи, не видимъ-ли мы того, чего нѣтъ, не считаемъ-ли мы врага всемогущимъ ? И пока Господь не дастъ намъ счастья — "серьезнаго столкновенія съ противникомъ, чтобы опредѣленно почувствовать свое громадное моральное превосходство надъ нимъ", не должны-ли мы принимать какія то мѣры, чтобы прогнать окружающіе насъ миражи ?

Эти мѣры — серьезное изученіе минувшей кампаніи по книгамъ ген. Головина. Въ нихъ мы найдемъ ясную, точную, вѣрную и подробную картину того, что было. Въ нихъ мы найдемъ разборъ того, что могло-бы быть и указаніе на то, что надо было дѣлать въ томъ, или иномъ случаѣ, чтобы побѣда была за нами.

Эти книги : — "Изъ исторіи Кампаніи 1914 года на Русскомъ Фронтѣ" — "начало войны и первыя операціи въ Восточной Пруссіи" и "Галиційская битва", по нашему "бѣженскому" карману стоятъ очень дорого, но вѣдь это и дорогія книги. Это не романъ, который проглотишь за два часа, и послѣ котораго остается только пустота въ головѣ, но это книги, которыя надо изучать. На каждой страницѣ ихъ мы отмѣтимъ себѣ нѣчто, что надо запомнить для будущаго. При томъ лучше, если эти книги читать не въ одиночку. На сигналъ "соберитесь, разъясните все ученье", — чѣмъ больше придетъ начальниковъ всѣхъ степеней, до унтеръ-офицеровъ включительно, тѣмъ лучше. Тѣ, кто имѣлъ высокую честь участвовать въ міровой войнѣ, переживутъ ее вновь, тѣ, кто тогда былъ еще слишкомъ юнымъ, читая ее поймутъ, что "страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ" — и воевать можно, и мы, Русскіе, воевали не плохо. Отсюда такъ дорогіе : — бодрость духа, вѣра въ свои силы и вѣра въ точность военной науки. Это многаго стоитъ !

Читать эти книги я бы совѣтовалъ, имѣя передъ глазами Австрійскую карту 1 / 750.000 или Польскую карту 1/300.000, съ коробкой цвѣтныхъ карандашей подъ рукою. Самимъ отыскивать мѣстные предметы, подчеркивать названія селеній, обводить контуры расположенія корпусовъ и армій, ставить цифры и буквы, заштриховывать ихъ, отчеркивать фронтъ, проводить разграничительныя линіи, ставить стрѣлки. Идти по картѣ съ войсками, шагъ за шагомъ, продумывать рельефъ и контуръ мѣстности и разбирать каждое положеніе.

Всѣ великіе военные изучали военную исторію. Наполеонъ и Суворовъ не разставались съ томиками Плутарха, Цезаря, Ксенофонта. Тогдашняя тактика и стратегія не далеко ушли отъ временъ Левктры, Каннъ и Ѳермопилъ. Тогда духъ первенствовалъ надъ оружіемъ.

Теперь : — газы, аэропланы, автоматическія ружья, минометы, стремительно-разрушающая артиллерія, танки... можетъ быть вооруженные "роботы"... Изучимъ послѣднюю, уже очень механизированную войну, чтобы не бояться грядущей.

Она неизбѣжна!

П. Красновъ.

сгорѣло на этихъ огняхъ!..

Недавно я перечитывалъ біографію знаменитой французской артистки Жоржъ.

Ей было только 15 лѣтъ, когда она уже считалась выдающейся актрисой и играла въ лучшемъ театрѣ Парижа...

На даровитую дѣвочку обратилъ вниманіе Наполеонъ (тогда первый консулъ), но вниманіе его было не безкорыстно.

Взволнованная, хорошенькая, какъ херувимъ, эта дѣвочка бѣгала за кулисами и съ испуганной радостью говорила подругамъ по сценѣ:

— Что это значитъ?.. И что ему надо?..

А опытныя подруги наставляли дѣвочку:

— Когда требуетъ консулъ, нельзя не пойти... Неловко... Поѣзжай, дѣточка, только одѣнься получше...

Дѣточка послушалась, и Наполеонъ былъ ея любовникомъ.

И всѣ завидовали ей.

И слава ея росла безгранично.

Богатство, поклонники, влюбленный шопотъ похвалъ, и "блестящая", головокружительная карьера...

Но вотъ послѣднія строчки этой біографіи:

— Въ театрѣ "Одеонъ" умерла старуха, смотрительница театральнаго сортира, Жоржъ... Старожилы говорятъ, что это была знаменитая въ свое время артистка и любовница Наполеона...

Да, это была та самая Жоржъ, знаменитая Жоржъ...

Прошла ея молодость, отгорѣла слава, закатилась карьера...

Исчезли друзья, перемерли поклонники, и старая актриса умерла смотрительницей при театральной уборной...

Александръ Яблоновскій

Маленькій фельетонъ.

ФИЛОСОФІЯ ТАНЦЕВЪ.

(Посвящается нашей молодежи)

У каждой эпохи свой стиль. Какъ мыслятъ въ данномъ вѣкѣ, какъ чувствуютъ, такъ и танцуютъ.

Кювье по одной кости могъ возстановить скелетъ допотопнаго чудища. А я, болѣе скромный изслѣдователь млекопитающихся, по одному фоксъ-тротту или чарльстону современниковъ, могу возстановить всю ихъ культуру.

Не трудно. Возьмите любую танцующую пару съ ея четырьмя ногами, разложите на составныя части, и увидите, что здѣсь микрокосмъ всей современности.

Легкомысліе, полная гласность, всенародный контроль надъ секретными соглашеніями и осуществленіе соціалистическаго идеала:

— Все твое — мое, все мое — твое.

⁂

Сравнить съ этой нынѣшней беззастѣнчивой пляской — ушедшій въ безвозвратное прошлое — менуэтъ. Сколько благородства и цѣломудрія.

По движеніямъ менуэта видно, что мужчина для женщины — рыцарь. Что послѣ этого танца къ интимности нужно пройти долгій путь: черезъ освященіе Церкви и благословеніе родителей. Менуэтъ — одно прикосновеніе пальцевъ. Застѣнчивая весна сердецъ, не знающихъ, расцвѣтетъ ли лѣто или вернется зима.

Тѣмъ цѣломудренно танцевать можно только при просвѣщенномъ абсолютизмѣ. Самодержавный король въ государственномъ быту, самодержавный отецъ въ семьѣ. Въ соотвѣтствіи съ ними и танцы. На разстояніи цѣлаго метра между танцующими.

⁂

А прошелъ менуэтъ, пробила брешь въ абсолютизмѣ демократическая нравственность, — и кавалеръ обнялъ даму за талію. Родился вальсъ, компромиссный по существу, но еще гармоничный и сдержанный по формѣ. "Онъ" и "она" стали въ танцѣ ближе другъ къ другу. Видно было, что дѣло можетъ обойтись иногда и безъ согласія родителей. Отцы и дѣти могли спорить, будучи носителями одинаковыхъ гражданскихъ правъ.

Но сохранялась все-таки инерція прошлаго. Абсолютизмъ палъ; однако, для приличія короли оставались. И въ вальсѣ исчезнувшій абсолютизмъ отцовъ тоже имѣлъ облагораживающій отблескъ: нравственность уже не управляла, но, къ счастью, хоть царствовала...

Менуэтъ — ранняя весна для танцующихъ. Вальсъ — начало лѣта. Въ менуэтѣ — кавалеръ-рыцарь благоговѣйно кланялся дамѣ; въ вальсѣ онъ могъ уже не проявлять уваженія. И весь общественный сдвигъ къ концу девятнадцатаго вѣка не что иное, какъ сдвигъ въ танцѣ.

Меньше стыдливости. Больше публичности. И на полметра ближе.

⁂

Что происходитъ теперь, въ эпоху полнаго народовластія, — стыдно сказать. Когда король былъ на почтительномъ разстояніи отъ народа, какъ прекрасная дама для рыцаря, — менуэтъ былъ естественъ. Когда парламентаризмъ далъ народу возможность обнять власть за талію — танцовали вальсъ. Но что, въ самомъ дѣлѣ, могутъ теперь танцовать юноши? Когда каждый прохожій можетъ зайти въ парламентъ, какъ въ баръ, превратить государство въ залъ дансинга, и обнять, и прижать, и скомпрометтировать безъ угрызенія совѣсти?

Фоксъ-троттъ, шими, чарльстонъ — какъ разъ соотвѣтственные танцы. Разстоянія — почти никакого: измѣрить можно только микрометромъ. Гдѣ въ объятіяхъ кончается мужчина и начинается женщина — не обнаружитъ иногда самый опытный глазъ. Когда исполняются современные танцы, ясно видно, что не только благословеія родителей или освященіе Церкви, — даже одобренія хозяина зала не нужно.

Если менуэтъ — весна, а вальсъ — начало лѣта, то что же такое фоксъ-троттъ?

Нѣтъ, я слишкомъ корректенъ, чтобы производить дальше сравненія...

А. Ренниковъ

ПРАВИТЕЛЬ.

Въ одномъ древнемъ и знаменитомъ городѣ былъ правитель. Когда въ государствѣ произошла смѣна власти, его низвергли. Онъ поселился у своей сестры, въ небольшой комнатѣ ея домика. Для него началась жизнь, мало похожая на прежнюю. На углу улицы, гдѣ нѣкогда проѣзжалъ въ коляскѣ, онъ продавалъ теперь пирожки. Пѣлъ въ церкви на клиросѣ. Торговалъ остатками вещей сестры на рынкѣ. У него выросла большая борода, сѣдая, и его трудно было бы узнать. Дѣти друзей, которымъ онъ носилъ на праздники игрушки собственнаго производства, называли его "дѣдъ морозъ".

⁂

Однажды зимою, какъ обычно, торговалъ онъ на рынкѣ, предлагая платокъ сестры и свой портсигаръ съ вензелемъ. Никто не покупалъ ихъ. Дуло мелкимъ снѣгомъ, лицо дѣда-мороза стало леденѣть, и ему показалось, что будетъ хорошо, если онъ пройдется со своимъ товаромъ по троттуару: быть можетъ, скорѣе встрѣтитъ покупателя. Поднявъ барашковый воротникъ пальто, съ шалью на плечѣ и портсигаромъ въ рукѣ, онъ перешелъ черезъ улицу. Гомонъ и крикъ рынка остались сзади. Пройдя немного, онъ увидѣлъ на снѣгу предметъ. Мятелица уже задувала его. Это была небольшая икона. На ней изображались три старца — одинъ съ сѣдою бородою въ темной ризѣ, другой съ темною бородой въ ризѣ мелкими крестиками, третій со священной книгой у груди въ лѣвой рукѣ, пальцы же правой подняты для благословенія. Сквозь летящій снѣгъ старѣющими глазами разсмотрѣлъ дѣдъ морозъ надпись. Свв. Симеонъ, Гурій и Авива. Онъ поцѣловалъ икону и положилъ ее себѣ въ карманъ. Въ это время сзади раздались крики, брань, вопли: все мѣсто, гдѣ онъ только что торговалъ, было оцѣплено конными и пѣшими солдатами. Такъ какъ по новому закону нельзя было торговать на рынкѣ, то солдаты и стражники уводили мужчинъ и плачущихъ женщинъ.

Правитель же, возвратившись домой, поставилъ икону къ себѣ въ почетный уголъ. Его сестра была очень довольна.

⁂

Однажды, всетаки, его схватили и увезли изъ дому позднею ночью. И онъ и сестра полагали, что болѣе не увидятся. Прощаясь, она перекрестила его и благословила иконою Трехъ Святителей.

Вскорѣ его судили. Десятки свидѣтелей вызваны были противъ него. Рабочіе и служащіе, вдовы, извозчики, булочники, торговцы, ремесленники, русскіе, евреи, армяне, татары, — всѣ говорили одно:

— "Мнѣ не въ чемъ его упрекнуть". "Онъ ничего не дѣлалъ дурного". — Нѣкоторые улыбались ему, кланялись, какъ знакомому. Правитель сидѣлъ и поглаживалъ бороду.

Судъ присудилъ его къ многолѣтнему заключенію. Правитель былъ все такъ же спокоенъ.

Его отвезли въ монастырь, обращенный въ тюрьму. Тамъ поселился онъ въ келіи. Нѣкогда монастырь этотъ славился иконописцами и стоялъ на возгоріи, за чертой города. — "Быть можетъ, — думалъ правитель, — въ этой же самой келіи, за такимъ же столикомъ и трудился благочестивый инокъ". — Теперь стѣны были исчерчены надписями. "Прощай, мама", — читалъ онъ на одной. "Господи, не оставь меня!" — на другой. "Умираю!" — на третьей. Правитель хорошо зналъ грозную правду этихъ строкъ. Не разъ старческій сонъ его прерывался съ грохотомъ подъѣзжавшей машины — въ ней увозили осужденныхъ. Правитель не сомнѣвался, что близка и его очередь, ибо, думалъ онъ, власть недовольна приговоромъ и, навѣрное, умертвитъ его тайно.

Но шло время, за нимъ не являлись. Весна наступила, а въ блѣдно-золотомъ небѣ, за городомъ, надъ полями пѣлъ жаворонокъ, ручьи затопляли низины и серебрились: все это правителю видѣлось воображаемо. Окно же выходило на городъ — на древнемъ холмѣ въ свѣтѣ весенняго солнца все такъ же вздымались зубчатыя стѣны и башни, бѣлѣли соборы и ихъ золотые шлемы. Все было, отсюда, такъ-же, какъ и тогда, когда одинъ изъ дворцовъ занималъ Правитель.

Затѣмъ наступило лѣто. Пыльно-золотистая дымка висѣла по вечерамъ надъ городомъ. Осень ее сняла и расцвѣтила склоны холма надъ рѣкой, въ садахъ, пестрыми красками. И ужъ вновь поднялась и мятель, подъ вечеръ потонувшая въ мокрой грязи. Правитель думалъ о надвигающихся холодахъ.

Въ ночь на пятнадцатое ноября онъ видѣлъ сонъ — будто бы онъ на полянѣ, въ родномъ имѣніи, и такъ необычайно свѣтитъ солнце, такъ все полно свѣтомъ его и благоуханія, такъ вѣчны, блаженны деревья, травы, птицы, что это, конечно, иной міръ. И три лика знакомыхъ и таинственныхъ, возникаютъ изъ свѣта и какъ бы проходятъ вблизи, райскимъ видѣніемъ. Правитель проснулся въ большомъ волненіи. День странно начался для него. Послѣ полудня постучали въ дверь. Вошли тюремщики и объявили: онъ свободенъ.

⁂

Правитель возвращался домой пѣшкомъ. Идти было далеко, чрезъ весь городъ. Онъ несъ въ рукахъ узелокъ съ вещами, шелъ серединою улицы, и снѣгъ медленно таялъ на его бородѣ. Онъ думалъ о сестрѣ, ея добромъ сердцѣ, и о томъ, какъ вотъ онъ счастливъ, что его любятъ и ему есть куда возвратиться. Проходя мимо прежняго своего дворца, улыбнулся.

Далѣе безъ труда нашелъ въ одномъ изъ тихихъ переулковъ домъ сестры. Деревья сада были запушены снѣгомъ. Свѣжій слѣдокъ велъ отъ калитки къ крыльцу.

— Господи! — воскликнула сестра, увидѣвъ его: — ты! Значитъ, не напрасно видѣла я нынче во снѣ Трехъ Святителей съ найденной тобою иконкой!

И взглянувъ на отрывной календарь, увидѣла, что сегодня, пятнадцатаго ноября, день свв. Симона, Гурія и Авивы.

⁂

Сестра правителя прежде была придворной. Нынѣ шила бѣлье, готовила и убирала. Зимой разгребала снѣгъ у домика. Правитель же давалъ уроки, а въ свободные часы клеилъ и мастерилъ игрушки для дѣтей. Часть ихъ онъ продавалъ, а часть раздаривалъ знакомымъ дѣтямъ къ Рождеству. Такъ что все болѣе слылъ средь нихъ дѣдомъ морозомъ. И его жизнь шла довольно покойно. "Господи, — молился онъ: — благодарю Тебя, что даровалъ мнѣ кровъ и любовь!"

Сестра, дѣйствительно, очень любила его, и они жили дружно.

Весною она заболѣла. Правитель ухаживалъ за нею, какъ умѣлъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, она потребовала икону Трехъ Святителей, благословила ею брата, какъ въ ту страшную ночь его увода. Коснѣющимъ языкомъ сказала: — "Храни икону. Это твои заступники".

Правитель самъ сколачивалъ ей гробъ. Старческія слезы орошали его. — "Господи, Господи, — повторялъ онъ про себя: — помоги и поддержи".

Онъ хоронилъ сестру въ теплый день мая. Сирень цвѣла въ садикѣ, жасминъ распускался за заборомъ. Нѣжно горѣлъ золотомъ куполъ сосѣдней церкви. Правитель самъ, въ тележкѣ, съ помощью знакомаго мальчика, везъ прахъ сестры на кладбище. Легкій ливень пронесся надъ свѣже-засыпанной могилой, и еще ярче блистали, благоухали березки и клены. На обратномъ пути правитель измучился. Онъ отдалъ тележку мальчику, самъ же остановился, сѣлъ на тумбу. И жалѣлъ, что не его взялъ Господь въ землю.

Въ это время видитъ правитель извозчика, медленно къ нему подъѣзжающаго.

— Что ты тутъ сидишь на тумбѣ? — спрашиваетъ извозчикъ.

— Я усталъ.

— Садись, подвезу.

— Заплатить нечѣмъ.

— Ничего. Мнѣ по дорогѣ.

Тогда правитель сѣлъ.

— Куда же ты повезешь меня?

Извозчикъ обернулъ къ нему лицо съ длинной сѣдой бородой.

— Я тебя давно знаю. Ты бывшій правитель. Раньше каталъ въ коляскѣ, а теперь нищій. Я тебя помню. Вотъ и уважу.

Они ѣхали шагомъ и рысью, въ направленіи дома правителя. Но не доѣзжая его, извозчикъ остановился у церкви.

— Видишь, — сказалъ онъ, — я и поставилъ тебя. Слѣзай.

Правитель былъ нѣсколько удивленъ, что его привезли сюда, но покорно слѣзъ. Хотѣлъ было поблагодарить извозчика, но того уже не было. Тогда онъ зашелъ въ церковь. Начиналась всенощная. Правитель, ни о чемъ не думая, но не колеблясь, прошелъ въ дальній уголъ, гдѣ горѣли свѣчи передъ иконою. Подойдя ближе, слегка наклонился, чтобы разсмотрѣть образъ, котораго раньше, какъ будто, не замѣчалъ. На немъ изображены были Три Святителя, — одинъ съ сѣдою бородою въ темной ризѣ, другой съ темной бородой въ ризѣ мелкими крестиками, третій со священной книгой у груди въ лѣвой рукѣ, пальцы же правой подняты для благословенія. Подпись подъ ними: Свв. Симонъ, Гурій и Авива.

⁂

Правитель молился. Заступники смотрѣли на него съ иконы. Сердце его было легко.

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ.

Николкинъ день.

Николкинъ день.

Николка живетъ высоко, подъ самой крышей восьмиэтажнаго дома. Здѣсь длиннѣе день. Когда въ тѣснинахъ парижскихъ улицъ уже темно, устало загораются ночные огни, въ комнатѣ свѣтло и стынетъ, угасая, дымится косымъ столбомъ блѣдно желтый зайчикъ. По утрамъ внизу еще сумрачно, свѣжо, а комнату уже захватилъ розоватый, плывущій надъ городомъ, солнечный туманъ.

Парадной звучностью своего полнаго имени Николка не уступитъ любому испанскому гранду. Когда послѣ рожденія Николки отца его вызывали въ мэрію, чиновникъ спросилъ имена ребенка и родителей и мѣсто ихъ рожденія, и такъ записалъ новорожденнаго:

«Nicolas-Alexandr Pierre de Novgorod».

Никакіе протесты не помогли, чиновникъ былъ непреклоненъ.

Николка — мужчина сумрачный, недовѣрчивый и замкнутый. Отъ замкнутости этой — нетребователенъ и въ общежитіи удобенъ. Поначалу родители, уходя на работу, отдавали ребенка въ дѣтскія ясли при мэріи, но потомъ, наслушавшись отъ сосѣдей всякихъ ужасовъ о томъ, какъ ребятъ "тайно переводятъ въ католичество", предоставили Николку самому себѣ.

Въ шесть встаетъ отецъ. Сквозь сонъ Николка слышитъ, какъ онъ шлепаетъ по полу туфлями, что-то бормоча, потомъ въ кухонькѣ гремитъ посудой, поджариваетъ на маслѣ хлѣбъ, варитъ кофе для себя, Николки и матери. Потомъ слышенъ жесткій шорохъ сѣраго шофферскаго балахона, большая грубая рука мягко касается николкиной головы, скрипитъ дверь, и опять все стихаетъ. Позже поднимается мать. Николка во снѣ ловитъ рукой ея теплую шею. Мать уходитъ на работу — шить, въ модный домъ "Ратмиръ".

Самъ Николка встаетъ поздно, взбирается на стулъ у умывальника, моется, съ отвращеніемъ чиститъ зубы, одѣвается и пьетъ кофе съ хрустящими, обуглившимися на углахъ, ломтиками хлѣба.

Игрушекъ у него нѣтъ, и онъ ихъ не любитъ. Самъ себѣ и актеръ и зритель, онъ вполнѣ удовлетворенъ тѣмъ міромъ, который его окружаетъ. Надѣвъ на носъ отцовскія очки и задравъ голову, чтобы они держались, онъ подолгу сидитъ надъ толстой книгой, водя пальцемъ по чернымъ строчкамъ и что-то шепча. Когда надоѣстъ, перевернетъ книгу вверхъ ногами, и продолжаетъ шептать. Лежа на животѣ на полу рисуетъ на обрывкѣ картона диковинные города, звѣрей, знакомыхъ. Лѣтомъ, стоя на скамеечкѣ передъ рѣшеткой раскрытаго окна, бросаетъ онъ въ воздухъ мелкіе клочки бумаги, и часами смотритъ, какъ, похожіе на бѣлыхъ рѣзвыхъ мотыльковъ, то, порхая летятъ они книзу, то взмываютъ подъ порывомъ вѣтерка вверхъ, плывутъ къ темно-золотому куполу собора Инвалидовъ, къ дымящейся вдали Эйфелевой башнѣ, надъ пестрымъ узоромъ черепичныхъ крышъ, надъ шумными улицами.

У него есть игрушечный автомобиль — съ гудкомъ, коробочкой счетчика, фонарями, но это — не игрушка, это серьезное и скучное дѣло. Доставъ со стѣны отцовскій старый картузъ, онъ садится въ машину, и медленно и долго ѣздитъ по кругу, вдоль стѣнъ комнаты. Остановившись у дверей, у кровати, онъ приподнимаетъ фуражку и безстрастнымъ голосомъ спрашиваетъ:

— Place de la Concorde? Oui, ma-

Ученіе Суворова.

"ГЛАЗОМѢРЪ И БЫСТРОТА"

Опредѣляя, что такое воинское искусство, Суворовъ въ своей "Наукѣ побѣждать" говоритъ:

"Два воинскія искусства. Первое, глазомѣръ, какъ въ лагерь стать, какъ идти, гдѣ атаковать, гнать и бить. Второе, быстрота".

Такимъ образомъ, въ Суворовскомъ пониманіи, "глазомѣръ" это — умѣніе поставить правильное рѣшеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Ставя на первое мѣсто "глазомѣръ", а не "знаніе", Суворовъ исходитъ изъ той основной точки зрѣнія, о которой мы говорили въ концѣ прошлаго очерка, *), а именно, что для военнаго человѣка знаніе имѣетъ только тогда цѣнность, когда онъ умѣетъ его примѣнить на дѣлѣ. Съ присущимъ ему свойствомъ сразу же подходить къ существу дѣла, Суворовъ требуетъ результатовъ знанія, а не только само знаніе. Это нисколько не умаляетъ значенія "знанія", которое Суворовъ считаетъ необходимой предпосылкой "глазомѣра"; объ этомъ свидѣтельствуетъ поученіе, сказанное Суворовымъ по случаю возложенія Георгія 3-ей степени на одного изъ своихъ сотрудниковъ, подполк. Куриса. Смыслъ этого поученія былъ таковъ:

Награда можетъ быть слишкомъ тяжела по своему значенію, но это обязываетъ награждаемаго заботиться о достоинствахъ генеральскихъ: честности — заключающейся въ держаніи своего слова, въ прямотѣ и въ отсутствіи мстительности; трудолюбіи, бдѣніи, постиженіи, мужествѣ и выше всего — глазомѣрѣ. При этомъ указывалось, что генералу необходимо: "непрерывное самообразованіе съ помощью чтеній".

Въ 1770 году Суворовъ писалъ: "Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и во всѣхъ случаяхъ потребны, токмо тщетны они, если не будутъ истекать изъ искусства.... Генералу необходимо непрерывное самообразованіе себя науками... нужна непрестанная наука изъ чтеній... только безпрерывное изощреніе взгляда сдѣлаетъ великимъ полководцемъ"...

Что понималъ Суворовъ подъ такими "чтеніями", онъ самъ поясняетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:

"Какъ военный человѣкъ, упражняйся ты съ прилежаніемъ въ чтеніи Вобана, Кугорна, Кюраса, Гюбнера; будь знающъ нѣсколько въ Богословіи, Физикѣ, нравственной философіи; читай охотно Евгенія, Тюренна, записки Юлія Цезаря, Фридриха II, Ролленову Исторію и Графа де Сакса"...

Второй предпосылкой для правильнаго "глазомѣра" является умѣніе смотрѣть на дѣло въ его цѣломъ. Суворовъ и ставитъ это умѣніе, какъ одно изъ необходимыхъ свойствъ полководца. "Непрестанное упражненіе, какъ все обнять однимъ взглядомъ, сдѣлаетъ тебя великимъ полководцемъ", пишетъ онъ своему крестнику, сыну генерала Карачая.

Полвѣка спустя, величайшій изъ теоретиковъ войны, являющійся родоначальникомъ современной военной науки, Клаузевицъ, развиваетъ ту же суворовскую мысль. "Нѣтъ ничего важнѣе въ жизни, — пишетъ онъ, *), — какъ правильно поставить отправную точку, съ которой должны быть обнимаемы и обсуждаемы вещи (auffassen und beutheilen), и затѣмъ строго держаться ея, потому что въ одной точкѣ мы можемъ обнять, въ ихъ единствѣ, всю массу явленій, и только единство точки зрѣнія можетъ избавить насъ отъ противорѣчій".

Вѣкъ же спустя послѣ Суворова великій полководецъ XIX вѣка, фельдмаршалъ Мольтке, указываетъ, что самое главное въ дѣлѣ руководства операціей это сохраненіе единства точки зрѣнія...

⁂

Выдвигая на первое мѣсто "глазомѣръ", Суворовъ выдвигаетъ значеніе "расчета", а не "риска". Неправда ли, странно это слышать изъ устъ полководца, свойствомъ котораго, поразившимъ всѣхъ его современниковъ, было "дерзаніе". Вѣдь, именно на этомъ впечатлѣніи базировалось мнѣніе иностранцевъ о Суворовѣ, какъ о варварѣ, одаренномъ военнымъ инстинктомъ!

Нельзя отрицать необходимости для вожденія войскъ способности дерзать. Чѣмъ войсковая часть меньше, тѣмъ больше "дерзанія" требуется отъ ея начальника. Поэтому войска должны воспитываться въ самомъ ярко выраженномъ наступательномъ духѣ. Они должны быть готовы атаковать врага, не считаясь съ его силами. Суворовъ такъ и воспитывалъ свои войска: "А что дерзновенны, — пишетъ Суворовъ про свои войска, — я одинъ тому виной, я ихъ пріучилъ къ смѣлой нападательной тактикѣ".

Но, по мѣрѣ того, какъ мы подымаемся вверхъ по ступенямъ военной іерархіи, расчетъ, т. е. "глазомѣръ", все больше и больше оттѣсняетъ рискъ, т.е. "дерзаніе", на второй планъ. Старшіе начальники должны водить войска въ бой, а не на убой. Создатель Россійской регулярной арміи — Петръ Великій — проводилъ эту мысль, настаивая на "побѣдахъ малою кровью". Такова же была точка зрѣнія и Суворова. Напомнимъ приведенные въ предыдущемъ очеркѣ слова его "Науки побѣждать": "Послѣднюю кампанію непріятель потерялъ счетныхъ семьдесятъ пять тысячъ, только что не сто, а мы и одной тысячи не потеряли. Вотъ, братцы, воинское обученіе. Господа офицеры, какой восторгъ!".

При изученіи боевыхъ дѣйствій Суворова нужно различать его дѣятельность, какъ начальника небольшого отряда и начальника дивизіи, отъ его дѣятельности въ роли командующаго арміей или Главнокомандующаго. Въ его боевой карьерѣ "дерзаніе" начальника небольшого войскового соединенія тѣсно переплетается съ "расчетомъ" въ роли начальника высшаго войскового соединенія. А это, при поверхностномъ изученіи суворовскихъ боевыхъ дѣйствій, приводитъ къ тому, что можетъ показаться, что Суворовъ самъ себѣ противорѣчитъ, выдвигая первымъ принципомъ военнаго искусства "глазомѣръ", а не дерзаніе.

На это противопоставленіе "дерзанія" — "расчету" намъ слѣдуетъ обратить особое вниманіе. Очень часто въ нашей военной литературѣ и въ сужденіяхъ, слышанныхъ авторомъ въ высшихъ штабахъ во время Великой войны, приходилось встрѣчать поверхностное пониманіе дерзанія. Такое пониманіе "дерзанія" служило для прикрытія дѣйствій на авось вслѣдствіе неумѣнія произвести правильный расчетъ.

Между тѣмъ именно глубокое изученіе Суворова — этого дерзновеннѣйшаго полководца, — заставляетъ придти къ заключенію, что многое, приписываемое ему непонимающей посредственность лишь какъ дерзаніе, на самомъ дѣлѣ являлось его "глазомѣромъ", т. е. расчетомъ.

Для дальнѣйшаго поясненія этой мысли приведемъ примѣръ:

Во время оно вавилоняне пытались строить высокую башню, но, согласно Библіи, это являлось такой дерзостью, которая была наказана смѣшеніемъ языковъ. Вѣрнѣе думать, что башня просто обвалилась. Въ 1896-мъ году Эйфель построилъ въ Парижѣ башню, которая, конечно, выше, чѣмъ проектированная Вавилонская башня. Она не обвалилась, и когда вы ходите на нее смотрѣть, то восхищаетесь, конечно, не дерзаніемъ, а расчетомъ. Дерзаніе же тутъ есть только въ томъ, что Эйфель рѣшился осуществить свой проектъ.

То же самое можно сказать о Суворовѣ — его дерзаніе заключалось въ томъ, что, сдѣлавъ армію способной къ наибольшему моральному напряженію, онъ смѣлъ и задачи ставить такія, которыя были по плечу только его арміи. Отсюда мы видимъ, что подъ суворовскимъ словомъ "глазомѣръ" нужно также понимать умѣніе ставить себѣ задачи въ соотвѣтствіи съ имѣющимися въ нашемъ распоряженіи средствами. Въ современную эпоху до чрезвычайности осложнившагося военнаго дѣла, это сообразованіе преслѣдуемой задачи съ имѣющимися средствами имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ въ прежнія времена. Вотъ почему указаніе "Науки побѣждать", что первымъ "воинскимъ искусствомъ" является глазомѣръ, остается вѣрнымъ и нынѣ, особено для тѣхъ высшихъ начальниковъ, которые не призваны проливать свою кровь, но на которыхъ лежитъ тяжелый долгъ проливать кровь подчинныхъ имъ войскъ.

⁂

Итакъ, Суворовъ указываетъ, что первымъ проявленіемъ "воинскаго искусства" является постановка правильнаго рѣшенія (глазомѣръ). Но это только первая ступень къ побѣдѣ. Нужна еще быстрота выполненія принятаго рѣшенія. "Фортуна, — пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Суворовъ, — имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинные висящіе власы. Летъ ея молніенъ; не схвати ее за власы — уже она не возвратится". Изъ этихъ словъ явствуетъ, что тотъ, кто умѣетъ предвидѣть событія, имѣетъ болѣе шансовъ "схватить фортуну", но все-таки для того, чтобы схватить, нужно дѣйствовать быстро.

Дабы пояснить, почему "быстрота" дѣйствія имѣетъ въ военномъ искусствѣ особое значеніе, мы опять позволимъ себѣ сторонній примѣръ.

Двое дерутся на шпагахъ. Одинъ изъ нихъ правильно выбралъ точку для удара своей шпаги — въ сердцѣ противника. Но онъ дѣйствовалъ вяло, и его врагъ, столь же удачно выбравшій точку своего нападенія, предупредилъ его, и лезвіе шпаги второго уже приближается къ сердцу перваго. Что дѣлаетъ первый? Почувствовалъ, что онъ опоздалъ, этотъ первый откажется отъ своего нападенія и перейдетъ къ отбитію удара болѣе скораго врага.

На войнѣ, такъ же, какъ и въ поединкѣ, борятся двѣ воли. Къ побѣдѣ будетъ всегда ближе та изъ нихъ, которая не только болѣе разумна, но и болѣе быстра.

Въ письмѣ, написанномъ въ поученіе своему крестнику, Суворовъ отчетливо проводитъ эту мысль:

"Предупреждай случаи своей скоростью... Повелѣвай счастьемъ: одна иногда минута вѣнчаетъ побѣду; покоряй ее себѣ скоростью Цезаря, который столь хорошо и въ самый день умѣлъ непріятелей своихъ нечаянно уловлять, обращать и окружать ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ желалъ и въ какое время"...

Въ своей "Наукѣ побѣждать" Суворовъ и указываетъ, что вторымъ воинскимъ искусствомъ является **Быстрота.**

Объясняя въ своей "Наукѣ побѣждать" необходимость быстроты маршей, Суворовъ говоритъ: "При сей быстротѣ и люди не устали и непріятель насъ не чаетъ, считаетъ насъ за сто верстъ, а коли издалека, то въ двухъ или трехъ стахъ и больше. Закружится у него голова; атакуй съ чѣмъ Богъ послалъ. Конница начинай. Руби, коли, гони, отрѣзывай, не упускай. Ура. Чудеса творятъ Братцы"!

Въ другомъ своемъ поученіи Суворовъ ярко подчеркиваетъ мысль о томъ, что "быстрота" приводитъ къ "внезап-

---

*) "Русскій Инвалидъ", номеръ 2.

*) "Теорія войны", переводъ Войде. Томъ 2-ой, стр. 338.

[illegible]

Сдѣлавъ два-три круга, останавливается и, вновь приподнявъ фуражку, кидаетъ:

— Voila, madame! Merci, madame!..

И, щелкнувъ флажкомъ счетчика, ссыпаетъ невидимую выручку въ карманъ пальто...

⁂

Иногда стеклянная граненая ручка моей двери начинаетъ шевелиться, потомъ въ щель протискиваются восемь маленькихъ побѣлѣвшихъ отъ напряженiя пальчиковъ и дверь отходитъ назадъ.

— А-а-а, здравствуй, испанскiй дворянинъ! Ну, что, много заработалъ?

— Да, сегодня много. Шестьдесятъ-двѣнадцать. Сегодня хорошо, сегодня былъ дождь...

Онъ внимательно исподлобья осматриваетъ мою комнату, меня...

— Ты большевикъ, правда?

— Вотъ такъ разъ! Откуда ты взялъ?..

— А вотъ, папа говоритъ: "Большевики все пишутъ, пишутъ и ничего не дѣлаютъ". Ты тоже все пишешь, пишешь и ничего не дѣлаешь... А ты "черные гусары" знаешь? — перескакиваетъ онъ. — Нѣтъ, ты мнѣ лучше разскажи сказку.

Если есть время, я разсказываю ему — о мальчикѣ съ пальчикъ, объ Аленушкѣ, о царевнѣ лягушкѣ. Сказки онъ любитъ больше всего на свѣтѣ — любитъ за то, что въ нихъ правда всегда беретъ верхъ, а порокъ посрамленъ всенародно и проситъ пощады. Только надо разсказывать "съ выраженiемъ" — измѣняя лицо и голосъ. Крутолобое его лицо склонено на бокъ, большие глаза горятъ, шевелятся брови, губы шепчутъ, на лицѣ непрестанная смѣна радости, страха, отчаянiя, торжества.

— Ну, вотъ, тутъ принесла имъ лисица кость въ награду...

— Кость винограду, — едва слышнымъ шопотомъ удовлетворенно повторяетъ онъ.

— Не кость винограду, а кость въ награду. Повтори.

— Кость винограду.

— Кость ви... ви...! Не выходитъ.

— Да что съ тобой! Скажи: "кость въ награду"...

— Кость ви... ви... Не выходитъ, — лицо его жалко кривится.

Если я занятъ, я просто усаживаю его на кровать, даю карандашъ и листъ бумаги или карты. Онъ медленно раскладываетъ карты по одѣялу, беретъ ихъ вѣеромъ въ руки и бормочетъ:

— Двойки, пики, дамы, козыри...

Потомъ, солиднымъ, съ одышкой, [illegible], то высокимъ до писка голос- [illegible] ничего другого не нашлось?!.

Иногда, прерывая игру, онъ таинственнымъ полушопотомъ сообщаетъ мнѣ:

— А ты слышалъ, племянница мадамъ Дюранъ сошла съ круга.

— Да что ты, — разсѣянно отзываюсь я.

— Да, да, это уже всѣ знаютъ. Бѣдная, — въ голосѣ его сожалѣнiе и страхъ, — это навѣрно очень больно. Если кругъ вертѣлся, то она очень разбилась...

Или, отложивъ карты въ сторону, становится онъ на четвереньки и, опустивъ голову, начинаетъ подкидывать вверху ноги, опрокидывается и падаетъ на бокъ, тщетно силясь стать на голову...

— Что ты дѣлаешь, перестань, всю постель измялъ.

— А это такая пѣсня есть: "И постоимъ мы головою за родину свою", папа часто поетъ...

— Родина, это Россiя, правда?

Но вотъ — вечеръ. Внизу, глубоко подъ окномъ, зажигаются фонари, шумъ города стихаетъ, только рѣзче рожки автомобилей, да грохотъ летящаго надъ землей метрополитэна. Вспыхиваютъ въ небѣ огни свѣтовой рекламы. Мальчуганъ тревожно смотритъ въ окно, потомъ рѣзко поворачивается и на животѣ сползаетъ съ кровати.

— Куда ты? Посиди...

— Нѣтъ, пора. Надо фонари зажечь...

— Какiе фонари?

— Такiе. Автомобильные. Ажанъ увидитъ, придется контравансiонъ платить. У насъ строго. Надо скорѣй.

Онъ торопливо, озабоченно [illegible] мнѣ руку. Дверь закрывается, бы[illegible] дѣтскiя ноженки мягко бѣгутъ по [illegible]ру корридора, стихаютъ вдали, въ [illegible] конечныхъ переходахъ огромна[illegible].

Николай Р[illegible]

ЗА РОДИНУ.

Великiе нацiи покоятся на подвигахъ своихъ сыновъ.

> "Только смерть одна можетъ освободить тебя на твоемъ служебномъ посту".
>
> Генералъ **Корниловъ**

Вѣчная память тѣмъ, кого смерть смѣнила на боевомъ посту!

Но не всѣмъ суждено было "смѣниться". Другимъ суждено было жить долгiе годы подъ занесенной костлявой рукой смерти, постоянно чувствовать на себѣ ея холодное дыханiе, и неизмѣнно смотрѣть ей прямо въ глаза.

Этимъ смѣны не было... Только полученная рана давала временую передышку на лазаретной койкѣ.

Но и тутъ гримаса смерти сопровождала раненаго съ фронта. Она слѣдовала за нимъ въ больничную палату, на операцiонный столъ... Послѣднiй замѣнялъ оперативное поле: на смѣну ядрамъ, пулямъ, штыкамъ приходили медицинскiй ножъ, ножницы, ланцеты... Душевныя терзанiя смѣнялись физическими болями... Срыванiе присохшей къ ранѣ марли, "чистка", "долбленiе", операцiи, ампутацiи...

Въ бреду война продолжалась: тѣ же жуткiя видѣнiя, мучительныя долгiя ночи, кошмары безъ конца. Иногда тутъ даже бывало какъ-то тяжелѣе: одиночество, ни близкихъ, ни боевыхъ соратниковъ...

Съ разсвѣтомъ приходило облегченiе: исчезали призраки, спадала температура, прекращалась томительная тишина долгой ночи...

Радостно было только съ началомъ выздоровленiя. Только эти минуты были счастливыми... А потомъ... снова думы о фронтѣ... отъѣздъ, и опять фронтъ... угаръ войны... снова жуткiя видѣнiя, снова дыханiе смерти, феерическiя картины дѣйствiй современныхъ орудiй войны, то величественныя, то страшныя... снова пляска дьявола...

И опять — среди зарева пожаровъ, сожженныхъ селъ, деревень, среди разрушенныхъ жилищъ, храмовъ, среди стоновъ, слезъ и страданiй.

Опять — среди вѣковыхъ лѣсовъ, нѣкогда дремавшихъ многiе годы, а нынѣ охваченныхъ страстью войны; среди треска срываемыхъ сталью вѣтокъ, падающихъ сраженными столѣтнихъ дубовъ, казавшихся такими сильными, могучими... безсмертными.

И опять — карабканiе на кручи горъ, дымящихся... взрываемыхъ... среди украшенныхъ зеленью дивныхъ долинъ, опустошаемыхъ... посыпаемыхъ свинцовымъ дождемъ...

И опять — точно Каины, бродимъ по [illegible]

И такъ — безъ конца: "Только смерть можетъ освободить тебя на твоемъ посту"...

Не вынесли тягостей войны кони, мулы — передохли; испортились пушки, пулеметы, ружья...

И только человѣкъ, маленькiй, хрупкiй, среди огромной стихiи — все снесъ, все пережилъ, вдохновленный велѣнiемъ долга.

Впрочемъ, не много осталось и людей: за рубежомъ насъ, уцѣлѣвшихъ русскихъ военныхъ инвалидовъ, всего 6 тысячъ человѣкъ. Это — все, что осталось на чужбинѣ отъ многомиллiонныхъ русскихъ армiй, отъ всѣхъ фронтовъ, отъ пяти войнъ и походовъ послѣдняго полувѣка, изъ тѣхъ, кто бился до конца.

Не много.

Удивляться этому не приходится. Только одна Европейская война длилась свыше трехъ лѣтъ. Корпусъ офицеровъ былъ не великъ для мирнаго состава армiи. Доблесть русскаго офицерства привела къ тяжкимъ потерямъ въ его составѣ въ первыхъ же бояхъ. Предстояла долгая война, кровопролитная, требующая жертвъ большихъ, а офицеровъ не было...

И вотъ — одни и тѣ же, по много разъ раненые, продолжали безсмѣнно сражаться; исковерканные физически, уставшiе душевно, истерзанные, они хранили завѣтную мечту въ тайникахъ своей души: закончить побѣдно войну и тогда уйти съ честью на отдыхъ, въ сознанiи исполненнаго долга, передать опытъ новымъ поколѣнiямъ; но судьбѣ угодно было рѣшить иначе: принесенныя величайшiя жертвы пропали даромъ... Тылъ принесъ революцiю.

Вмѣсто побѣднаго конца, такого близкаго и безусловнаго — позорный миръ, предательство...

Тяжело было смириться... Лучше смерть, нежели безчестье...

И нѣтъ больше усталости, не ноютъ больше раны. Только одна, нанесенная въ самое сердце, не даетъ покоя.

И вотъ, презрѣвъ чины, должности, позабывъ, что молодость давно ушла, какъ нѣкогда въ юности, — снова ружье въ руку и въ строй рядовымъ бойцомъ.

Своимъ подвигомъ старые бойцы зажгли совѣсть русскую: души русскихъ юношей, русскихъ дѣтей. И они пошли за старыми бойцами.

Такъ должны поступать сыны великаго народа.

Ост[illegible] комнатъ, универ- [illegible] сер- [illegible] воля смер- [illegible] стей [illegible] терять ру- [illegible] угаръ войны: кровь, грязь, тифъ, волчью жестокость...

Ихъ подвигъ и пролитая ими дѣтская кровь да послужитъ искупленiемъ за грѣхи отцовъ и да будетъ памятникомъ будущаго величiя Россiи.

И эта война, гражданская, длилась свыше двухъ лѣтъ.

Такъ шло постепенное истребленiе счастливо уцѣлѣвшихъ отъ Великой войны.

Надо удивляться, — какъ могла уцѣлѣть и эта горсть людей. По теорiи вѣроятности — это невозможно. Но невозможное для человѣка — возможно Богу. Онъ хранилъ ихъ. Богъ любитъ храбрыхъ. Можетъ быть Высшему Судiи угодно было сберечь ихъ, чтобы служили они символомъ многострадальной нашей Родины; напоминали о ней, о ея былой славѣ; ободряли потерявшихъ вѣру, надежду, вдохновляли молодое поколѣнiе. Не дано человѣку знать будущее...

⁂

Не по силамъ было слабымъ человѣческимъ плечамъ и юнымъ плечикамъ дѣтей остановить сорвавшуюся въ пропасть глыбу русской стихiи. Имъ не суждено было спасти Родину. Они ушли съ родной земли со своимъ "счастливымъ" окровавленнымъ жребiемъ — правомъ на жизнь, — для новой борьбы, но уже не за честь и высокiе идеалы, а за жалкое право быть сытымъ.

Имъ суждено одиноко брести на чужой землѣ, среди чуждыхъ народовъ, искалѣченными, безпомощными, безправными, непонятыми и гонимыми...

Пройдетъ лихолѣтье.

Принесенными великими жертвами спасется Россiя. Съ любовью она приметъ своихъ искалѣченныхъ сыновъ. Она поклонится всѣмъ, кто насытилъ ихъ, когда они были голодны, кто обогрѣлъ ихъ, когда они застывали, кто обмывалъ ихъ раны... кто не плевалъ имъ въ душу...

Наша благородная Родина ни у кого въ долгу не останется. Она заплатитъ всѣмъ.

Да приблизится этотъ часъ!

Д. Абрамовичъ.

На крыльяхъ смерти.

(памяти П. Н. Нестерова)

Огненной птицей пронесся въ исторiи авiацiи Нестеровъ... Обронилъ людямъ драгоцѣнное золотое перо свое — "мертвую петлю", грудь съ грудью схватился въ безпримѣрномъ воздушномъ бою съ врагомъ, таранилъ его, сбилъ, и палъ самъ славной жертвой великаго долга передъ Россiей...

Коротка, блистательна и ярка карьера славнаго нашего летчика, одного изъ славнѣйшихъ. Одной его знаменитой мертвой петли, первой въ мiрѣ, было бы достаточно, чтобы увѣковѣчить его имя... Но и его работа въ авiацiи, полная смѣлости и творческаго исканiя новыхъ путей, и исключительная по трагизму гибель, — вплели безсмертные лавры въ вѣнокъ воспоминанiй о немъ.

Мертвая петля! Сейчасъ, когда прошло 16 лѣтъ, и когда высшiй пилотажъ, получившiй огромное развитiе въ мiровую войну, является необходимѣйшей и обязательной частью обученiя каждаго летчика въ авiацiонныхъ школахъ, и основой для воздушнаго боя, — трудно даже представить какiе широкiе горизонты открылись передъ авiацiей послѣ совершенiя Нестеровымъ мертвой петли. Вѣдь въ 1913 году, хотя и начали возникать фигурные полеты, крутые виражи, спирали, но въ представленiяхъ летчиковъ существовали еще критическiе углы смерти, послѣ перехода которыхъ самолетъ не могъ быть выравненнымъ и обрекался на паденiе. Вотъ эту легенду и разрушилъ Нестеровъ своей мертвой петлей, показавъ, что опытный нерастерявшiйся летчикъ можетъ выправить самолетъ изъ любого положенiя, если высота будетъ достаточной. Сохранилось, записанное имъ самимъ же, описанiе его мертвой петли, оно поражаетъ отсутствiемъ всякой позы, всякой рисовки, поистинѣ, это скромность героя. Я приведу это описанiе полностью:

"Свой опытъ я не производилъ до сего времени только потому, что сначала еще не выяснилъ всѣхъ положенiй, въ которыхъ я могъ бы очутиться въ случаѣ упадка духа во время исполненiя, а затѣмъ я ожидалъ прибытiя новаго аппарата, который я могъ бы по своему отрегулировать. Получивъ недавно аппаратъ Ньюпоръ сборки завода Дуксъ и сдѣлавъ на немъ не болѣе 10 часовъ, я рѣшилъ наконецъ, выполнить мою мечту. О своемъ опытѣ я никого не предупредилъ, хотя всѣ знали, что я, вообще, это собираюсь сдѣлать. 27-го августа вечеромъ, предварительно привязавшись ремнями къ сидѣнью, я поднялся на высоту 1900 м., съ которой рѣшилъ планировать. Когда я въ послѣднiй разъ посмотрѣлъ на анероидъ, мнѣ пришло въ голову, что въ случаѣ неправильнаго поворота, этотъ приборъ долженъ будетъ выпасть изъ кармана куртки, когда я буду летѣть вверхъ ногами. Но я рѣшилъ рискнуть. Вотъ, собственно, чѣмъ я рисковалъ, т. е. 13 р. 50 к. казеннаго имущества.

Было жутко только рѣшиться, а когда я закрылъ бензинъ, чтобы перейти въ планированiе, мнѣ стало сразу легко и я занялся своей работой. Наклонивъ ньюпоръ почти вертикально, я началъ планировать, слѣдя за высотой, чтобы имѣть запасъ высоты на случай неудачи. Примѣрно на 600 м. я началъ выравнивать аппаратъ, и когда онъ началъ переходить горизонтъ, открылъ бензинъ. Моторъ очень хорошо заработалъ. Аппаратъ полѣзъ на небо и началъ ложиться на спину. Моя лѣвая рука все время находилась на бензиновомъ кранѣ, чтобы точнѣе регулировать работу мотора, хотя мнѣ очень хотѣлось опереться, какъ при спускѣ, о кожухъ. Одно мгновенiе мнѣ показалось, что я слишкомъ долго не вижу земли, но... чуть больше потянувъ за ручку я увидѣлъ землю. Закрывъ бензинъ опять и выравнивъ аппаратъ, я началъ планировать къ ангарамъ. За все время этого 10 секунднаго полета я чувствовалъ себя также, какъ при горизонтальномъ поворотѣ съ креномъ 70 - 80 градусовъ, т. е. ощущалъ тѣломъ поворотъ аэроплана, какъ, напримѣръ, лежа въ поѣздѣ чувствуешь тѣломъ поворотъ вагона. Когда я закончилъ свою петлю и уже планировалъ, мнѣ пришла мысль, что вдругъ мою петлю никто не видѣлъ. И я даже хотѣлъ повторить ее немедленно, но увидѣвъ у ангаровъ сбѣгающуюся толпу, я понялъ, что мой полетъ видѣли...".

27-го августа 1913 года на кiевскомъ аэродромѣ исполнилъ поручикъ Нестеровъ свою завѣтную мечту, съ которой носился еще съ 1911 года, изучая теоретически возможность совершенiя мертвой петли. Онъ не скрывалъ и постоянно говорилъ о своемъ намѣренiи добиться ея осуществленiя. Но въ знаменательный день онъ никому не сказалъ о томъ, что собирается сдѣлать. Только по нѣжно - длительному прощанiю съ маленькимъ сыномъ, почувствовала жена Нестерова, что что - то происходило необычайное въ тотъ день въ душѣ ея мужа...

Французы склонны до сихъ поръ честь совершенiя первой въ мiрѣ мертвой петли приписывать ихъ знаменитому летчику Пэгу, продемонстрировавшему 19 августа (ст. ст.) 1913 г. на аэродромѣ близъ Парижа на монопланѣ "Блерiо 11" полетъ вверхъ колесами. Но Пэгу описалъ лишь букву S, тогда какъ Нестеровъ сдѣлалъ замкнутую мертвую петлю. Самъ Пэгу, будучи въ Москвѣ въ концѣ 1913 года, и дѣлая докладъ о своихъ полетахъ, увидѣлъ Нестерова, сидѣвшаго въ первомъ ряду; онъ немедленно попросилъ Нестерова подняться на эстраду, обнялъ его, расцѣловалъ и поздравилъ какъ перваго, которому удалось описать мертвую петлю...

Интересно отмѣтить, что еще въ 1891 году, въ своихъ научныхъ трудахъ знаменитѣйшiй русскiй ученый проф. Н. Е. Жуковскiй, предсказывалъ возможность совершенiя мертвой петли на будущихъ самолетахъ...

Первая половина 1914 года была ознаменована особо интенсивной дѣятельностью русскихъ летчиковъ. Было произведено много выдающихся по тому времени перелетовъ, но и среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ Петру Николаевичу Нестерову. Замѣчательны были его перелеты изъ Кiева въ Гатчину въ одинъ день на ньюпорѣ, изъ Москвы въ Гатчино безъ спуска на моранѣ, и его перелетъ Кiевъ — Одесса, совершенный во время сильнѣйшей бури, когда никто не могъ и думать о полетѣ. По тогдашнему масштабу всѣ эти полеты были рекордными.

Когда началась война, широкое поле открывалось для славной дѣятельности Нестерова. И, нѣтъ сомнѣнiя, много совершилъ бы выдающагося этотъ исключительной доблести человѣкъ, если - бы смерть не подкосила его такъ безвременно и трагически. Самая гибель его была необыкновенной. Такъ не погибъ никто, ни до него, ни послѣ него, не только въ средѣ русскихъ летчиковъ, но и въ мiровой авiацiи. Только А. А. Казаковъ, величайшiй русскiй летчикъ - истребитель, отважился однажды на то, что погубило Нестерова. Но къ Казакову судьба оказалась милостивой... Онъ уцѣлѣлъ... Вотъ ка[illegible] рова, сохранивш[illegible] невъ, часть изъ ко[illegible] и понынѣ...

Въ солнечное [illegible] года, почти точно въ годовщину мертвой петли надъ галицiйскимъ мѣстечкомъ Жолкiево пролетѣлъ австрiйскiй аэропланъ и сбросилъ 2 бомбы, одну въ районъ радiостанцiи, другую на аэродромъ, направился въ юго - западномъ направленiи на Львовъ. Не теряя ни минуты, Нестеровъ вскочилъ въ автомобиль и съ поручикомъ Ковалько и начальникомъ радiостанцiи 4-ой искровой роты пор. Мигулинымъ помчался на аэродромъ. Разговоръ не клеился, всѣ молчали. Только у Нестерова вырвалась фраза: **"Больше надъ моимъ аэродромомъ нѣмцы не будутъ летать!".** Примчались на аэродромъ. Пока Нестеровъ распрашивалъ про обстоятельства прилета австрiйца, прошло минутъ 15. Вдали по-

---

ности", послѣдняя же имѣетъ, согласно Суворову, **рѣшающее моральное значенiе.**

"... Непрiятель поетъ, гуляетъ, ждетъ Тебя съ чистаго поля, а ты изъ-за горъ крутыхъ, изъ-за лѣсовъ дремучихъ налети на него, какъ снѣгъ на голову; рази, стѣсни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться; кто испуганъ, тотъ побѣжденъ на половину; у страха глаза больше; одинъ за десятерыхъ покажется. Будь прозорливъ, остороженъ, имѣй цѣль опредѣленную".

Минувшая большая война ярко показала, что забвенiе великаго значенiя принципа внезапности со стороны нашихъ союзниковъ въ кампанiи 1915-17 годовъ привело къ безплодному толканiю въ нѣмецкiя позицiи, стоившему много лишней крови.

Требуя "быстроту", Суворовъ умѣлъ однако, какъ никто, беречь солдатскiя силы. Въ его "Наукѣ побѣждать" сейчасъ же за высказаннымъ имъ указанiемъ, что вторымъ воинскимъ искусствомъ является "быстрота", слѣдуетъ поученiе, какъ нужно совершать марши съ наименьшей усталостью для войскъ.

"Походъ полевой артиллерiи отъ полу до версты впереди, чтобы спускамъ и подъемамъ не мѣшала. Колонна сблизится; оная опять выиграетъ свое мѣсто; подъ гору сошедъ, на равнинѣ на рысяхъ. Походъ по рядамъ или по четыре для тѣсной дороги, улицы, для узкаго мосту, для водяныхъ и болотныхъ мѣстъ по тропинкамъ; и только когда атаковать непрiятеля, то взводами, чтобы хвостъ сократить. Не останавливайся, гуляй, играй, пой пѣсни, бей барабанъ, музыка греми, — десятокъ отмахалъ. Первый взводъ снимай вѣтры, *), ложись. За нимъ второй взводъ, и такъ взводъ за взводомъ: первая заднихъ не жди. Линiя въ колоннѣ на походѣ растянется коли по четыре, то въ полтора; а порядкомъ — вдвое. Стояла на шагу, идетъ на двухъ; стояла на одной верстѣ, растянется на двѣ; стояла на двухъ — растянется на четырехъ. То досталось бы первымъ взводамъ ждать послѣднихъ полчаса по пустому. На первомъ десяткѣ отдыхъ часъ. Первый взводъ спрыгнулъ, надѣлъ вѣтры, бѣжитъ впередъ десять, пятнадцать шаговъ (а на маршѣ, пришедъ узкое мѣсто, на гору или подъ гору, отъ 15 до 50 шаговъ). Итакъ взводъ за взводомъ, чтобъ заднiе между тѣмъ отдыхали. Второй десятокъ. Отбой; отдыхъ [illegible] и больше; коли третiй переходъ [illegible] то оба пополамъ, и тутъ отд[illegible] четверти часа, или полчаса, [illegible]верть часа, чтобъ ребя[illegible]пѣть скорѣе къ кашѣ. Это для [illegible]".

"Конница своимъ п[illegible] впередъ; съ коней долой. Отдыхъ [illegible] мало и свыше десятка, чтобъ дать конямъ въ лагерѣ выстояться. Кашеварныя повозки впередъ съ палаточными ящиками. Братцы пришли, къ кашѣ поспѣли. Артельный староста: къ кашамъ".

"На завтракѣ отдыхъ четыре часа; тоже самое къ ночлегу отдыхъ 6 часовъ и до 8, какова дорога; а сближаясь къ непрiятелю, котлы, съ припасомъ снаровлены къ палаточнымъ ящикамъ, дрова запасены на оныхъ".

Но если Суворовъ проявлялъ въ организацiи своихъ маршей самую внимательную бережливость солдатскихъ силъ, то вмѣстѣ съ этимъ онъ умѣлъ потребовать отъ своихъ войскъ такого высокаго напряженiя, которое непревзойдено въ мiровой военной исторiи. Однако, онъ требовалъ такое напряженiе только тогда, когда его генiальный "глазомѣръ" подсказывалъ, что наступилъ рѣшающiй моментъ операцiи. Такъ, въ началѣ iюня 1799-го года Суворовъ совершаетъ свой поразительный по напряженiю маршъ къ рѣкѣ Треббiи. Въ предыдущемъ очеркѣ мы уже указывали, какъ складывалась тогда стратегическая обстановка. Суворову нужно было во что бы то ни стало предупредить на Треббiи Макдональда и разбить его. Въ дв[illegible] съ половиной сутокъ Суворовъ [illegible] 100 верстъ, а въ слѣдующ[illegible]оры сутокъ еще 80 верстъ.

"Войска Суворова не шли, а бѣжали. Iюньское [illegible] солнце стояло высоко [illegible] палящимъ солнцемъ люди [illegible] изъ силъ; падали отъ изнеможенiя, и многiе изъ упавшихъ уже не вставали; страшный слѣдъ обозначалъ движенiе армiи, но жертвы были необходимы для выигрыша времени, которое было до крайности дорого... Суворовъ употребилъ всѣ мѣры, чтобы поддержать силы людей. Этотъ 70-лѣтнiй старикъ появлялся то въ хвостѣ, то въ головѣ колонны, повторяя: "Впередъ, впередъ, голова хвоста не ждетъ". Иногда онъ подъѣзжалъ къ какой-нибудь части, шутилъ съ солдатами, забавлялъ ихъ разными прибаутками. Появленiе его оживляло людей. Колонна подтягивалась. Для отвлеченiя вниманiя людей отъ усталости, Суворовъ заставлялъ солдатъ учить 12 французскихъ словъ: балезармъ, жетелезармъ, пардонъ и т. п.".

Навстрѣчу Суворову, также форсируя движенiе, шелъ Макдональдъ. Когда русскiй и французскiй авангарды встрѣтились, начальникъ нашего авангарда, кн. Багратiонъ, подъѣхалъ къ Суворову и вполголоса просилъ повременить нападенiемъ, пока подтянется хотя бы часть отсталыхъ — потому, что въ ротахъ не насчитывается и по 40 человѣкъ. Суворовъ отвѣчалъ ему на ухо: "А у Макдональда нѣтъ и по 20; атакуй съ Богомъ! Ура!".

Быстрота маршей суворовскихъ армiй поражала всѣхъ его современниковъ. Поражала она и его послѣдователей. Но, какъ первые, такъ и вторые, не отнеслись съ должнымъ вниманiемъ къ тому, что, во-первыхъ, эта быстрота имѣла своей предпосылкой генiальный "глазомѣръ" Суворова, т. е. требуемая имъ отъ войскъ форсировка всегда была стратегически умѣстной. Съ другой стороны, требуемая форсировка войскъ была уменьшаема Суворовымъ поразительной продуманностью самаго порядка совершенiя маршей для избѣжанiя всякой "непроизводительной" траты солдатскихъ силъ. Насколько эта, присущая суворовскимъ маршамъ, особенность часто была забываема въ минувшую войну, мы приведемъ выписку изъ записокъ рядового офицера, причемъ офицера, горячо любящаго старую армiю, а потому не могущаго никакъ быть заподозрѣннымъ въ простомъ критиканствѣ. Мы говоримъ про книгу капитана Попова "Записки Кавказскаго Гренадера", въ которой онъ излагаетъ повседневныя переживанiя одного изъ нашихъ доблестнѣйшихъ пѣхотныхъ полковъ, а именно Лейбъ-Эриванскаго.

"Организацiя походнаго движенiя возмущала всѣхъ офицеровъ до глубины души. Насъ поднимали обыкновенно въ 4 часа, полкъ выстраивался. Проходилъ часъ, два, три, мы все стояли и мокли подъ дождемъ...

"Какъ на зло, стояла дождливая осень. Наконецъ часамъ къ 8-ми, получали приказанiе о выступленiи. Куда мы шли — не знали, до ротныхъ командировъ включительно, хотя съ увѣренностью можно было сказать, что и штабъ полка былъ освѣдомленъ въ этомъ отношенiи не лучше насъ.

"Шли, обыкновенно, весь день. Порядокъ въ строю тогда еще держался образцовый, и колонна по отдѣленiямъ отчетливо вырисовывалась на протяженiи нѣсколькихъ верстъ. Когда начинало темнѣть, насъ останавливали около какой-нибудь деревни, и опять чего-то ждали... Стояли, ждали, мокли. Часовъ въ 7 или 8 вечера отдавался приказъ располагаться на ночлегъ, но, хорошо, если въ этой же деревнѣ, а то два раза оказывалось, что мы должны ночевать въ деревнѣ, которую прошли часа два тому назадъ.

"Дѣлать бывало нечего — поворачивали обратно, часамъ къ 10-ти приходили на мѣсто, а въ 4 часа насъ поднимали вновь.

"Съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, но я еще ясно переживаю всю безтолочь походнаго движенiя того времени, безцѣльно выматывавшаго нервы и понижавшаго боеспособность частей.

"Обидно было сознавать, что управляютъ нами неумѣлыя и незаботливыя руки"...

Приходится обратить вниманiе еще на одну, весьма распространенную ошибку въ стратегическихъ расчетахъ нашего Генеральнаго Штаба передъ войной 1914-17 г.г. и во время этой войны, которая являлась тоже слѣдствiемъ недостаточно продуманнаго изученiя Суворова.

Увлекаясь примѣромъ Суворова, требовавшаго крайняго напряженiя своихъ войскъ, мы забывали, что Суворовъ по условiямъ ограниченности тѣхъ силъ, которыми онъ командовалъ, совмѣщалъ въ себѣ одновременно главнокомандующаго, командующаго, командира корпуса, а часто и начальника дивизiи. Въ роли послѣдняго онъ умѣлъ потребовать отъ войскъ невозможнаго и не считалъ враговъ (примѣръ: его маршъ въ Пражской операцiи до Бреста). Но въ роли главнокомандующаго его методы другiе: здѣсь онъ считаетъ враговъ и свои стратегическiя заданiя не основываетъ на такомъ же напряженiи, какъ въ тактикѣ. Полуторамѣсячная остановка у Бреста въ той же Пражской операцiи является примѣромъ такой "расчетливости". Въ эпоху, предшествовавшую Европейской войнѣ и во время ея, наши высшiе штабы свои стратегическiе расчеты почти всегда основывали на крайнемъ напряженiи войскъ, не оставляя зазора подчиненнымъ инстанцiямъ для проявленiя добавочной энергiи съ цѣлью преобороть непредвидѣнныя случайности. Операцiи срываются такъ же точно, какъ проливается чаша отъ послѣдней переполнившей ее капли. Нужно также имѣть въ виду, что стратегiя имѣетъ своей задачей подвести свои войска къ полю сраженiя, поставивъ ихъ въ наиболѣе выгодное положенiе. Слѣдовательно, стратегiя должна подвести войска не измученными, а сохранившими свой запасъ силъ. Вотъ почему высшiе стратегическiе расчеты при веденiи современной большой войны должны основываться на нормальныхъ переходахъ. Говоря болѣе общими словами, стратегiя современной большой войны требуетъ отъ высшихъ начальниковъ **"расчетливаго" рѣшенiя оперативныхъ задачъ, съ тѣмъ, чтобы не растрачивать капиталъ энергiи войскъ до сраженiя.** Этотъ капиталъ сберегается, конечно, не для того, чтобы онъ лежалъ втунѣ. Онъ сберегается для того, чтобы среднiе и низшiе начальники (начальники дивизiй и ихъ подчиненные), могли бы быть въ нужную минуту **расточительны,** т. е. могли потребовать отъ войскъ крайняго напряженiя.

Подтвержденiе только-что изложенной мысли о необходимости для высшихъ начальниковъ "расчетливости" въ ихъ требованiяхъ къ своимъ войскамъ мы находимъ въ тѣхъ словахъ, которыми Суворовъ заканчиваетъ приведенное нами выше поученiе о рѣшающемъ значенiи внезапности боевыхъ дѣйствiй: **"будь прозорливъ, остороженъ, имѣй цѣль опредѣленную"...**

"Будь прозорливъ"... Вы видѣли примѣръ такой прозорливости Суворова въ его отвѣтѣ Багратiону при завязкѣ сраженiя на рѣкѣ Треббiи.

"Остороженъ" — не есть ли это прямое предупрежденiе о томъ, чтобы высшiе штабы не основывали свои расчеты на постоянной форсировкѣ войскъ?

"Имѣй цѣль опредѣленную", — ибо когда не знаешь, чего хочешь, или когда поставилъ себѣ неразумную задачу, форсировка войскъ пойдетъ только во вредъ.

Не погрѣшилъ ли Главнокомандующiй С.-З. фронтомъ, генералъ Жилинскiй, противъ всѣхъ этихъ трехъ правилъ, требуя въ началѣ кампанiи 1914 года отъ Самсоновской армiи форсированныхъ маршей?.. **Н. Н. Головинъ** казался русскій аэропланъ, летѣвшій съ развѣдки. Нестеровъ пошелъ по полю къ нему навстрѣчу. "Какъ сейчасъ помню эту картину", разсказываетъ капитанъ Мигулинъ, такъ ярко почему то запомнилась мнѣ стройная одинокая фигура Нестерова на фонѣ поля и надвигавшихся черныхъ тучъ, и [illegible]ся навстрѣчу аппаратъ".

---

*) Вѣтрами Суворовъ въ шутку называлъ тяжелые солдатскiе ранцы.

Принявъ докладъ летчика, Нестеровъ заговорилъ съ Кованько о плохой видимости изъ аппарата и результатомъ этого разговора была [illegible] въ обшивкѣ сбоку сидѣнія летчика. Нестеровъ собственноручно вырѣзалъ ее ножомъ. Вдругъ на небѣ показался австріецъ. Нестеровъ бросился къ своему аппарату и сталъ пробовать рули. Кованько снялъ съ себя револьверъ и уговаривалъ Нестерова взять револьверъ съ собой. Но Нестеровъ не слушалъ, лихорадочно продолжая осмотръ аппарата и торопясь подняться. Было ясно видно, какъ онъ боялся упустить австрійца, который былъ въ полуверстѣ, примѣрно, и шелъ очень низко. Несмотря на то, что австріецъ былъ отъ зрителей къ югу и въ глаза било солнце, можно было различить непріятельскаго летчика...

Нестеровъ быстро нагналъ противника, держась нѣсколько выше его. Черезъ нѣсколько секундъ, уплывая вдаль, оба самолета скрылись за крышами домовъ мѣстечка и вынырнули скоро снова... Сильное понятное волненіе царило среди тѣхъ, кто были свидѣтелями этого зрѣлища... Внезапно — аппараты сблизились до соприкосновенія... Верхній стремительно клюнулъ носомъ въ находившійся подъ нимъ аппаратъ... Мгновеніе — и австріецъ сталъ быстро падать и исчезъ за мѣстечкомъ.

Нестеровъ же, казалось, продолжалъ свой побѣдный летъ...

"Падаетъ!" вдругъ вырвалось изъ всѣхъ устъ. "Падаетъ!... Нестеровъ!"...

Заломившись на бокъ круто падалъ аэропланъ Нестерова — и исчезъ изъ глазъ...

Черезъ секунду авіаціонный автомобиль уже мчался по направленію мѣста паденія. Два солдата авіаціоннаго отряда стояли на подножкахъ машины, криками и бранью очищали автомобилю путь среди безконечныхъ обозовъ, загромождавшихъ шоссе. Автомобиль мчался по направленію Равы - Русской.

Глаза всѣхъ жадно смотрѣли по сторонамъ. Верстахъ въ 3 отъ Жолкева ѣхавшіе увидѣли солдатъ, бѣжавшихъ съ шоссе въ поле... И тамъ, на болотѣ, окаймленномъ рѣдкимъ невысокимъ лѣскомъ, недалеко одинъ отъ другого, стояли двѣ группы людей, которые раз[illegible] то на землѣ. Отъ пер[illegible] влился казачій офицеръ [illegible] пріѣхавшимъ. [illegible] Узнаете?"... [illegible] невозможно... Если бы не серебряные погоны съ черными авіаціонными орлами. При паденіи голова Нестерова расплющилась и лицо стало совершенно круглымъ. Ни капли крови не было видно ни на трупѣ, ни на землѣ... Кто то успѣлъ украсть сапоги съ ногъ погибшаго. Бросались въ глаза фіолетовые носки на неподвижныхъ застывшихъ ногахъ. Возлѣ тѣла валялся маузеръ Нестерова.

Сбитый противникъ, мертвый, лежалъ отъ Нестерова въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей...

Подоспѣли носилки. Солдаты авіаціоннаго отряда, плача, уложили на нихъ тѣло героя - командира...

Нестеровъ погибъ, таранивъ непріятельскій самолетъ... Безпримѣрный случай!...

Кованько до вечера возился около разбитыхъ аппаратовъ.

Существуетъ предположеніе, что Нестеровъ потерялъ сознаніе отъ силы удара и толчка своего аппарата объ австрійскій въ моментъ тараненія и въ безсознательномъ состояніи выпалъ потомъ изъ аппарата. Дорогой цѣной купилъ великій русскій летчикъ эту свою побѣду надъ врагомъ... Побѣда эта пріобрѣла особенный, жуткій, мистическій смыслъ, когда изъ бумагъ погибшаго австрійца выяснилось, что онъ былъ лейтенантомъ барономъ Розенталь, владѣльцемъ того самаго дома, который занималъ въ Жолкевѣ Нестеровъ со своими офицерами. Одинъ изъ трагическихъ, непостижимыхъ капризовъ судьбы...

Въ тотъ же вечеръ, въ старинномъ замкѣ Гетмана Жолкѣвскаго - Собѣсскаго, куда перенесли тѣло Нестерова, служили первую панихиду. Къ конторѣ, гдѣ онъ лежалъ — нельзя было протолкаться. Столько народу пришло поклониться его праху и помолиться за него. Принцъ Петръ Ольденбургскій, генералъ Рузскій — командующій арміей, генералъ Драгоміровъ присутствовали на этой панихидѣ.

Когда, весною 1915 года, русскіе войска шли изъ Львова, на холмѣ они видѣли крестъ, поставленный на мѣстѣ гибели Нестерова. Сохранился ли теперь этотъ крестъ?... Но если — не сохранился онъ, если заброшено теперь, при большевикахъ, мѣсто его успокоенія, на Аскольдовой могилѣ въ Кіевѣ — память о томъ, кто умѣлъ **дерзать**, о томъ, чьи доблестные подвиги нашли живой откликъ въ народной душѣ не изгладится въ сердцахъ тѣхъ, кто любитъ авіацію, кто умѣетъ чтить доблесть и склониться передъ героями.

Крестъ Нестерова былъ весь покрытъ трогательными, подчасъ наивными, подчасъ трагическими надписями.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, списанныя мною въ 18-мъ году.

"Напрасно ты это сдѣлалъ... Россія все равно погибла, а своихъ героевъ затоптала въ грязь.

Солдаты 97 Финляндскаго полка".

"Изъ далекой, далекой Сибири, я пришелъ поклониться тебѣ".

Вилли.

"Геройская память твоя въ поруганной Россіи останется навсегда"...

И когда воскреснетъ нынѣ распинаемая на Голгофѣ Россія, будутъ найдены, будутъ любовно возстановлены могилы нашихъ родныхъ героевъ — и въ числѣ ихъ — могила П. Н. Нестерова.

Память о немъ жива. Память о немъ не умретъ.

В. Г. Барановъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ЧИТАТЕЛЕЙ.

1)Ред. доводитъ до свѣдѣнія своихъ подписчиковъ, что выдача справокъ изъ стараго "Русскаго Инвалида" временно пріостановлена, вслѣдствіе поступленія комплектовъ "Русскаго Инвалида" въ переплетъ.

2) Всѣ денежные переводы, для удобства ихъ полученія, должны быть именными: или на имя Ген. Баратова или Кап. Попова.

3). Вся переписка, касающаяся "Русскаго Инвалида" должна быть направляема на имя Секретаря Редакціи Шт. Кап. К. С. Попова по адресу:
23, Rue Fourcroy, Paris (17).

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ЗАВЯЗАННЫМИ УШАМИ.

(РАЗСКАЗЪ ОФИЦЕРА)

Русскій полковникъ посмотрѣлъ на лежавшій на столѣ томикъ разсказовъ Эдгара Поэ и усмѣхнулся:

— Ужасовъ съ три короба наворочено... Другая старая дѣва всю ночь ворочаться будетъ, не уснетъ. То ее будутъ въ подвалѣ живьемъ замуровывать, то стальнымъ маятникомъ сердце перепиливать. Театръ Гиньоль, пять франковъ за входъ, нижніе чины и дѣти платятъ половину. А, между тѣмъ, жилая наша жизнь съ четырнадцатаго года начиная такія полотна [illegible]вала, что никакому Эдгару Поэ, — даромъ, что онъ себя наркотиками подстегивалъ, — не угнаться... Война хороша, а революція и того хуже.

— Вотъ здѣсь, среди насъ, разныя личности пребываютъ. Иные, помоложе, только по краю прошлись, въ самомъ котлѣ не кипѣли. Порой самъ себѣ удивляешься: какъ шкура выдержала, какъ сердце не озвѣрѣло, какъ въ добрые будни опять пошелъ не на четверенькахъ, а на двухъ ногахъ, какъ человѣку полагается. И не въ ужасахъ, разумѣется, дѣло, будь они трижды прокляты, а въ томъ, вѣчно волнующемъ вопросѣ, о которомъ много лѣтъ назадъ еще Короленко писалъ: какимъ образомъ средній, обыкновенный, человѣкъ, — скажемъ, солдатъ Рябошапка, — милый и сердечный человѣкъ, а порой и самоотверженный герой не хуже любого спартанца, вдругъ превращается въ бѣшеную свинью...

— Такъ вотъ, если угодно, позвольте для иллюстраціи привести нѣкоторый эпизодъ, въ которомъ я былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ... Выскочилъ я, правда, благополучно, какъ рыба, которой удалось черезъ сѣть перелетѣть, — и вотъ, сижу съ вами, разговариваю, пью чай. А сколько иныхъ-прочихъ въ неводѣ застряли, одному Господу Богу извѣстно...

— Было это осенью семнадцатаго года, въ самую карусель между двумя жерновами: война — революція. Впрочемъ, первый жерновъ тогда еле двигался, а второй уже сталъ молоть во всю. Полкъ нашъ только-что смѣнился съ позиціи. Какъ смѣнился — и вспоминать не стоитъ, — пожалуй, одна прорѣха на нашемъ участкѣ осталась. Расположились мы расползающейся грязью на этапномъ пунктѣ въ какомъ-то эстонскомъ городишкѣ. Власти у меня никакой. [illegible] безрукаго капельмейстера [illegible]. Солдатня вся чужая [illegible] пополненіемъ. Свои [illegible] перебиты, либо ушли. А кто [illegible] — зубы оскалилъ, точно [illegible] Яковникъ Хаулуковъ, и [illegible], и кончать ее не жел[illegible] всѣмъ полковой ко[illegible] и я при немъ подневольнымъ [illegible] состоялъ по строевой [illegible]нной части. Не отпускалъ [illegible] ая тогда была: мозги свои [illegible], а самъ сократись до маковаго зерна. Чѣмъ могъ, я имъ, комитетчикамъ, помогалъ, — вѣдь русскій корабль ко дну шелъ, какое ужъ тутъ самолюбіе. И самъ комитетъ [illegible] власть получивъ, подтянулся, и кое-какъ линію выпрямить хотѣлъ. Ничего, разумѣется, не вышло: поджечь всякій дуракъ можетъ, а потушить — попробуй.... Такъ и осталось у меня въ памяти до послѣдняго часа сѣрая эта тогдашняя расхлябанность: ревъ, митинги, казармы и дворъ вродѣ всеобщаго отхожаго мѣста въ домѣ сумасшедшихъ... И все поразстегнуто: хлястики, уши на папахахъ, крючки, погоны, глотки?.. Даже до сихъ поръ тошнитъ, чуть вспомнишь.

— Понялъ я твердо, — надо какое-либо рѣшеніе принимать, если не хочешь для каждаго бѣсноватаго холуя въ ватныхъ штанахъ плевательницей быть. Другой, чертъ, даже и на позиціяхъ не успѣлъ побывать, а ужъ онъ, изволите видѣть, жертва міровой войны, и ты изъ него, какъ вурдалакъ, всю кровь высосалъ... Кругомъ расправы пошли одна другой подлѣе и безсмысленнѣе. Офицеръ? Будь ты хоть святого Себастіана невиннѣе, съ ногъ долой и каблуками по черепу. А ужъ тамъ, въ свое время, исторія разберетъ, въ какой процентъ законныхъ жертвъ революціи ты попалъ и на какомъ основаніи...

— Что-жъ дѣлать? Стрѣляться?.. Въ Орлѣ меня жена да дѣти ждали. Ужели ихъ въ самый шквалъ бросить? Да и гордость на дыбы встала: не все мѣсто подъ солнцемъ имъ принадлежитъ, — авось и для меня останется. Долгъ свой до конца исполнилъ, лямку дотянулъ, а въ этой дрызготнѣ ни мозгамъ, ни совѣсти дѣлать нечего. Переговорилъ я съ нѣкоторыми изъ комитетчиковъ: такъ и такъ, нуженъ я вамъ теперь, какъ гвоздь въ печени. Грузовикъ кверху колесами въ канавѣ лежитъ... Руль на крышѣ... Желаю вамъ полнаго успѣха, а меня увольте... Народъ былъ неглупый, кой-кто изъ писарей на[illegible]да изъ вольноопредѣляющихся. [illegible] и имъ не сладко было, и серд[illegible] не потеряли. — "Ладно. На [illegible] назначимъ комиссію... Въ сам[illegible], уходите, господинъ полко[illegible] отъ грѣха подальше"...

— Честь-честь[illegible]дѣтельствовался. Не обошло[illegible] курбеза... Полковой врачъ [illegible] "неврозъ сердца" придумалъ, [illegible]ска, лучше и быть не можетъ [illegible] въ комитетѣ былъ такой [illegible] солдатъ, вродѣ пугачевска[illegible]танта изъ самыхъ раскален[illegible] никому не довѣрялъ, во все самъ [illegible]совался... Подошелъ онъ ко [illegible] врача... **съ правой стороны** груди сердце выслушалъ, и каракулю сво[illegible]опя, подъ листомъ вывелъ. Рево[illegible]нно - сердечный контроль, такъ ск[illegible]. Выскочилъ я изъ капкана, въ два [illegible]а маскарадъ свой докончилъ: вы[illegible]ъ полушубокъ на солдатскую овч[illegible], сапоги на валенки, папаху съ уш[illegible] на лобъ надвинулъ, — самъ бѣсъ не ра[illegible]ретъ, какой ты масти, какого зва[illegible]. Свидѣтельство свое въ тулупъ заш[illegible]. Чемоданъ съ бѣльемъ врачу пода[illegible], авось у врача не сразу скрадутъ. [illegible] И вбуравился въ солдатскую гущу, [illegible] *потерялъ, выраженіе глазъ да*же [illegible]нилъ, — тьфу, мерзость какая [illegible]шокъ на плечѣ, хлѣбъ подмышкой [illegible] и дошагалъ этакимъ кашеваромъ [illegible]ободнособачьяго баталіона до стан[illegible]... Позвольте, господа, чай допь[illegible] ужъ на душѣ смрадно стало..

* * *

[illegible]а... На станціи — столпотво[illegible]. Какъ стало барановъ въ загонѣ, [illegible] въ одну сторону метнутся, то въ другую... Комендантъ голосъ потерялъ, мечется, словно загнанная крыса. Ма[illegible]овъ прикладами въ шею, толкаютъ. [illegible] гони составъ за составомъ, хоть самъ [illegible] топку ложись, — "попили нашей кров[illegible]!" Прутъ сплошной воблой, на под[illegible]ъ, на буферахъ раскаряченные [illegible]ики, въ воздухѣ матъ, свистъ, смрадъ, рычаніе... Какъ въ подвижномъ звѣринцѣ... Сестры какія-то милосердныя въ эту кашу попали, — лучше и не вспоминать...

— Стиснулъ я зубы, потолкался, планъ кампаніи обдумалъ. Въ полуверстѣ на запасныхъ путяхъ поѣздъ теплушечный стоялъ, пары разводилъ. Поговорилъ я съ машинистомъ, покурили. Узналъ, что черезъ часъ тронемся незамѣтнымъ порядкомъ, къ вокзалу все равно не подкатитъ. И хоть теплушки еще съ ранняго утра были солдатней вплотную набиты, однако, протиснуться кое-какъ можно было. Не въ Монте-Карло вѣдь ѣдешь... Посмотрѣлъ на меня машинистъ внимательно, и посовѣтовалъ: "А не лучше ли вамъ на крышѣ будетъ? Вакансіи еще не всѣ заняты? Полагаю, что тамъ много спокойнѣе."... Понялъ я его, конечно. Поблагодарилъ. Тихимъ манеромъ на средній вагонъ взгромоздился, бичевкой себя къ вентилятору прикрутилъ, — морозовъ еще настоящихъ не было, однако, крыша покатая и легкой ледяной глазурью покрылась... Запахнулъ я тулупъ, небо надо мной васильковое, тихое отрѣзалъ краюшку, прикусилъ, на душѣ какъ-то покойнѣе стало. Дай Богъ машинисту здоровья!..

— Тронулись мы безъ свистковъ, безъ сигналовъ. Кой-какіе поотставшіе за нами в[illegible]ыжку къ вагонамъ бросились. Однако, психологія тогда была массовая, упрощенная, ни одному Лассалю, думаю, она и не снилась: кто въ вагонѣ — тотъ панъ, господствующій, такъ сказать, классъ... А кто въ наружную дверь на ходу карабкается, того валенкой въ зубы... Подвигаемся мы потихоньку, смотрю, поверхъ крышъ тоже всякіе пассажиры размѣстились. Индивидуалисты, такъ сказать. Отъѣхали мы верстъ съ пять. Остановка въ полѣ: лошадь дохлая на путяхъ лежала... Тѣмъ временемъ здоровенный солдатъ, шагавшій вдоль дороги въ неизвѣстномъ направленіи, свернулъ наперерѣзъ, — обрадовался случаю, — и прямо къ моему вагону. Внизу галдежъ, братскіе діалоги съ поминаніемъ родителей обѣихъ сторонъ. Не пустили.. Глянулъ онъ вверхъ, на скобу всталъ, и на крышу. Я же ему и руку помощи протянулъ. Перевалилъ онъ брюхо, сундучекъ зубами за ремень придержалъ, — влѣзъ. Поѣхали.

— Представьте вы себѣ теперь такую акварель. Сидитъ противъ меня этакій, хмурый, рябой печенѣгъ. Вдоль головы по ушамъ грязная тряпка обмотана, сукровица проступаетъ. Смазалъ кто-нибудь въ дракѣ, что ли. Глаза, какъ у бурятской каменной бабы, — всматривается въ меня, не мигаетъ. За плечомъ винтовка, для хозяйственной надобности въ деревню прихватилъ. Поперекъ рваной шинели офицерскій *ремень. Сидитъ и молчитъ. А ростъ такого, что другой средній солдатъ и стоя* съ нимъ только-только сравняется. Далъ ему папироску. Головой не кивнулъ, взялъ, какъ чугунный, и въ пасть. Попутчикъ, нечего сказать, веселый. И все меня изподлобья осматриваетъ, безбровыми складками шевелитъ... Спросилъ его, какой части, молчитъ. Не слышитъ, что ли?... А поѣздъ тѣмъ временемъ все бойче, да бойче развертывается, внизу пѣсни орутъ, вродѣ контрабасной рапсодіи, — будто шваброй по контрабасу водятъ... Кто-то въ задней теплушкѣ сорвался: распластался подъ откосомъ, руки крестомъ... [illegible] дальше. Гдѣ ужъ на такія подробности вниманіе обращать. И вдругъ мой идолъ ноги скрестилъ, варежкой по крышѣ хлопнулъ, папаху на затылокъ остервенѣло передвинулъ, и началъ:

— "Ахвицеръ? Втикаешь, сволочь?.. Думаешь, тулупъ надѣлъ, такъ и концы въ воду! Солдатская власть не понравилась?.. А солдатъ по зубамъ дуть нравилось?.. Денщикъ тебѣ лаковые сапожки чистилъ, растакъ твою душу! Другіе воюй, а ты по тыламъ солдатъ суду предавать... За неотданіе чести, растакъ твое сердце! Я тебя сразу узналъ. Погоди, хлюстъ, до станціи доѣдемъ, тамъ тебѣ до побѣднаго конца покажутъ... Денежный ящикъ, небось, вскрылъ, солдатскую кровь пропилъ. Домой захотѣлось? На парадный диванъ? Сладкіе чаи распивать... Погоди, сволочь, доѣдемъ, будешь сытъ!.."

— Вотъ, и сейчасъ у меня сердце, какъ бѣшеное, прыгаетъ, когда вспомню про эти минуты... Вы понимаете... Отвѣчать? Оправдываться?.. Уши у него завязаны, слова не дойдутъ. Да если бы и дошли, развѣ можно гіену убѣдить?.. За кого онъ меня принялъ, не знаю. Вѣрнѣе всего, ни за кого. Просто былъ онъ налитъ злостью и темнотой до самыхъ глазъ. Просто я попался ему на пути, и онъ съ зоркостью звѣря угадалъ, что я "ахвицеръ". Для такихъ тогда больше и не надо было. Знаетъ ли онъ, что я трижды былъ раненъ и трижды по своей волѣ на фронтъ возвращался? Что я со своими солдатами всю тяготу этой проклятой войны несъ до послѣдняго часа, пока они меня сами же не столкнули въ сторону... Что каждая ихъ рана была и моей раной, что я дѣлился съ ними послѣднимъ грошемъ. Да, что говорить... Понялъ я только, что передо мною на крышѣ вагона, въ образѣ этого здоровеннаго печенѣга съ каменными глазами, сидитъ сама Смерть. Тысячу разъ проходила она надъ головой на фронтѣ и не коснулась. А вотъ тутъ, когда вырвался изъ подъ обвала, когда завтра-послѣзавтра родной Орелъ, и жена, и дѣти, — вмѣсто того черезъ часъ узловая заплеванная станція и... самосудъ... Вы знаете, какъ въ русскихъ деревняхъ конокрадовъ бьютъ?.. Не смерть стра[illegible] годы войны каждый день б[illegible] обиходѣ, никто не отказыва[illegible] брань и вой этой хриплой [illegible]торая изступленно буде[illegible] "онъ тебя знаетъ", что [illegible]щикъ вскрылъ" и с[illegible] — мотаться подъ при[illegible] солдатъ, стонать под[illegible] и потомъ гдѣ-нибудь [illegible] окровавленной туш[illegible]

— Подобрался [illegible] пружина. Спрыгну[illegible] же, если и не пер[illegible] моя судьба въ [illegible] съ завязанными [illegible] вагона изъ винт[illegible]пать его? Но и [illegible] у меня отобрали, — отстраненный отъ [illegible]жіе... А поѣздъ лет[illegible] каждой шпалой узло[illegible] *ближе и ближе. Не ли*[illegible] ли господину Эдгару По[illegible] переживать...

— Да. Ослабѣла моя пр[illegible]стился я какъ-то весь, как[illegible]вый, когда его подмышки, н[illegible] волокутъ... И вдругъ... свис[illegible] всѣми крышами — сплошной [illegible] Поднялъ я голову, вижу, подъ[illegible] поѣздъ къ мосту: сквозныя жел[illegible] квадратныя балки надъ рѣкой пон[illegible] Это, значитъ, верхніе пассажиры [illegible]стомъ другъ другу сигналъ подава[illegible], чтобы ложились всѣ плашмя на крышахъ, чтобы не задѣло. Взглянулъ я на своего попутчика, вижу, сидитъ онъ спиной къ мосту, свиста не слышитъ, моста не видитъ. Уставился на меня и бурчитъ что-то свое, похабное. Вздрогнулъ я. И, самъ не знаю, какъ меня угораздило, полѣзъ я въ карманъ, вы-

ВЪ БОРЬБѢ СЪ ВРАГОМЪ И ПРИРОДОЙ.

Въ исторіи гражданской борьбы на юго - востокѣ Россіи есть одинъ исключительно трагическій, роковой для насъ моментъ, детали котораго мало извѣстны русскому обществу, но который безусловно предрѣшилъ участь бѣлаго движенія въ періодъ возглавленія его Генераломъ Деникинымъ.

Обстановка второй половины девятнадцатаго и начала двадцатаго года выдвинула на фронтѣ междуусобной войны, съ обѣихъ сторонъ, какъ силу, на которую возлагались особыя надежды, могущественную и многочисленую конницу. Со стороны красныхъ — это были: 1-я конная армія Буденнаго [4, 6 и 11 дивизіи — 27 кон. полковъ] и отдѣльный корпусъ Думенко [3 бригады — 8-ю полковъ]. Съ нашей стороны: 4-й кон. корп. Генерала Мамантова (9 и 10 див.), конница 2-го отд. корпуса [4 бригады — 12 кон. полковъ], Кавалерійская бригада Генерала Барбовича, конница Генерала Агоева, Топоркова и др.

Къ концу января 1920 года бѣлый фронтъ откатился за Донъ. Одной изъ причинъ, помимо разныхъ другихъ, въ силу коихъ побѣдное наступленіе бѣлыхъ армій на Москву захлестнулось и началось глубокое отступленіе съ очищеніемъ громадныхъ пространствъ, было появленіе на фронтѣ борьбы заново реорганизованной, снабженной сильными техническими средствами — конницы красныхъ.

Передышка полученная бѣлыми войсками за Дономъ и Манычемъ дала имъ возможность собраться съ силами, значительно увеличить численный составъ и оживить упавшій было — въ результатѣ длительнаго отступленія, неудачъ и оставленія Донской области — духъ.

Въ первыхъ числахъ января конная армія Буденнаго терпитъ сильное пораженіе у ст. Ольгинской; 15 января — 4 конный корпусъ и конница 2 отд. корп. разбиваютъ переправившагося черезъ Манычъ у хут. Веселаго Думенко и 16 января у того же хутора наносится сильный ударъ 10-й дивизіей, подошедшему на помощь Думенко — Буденному. Послѣ указанныхъ пораженій, конница красныхъ въ теченіе двухъ недѣль спѣшно пополняется за р. Саломъ. *) шей конницы, соединенной вмѣстѣ, не шей конницы, соединенный вмѣстѣ, не только преградить путь для красныхъ, но и нанесть имъ серьезныя и жестокія пораженія. Казалось, что даже въ этотъ грозный періодъ отступленій, военныхъ неудачъ, политическихъ внутреннихъ нестроеній, наша конница могла раздавить любую силу и повернуть ходъ кампаніи по новому руслу. Но рокъ судилъ иначе.

1 февраля конная армія Буденнаго снова появляется на фронтѣ у ст. Великокняжеской, беретъ ее съ бою, переходитъ р. Манычъ и, сильно потѣснивъ кубанскій корпусъ, двигается по линіи желѣзной дороги, на Тихорѣцкую.

Для ликвидаціи этого наступленія, грозившаго безнадежно расколоть нашъ фронтъ и вбить смертельный клинъ въ самое сердце, командармъ Дона приказалъ конной группѣ Генерала П. (4-й корп. и 3 бригады 2 отд. корп. **) изъ района х. Веселаго двинуться вдоль р. Маныча и разбить Буденнаго.

* * *

2-го февраля конная группа перешла на разсвѣтѣ р. Манычъ на фронтѣ хуторовъ Жеребкова — М.. Западенскій и въ теченіе цѣлаго дня вела бой съ Думенко и пѣхотными частями красныхъ, занимавшими правый берегъ Маныча. Думенко былъ отброшенъ къ Салу, пѣхота взята въ плѣнъ.

Въ ночь на 3-е февраля, штабъ группы отдалъ приказъ о выдвиженіи конницы 2 корпуса въ районъ зимовниковъ: Чернова, Орловъ - Подвалъ и Кубракова и о сосредоточеніи 4 кон. корпуса на линіи р. Хомутецъ.

Въ 2 часа дня 3-го февраля, конница 2 корпуса перешла р. Хомутецъ и х. Казачій и вступила въ полосу пустынныхъ, необитаемыхъ, мертвыхъ зимою — Манычскихъ или Задонскихъ степей.

Спускались раннія зимнія сумерки, когда я выѣхалъ изъ х. Казачій Хомутецъ, задержавшись нѣсколько въ штабѣ группы съ докладомъ. Крѣпчалъ морозъ. Бригады ушли далеко. Передъ нами открывались необозримыя пространства, покрытыя снѣгомъ. Ни жилья, ни строеній, никакихъ иныхъ признаковъ жизни. Бѣлый саванъ сравнялъ пригорки и казалось, что передъ глазами тянется ровная гладь снѣжнаго океана безъ конца и краю.

Дорогою нагнали отставшій транспортъ съ артиллерійскими снарядами, два орудія и дивизіонную летучку Краснаго Креста. Лошади понуро и устало еле передвигали ноги. Докторъ съ сестрою, одѣтые въ англійскія шинели шли пѣшкомъ. Осунувшіеся лица ихъ почернѣли; видимо они чувствовали себя плохо и сильно мерзли.

Небо постепенно ту[illegible] надвигалась тьма и, наконецъ, н[illegible]длинная, жестокая зимняя ночь. Холо[illegible]енилъ кровь, больно стискивалъ о[illegible]ую голову, проникалъ во всѣ ще[illegible] ставлялъ тѣло трепетать [illegible] дрожью.

Дали окончательно померкли. Потонуло ощущеніе живой жизни. Наступило какое - то странное, чуждое состояніе, какъ будто внѣ времени, внѣ земли, въ какомъ - то новомъ таинственномъ мірѣ, оторванные отъ всего и обреченные. Это состояніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока внизу, влѣво отъ столбовой дороги, не мелькнули огни зимовника. Какъ то пріятно стало на сердцѣ; даже лошади оживились, почувствовавъ заманчивую возможность скораго отдыха. Но ѣхали долго, а огни - какъ будто не приближались. Въ глубинѣ темнаго неба трепетно мерцали безчисленныя, недосягаемыя, окутанныя дразнящей вѣчной тайной свѣтила вселенной. Торжественная тишина мертвой загадочной пустыни наполняла широкія, заснувшія степи Задонья гробовымъ молчаніемъ.

Надежды на отдыхъ, на тепло разлетѣлись совершенно. Зимовникъ, т. е. отдѣльный дворъ въ степи, гдѣ раньше зимою содержались въ конюшняхъ лошади и жили служащіе, оказался такъ сильно разрушеннымъ, что ни о какихъ удобствахъ, даже примитивнаго порядка — думать было нечего.

Пристроивъ лошадей вдоль стѣнъ, казаки развели костры по серединѣ конюшенъ и сидя на корточкахъ, прижимаясь другъ къ другу, старались согрѣть иззябшія тѣла. Трудная это была задача! Въ конюшняхъ ни оконъ, ни дверей, словомъ, ничего не осталось отъ прежде насъ бывшихъ, такихъ же, какъ и мы незванныхъ, невольныхъ, случайныхъ постояльцевъ, загнанныхъ сюда зимнею стужею. Во многихъ мѣстахъ крыша была содрана и большими глазами смотрѣло темное небо. Для костровъ казаки ломали все, что попадало подъ руку, что вообще могло горѣть.

А морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ. Уже чувствовалось его недоброе, жгучее дыханіе. Никому не хотѣлось выходить на занесенный снѣгомъ дворъ за [illegible]ами. Мозги вяло шевелились, созна[illegible] [illegible]тилось, угасало. Сонъ властно п[illegible]ывалъ къ землѣ. Костры погасли.

Но[illegible] изъ штаба группы было получено при[illegible]іе — конницѣ 2 корп. къ 10 час. 4 [illegible] выдвинуться къ развѣтвленію дорогъ, что въ 5 верстахъ къ юго - востоку отъ зимовника Орловъ-Подвалъ; 9-й дивизіи сосредоточиться къ югу въ направленіи зимовника Когалькова; 10-й дивизіи быть въ резервѣ.

Зимовники на которыхъ ночью размѣщались, или вѣрнѣе у развалинъ, которыхъ 4 и 6 бригады проводили ночь, были разрушены еще сильнѣе, чѣмъ ихъ сосѣдъ — зимовникъ Деминъ, находящійся въ сторонѣ отъ большой дороги.

"Отвратительная, ужасная ночь", доложилъ Ген. С. "Еще нѣсколько такихъ ночей и отъ насъ ничего не останется — мы всѣ перемерзнемъ; уже и сейчасъ есть масса казаковъ обмороженныхъ. Мы не подготовлены совершенно къ преодолѣваніямъ этихъ жестокихъ условій природы. Рѣдко кто имѣетъ валенки и мало полушубковъ. Особенно страдаютъ мальчики. Они погибнутъ. Обозовъ нѣтъ, кухни отстали еще вчера; ѣсть нечего; всѣ запасы израсходованы".

Дѣйствительно: холодъ, голодъ и пустынная степь не сулили намъ ничего добраго. Задача данная командованіемъ въ настоящихъ условіяхъ **превосходила силы человѣческія.**

Въ 10 час. на зимовникъ Орловъ-Подвалъ прибылъ командующій группой. Здѣсь у костра, разведеннаго на разрушенныхъ зданіи, произошелъ длинный по времени, но короткій по количеству сказанныхъ словъ разговоръ — попытка измѣнить рѣшеніе о движеніи лѣвымъ берегомъ Маныча.

Пожимаясь отъ леденящаго утренняго холода, командующій группой ходилъ вдоль стѣны, изрѣдка останавливаясь у костра. Послѣ доклада о послѣдствіяхъ проведенной ночи, онъ долго молчалъ...

"Что представляютъ изъ себя зимовники? — задалъ онъ вопросъ. "Одинокія, затерявшіяся въ степи строенія, разрушенныя во время гражданской войны, также какъ вотъ этотъ зимовникъ", — отвѣтилъ знатокъ края, доблестный генералъ И. Д. П. (убитъ подъ Екатеринославомъ), помощникъ командующаго группой... Снова воцарилось молчаніе.

"Я долженъ Васъ предупредить, Ваше Превосходительство, — на лѣвомъ берегу Маныча до самой желѣзной дороги мы не встрѣтимъ жилья. На этомъ пути мы погубимъ людей", прервалъ молчаніе Генералъ И. Д. П.

Командующій группой, отвѣтственный за исходъ операціи и за жизнь тысячъ людей, продолжалъ ходить, рѣшая страшный вопросъ, — какъ идти?

Въ свою очередь я доложилъ, что дальнѣйшее движеніе по степямъ для насъ будетъ крайне неблагопріятнымъ, а, можетъ быть, и роковымъ. У казаковъ нѣтъ теплыхъ зимнихъ меховыхъ вещей и нѣтъ продуктовъ питанія, такъ какъ обозы отстали. Я высказалъ мысль, что мы съ большимъ успѣхомъ выполнимъ поставленную задачу, двинувшись по населеннымъ пунктамъ праваго берега Маныча; этимъ движеніемъ мы снимемъ съ фронта красную пѣхоту и несомнѣнно заставимъ Буденнаго пріостановиться.

"Какіе здѣсь пункты?" — спросилъ командующій группой. Генералъ И. Д. П. отвѣтилъ. Снова потянулись минуты то-

---

*) **Примѣчаніе автора:** По условіямъ обстановки, бѣлыя арміи въ этотъ періодъ вели только лишь активную оборону, почему и не было использовано пораженіе красной конницы.

**) Одна бригада (5 Донск) была оставлена для охраны фронта по Манычу отъ х. Веселаго до М. Западенскаго.

тянулъ фляжку съ водкой, и сую своему попутчику — пей!.. Схватилъ онъ флягу, думать и секунды не сталъ, вытянулся на колѣняхъ, запрокинулъ голову и сталъ пить. А я въ тотъ же моментъ ничкомъ на крышу легъ, да и время было: передняя балка въ десяти шагахъ чернѣла...

— И когда я по звуку колесъ понялъ, что мостъ мы проѣхали, поднялъ я голову: на крышѣ, кромѣ меня, никого не было. Фляжка только какимъ-то чудомъ уцѣлѣла!.. До сихъ поръ цѣла. — память, видь, въ нѣкоторомъ родѣ.

* *

Полковникъ вытеръ холодный лобъ платкомъ.

— Вотъ и весь мой эпизодъ. Выводы дѣлайте, какіе вамъ угодно. А я выскочилъ. Сижу съ вами, пью чай, и кое-то мѣсто подъ солнцемъ, пока что, еще занимаю...

А. Черный.

КЪ СВѢДѢНІЮ ИНВАЛИДНЫХЪ ОРГАНИЗАЦІЙ.

Инвалидныя организаціи, состоящія въ Зарубежномъ Союзѣ, присылаютъ для напечатанія въ Редакцію "Русскаго Инвалида" статьи и замѣтки, касающіяся ихъ внутренней жизни.

Редакція, во избѣжаніе какихъ либо недоразумѣній проситъ присылать таковыя не непосредство, а черезъ свои Центральныя Правленія.

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ ЗАРУБЕЖНАГО СОЮЗА Р. В. И. НА 1931 ГОДЪ.

Опытъ выпуска отрывного календаря Инвалидовъ въ 1930 году далъ блестящіе результаты.

Все изданіе разошлось безъ остатка. Гл. Правленіемъ Союза было получено сѣхъ концовъ свѣта множество благтвенныхъ и сочувственныхъ пи- также дружескихъ указаній и со- ля изданія будущаго года.

ая этотъ успѣхъ Русскаго От- календаря, составленнаго по со- новой въ календарномъ дѣлѣ — (краткія свѣдѣнія по Оте- ію — познанію исторіи, ге- льтуры и литературы Рос- авл. З. С. Р. В. Инвалидовъ 1931 году выпуститъ свой успѣвшій заслужить об- й интересъ и войти въ й Русской эмигрантской

же программу (познаніе сіи), составители календаря — даютъ новомъ году совершенно НОВОЕ содержаніе значительно расширенное и дополненное. Къ работѣ по составленію календаря привлечены лучшія Зарубежныя литературныя и научныя силы. Будутъ приняты во вниманіе всѣ присланныя исправленія, пожеланія, поправки и дополненія. Въ теченіе года, кромѣ исчерпывающихъ свѣдѣній по культурѣ, географіи и исторіи Россіи, — въ календарѣ будетъ собрано большое количество старыхъ и новыхъ Русскихъ романсовъ и пѣсенъ.

Главное Правленіе проситъ, въ виду громаднаго спроса на изданіе направлять всѣ заказы заблаговремнно по адресу: **28, av. de Chevreuse. Clamart (S).**

Зарубежные инвалиды надѣятся, что всѣ Русскіе люди сочтутъ своимъ патріотическимъ долгомъ пріобрѣтать именно ихъ календарь и содѣйствовать его распространенію. Цѣна календаря повышена не будетъ.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ДЛАНЬ И ИСКУССТВО

(къ 30-лѣтію кончины И. К. Айвазовскаго).

> — Полицейскій режимъ въ царствованіе Николая I Палкина, душилъ всякое проявленіе таланта и самобытности, тормозя развитіе науки, литературы и искусства". — "Свободный Народъ", № 19. 1927 г. Уфа).

Тяжелое время настало на Руси съ конца 1825 г.

Въ началѣ потрясла государство глупая затѣя группы офицеровъ, захотѣвшихъ спасти (?) Россію", и вошедшихъ въ исторію подъ именованіемъ "декабристовъ".

Кончилось все полнымъ проваломъ и наступило, наконецъ, то время, когда никакая антигосударственная организація, никакая интернаціональная шайка, никакое сообщество болтуновъ и демагоговъ не смѣли вылѣзать на свѣтъ Божій и призывать къ насилію, грабежу, убійствамъ, поджогамъ и проч. проявленіямъ "свободы".

Подъ бдительной охраной правопорядка началась эпоха великихъ преобразованій: изданіе свода законовъ (Сперанскій), финансовая реформа гр. Канкрин), крестьянскій вопросъ (гр. Киселевъ), народное просвѣщеніе (гр. Уваровъ).

Сталъ замѣчаться ростъ промышленности, торговли и строительства.

Были учреждены академіи: военная и морская, технологическій институтъ, Строгановское училище, межевой институтъ, педагогическій институтъ и мн. др. Среднее образованіе было сдѣлано классическимъ.

Университеты имѣли въ составѣ своихъ профессоровъ выдающихся ученыхъ, театры выходили на новые пути, земледѣліе кормило не только Россію, но начинало подкармливать и Европу. Обыватель богатѣлъ, обстраивался и цивилизовался.

Въ литературѣ свѣтило яркое солнце А. С. Пушкина и нарождалась плеяда даровитѣйшихъ писателей. Изобразительное искусство выдвигало все новыя и новыя имена русскихъ самобытныхъ художниковъ.

Малокультурныя и еще не изжившія себя стороны нашей жизни открыто и честно бичевалъ Н. В. Гоголь.

И въ то же время страна вела войны за расширеніе и укрѣпленіе своихъ границъ и престижа: персидская война (1826). Кавказская (газаватъ). Турецкая (1828-1829), Польская (1830) и, наконецъ, Крымская кампанія (1853-1856).

Реформируясь внутри, и въ то же время борясь съ внѣшними врагами, страна непоколибимо шла къ развитію, работала, росла интелектуально и удѣльный вѣсъ ея въ мировой политикѣ увеличивался каждодневно.

На престолѣ Россійкомъ сидѣлъ человѣкъ желѣзной воли и твердой руки — императоръ Николай I (1825-1855).

Люди анархическихъ понятій называли это время самымъ мрачнымъ.

Мы вполнѣ соглашаемся съ ними, ибо для нихъ это время, дѣйствительно, было тяжелымъ — ни тебѣ поболтать, ни тебѣ прокормиться на чужой счетъ — словомъ, не было "свободы", а требовался созидательный трудъ. Къ тому же близилась эпоха великой реформы освобожденія крестьянъ, и въ довершеніе всѣхъ бѣдъ исходила она не отъ представителей разрушительнаго соціализма, а увы, отъ національной власти.

По городамъ и весямъ необъятной Россіи, сидѣли: губернаторы, градоначальники, пристава и урядники. Просматривая въ старыхъ пожелтѣвшихъ журналахъ ихъ гравированные портреты, невольно замѣчаешь сходство съ самимъ Царемъ — фигуры богатырскія, лица русскія, глаза добрые, а руки... руки... желѣзныя и тяжелыя.

Взглянешь и подумаешь: — "Нда тутъ, не набалуешься".

Охъ "тяжелыя" были времена.

И правилъ во дни оные, въ Крыму, градоначальникъ Казначеевъ, до того человѣкъ суровый, что запрещалъ даже кричать — долой правительство, да здравствуетъ грабежъ". Даже, "всесильные" городовые передъ нимъ трепетали — до того лютъ былъ.

Ревизуя однажды г. Феодосію и осматривая городскія улицы, Казначеевъ, окруженный сонмомъ трепетавшихъ полицейскихъ чиновъ, вышелъ къ берегу моря и вдругъ, какъ вкопанный остановился возлѣ стѣны недавно побѣленнаго дома.

Ужасъ объялъ сопровождавшихъ, когда ихъ глазамъ представилась стѣна вся изрисованная углемъ. Были тутъ невиданные звѣри, и люди, и корабли и проч. плоды буйной фантазіи.

Молча, и долго глядѣлъ градоначальникъ на стѣну. Затая дыханіе глядѣли и полицейскіе. Наконецъ, повернувшись, Казначеевъ грозно спросилъ:

— "Кто изукрасилъ стѣну?"

— "Не могу знать", трясясь отвѣтилъ полицейскій.

— "Узнать, кто это сдѣлалъ и доставить его ко мнѣ!" бросилъ градоначальникъ, слѣдуя дальше.

День и ночь, спеціальныя засады, поджидали появленіе "преступника" и, наконецъ, накрыли таковаго на мѣстѣ преступленія.

Маленькій, грязный и жалкій мальчишка, служитель третьеразрядной греческой кофейни, только что окончилъ рисунокъ тонущаго корабля, какъ дюжина широкихъ полицейскихъ ладоней коршунами опустились на его тщедушную фигуру, закрывая ее какъ букашку.

Пойманнаго пачкуна торжественно повели къ самому градоначальнику.

Удивленные обыватели, останавливались на улицахъ, глядя на необычайное шествіе, а въ подворотняхъ какія то "безличныя" личности шептали прохожимъ: — "вотъ видите, ребенка теперь въ кандалы закуютъ и въ Сибирь угонятъ, они все могутъ кровопійцы народные!"...

Наконецъ, преступникъ предсталъ предъ грозныя очи самого Казначеева. Пристально посмотрѣлъ на него градоначальникъ и вдругъ указывая на глубокое кожанное кресло приказательно изрекъ — "садись!" и обращаясь къ полицейскимъ, бросилъ — "спасибо! можете итти!"

Долго разговаривалъ градоначальникъ съ грязнымъ и босымъ мальчишкой.

Къ сожалѣнію, этотъ интереснѣйшій разговоръ никто не осмѣлился подслушать: самъ же мальчикъ, впослѣдствіи такъ и не удосужился возстановить его.

Служка изъ греческой кофейни, остался съ этого дня жить въ домѣ градоначальника и былъ имъ опредѣленъ въ гимназію. Теперь никто уже не препятствовалъ ему рисовать, и первая его картина подъ названіемъ "Евреи въ Синагогѣ" открыла передъ нимъ завѣтныя двери Академіи художествъ, въ которую онъ и поступилъ въ 1833 году.

Пройдя курсъ живописи по классу проф. Таннера, молодой студентъ за свой "морской этюдъ" получаетъ въ 1835 г. серебряную медаль, а самый изъ наименѣе склонныхъ къ сантиментальности государей, императоръ Николай I, дѣлаетъ его своимъ пенсіонеромъ.

Въ 20 лѣтъ бывшій мальчикъ изъ кофейной, оканчиваетъ Императорскую академію художествъ, получаетъ золотую медаль за картину "Рейдъ въ Кронштадтѣ" и предпринимаетъ поѣздку по Италіи, Франціи Германіи и Испаніи.

Картина... Островъ Капри — награждается на парижской выставкѣ 1843 года и даетъ бѣдному мальчику званіе академика.

За "виды чернаго моря" и "монастырь св. Георгія" — художнику присуждено въ 1847 году званіе профессора — а за картину "четыре богатства Россіи" на парижской выставкѣ въ 1857 г. Франція награждаетъ его орденомъ "почетнаго легіона".

Бѣдный мальчикъ изъ греческой кофейни превращается въ знаменитаго художника Ивана Константиновича Айвазовскаго, и исторія искусства заноситъ это имя на свои золотыя страницы.*)

Въ письмѣ своемъ къ художнику И З. И. З. Куинджи, И. К. Айвазовскій пишетъ:

— "Полицейская длань, за ухо, пріобщила меня къ искусству, и очень легкой оказалась эта длань".**)

Съ точки зрѣнія нынѣшняго подхода къ станковой живописи, академическая манера Айвазовскаго — устарѣла, но это не мѣшаетъ ему оставаться геніемъ и одной изъ крупнѣйшихъ фигуръ въ исторіи русскаго и мірового изобразительнаго искусства.

Скончался Иванъ Константиновичъ Айвазовскій, глубокимъ 83 лѣтнимъ старикомъ 29 (10) апрѣля 1900 года.

Отмѣчая нынѣ 30-лѣтіе со дня его смерти, мы не могли не вспомнить сказочной карьеры этого яркаго представителя русской самобытности и культуры.

Но будемъ же справедливы до конца, и наряду съ великимъ именемъ И. К. Айвазовскаго — вспомнимъ давно забытаго правителя г. Феодосіи — градоначальника Казначеева.

Думалъ ли этотъ, грозный съ виду, но съ чуткой душой, полицейскій чинъ, что исторія русскаго искусства найдетъ мѣсто на своихъ славныхъ страницахъ и для его скромнаго имени.

Нынѣ Россія, — превращенная въ СССР, стала самой "свободной изъ свободныхъ" странъ. Стала "соціалистическимъ раемъ" и рабоче - крестьянской республикой — въ ней давно уже нѣтъ "грозныхъ" представителей полицейскаго режима вродѣ градоначальниковъ Казначеевыхъ, но увы... нѣтъ и Айвазовскихъ.

В. К. Э.

---

*) Булгаковъ. "Наши художники", томъ I. Спб, 1890.

**) Статья Л. К. въ газетѣ "Нашъ Путь", № 11, 20 мая 1927 г. Тяньцзинь.

Не принятыя рукописи назадъ не возвращаются и ни въ какую переписку о нихъ редакція не вступаетъ.

КУХОННАЯ СТРАТЕГІЯ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ обходы въ Красносельскомъ лагерномъ сборѣ практиковались широко, конечно, въ отношеніи значительной силы. Стремились выйти въ тылъ противника и стать на его сообщеніяхъ. Но, такъ какъ объ этомъ старались обѣ маневрирующія стороны, то почти ежегодно повторялось одно и то же: по окончаніи маневра одна сторона утверждала, что она обошла, "а я стою у васъ на сообщеніяхъ", говорила другая. Чаще это достигалось, направляя въ обходъ конницу, но иногда появлялась за нею и пѣхота. Получалось нелѣпое положеніе, весьма рѣдкое въ военной исторіи, что противники оказывались одновременно на сообщеніяхъ одинъ у другого... Получалось въ нѣкоторомъ родѣ вызывавшее улыбки у многихъ офицеровъ и конфузъ старшихъ начальниковъ...

Бороться съ этимъ зломъ, не посягая на свободу распоряженій и дѣйствій начальниковъ, было нелегко.

Конецъ подобнымъ несообразностямъ былъ положенъ лѣтъ черезъ двадцать, когда Главнокомандующимъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа сталъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Начальникъ Окружнаго Штаба, извѣстный Николай Ивановичъ Бобриковъ, четырнадцать лѣтъ занимавшій эту должность, распорядился, чтобы заданія для сторонъ были составляемы такимъ образомъ, что, если по обстановкѣ, даваемой, напримѣръ, сѣверному отряду, начальникъ его долженъ былъ болѣе дорожить своимъ правымъ флангомъ, потому ли, что къ послѣднему ожидаются подкрѣпленія, или по другой причинѣ, то въ заданіи начальнику южнаго отряда содержались условія, въ силу которыхъ онъ обязанъ былъ особенно беречь свой лѣвый флангъ. Очевидно, что, не дѣлая грубой ошибки, начальники сторонъ должны были собрать силы, будь то для производства удара въ наступательномъ бою, или для противодѣйствія удару противника въ оборонительномъ, и сосредоточить ихъ для удара — въ сѣверномъ отрядѣ — своимъ правымъ, а въ южномъ — своимъ лѣвымъ флангомъ. Въ результатѣ это приводило къ столкновенію кулака противъ кулака, т. е. приличному въ военномъ смыслѣ маневру.

Мѣра эта была весьма соотвѣтственной, ибо достигала цѣли, не прибѣгая къ какому либо давленію со стороны начальства или посредниковъ на свободу распоряженій и дѣйствій маневрирующихъ.

Обнаружить эту штабную тайну мнѣ удалось благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ. Вотъ какъ было дѣло.

24 пѣх. дивизія, въ которой я состоялъ начальникомъ дивизіоннаго штаба, была расположена въ Финляндіи. Въ 1981 году стало извѣстнымъ, что въ слѣдующемъ году дивизія перейдетъ въ Петербургскій военный округъ. Въ іюнѣ 1892 года я говорю своему начальнику дивизіи, Маклакову: "отпустите меня въ іюлѣ въ отпускъ въ Красное Село. На слѣдующій годъ дивизія навѣрно будетъ участвовать въ Красносельскомъ лагерномъ сборѣ, и мнѣ полезно присмотрѣться къ тамошнимъ требованіямъ и порядкамъ". Маклаковъ охотно согласился и такимъ образомъ я снова очутился въ Красномъ Селѣ, въ которомъ не былъ пятнадцать лѣтъ.

Являюсь, конечно, къ Бобрикову и докладываю, что начальникъ дивизіи находитъ полезнымъ и т. д. — "Ахъ такъ... Я буду назначать васъ посредникомъ".... Но онъ сдѣлалъ еще лучше. Николай Ивановичъ приказалъ присылать мнѣ заданія для обѣихъ маневрирующихъ сторонъ на всѣ отрядные маневры. Любезность, какъ сообщили мнѣ въ офицерскомъ собраніи Окружного Штаба, гдѣ я столовался, оказываемая только почетнымъ гостямъ, да военнымъ агентамъ. И стали поступать ко мнѣ заданія, съ надписью "секретно", для полковыхъ, бригадныхъ и дивизіонныхъ маневровъ (ихъ было съ десятокъ). Изучая эти заданія, какъ уже упомянуто для обѣихъ сторонъ и, сличая ихъ, не трудно было замѣтить, что названныя выше chassés croisé едва - ли могутъ теперь повторяться, т. к. обстановка, даваемая въ заданіяхъ нѣкоторымъ образомъ направляла рѣшенія начальниковъ отрядовъ.

Была, впрочемъ, и другая причина, побудившая прибѣгнуть къ названной мѣрѣ. Николаю Ивановичу приходилось очень считаться съ особенностями Красносельскаго сбора, обусловливаемыми тѣмъ, что начальникомъ сбора былъ всегда Главнокомандующій, Великій Князь, и нерѣдко маневръ производился въ Высочайшемъ присутствіи. Надо было указать пунктъ, куда должны быть направлены экипажи Государя и другихъ Высочайшихъ Особъ, а также свиты. Если - же гофмаршальская часть Двора доставляла на поле завтракъ, то указать, гдѣ расположится кухнямъ. А для этого надо было знать, гдѣ окончится маневръ, что оказывалось возможнымъ только благодаря названной мѣрѣ. Поэтому возможно, что Николай Ивановичъ, комбинируя заданія для маневровъ приведеннымъ выше способомъ, руководился и соображеніями, такъ сказать, придворнаго характера. Экипажи и кухни прибывали болѣе или менѣе заблаговременно къ назначенному мѣсту, т. е. туда, гдѣ будетъ данъ сигналъ "слушайте всѣ и отбой". Такимъ образомъ для стороны, при которой они располагались, мѣсто ихъ нахожденія могло служить признакомъ, гдѣ послѣдуетъ главный ударъ и развязка боя... Въ войскахъ это подмѣтили, чѣмъ нѣкоторые стали пользоваться какъ примѣтой...

Начальникъ Академіи Генеральнаго Штаба, Лееръ, присутствующій на болѣе значительныхъ войсковыхъ упражненіяхъ, иронизируя, назвалъ такой пріемъ для опредѣленія намѣреній противника "кухонной стратегіей". Разумѣется, сказалъ онъ это между своими, а не при разборѣ маневра, когда по приглашенію Главнокомандующаго онъ излагалъ свое мнѣніе.

П. Ольховскій.

БАЛЪ КАЗАКОВЪ - СТУДЕНТОВЪ

Парижская студенческая казачья станица, состоящая изъ молодыхъ казаковъ разныхъ Войскъ, учащихся въ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, устраиваетъ въ пользу своихъ нуждающихся членовъ концертъ - балъ, въ субботу, 31 мая, въ залѣ мэріи 15 аррондисмана (15, рю Шекле) подъ покровительствомъ почетныхъ казаковъ Станицы — Донского Атамана ген. Богаевскаго и г. Аббата Кенэ.

Готовится обширная концертная программа съ участіемъ видныхъ артистическихъ силъ Русскаго Парижа и Военнаго духового оркестра, Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ, подъ управленіемъ Л. Чернецкаго.

мительнаго молчанія.

"Ваше Превосходительство", не выдержалъ генералъ И. Д. П., — "я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ просить Васъ или идти правымъ берегомъ, какъ вотъ изложилъ генералъ П., или въ обходъ степей черезъ станицу Егорлыцкую на встрѣчу Буденному".

Командующій группой пріостановился и рѣзко сказалъ: "Генералъ, прекратите Ваши совѣты". На этомъ разговоръ о путяхъ оборвался.

Около часу дня въ юго - западномъ направленіи послышались артиллерійскіе выстрѣлы; повидимому, съ кѣмъ то начала бой 9-я дивизія. Это окончательно рѣшило вопросъ о направленіи и командующій группой отдалъ распоряженіе о движеніи лѣвымъ берегомъ Маныча. Конницѣ 2-го корпуса приказано было перейти на зимовники Королькова и Жеребкове, 9 и 10 дивизіямъ на зимовникъ Почекаева.

Короткій зимній день уже перевалилъ къ вечеру. До названныхъ пунктовъ было 17 - 20 верстъ. Дорожный вопросъ среди однообразной безжизненной, занесенной снѣгомъ пустыни, безъ проводниковъ, пріобрѣталъ исключительно важное значеніе и особенно ночью. Оріентироваться приходилось только по картамъ, которые къ тому же не отличались точностью.

Двинулись въ обходъ балки Ср. Кугульты. Среди безбрежнаго океана степи изрѣдка попадались одинокіе скирды старой занесенной снѣгомъ соломы. Двигались медленно — короткимъ шагомъ. Казаки ѣхали молча, угрюмые, сѣрые, обмерзшіе. Бѣлая живость, шутки, бойкіе разговоры и пѣсни, неизмѣнные спутники казачьяго строя отсутствовали.

Начинало сильно темнѣть. Сѣрое дымчатое небо давило своей безрадостной тяжестью. Спускалась тьма на землю и тревога на душу. Уже съ самаго начала движенія казалось, что мы идемъ безконечно давно, что надо было сворачивать въ сторону, что зимовники находятся гдѣ то влѣво. Иногда, дѣйствительно, попадались прослѣженныя по снѣгу поперечныя дороги, но откуда и куда они вели сказать было нельзя.

Двигались автоматически. Воля угасла, мысли остановились, мозги превратились въ обледенѣлый комокъ; кровь не грѣла. Морозъ нестерпимый, жестокій шелъ по степямъ и порою слышалось потрескиваніе — это лопалась земля.

Съ темнотой, движеніе стало неровнымъ, порывистымъ, толчками. Ночное движеніе закончилось тѣмъ, что конница 2 корп. попала на зимовникъ Почекаева, а 9-я дивизія на зимовникъ Жеребкова. Когда мы подошли къ зимовнику Почекаева, здѣсь уже расположилась 10 дивизія. Глубокая балка передъ зимовникомъ, садъ по крутому откосу оврага и дворъ въ буквальномъ смыслѣ представляли сплошную стѣну людскихъ и конскихъ тѣлъ. Во многихъ мѣстахъ можно было пройти только по спинамъ лошадей. Командующій группой приказалъ конницѣ 2 корп. передвинуться на зимовникъ Королькова, отстоящій отъ Почекаева въ 15 верстахъ. Выполнить это приказаніе удалось только на одну треть. Въ часъ ночи Ген. С. съ 6-й бригадой двинулся къ указанному пункту. Двѣ другія бригады сдѣлать этого оказались не въ состояніи.

Къ 12 час. 5 февраля вся конная группа сосредоточилась на зимовникѣ К. Королькова. Прибывшій сюда начальникъ группы отдалъ приказъ о движеніи на ст. Шабліевка, гдѣ по армейскимъ свѣдѣніямъ къ утру этого дня располагался Буденный. По расчету времени [начало движенія въ 1 часъ дня] и пространства [25 — 30 верстъ] мы могли подойти къ назначенному пункту къ 7 - 8 час. вечера; принимая же во вниманіе отсутствіе дорогъ — можно было предполагать, что бой разыграется много позднѣе. Раіонъ дѣйствій у Шабліевки былъ неизвѣстенъ ни начальникамъ, ни подчиненнымъ. Планъ боя былъ намѣченъ по картѣ.

День 5 февраля былъ четвертый день, какъ войска не имѣли ни правильнаго питанія, ни нормальнаго отдыха.

Въ часъ дня конная группа начала движеніе. Конница 2 к. должна была снаравливать свое движеніе съ колонной 4 корпуса, и двигаться въ зрительной съ ней связи. Первую половину пути авангарду пришлось прокладывать движеніе по цѣлинному снѣгу. Это было особенно трудно, потому, что высокая некошенная трава занесенная снѣгомъ сильно препятствовала свободному ходу лошадей. Вторую половину шли по пробитой дорогѣ, которая постепенно сближалась съ колонной 4-го корпуса.

Съ наступленіемъ темноты части пришлось сдвинуть на тѣсныя дистанціи и короткіе интервалы, но и эта мѣра не вполнѣ обезпечивала отъ невозможностей разрывовъ и болѣе серьезныхъ случайностей.

Около 9 - 1/2 час. вечера мы начали спускаться внизъ и передъ нами вдали загорѣлись многочисленные огни большого поселка.

По заданію конница 2 корпуса должна была атаковать съ юго - востока, 4-й корпусъ съ сѣвера и сѣверо - запада. Части, назначенныя для атаки, начали расходится, обтекая смутныя очертанія поселка. Вскорѣ загорѣлся бой: ружейный, пулеметный и артиллерійскій огонь ворвался жуткой, дьявольской музыкой въ спокойную дотолѣ тишину ночи.

Прослѣдить этотъ бой во всѣхъ подробностяхъ, систематизировать и схематизировать его, вѣроятно, никогда никому не удастся, даже если бы можно было собрать всѣхъ участниковъ боя — красныхъ и бѣлыхъ. Начать съ того, что мы атаковали не Шабліевку, а станцію Торговую и поселокъ Воронцовскій. Случилось это по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ части наканунѣ попали не въ назначенные имъ пункты. Мы были подобны кораблю безъ компаса среди океана. Темная ночь, ворвавшаяся, случайность и незнаніе мѣстности лишили начальниковъ возможности слѣдить за боемъ, вести бой и руководить имъ. Все происшедшее этой непроглядной темной ночью стало случайнымъ, безудержнымъ и хаотическимъ. Можно отмѣтить только отдѣльные моменты, не связывая ихъ въ общую сѣть боя.

Наша атака для красныхъ, повидимому, была совершенно неожиданной. Движеніе по безлюднымъ голоднымъ степямъ, безъ дорогъ, надо думать, ими не предусматривалось, такъ какъ на всемъ пути въ этотъ день мы не встрѣтили даже разъѣздовъ, не говоря уже о болѣе серьезныхъ силахъ. За счетъ неожиданности наши части въ разныхъ мѣстахъ ворвались въ поселокъ, заставъ въ отдѣльныхъ дворахъ мечущихся красныхъ. Захвачены были артиллерія и повозки, но воспользоваться ими мы не смогли. Подъ конецъ этой ночной баталіи создалась такая неразбериха; всѣ такъ перемѣшались, что не было никакой возможности своихъ отличить отъ чужихъ.

Утративъ связь не только со старшими начальниками, но и съ ближайшими сосѣдями, наши части не удержались въ поселкѣ и отошли за рѣку. Изъ захваченныхъ приказовъ и отъ плѣнныхъ стало извѣстнымъ, что поселокъ занимали конная армія Буденнаго съ приданными ей двумя стрѣлковыми дивизіями.

Собрать среди ночи, подъ носомъ у противника, въ конецъ разстроенныя части и атаковать вновь Торговую было немыслимо и командующій группой отдалъ приказъ отойти и заночевать самостоятельно тамъ, гдѣ на пути встрѣтятся скирды.

По разбитой снѣжной дорогѣ потянулась конница назадъ. Физическое и нравственное утомленіе превзошло предѣлъ человѣческаго напряженія. Люди и лошади отъ усталости шатались и на ровной дорогѣ безсильно падали. Отсутствіе питанія въ теченіе нѣсколькихъ дней заставляло глотать снѣгъ; остатки крохъ, затерявшихся въ углахъ кармановъ, были лакомой пищей. Не могу и теперь забыть трогательной, простой и скромной сцены, полной высокаго духовнаго благородства. Мой вѣстовой казакъ обнаружилъ въ своихъ сумахъ кусочекъ мерзлаго, твердаго, какъ гранитъ чернаго хлѣба; онъ разрубилъ его пополамъ и подѣлился со мною.

Наиболѣе многочисленная масса конницы остановилась у соединенія какихъ то двухъ балокъ. Нѣсколько скирдъ соломы, стоявшихъ тутъ, были тотчасъ же разнесены. Нужно ли описывать этотъ ночлегъ среди невообразимой, придавившейся снѣжной равнины, безъ огней, безъ крышъ, въ трескучій жестокій морозъ; измученные и голодные люди ложились, скорѣе падали, на снѣгъ, не имѣя болѣе силъ сопротивляться. Съ разсвѣтомъ живые задвигались, мертвые оставались лежать, на снѣгу сѣрыми пятнами.

Намѣреніе командующаго группой вновь атаковать Торговую днемъ 6-го февраля не получило осуществленія. Части растаяли, а моральное и физическое состояніе оставшихся было таково, что о боѣ нечего было и думать. Для спасенія оставшихся — надо было возможно скорѣе вывести ихъ изъ степей и дать отдыхъ. Въ ночь на 7 февраля конница прибыла на станцію Цѣлина. Въ это время Буденный занялъ пункты къ юго-западу и западу отъ нея. Части 8-й дивизіи, которыя двинулись въ эти пункты для отдыха — были отогнаны огнемъ противника.

Сосредоточеніе всей конницы на станціи Цѣлина къ утру 7-го февраля имѣло ввиду новое рѣшеіе командующаго группой атаковать въ направленіи сл. Ср. Егорлыцкой, опередившаго насъ Буденнаго, но дѣйствительность жестокая, ужасная, показала, что мы драться больше не въ состояніи.

Моральная подавленность и нервное возбужденіе оставшихся въ строю были до чрезвычайности сильны. Офицеры нѣсколькихъ бригадъ 4 к. во главѣ съ командирами подали рапорты объ отчисленіи ихъ отъ должностей. Этой демонстраціей они хотѣли громко заявить, что конница загублена.

Мы дѣйствительно, стали уже не страшнымъ врагомъ для Буденнаго. Не считаясь съ нами, онъ опередилъ насъ, двигаясь на Тихорѣцкую. Остановить Буденнаго уже не было силъ. Впереди ясно намѣтилась гибель фронта, гибель бѣлыхъ надеждъ и иллюзій и что - то грозное и страшное. Ставка бѣлыхъ на конницу оказалась битой. Мы проиграли.

Въ 12 час. дня 7 февраля, конница двинулась со станціи Цѣлина на ст. Егорлыцкую и вечеромъ расположилась по квартирамъ, проведя предъ этимъ семь дней подъ открытымъ небомъ.

Въ Егорлыцкой мы сдѣлали приблизительный подсчетъ потерь и установили страшныя цыфры. Конница 2 корпуса, выйдя въ составѣ 4.030 казаковъ потеряла замерзшими и обмороженными 2.520 казаковъ.

Послѣ этого борьба на юго - востокѣ продолжалась еще въ теченіе мѣсяца до Новороссійска, но это была уже агонія отступающихъ, послѣдняя вспышка сломленныхъ, но не побѣжденныхъ.

Генегалъ С. Позднышевъ.

ПЛАНЫ ВОЙНЫ НА МОРѢ ВЪ ГЕРМАНІИ ДО 1914 Г.

Совершенно незамѣченными въ широкой печати прошли крайне интересные оффиціальные матеріалы, недавно опубликованные германскимъ правительствомъ относительно плановъ морской войны Германіи, начиная съ 1880 года, и частично воспроизведенные въ "Дейли Телеграфъ" и "Франсъ Милитэръ".

Первый документъ, это планъ войны противъ Франціи, составленный морскимъ министромъ ген. Штошъ и отличающійся, несмотря на крайнюю слабость въ то время германскаго флота, выдающейся смѣлостью. Немедленно послѣ объявленія войны, отрядъ нѣмецкихъ миноносцевъ долженъ былъ атаковать Шербургъ, гдѣ находилась вся французская эскадра Сѣвернаго моря. Когда неожиданной атакой она была бы достаточно ослаблена, германскій флотъ долженъ былъ выйти для рѣшительнаго эскадреннаго боя.

Въ слѣдующемъ документѣ, меморандумѣ ген. Каприви, преемникѣ ген. Штоша, еще съ большими подробностями развитъ тотъ же планъ и подчеркнута мысль, что отъ германскаго флота потребуются очень рискованныя операціи; въ первый же день войны необходимо было искать не геройскаго самопожертвованія германской эскадры въ бою со значительно сильнѣйшимъ противникомъ, а серьезнаго успѣха для захвата иниціативы на морѣ. Можно считать, что этотъ планъ былъ привезенъ обучающимися въ германіи японскими офицерами въ Японію, которая и примѣнила его въ борьбѣ съ Россіей.

Съ 1896-го года Германія стала считать своимъ главнымъ противникомъ не Францію, а Англію. Планъ пришлось измѣнить, сохранивъ, однако, въ полной мѣрѣ его активный характеръ. Предполагалось сосредоточить значительно усилившійся, но еще очень уступающій англійскому, германскій флотъ въ Бельтахъ за надежной оборонительной линіей минныхъ полей и тамъ ждать перваго удобнаго случая для разбитія, по возможности порознь, англійскихъ эскадръ. Большое значеніе пріобрѣтало норвежское побережье съ его многочисленными фіордами, куда германскій флотъ сталъ все чаще ходить для своихъ упражненій и маневрированій.

Этотъ планъ существовалъ до 1902 года, когда новый начальникъ морского генеральнаго-штаба, адмиралъ Бюксель окончательно порвалъ съ царившей до тѣхъ поръ наступательной стратегіей и перешелъ къ явно оборонительной. Трудно даже понять, какъ во флотѣ могли утвердиться эти идеи, столь противорѣчащія всѣмъ принятымъ одновременно для арміи принципамъ крайней активности. Новый планъ, основанный на убѣжденіи, что въ эскадренномъ бою ни при какихъ обстоятельствахъ германскій флотъ не могъ бы справиться съ англійскимъ, предписывалъ ему выполнять роль fleet in beeing т. е., избѣгая рѣшительныхъ операцій, одной угрозой своего существованія, онъ долженъ былъ вліять на ходъ войны на морѣ. Легкимъ силамъ — крейсерамъ и миноносцамъ, — наоборотъ, предписывалось вести возможно болѣе активныя "партизанскія" операціи, всячески стараясь ослаблять главныя силы англичанъ. Въ меморандумѣ 1907-го года адмиралъ Бюксель указываетъ, что при существованіи германскаго флота, англичане врядъ ли рискнутъ высаживать свои войска на материкъ, что стало бы, однако, пустой задачей, если германскій флотъ, рискнувъ принять сраженіе, былъ бы разбитъ въ одинъ изъ первыхъ дней войны.

Какъ извѣстно, пребываніе германскихъ эскадръ въ состояніи fleet in beeing нисколько не помѣшало Англіи съ первыхъ и до послѣднихъ дней войны владѣть морями и высаживать, гдѣ ей было нужно, огромныя арміи. Лишній разъ примѣненіе пассивной стратегіи приносило свои горькіе плоды. Все вниманіе германскаго флота, получившаго гордое названіе флота открытаго моря, свелось, въ концѣ концовъ, согласно извѣстному приказу Кайзера отъ 4-го августа 1914-го года, къ охранѣ Гельголандской бухты, парализуя подъ страхомъ риска всякую иниціативу рѣшительныхъ операцій и обрекая великолѣпное оружіе, какимъ являлись германскія эскадры, къ тому, что "его не вытянули изъ ноженъ". Теперь нѣтъ сомнѣнія, что при правильной активной стратегіи, роль германскаго флота въ Великой войнѣ была бы огромна, можетъ быть, рѣшающая.

Изъ опубликованныхъ матеріаловъ становится яснымъ, какое трудное время переживало германское адмиралтейство въ то время, когда шли работы по углубленію Кильскаго канала и приспособленіе его для прохожденія дредноутовъ. Энергичное возстановленіе русскаго флота мѣшало сосредоточенію всѣхъ германскихъ силъ противъ Англіи въ Сѣверномъ морѣ.

Германскій морской генеральный штабъ съ большимъ почтеніемъ и съ опасеніемъ относился къ англійскимъ морскимъ силамъ, преувеличивая даже ихъ превосходство надъ своими собственными. Онъ считалъ, что при открытіи военныхъ дѣйствій англичане захватятъ островъ Боркумъ и устроятъ на немъ передовую базу для тѣсной блокады германскаго побережья и для наступательныхъ дѣйствій противъ Гельголанда, Эмса и Везера. На самомъ дѣлѣ англійское адмиралтейство задолго до войны отказалось отъ тѣсной блокады и болѣе, чѣмъ осторожно, относилось къ какимъ бы то ни было наступательнымъ операціямъ противъ германскаго побережья.

Такимъ образомъ, опубликованные германскіе документы, вопреки шумнымъ утвержденіямъ германской печати, адмирала Тирпица и особенно Кайзера, показываютъ, какъ постепенно, по мѣрѣ возрастанія германскаго могущества на моряхъ, руководители германскаго флота становились все болѣе осторожными, боясь за судьбу своего флота. "Эта чрезмѣрная осторожность, — пишетъ "Франсъ Милитэръ", — представляетъ необычайный контрастъ со смѣлыми планами восьмидесятыхъ годовъ, когда маленькій германскій флотъ былъ готовъ идти на всѣ риски, чтобы нанести возможно болѣе сильный ударъ своему грозному противнику. . .

Англійскій морской писатель Биватеръ видитъ въ этомъ вліяніе самого Кайзера, "боящагося, что будетъ сломана его самая любимая игрушка".

Сергѣй Терещенко

ИНВАЛИДЪ СКОБЕЛЕВЪ

Иванъ Никитичъ Скобелевъ, дѣдъ "Бѣлаго Генерала" родился въ семьѣ однодворцевъ и военную службу началъ рекрутомъ. Въ офицеры онъ былъ произведенъ за выдающіеся боевыя заслуги и уже не молодымъ.

Въ 1812 - омъ году, въ чинѣ капитана, будучи уже инвалидомъ, онъ былъ назначенъ Адъютантомъ къ Фельдмаршалу Кутузову. Свое земное поприще Скобелевъ закончилъ на посту Коменданта Петропавловской Крѣпости.

Иванъ Никитичъ былъ яркимъ типомъ русскаго самородка и русскаго богатыря.

Нижеописанные эпизоды покажутъ суровые спартанскіе нравы Скобелевской семьи и, въ частности, Ивана Никитича.

Уже въ чинѣ полковника Скобелевъ гостилъ какъ - то у матери въ родной деревнѣ.

Однажды, пока мать возилась съ пирогами у печки, Иванъ Никитичъ занималъ разговоромъ гостя — священника.

"А вы въ какомъ чинѣ будете?" спросилъ батюшка. Полковникъ отвѣчалъ Скобелевъ и тутъ же получилъ сильный ударъ ухватомъ по головѣ: Мать стояла надъ нимъ, съ ухватомъ въ рукѣ и приговаривала:

"Умри, да не ври! Полковникъ — одна матушка Императрица Елизавета"...

Самъ Скобелевъ былъ въ жизни не менѣе суровъ. Пока онъ находился въ безвѣстномъ отсутствіи, въ плѣну у турокъ, жена его, простая женщина, считая себя вдовой вышла за другого. Возвратясь изъ плѣна на родину, Скобелевъ, хотя и не сомнѣвался въ томъ, что жена искренно считала его погибшимъ, все же заточилъ ее въ монастырь. Впослѣдствіи, своихъ дѣтей отъ второго брака онъ возилъ къ ней въ монастырь на поклонъ.

Въ очеркѣ Куприна — "Однорукій Комендантъ" *), посвященномъ Ивану Никитичу, ошибочно сказано, что вторая его жена была знатная графиня. Въ дѣйствительности она происходила изъ рода Дуровыхъ изъ котораго была и знаменитая "дѣвица - кавалеристъ".

Существовала любопытная лубочная картинка. Она изображала сцену сраженія. Скобелевъ сидитъ и пишетъ донесеніе пользуясь барабаномъ вмѣсто стола. Лѣвую руку, разсѣянно протянутую лѣкарь ему ампутируетъ саблей.

Въ сраженіяхъ Скобелевъ потерялъ, кромѣ лѣвой руки, нѣсколько пальцевъ съ правой и съ обѣихъ ногъ и былъ весь покрытъ шрамами.

Но еще въ старости онъ обладалъ недюжинной силой. Такъ однажды, обходя какія то постройки въ Петропавловской Крѣпости, однорукій Комендантъ сорвался съ лѣсовъ, но успѣлъ ухватиться за нихъ пальцами единственной руки и такъ висѣлъ пока не подоспѣла помощь.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о его литературной дѣятельности. Въ этой области его заслуга заключалась въ томъ, что онъ первый создалъ особый видъ литературы, а именно — солдатскую, предназначенную для воинскаго и національнаго воспитанія нижнихъ чиновъ. Этотъ бывшій рекрутъ, въ безыскусныхъ, но яркихъ повѣствованіяхъ говорилъ языкомъ доступнымъ для солдатъ. Разумѣется, нѣкоторая литературная отдѣлка была необходима и ее исполнялъ писатель Гречъ. Подписывалъ Скобелевъ свои произведенія псевдонимомъ "Инвалидъ".

Разносторонній и одаренный характеръ Ивана Никитича проявлялся также и въ той энергіи и упорствѣ съ которыми этотъ бывшій однодворецъ положилъ основаніе своему благосостоянію и пріумножилъ его. Онъ умеръ богатымъ человѣкомъ, собственникомъ доходныхъ домовъ и земель.

Въ семьѣ хранился его кожанный передникъ, въ которомъ онъ на опытѣ изучалъ стекляное дѣло ибо задумалъ строить стекляный заводъ.

Императоръ Николай Павловичъ любилъ и цѣнилъ Однорукаго Коменданта и часто навѣщалъ его. Единственная дочь Скобелева, Вѣра, была назначена Личной Фрейлиной и добрая Императрица Александра Феодоровна замѣнила ей рано умершую мать.

С. Набоковъ.

*) См. сборникъ "Окно".

НА ВЫСШИХЪ ВОЕННО-НАУЧНЫХЪ КУРСАХЪ

ПРОФ. ГЕН.-Л. Н. Н. ГОЛОВИНА.

Диспутъ, состоявшійся 28 апрѣля въ помѣщеніи Союза Галлиполійцевъ, при защитѣ диссертаціи Полк. Ген. Штаба А. А. Зайцовымъ на соисканіе степени экстраординарнаго профессора Заруб. Высшихъ Военно - Научныхъ курсовъ — привлекъ полный залъ слушателей. Большой залъ не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ присутствовать на диспутѣ.

Диспутантъ, еще въ январѣ 1929 года, представилъ въ особую испытательную комиссію, въ составъ которой вошли почти всѣ наиболѣе видные военные авторитеты Зарубежья, — свой трудъ "Общая Тактика", сложившійся изъ лекцій прочитанныхъ имъ на В. В. Н. Курсахъ.

Только послѣ предварительнаго разсмотрѣнія комиссіей труда Полк. Зайцова, диспутантъ былъ допущенъ къ защитѣ.

Засѣданіе открылъ Предс. Академической Группы Проф. Анциферовъ, отмѣтившій въ краткомъ вступительномъ словѣ, значеніе одного лишь факта настоящаго научнаго диспута, происходящаго въ исключительныхъ условіяхъ эмигрантскаго быта, послѣ чего диспутантъ изложилъ, въ теченіе 45 минутъ, тезисы своего труда.

По окончаніи доклада, до выступленія оффиціальныхъ оппонентовъ, всѣмъ присутствующимъ было предоставлено право высказать свои мысли по существу выставленныхъ тезисовъ. Такъ какъ этимъ правомъ никто не воспользовался, слово предоставлено было оффиціальнымъ оппонентамъ, спеціально прибывшимъ на диспутъ Профессорамъ Военной Академіи Ген. Рябикову (прибывшему изъ Праги) и Ген. Б. Геруа (Прибывшему изъ Лондона).

Оба старыхъ профессора нашей Военной Академіи всесторонне проанализировали какъ самый трудъ Полк. Зайцова, такъ и его устный докладъ. Изъ наиболѣе существенныхъ пробѣловъ были отмѣчены: 1) нѣкоторая сухость первой части, недостаточно, по мнѣнію оппонентовъ иллюстрированную примѣрами, 2) Недостаточность выводовъ посвященныхъ развѣдкѣ, 3) нѣкоторая догматичность въ построеніи первой части и 4) недостаточное использованіе источниковъ иностранной военной литературы, — особенно англійской; причемъ было отмѣчено, что предъявленный трудъ, грѣшитъ нѣкоторой устарѣлостью.

Какъ было сказано: "это тактика не завтрашняго дня и даже не сегодняшняго, а, можетъ быть, даже вчерашняго". (Настолько техника вліяетъ въ наше время, на быстроту измѣненій тактическихъ пріемовъ).

Въ то - же самое время, оба оппонента склонны были видѣть въ молодомъ ученомъ всѣ необходимыя данныя для будущаго профессора, отмѣчая его особенную способность и умѣніе препарировать историческіе факты для пользованія ими въ подкрѣпленіе выводимыхъ тезисовъ.

Особенно интересны были возраженія полк. Зайцова, весьма убѣдительно защищавшаго большинство изъ выдвинутыхъ имъ положеній. Между прочимъ, имъ было указано, что Французская военная литература не дала еще до настоящаго времени ни одного капитальнаго труда посвященнаго Марнской операціи.

Къ трудамъ - же англичанъ, особенно увлекающимся механизаціей, (Фуллеръ) онъ рекомендовалъ относиться съ особенной осторожностью.

Послѣ короткаго совѣщанія, подъ аплодисменты всей громадной аудиторіи, Полковнику Ген. Штаба А. А. Зайцову была присуждена искомая ученая степень.

К. П.

ПОДВОДНИКИ

I

НАЗНАЧЕНІЕ

Ваше Благородіе !... Пакетъ !

Расписавшись въ разсыльной книгѣ, Усовъ разорвалъ конвертъ и нашелъ въ немъ предписаніе ѣхать въ Либаву для обученія подводному плаванію.

Восторгу мичмана не было границъ.

Сейчасъ же по производствѣ въ офицеры онъ заявилъ о желаніи служить на подводныхъ лодкахъ, но долгое, почти двухмѣсячное, молчаніе начальства приводило Усова въ недоумѣніе, а, порой, въ отчаяніе.

И вотъ мечта осуществилась.

Вмѣсто скучной, размѣренной службы въ экипажѣ онъ получилъ возможность изучить новое, только еще вводившееся въ русскомъ флотѣ, интересное дѣло.

Печальныя улицы Кронштадта, безконечные ряды унылыхъ казенныхъ зданій, облупившіеся фасады, не менѣе унылыхъ, частныхъ домовъ, закоптѣлыя стѣны портовыхъ мастерскихъ, съ высоко торчащей надъ ними трубой пароходнаго завода, чахлые бульвары и парки, все теперь уходило въ сторону.

Усовъ уже видѣлъ себя на палубѣ подводной лодки и предвкушалъ различныя приключенія въ духѣ капитана Немо.

Сборы были не долги и на слѣдующій же день, онъ уже выѣхалъ въ Петербургъ.

Стоялъ конецъ апрѣля 1905 года.

Весеннее солнце заливало водную равнину своими теплыми лучами и, отражаясь въ ней, дробилось и сверкало безчисленными алмазами.

Тяжелыя пароходныя колеса, безъ устали, мѣсили сѣровато-желтоватыя воды Маркизовой лужи оставляя широкій пѣнистый слѣдъ далеко тянувшійся за кормой.

Одна за другою, проходили вѣхи морского канала, а далеко, далеко, впереди, яркимъ пламенемъ, горѣлъ золотой куполъ Исакіевскаго собора.

При входѣ въ Неву пассажиры были оглушены немолчнымъ грохотомъ, несшимся съ эллинговъ судостроительныхъ заводовъ, мощные корпуса которыхъ высились на обоихъ берегахъ.

Буксиры, баржи, лайбы, пароходы, яхты, занимали середину красавицы рѣки, тѣснились у ея набережныхъ, двигались вверхъ и внизъ по теченію.

То и дѣло давая свистки, замедляя, или увеличивая ходъ, "Котлинъ" пробирался къ пристани, гдѣ его ожидала толпа народа и масса извощиковъ.

Строгіе дома Васильевскаго острова равнодушно смотрѣли на мчавшіеся мимо нихъ трамваи, пролетки, грузовыя подводы, спокойно слушали грохотъ пароходныхъ лебедокъ, крики грузчиковъ, свистъ пара и только хмурились отъ дыма, вырывавшагося изъ многочисленныхъ трубъ.

Жизнь большого портоваго города била ключемъ и замирала только къ вечеру...

По пріѣздѣ въ Либаву, нашъ мичманъ явился къ наблюдающему за постройкой лейтенанту Зміеву, по совѣту котораго, отправился представиться завѣдующему подводнымъ плаваніемъ.

Адмиралъ, съ нервнымъ и усталымъ лицомъ, съ Георгіевскимъ Крестомъ въ петлицѣ, полученнымъ за отличія въ Портъ Артурѣ, окинулъ Усова испытующимъ взглядомъ.

Строгій къ себѣ и другимъ, онъ не допускалъ никакихъ отступленій отъ требованій Устава и правилъ формы одежды, — все замѣчалъ, все видѣлъ.

И на этотъ разъ зоркій глазъ адмирала обнаружилъ нѣкоторое упущеніе.

Выслушавъ формулу представленія, онъ, вмѣсто всякаго отвѣта, сказалъ :

— "Мичманъ, какъ вы держите перчатку?" —

Отъ неожиданности, Усовъ поднесъ треуголку къ самому носу.

Перчатка съ правой руки мирно лежала на шляпѣ...

Полное недоумѣніе отразилось на лицѣ мичмана.

— Я вамъ говорю, — повысилъ голосъ адмиралъ, — какъ вы держите перчатку ! Какъ полагается... Нѣтъ !.. — И, взявъ изъ рукъ опѣшившаго Усова треуголку, адмиралъ положилъ на нее перчатку какъ требовалось по Уставу...

— Вотъ какъ нужно класть перчатку и какъ держать головной уборъ когда являетесь начальству !

— Вы еще слишкомъ молоды и вамъ придется еще многому учиться, — наставительно прибавилъ Щесновичъ.

Однако, тутъ же, смѣнивъ гнѣвъ на милость, герой Портъ Артура привѣтливо усадилъ мичмана въ кресло и задалъ нѣсколько вопросовъ.

Оставшись, видимо, вполнѣ доволенъ полученными отвѣтами адмиралъ отпустилъ его съ миромъ.

Въ вестибюлѣ гостинницы Усовъ встрѣтился съ двумя товарищами по выпуску тоже пожелавшими служить въ подводномъ плаваніи и пріѣхавшими явиться начальству...

Въ тѣ времена, морскіе офицеры должны были носить сабли на крючкѣ портупей, что было не всегда удобно, особенно при одѣтомъ сверху пальто, а потому молодежь, обычно стремилась волочить ихъ по землѣ.

Снявъ пальто, мичманы забыли прицѣпить сабли на мѣсто и, взявъ ихъ въ руки, такъ и вошли въ адмиральскій номеръ.

Не успѣли они закрыть дверь и начать рапортъ, какъ возмущенный подобной дерзостью и полнѣйшимъ отступленіемъ отъ правилъ формы одежды, адмиралъ яростно закричалъ :

— Какъ вы смѣете являться ко мнѣ въ такомъ видѣ! Кто вы такіе?.. мичмана, или гусары ?..

Не понимая въ чемъ дѣло, что вызвало адмиральскій гнѣвъ, Сидоровъ и Ермольевъ, въ полномъ смятеньи стояли у дверей судорожно сжимая эфесы злосчастныхъ сабель.

Слова застряли въ горлѣ... Мысли улетучились... Въ опустѣвшихъ головахъ звенѣлъ и разсыпался фальцетъ разъяреннаго начальства.

— Гдѣ ваши сабли ?... Какъ вы держите головные уборы и перчатки ?... Фамиліи ваши ?..

— С-и-д-о-р-о-в-ъ... Е-р-м-о-л-ь-е-в-ъ... — растерянно пролепетали пріятели.

— На гауптвахту !... Немедленно на гауптвахту !

— Да мы... — робко началъ Сидоровъ, къ которому сталъ возвращаться даръ рѣчи...

— Никакихъ разговоровъ ! — кричалъ адмиралъ сверкая глазами. — Немедленно на гауптвахту !..

Мичмана посмотрѣли другъ на друга, рѣзко повернулись и, ни слова не говоря, выскочили изъ комнаты.

Очнулись они только въ вестибюлѣ гостинницы.

— Вотъ такъ исторія !... — воскликнулъ маленькій, экспансивный Сидоровъ присѣдая чуть ли не до самаго пола и разводя руками, все еще сжимавшими саблю и треуголку.

— Н-да... — протянулъ болѣе флегматичный, высокаго роста, Ермольевъ...

— И кто бы могъ подумать, — не унимался Сидоровъ, — что всему виною окажутся эти дурацкія сабли...

— Ну и адмиралъ ! Задалъ же онъ намъ жару !...

— Поѣдемъ, что ли, переодѣваться ?

II

НОВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Устроившись въ одной изъ отдаленныхъ для мичмановъ казенныхъ квартиръ порта Императора Александра III, Усовъ отправился знакомиться съ мѣстностью.

Широкія, обсаженныя деревьями, улицы, съ тянувшимися вдоль нихъ прекрасными, двухэтажными домами офицерскихъ квартиръ, вывели мичмана на пляжъ, покрытый тончайшимъ пескомъ, въ которомъ утопали ноги.

Прямо передъ нимъ предсталъ обширный рейдъ, окаймленный искусственнымъ волноломомъ изъ сваленныхъ въ безпорядкѣ огромныхъ бетонныхъ массивовъ, съ бѣлыми маяками на трехъ выходныхъ воротахъ. За волноломомъ простиралось безбрежное Балтійское море.

Вправо видѣнѣлись какіе то бараки и песчанный берегъ, уходящій къ сѣверу.

Слѣва высились строенія города Либавы, полосатая, бѣло-красная маячная башня, купы деревьевъ и стѣнка внутренней гавани, отъ которой начинался, вырытый въ пескѣ каналъ, ведшій внутрь материка... Проходя мимо величественнаго собора, Усовъ углубился въ сосновый лѣсъ, миновалъ, привольно раскинувшійся госпиталь, и попалъ въ районъ застроенный грандіозными морскими казармами и домами для ротныхъ командировъ, за которыми видѣнѣлись мачты и трубы какихъ то судовъ. Еще нѣсколько шаговъ и нашъ мичманъ очутился на стыкѣ двухъ, сходящихся подъ прямымъ угломъ, обширныхъ внутреннихъ бассейновъ, съ стоящими на нихъ военными судами и увидѣлъ, на противоположной сторонѣ, сухіе доки, ремонтныя мастерскія, плавучій докъ и зданіе конторы *порта*.

Широкій размахъ проявленный при планировкѣ порта Императора Александра III; грандіозность выполненныхъ работъ по прорытію канала и бассейновъ, чистота, порядокъ, яркая зелень на улицахъ, сосновый боръ окружавшій городокъ, сухая, песчанная почва, великолѣпныя дороги и строенія порта, а, также, чудесный воздухъ, привели Усова въ отличное настроеніе...

На слѣдующее утро онъ уже былъ на заводѣ, гдѣ собирались пять подводныхъ лодокъ типа Лэкъ въ 150 тоннъ водоизмѣщенія каждая.

Четыре изъ нихъ, въ разныхъ стадіяхъ готовности, находились на берегу, а пятая, вполнѣ готовая и спущенная на воду, служила для обученія личнаго состава.

Всѣ механизмы и, даже, корпуса были построены въ Америкѣ, потомъ разобраны, доставлены на пароходахъ въ Либаву, гдѣ снова собирались съ помощью русскихъ рабочихъ и будущей команды.

По мѣрѣ готовности подводныхъ лодокъ, ихъ предполагалось отправлять, по желѣзной дорогѣ, во Владивостокъ, гдѣ окончательно достроить и тогда, если война съ Японіей затянется, они могли получить боевое крещеніе въ водахъ Японскаго моря...

Усовъ отправился осматривать готовую лодку.

У пристани стояло какое то странное сооруженіе съ плоской деревянной палубой возвышавшейся на какихъ нибудь два фута надъ водою. Середина его была занята командирской рубкой съ надписью "Сигъ", а ближе къ кормовому флагу помѣщался какой то кожухъ съ торчащій изъ него дымовой трубой.

Небольшіе размѣры судна, его странный видъ, малое возвышеніе надъ водою какъ то не вязались съ установившимися представленіями о кораблѣ, да еще военномъ кораблѣ...

Черезъ узкій носовой люкъ Усовъ спустился внутрь и попалъ въ освѣщенное электричествосмъ, уютное жилое помѣщеніе, отдѣланное подъ красное дерево, съ кожанными диванами съ подъемными спинками и шкапчиками для вещей личнаго состава.

Въ самомъ носу, отдѣленное двумя массивными стальными переборками съ герметически закрывающимися дверями, находилось водолазное отдѣленіе съ дверью въ днищѣ для выпуска водолаза изъ подводной лодки.

Между жилымъ и машиннымъ отдѣленіями помѣщалась кухня съ электрическими баками, кастрюлями, чайниками и прочей посудой.

Все на подводной лодкѣ дѣлалось посредствомъ электричества, получаемаго отъ батареи аккумуляторовъ, занимавшей большую часть носового трюма.

Трапъ изъ кухни велъ наверхъ, въ командирскую рубку, гдѣ были сосредоточены всѣ средства управленія.

Иллюминаторы изъ толстаго стекла, вдѣланные въ стѣны рубки, пропускали достаточно свѣта.

Подойдя къ перископу и ворочая его во всѣ стороны, Усовъ началъ осматривать горизонтъ, восхищаясь ясностью и отчетливостью изображенія.

Спустившись внизъ, мичманъ прошелъ въ машинное отдѣленіе сплошь заставленное бензино и электромоторами и прочими механизмами необходимыми для плаванія подводной лодки, которая оказалась вооруженной тремя минными аппаратами.

Для погруженія нужно было накачать воду въ надстройку расположенную надъ прочнымъ, сигарообразнымъ, корпусомъ и заполнить систерны внутренняго балласта.

Все видѣнное и слышанное произвело сильное впечатлѣніе на Усова, вызвало желаніе поскорѣе и поподробнѣе изучить новое дѣло и онъ отдался этому со всѣмъ пыломъ молодости.

В. МЕРКУШОВЪ.

(продолженіе слѣдуетъ)

У ИНВАЛИДОВЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

Великій Князь Александръ Михайловичъ, во время пріема Начальника Инвалиднаго "Поста Нью-Іоркъ" Адмирала Заева, ознакомившись съ ходомъ важнѣйшихъ нашихъ дѣлъ, милостивѣйши соизволилъ на принятіе званія Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя нашего Общества, являющагося нынѣ Союзомъ Русскихъ Инвалидовъ страны, такъ какъ отдѣлъ Раненыхъ включаетъ въ себя инвалидовъ, проживающихъ въ Сѣверной Америкѣ.

3-го апрѣля Его Императорскому Высочеству, во время пребыванія въ Санъ Франциско, съ Начальникомъ Поста Полковникомъ Толстовымъ во главѣ, поднесшая по постановленію Общества, при соотвѣтственномъ письмѣ, золоченный Нагрудный Инвалидный Знакъ, установленный для Почетныхъ Предсѣдателей Союза.

Въ настоящее время Обществом
реждены Посты въ Нью-Іоркѣ
Детройтѣ, Адиоподаксѣ, С
Франциско, и Лосъ-Анж
ставительства на Аляск
въ Канадѣ — Ванкув
— Портлэндъ, въ Ко
теръ, въ Флоридѣ —
портѣ. На днях до
Бостонѣ и т. д.

Предсѣдатель С
хотной дивизіи г
шихъ, какъ въ
ное время въ ря
зіи и не утратившi
вязанности, какъ къ
своимъ частямъ и н
связи съ Объединеніе
пѣхотной дивизіи, нах
Парижѣ, откликнуться п
M-r Tachévsky. 81, r
selle, Paris (15). M-r Anc
Генералъ-лейтенантъ

ПОСЛѢДНИМЪ МОГИКАН

Правленіе по объединенію Г
церовъ, бывшихъ юнкеровъ Ставр
скаго Казачьяго Юнкерскаго Учи
проситъ таковыхъ откликнуться и
слать въ Объединеніе "Послѣднихъ
гиканъ" свѣдѣнія о годѣ пребыванія
Училищѣ и хотя бы небольшую сумм
денегъ на созданіе фонда помощи престарѣлымъ и немощнымъ бывшимъ юнкерамъ.

Адресъ Правленія:
Beograd, Nemanina 22a. Jugoslavija.
Е. Tiholskomu.

Шехеразада
3, rue de Liège.
Tél.: Gutenberg 16-72.
кабарэ-
дансингъ
Открыто съ 11 ч. всю ночь.
Лучш. артистическ. программа.
Оркестръ ЛАЗАРЕСКО.

Tél. Central 57-65. Louvre 09-40.

„УДЕШЕВИТЕ ВАШУ ЖИЗНЬ!"

Въ самомъ . близкомъ будущемъ выйдетъ изъ печати сборникъ **"УДЕШЕВИТЕ ВАШУ ЖИЗНЬ!" — « FAITES VOTRE VIE MOINS CHERE »**.

Сборникъ будетъ представлять собой нѣск. десятковъ страницъ, посвященныхъ, каждая, одному отдѣльному магазину или предпріятію **съ отрывнымъ купономъ внизу.**

Владѣлецъ книжки, сдѣлавъ покупку, **передъ окончательной уплатой у кассы,** отрываетъ соотвѣтствующій купонъ и **автоматически получаетъ** указанную на купонѣ **скидку.** Въ собраніе вошли: аптеки, косм. кабинеты, лечебницы, магазины гот. платья, дамскихъ нарядовъ, обуви, гастр. и колоніальныхъ товаровъ, авто - школы, магазины граммофоновъ и много другихъ.

Цѣна книжечки (карманнаго формата) будетъ 5 франковъ — **идущихъ въ пользу** Зар. Союза Р. В. Инвалидовъ, — а въ тоже время, каждый купившій ее, **дѣйствительно выгадываетъ нѣсколько сотъ** франковъ, употребляя, по мѣрѣ надобности, ея отрывные купоны.

Для свѣдѣнія публики, которая уже **проявляетъ большой интересъ** къ нашему, первому въ этомъ родѣ, изданію, сообщаемъ, что **сборникъ "Удешевите Вашу жизнь!"** будетъ продаваться, какъ въ книжныхъ магазинахъ, такъ и всюду, гдѣ имѣются русскія изданія.

Заказы просятъ направлять по адресу **5 rue Cardinal Mercier, Bureau 412.** Представ. Зар. Союза Р. В. Инвалидовъ.

КОСМЕТИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

МАСО

278, BOUL. RASPAIL.
Tél.: Danton 73-99.

Массажъ лица и тѣла.
Леченіе дефектовъ кожи (морщины, пятна, прыщи, угри и т. п.).
Новѣйшіе аппараты и косметическіе продукты.
ДЛЯ РУССКИХЪ СКИДКА

Зубн. врачъ К. Н. ПРИХНЕНКО
изъ Константинополя
7, RUE CHASSELOUP LAUBAT, уголъ Avenue de Suffren. Métro: Cambronne ou Champ de Mars. Tél.: Ségur 94-80.

АМБУЛАТОРІЯ
Проф. Зоот. Маг. Вет. Наукъ
Н. А. ИЛЬИНА
20, rue Scheffer.
Tél.: Passy 81-11.
бив. придвор. вет. врача.
ежедневно 2-6 ч. Воскр. 1-4 час.
Леченіе чумы и грипп собакъ.

НА ДЛЯ РУССКИХЪ
русскомъ районѣ Парижа.
Centr. du Bd. de Grenelle
Pharm. de 1-ère Classe
GRENELLE, 77
AQ. AH. Трамваи: 13, 28
La Motte-Picquet-Grenelle.
..аппаратовъ по русск. фармакопеѣ. Всѣ французск. и иностран. патентован. средства. Обширный складъ парфюмеріи и патентован. товаровъ. Цѣны ниже всѣхъ аптекъ.
Tél. Ségur: 11-48.

ВНИМАНІЕ
НОВАЯ РУССКАЯ АПТЕКА
O. Henry. Pharmacien de 1-ère classe
63, Bd Grenelle, Paris (15)
Напрот. Métro: Dupleix. Tram. 25.
Aut. AH. AQ. Tél.: Ségur 18-51
Тщательн. изготовл. рецептовъ г.г. рус. врачей. Всѣ препараты по русской фармакопеѣ. Анализы. Патент. средства. Парфюмерія и косметика. Пріемъ заказовъ по телефону и безпл. доставка на домъ.
ВЫПОЛНЕНІЕ ЗАКАЗОВЪ ВЪ ПРОВИНЦІЮ И ЗАГРАНИЦУ.

ГЛАЗНОЙ ВРАЧЪ
Dr. med. Zürich МЕЦЪ-ШАПИРО
ОЧКИ
Еж. 2-6 ч. кр. воскр.
4, rue Duvivier (VII)
Métro: Ecole Militaire.

БОЛѢЗНИ

ПРОСТУДНЫЯ, ГРИППЪ, ИСПАНКА, АРТРИТЪ, РЕВМАТИЧЕСКІЯ, НЕРВНЫЯ И ПР.

поражаютъ тѣхъ, у кого кровь засорена типичной мочевой кислотой. Послѣдняя при наступленіи холодовъ и сырости сгущается и закупориваетъ капилярные сосуды дыхательныхъ и кровеносныхъ органовъ, раздражаетъ и даже воспаляетъ ихъ, что весьма опасно для организма. Для предохраненія себя отъ болѣзней и леченія ихъ **необходимо периодически очищать кровь** отъ мочевой кислоты извѣстнымъ **очистителемъ и омолодителемъ "КАЛЕФЛЮИДОМЪ" Д. КАЛЕНИЧЕНКО,** который растворяетъ и удаляетъ изъ организма мочевую кислоту и другіе яды карманен. обмѣна — **эти основныя причины большинства болѣзней.** По этому "Калефлюидъ" необходимъ всѣмъ ослабленнымъ болѣзнями, дурнымъ питаніемъ или пищевареніемъ, безсонницей, умственнымъ или физическимъ переутомленіемъ, заботами или тяжелыми воспоминаніями и пр.

Безплатно - франко высылается новѣйшій методъ — **" ОМОЛОЖЕНІЕ И ЛЕЧЕНІЕ ОРГАНИЗМА ",** возстановленіе силъ, здоровья, работоспособности **и продленіе активной жизни.**

"КАЛЕФЛЮИДЪ" находится въ аптекахъ, гдѣ нѣтъ, туда высылается наложен. плат.

Требованія адресуйте:

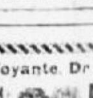
S-té Kalefluid D. Kalenitchenko.
Section 2, cité Pigalle, № 5, Paris.
Америка: A. Tchernoff. 50, East, 127, York-City.

MUSIQUE RUSSE
23, rue de Liège, PARIS (8
Tél.: [illegible] 31-70.
Изданія Бѣляева и Юргенсона.
Русскія и французскія и цыганскія ноты.
Репертуаръ Вертинскаго.

ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ
Требуйте прогр.
Свыше 7000 студ.
нахол. подъ Покровительствомъ Франц. Правит. и одобр. Инностр. Мин. Народ. Просв.
Преподаваніе заочно, по корресп.
На русск. яз. пріемъ производится на отдѣлы:
1. ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКІЙ съ прогр. Монтера, пом. Инженера Чертежника и Инженера.
2. ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬН. съ прогр. Кондукт., пом. Инж. и Инженера.
Прогр. и услов. пріема выс. безпл.
Адресъ: **Institut Polytechnique**
66, Bd Exelmans, Paris (16)
Основанъ въ 1920 г.

ОПТОВО - РОЗНИЧ. КОЛБ. ГАСТР. МАГАЗ.
И. Ростовцевъ 28, rue de la Reine Blanche
Tél: Gobel. 23-08 Mét: Italie, Paris (13)
СЕЛЬДИ короп. жири. тюш. сертъ.
Шпроты, кильки, крымскія яблоки, русск. огурцы, клюква, русск. водки: запеканка, вишневка и др.
Водка
ПОЛУЧЕНА ИКРА ЗЕРНИСТАЯ, ПАЮСНАЯ, ЛЕТОВАЯ, ШАМАИ И РЫБЦЫ
ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГЪ
Отправка въ провинцію и заграницу.
МОРОЖЕНАЯ ОСЕТРИНА

Voyante. Dr ès sciences occultes



M-me Maria Zeni
АСТРОЛОГІЯ.
ХИРОМАНТІЯ.
ПСИХОАНАЛИЗЪ,
КАРТЫ, ТАРО.
Разъясняю прошлое, руковожу въ настоящемъ, предостерегаю въ будущемъ.
62, rue de la Rochefoucauld
au fond de la cour. Escalier C.
Métro N.-S.: Pigalle. Отъ 3-7 ч. ежедн. (включ. воскр.) кромѣ четв.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Возрожденіе

2, RUE DE SEZE, PARIS (9).
Tel.: Richelieu 94-98; 94-99.

ВОЕННО - НАУЧНЫЯ КНИГИ:

	Франки:
Головинъ. Тактика въ задачахъ	29.—
Майстрахъ. Манычъ - Егорлыкская - Новороссійскъ	26.—
Красновъ. Душа Арміи (очерки по военной психологіи).	19.—
Домашевскій. Міровая война. 1914 г. Достиженія сторонъ за первый мѣсяцъ операцій — августъ.	25.—
Голубевъ. Врангелевскіе десанты на Кубани	32.—
Михѣевъ. Военно - историческіе примѣры	20.—
Суховъ. Кр. очеркъ исторіи военнаго искусства.	32.—
Козловъ. Очеркъ снабженія русской арміи военно - техническимъ имуществомъ въ міровую войну. Часть 1: отъ начала войны до половины 1916 года.	18.—
Ковиловъ. Кр. курсъ бомбардированія для летчиковъ - развѣдчиковъ и истребителей.	7.—
Колѣнковскій. Дарданельская операція.	29.—
Стюартъ. Тактика воздушнаго боя	29.—
Сыромятскій. Наступленіе.	18.—
Захаровъ. Ускоренная тактическо-стрѣлковая тренировка взвода и роты	08.—
Захаровъ. Походы и бои ночью	10.—
Уборевичъ. Подготовка командныго старшаго и младшаго состава РККА	15.—
Руководство по обученію стрѣльбѣ изъ станковыхъ пулеметовъ по воздушнымъ цѣлямъ.	6.—
Луцкій прорывъ. Труды и матеріалы къ операціи Ю.-Зап. фронта въ маѣ - іюнѣ 1916 г. подъ ред. Черкасова схемы въ текстѣ и 12 с. приложеній	[illegible]
Незнамовъ. Современная война, часть 1.	35.—
Евтуховичъ. Техника работы артиллерійскихъ начальниковъ и штабовъ во встрѣчномъ бою.	16.—
Слащевъ. Мысли по вопросамъ общей тактики.	12.—
Бубновъ. Военные планы и военная дѣятельность современныхъ императоровъ.	5.—
Сологубъ. Вопросы командирской подготовки.	16.—
Акуловъ. Вооруженное возстаніе	20.—
Павловъ. Дѣйствія войскъ зимой.	9.—
Шишковскій. Тактич. формы въ связи съ развитіемъ техники	12.—
Лупаковъ. Пособіе для командира хозяйственной роты.	16.—
Горецкій. Система снабженія РККА въ мирное время.	[illegible]
Головинъ. Галиційская битва	125.—
Бѣлой. Галиційская битва.	72.—

Заказы исполняются по полученіи ихъ стоимости въ любой валютѣ, по курсу дня. Пересылка — 10 проц. стоимости заказа во Франціи 15 проц. заграницу.

ЗАРУБЕЖНАЯ КАЗНА
Об-во сбереженій переводитъ деньги въ Россію, дешевле всѣхъ учрежденій.
Для личныхъ переговоровъ отъ 6½ до 7 час. веч. **6, rue Lechapelais, Paris (17). Kasna.**

Б. БЕССЕЛЬ И К°
78, r. de Monceau (Métro: Villiers)
Tél: Laborde 02-13. Paris (8)
русская музыка
ОПЕРЫ. РОМАНСЫ
ИНСТРУМЕНТАЛ. МУЗЫКА
Каталоги высылаются безплатно.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
въ ресторанъ
K'NAM
Prix fixe et à la carte.
КОНЦЕРТЪ КАЖДЫЙ ВЕЧЕРЪ
Французская кухня, русскія блюда.
Записывайте столикъ по телеф. Danton 80-19
Салоны для большихъ обѣдовъ.
5, rue Royer - Collard
около Люксембурга.

ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ

DEPARTEMENT COLIS STANDART Отправка коровьяго и растительн. масла, а также типовыхъ посылокъ
43, RUE FEAUBOURG, PARIS (3) — Métro: Arts et Metiers, Etienne Marcel.

ВСЕРОС. ЗЕМСКІЙ СОЮЗЪ
Union des Zemstvos Russes
12, r. Blanche. Paris (9). Tél.: Trinité 45-77
Денежные переводы и посылки въ Россію.
Юридич. консульт. переводы и переписка.
Ссудо - сберегательная касса.
Пріемъ еж. (кромѣ праздн.) отъ 10 до 5 ч., (безъ перерыва) въ субботу до 3 ч. Пріемъ денежн. перев. произв. также по воскр. отъ 11 до 1 ч. въ домѣ Русской Церкви 12, рю Дарю. Иногородн. могутъ направл. деньги по адресу.
«Union des Zemstvos Russes»
12, rue Blanche.

Kever
ESSAYEZ LE ROUGE
14, r. de Naples
PARIS (8)
TEL. LABORDE 26-43

Banque Industrielle du Centre
85, rue de Richelieu, 85, Paris (2). Tél.: Louvre 09.11; Centr. 35-67.
Текущіе счета и вклады, онкольные счета, биржевыя операціи комиссіонные порученія.
ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ и др. страны
съ предст. обратн. росписокъ — ПОКУПКА РУССКИХЪ БУМАГЪ (рента, займы, закл. листы, акціи страхов. полисовъ.
ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарантированные Франц. Правительств. ВЫИГРЫШНЫЯ (съ процентами) облигаціи.
CREDIT NATIONAL», «CREDIT FONCIER» и «VILLE DE PARIS».
За наличные или на спеціальныхъ условіяхъ.
ВЫИГРЫШИ **1.000.000** ФРАНК. ЕЖЕМѢСЯЧНО
БЛИЖАЙШІЙ РОЗЫГРЫШЪ 1 АПРѢЛЯ и 1 МАЯ.
Облигаціи отъ 60 фр. Ссуды до 80 проц. стоимости.
Проспектъ съ таблицами выпущен. билетовъ и свѣдѣнія объ операціяхъ на Парижской биржѣ высылаются по первому требованію; корресп. по-русски.

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ ЛУЧШІЙ
чай DEUX ANCRES чай
подъ фирмою Торгово-Промышленнаго Товарищества
Преемникъ АЛЕКСѢЯ ГУБКИНА, А. КУЗНЕЦОВЪ И К°
Asiat. Trad. Corp. Ltd, London.
53, rue Jean-Jacques-Rousseau. Tél.: Richelieu [illegible]

ХУДОЖНИКЪ-ФОТОГРАФЪ
Эмиль Марковичъ
Студія художественныхъ портретовъ.
60, RUE DE PASSY. **Téléphone: Auteuil 94-89.**
Métro: Muette.

Б. Поставщикъ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА
Т/Д **Петра Смирнова С-вья**
(Бывш. у Чугунного Моста въ Москвѣ, съ 1818 г.)
ВОДКИ. НАЛИВКИ. ЛИКЕРЫ
BUREAU & USINES 2, Av. de HAVRE COURBEVOIE (Se)
TEL.: DEFENSE 7.72

Старѣйшій русскій РЕСТОРАНЪ **МОСКВА**
7, rue Pauquet, 7. Métro: Kleber et Georges V.
Русская и французская кухня подъ наблюденіемъ владѣльца К. Левашева.
Дипломъ на кулинарной выставкѣ. Общедоступныя цѣны.

Русскій Ресторанъ 65, rue Letellier, Paris (XV).
Обѣды 6 фр. 50 с.
и à la carte
METRO: CAMBRONNE Трамваи 25 и 26.
Залъ для товарищескихъ обѣдовъ

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ
A L'ESTURGEON
2, rue Clozel (угол r. des Martyrs) N.-S. St. Georges, Tél.: Trud. 08-68
Подъ личнымъ наблюденіемъ владѣльца Ф. Д. КОРНИЛОВА
б. Шефа Высочайшаго Двора.
ЗАВТРАКИ prix-fixe 15 фр. ОБѢДЫ prix-fixe 20 фр.
и à la carte.

М. Петросянъ
ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ:
Икра свѣжая зернистая (бѣлужья, осетровая и севрюжья), паюсная, байкальская и кетовая.
Балыки бѣлорыбій, осетровый и salmon fumé.
Семга малосольная, датская и по сезону.
Рыба осетрина, нельма, стерлядь, форель и судакъ.
Консервы стерлядь, судакъ, осетрина и др.
Получены: рыбцы, шемая, ПАЮСНАЯ ИКРА, Астраханская въ оригинальной герметической упаковкѣ по 200 ГРАММЪ. Огурцы дагестанскіе.
57, PLACE ST-CHARLES, PARIS XV. Métro: Beaugrenelle
Téléph.: Vaugirard 27-77.

ВНИМАНІЮ Г. Г. РУССКИХЪ ТОРГОВЦЕВЪ И ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ПРЕДПРІЯТІЙ

Идя навстрѣчу интересамъ русской публики при все увеличивающейся дороговизнѣ жизни, Зарубежный Союзъ Р. В. Инвалидовъ въ ближайшемъ будущемъ издаетъ особый печатный сборникъ подъ заглавіемъ:

„Удешевите Вашу жизнь!"

съ отрывными купонами, дающими **ПРАВО НА СКИДКУ** во множествѣ торг. домовъ, магазиновъ и предпріятій.

Этотъ сборникъ, построенный на принципѣ СОЛИДНОЙ рекламы и имѣющій цѣлью дѣйствительное удешевленіе жизни русской публики, ЧТО БУДЕТЪ ОДНОВРЕМЕННО СПОСОБСТВОВАТЬ И РАЗВИТІЮ ОБОРОТА РУССКИХЪ ПРЕДПРІЯТІЙ И ТОРГОВЛИ ВЪ ПАРИЖѢ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ, станетъ, несомнѣнно, необходимой принадлежностью въ каждой семьѣ.

Фирмы и предпріятія, которыя пожелаютъ войти въ упомянутое **общеполезное** изданіе — но по какимъ либо причинамъ до сихъ поръ этого не сдѣлавшія — благоволятъ обращаться за справками:

5, Rue Cardinal Mercier, Paris (9).
BUREAU 412. Téléph.: Gutenberg 46-65 71-29.

Издательство рекомендуетъ г. г. торговцамъ и владѣльцамъ предпріятій **не откладывать своей записи, т. к.** число свободныхъ мѣстъ въ первомъ изданіи сборника — ограничено!

Comité Russe de Secours
ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ
33, rue de Prony, Paris (17).
(Métro Monceau ou Malesherbes: трамв. 5, 30 и 31)
Часы пріема: ежедн. (не исключая - субботы) отъ 3 до 7 ч. в. (кромѣ воскр. и праздн. дней).

БОЯРСКІЙ ТЕРЕМЪ
38 RUE DE BERRI. Tél.: Elysées 13-11
Покуп. и бер. на комис. ежедн., кромѣ четв. и воскр. отъ 9 ч. 30 м.—2 ч. всевозм. вещи, мѣха, серебро, драгоц., кустар. и худож. издѣл.

Самая Старая Русская
АВТО - ШКОЛА
Académie d'Auto Champs-Elysées.
Запись и спеціальныя справки до 8 ч. в.
Спеціальный курсъ для дамъ.
78, avenue des Champs-Elysées. Нас. Ju... 2) 71, avenue Mozart. Métro Jasmin. 24, rue Marbeuf, 31. 4) Billancourt; 28 bis, rue Nationale.

ЗУБ. ВР. **ВОРОНЦОВА-ВЕЛЬЯМИНОВА**
Пріемъ 2-7 ч. в. и утр. по записи.
6, rue Auguste-Barthold.
Tél. Ségur 61-86, mtro Dupleix.

„ВѢСТНИКЪ ВОЕННЫХЪ ЗНАНІЙ"

(Годъ изд. 2-й)

Органъ военно-научной мысли

Подъ редакціей Полк. **ШМИГЕЛЬСКАГО** при ближайшемъ участіи Г. л. **НОВИЦКАГО** и сотрудничествѣ ряда военныхъ авторитетовъ зарубежья.

„Bulletin des Sciences Militaires"

Условія подписки:
Журналъ выход. 6 разъ въ годъ.
Цѣна номера съ пересылкой:
Въ Югославіи — 10 д., Во Фран. — 5 ф., въ Германіи — 1 м.
Въ Болгаріи — 25 л., въ остальныхъ гос. — 25 ам. центовъ
Адресъ: Ред.:
K. K. Chmiguelski, Buka 1, Sarajevo, Jugoslavija
Принимаются частныя объявленія.

Дѣловой кабинетъ В. К. Струве
Всѣ коммерческія и финанс. порученія: Продажа, покупка, аренда, недвижим. и предпріятій въ Парижѣ и провинц. Fonds de commerce. Помѣщеніе капиталовъ. Ссуды. Дѣла судебн. админ. Оформленіе актовъ. Процессы. Наслѣдствен. и бракоразводн. дѣла. КОНСУЛЬТАЦІЯ по дѣламъ визъ. Permis de Trav. et cartes d'identité. Пріемъ ежедневно съ 10 до 12 и 4 съ пол. до 6 час. вечера.
39, rue Monge, Paris (V). Cab. Paillard. Métro: Pl. Monge. Tél. Odéon 92-16

15, rue Lemercier **МАРТЬЯНЫЧЪ** **Tél.:**
Métro: Clichy. **Marc. 34-52.**
Ресторанъ и гастрономическ. магазинъ.
По вечерамъ артистическ. программа, музыка и танцы.

БРАТСТВО ИМЕНИ ПРЕП. СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО
При Православномъ Богословскомъ Институтѣ въ Парижѣ
ИЗДАЕТЪ
Георгіевскій Сборникъ
Чистый доходъ отъ продажи которой поступитъ въ распоряженіе Зар. Союза Р. В. Инвалидовъ.

Содержаніе — статьи на тему «Воинъ - Христіанинъ».
Цѣна № 1 — 2 фр., № 2 — 2 фр. 50 с. Выписывайте «Георгіевскій Сборникъ»!
93 rue de Crimée, Paris (XIX) — свящ. А. Сергѣенко.

Auto-Ecole Marbeuf
Garage Marbeuf
Concessionnaire Citroen
32-34 RUE MARBEUF. PARIS 8.
Métro: «Marbeuf» et «Rond Point des Champs Elysées»
Tél. Elysées: 58-83, 97-61, 97-62, 97-63, 97-64, et 97-65

Самая большая, оборудованная по послѣднему слову автомобильной техники РУССКАЯ АВТОМОБИЛЬНАЯ ШКОЛА, принадлежащая ГАРАЖУ МАРБЕФЪ (10 этажей со стоянкой на 1.000 машинъ), являющемуся однимъ изъ крупнѣйшихъ автомобильныхъ предпріятій Европы.

Занятія по ѣздѣ производятся на новѣйшихъ ПОСЛѢДНИХЪ МОДЕЛЕЙ СИТРОЕНЪ С-6 и С-4, открытыхъ и закрытыхъ, съ лѣвымъ и правымъ управленіемъ — опытнѣйшими русскими инструкторами.

CARTE - ROSE. — GRANDE - REMISE — POIDS - LOURD APIERS - TAXI.

Занятія по механикѣ производятся въ спеціальномъ классѣ, усовершенствованномъ новѣйшими приборами и спеціальнымъ матеріаломъ НА УЧЕБНОМЪ ШАССИ С-6 (послѣдняя модель Ситроенъ 1930 года), подъ руководствомъ извѣстнаго преподавателя автомобильной механики и автора французскаго и русскаго автомобильнаго учебника ИНЖ. Н. П. ПОЛУЭКТОВА. Новыя утреннія и вечернія группы. Курсъ безъ ограниченія срока — 175 Франковъ.

Покупка и продажа новыхъ и старыхъ машинъ. Страховка, экспертиза и консультація машинъ. Въ магазинахъ гаража болѣе 100 [illegible]. Устройство на мѣста. Всѣ автомобильные учебники и руководства. Новѣйш. матер. на держ. экзам. по вальке - такси. Послѣднее изданіе инж. Н. П. Полуэктова «Катехизисъ автомобилиста» на русскомъ языкѣ.

Бюро школы ВЪ МАГАЗИНѢ ГАРАЖА МАРБЕФЪ открыто ежедневно отъ 9 до 12 и отъ 2 до 8 в. въ праздники отъ 10 до 12.

ЦѢНЫ ВНѢ КОНКУРРЕНЦІИ. РУССКИМЪ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА.

Директоръ А. ЖЕРЕБКОВЪ.

Le Gérant: BESSIN, Imprimerie des Trav. Intellect., 9 bis, rue Bellot, Paris.

№ 10. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

ВЪ ЕДИНЕНІИ СИЛА! — ВЪ РАСКОЛѢ НАША ГИБЕЛЬ!

ВОСКРЕСЕНЬЕ 23 НОЯБРЯ.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

Rousski Invalide — L'Invalide Russe

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ВОЕННО-НАУЧНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1813-1917 Г.
Въ Санктъ-Петербургѣ.

СЪ 22 ФЕВРАЛЯ 1930
Въ Парижѣ.

ИЗДАНІЕ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ ЗАРУБЕЖНАГО СОЮЗА РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ИНВАЛИДОВЪ.
РЕДАКЦІЯ: 23, RUE FOURCROY, PARIS (17), Tél.: CARNOT 71.31.

ЦѢНА НОМЕРА ВО ФРАНЦІИ 2 ФРАНКА.

LE NUMERO 2 FR.

Цѣна номера:
Англія .... 5 пенсовъ.
Болгарія .... 7 левъ.
Бельгія .... 3 бельг. фр.
Германія ......35 пфениговъ.
Греція .... 6 драхмъ.
Польша .... 75 грошей.
Румынія ....10 лей.
Финляндія ..... 4 марки.
Чехословакія ... 3 кроны.
Югославія ..... 4 динара.
Америка и Азія ....10 сент.
Во всѣхъ другихъ странахъ въ мѣстной валютѣ по курсу.

Главный Редакторъ Генералъ Н. Н. Баратовъ. Помощникъ ген. Н. Н. Головинъ.

Содѣйствуя
распространенію
„Русскаго
Инвалида"
Вы исполняете
свой долгъ передъ
Арміей

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА:

13-лѣтняя годовщина Бѣлаго движенія.

Приказъ Русскому Обще-Воинскому Союзу.

ГЕН. ДЕНИКИНЪ, А. И. — 1917-1930.

СИМАНСКІЙ, П. — Къ 200-лѣтію со дня рожденія Суворова.

ПОЛК. ЗАЙЦОВЪ, А. А. — Мысли о гражданской войнѣ.

ПРОФ. ГЕН. ГОЛОВИНЪ, Н. Н. — Американскія впечатлѣнія.

ГЕН. ВИНОГРАДСКІЙ, А. Н. — Клемансо и Фошъ.

СТ. ЛЕЙТ. ф. ШИЛЬДКНЕХТЪ, Е. — Что офицеръ арміи долженъ знать о флотѣ.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, ВАС. ИВ. — Страшные люди. (Окончаніе).

ДЬЯКОВА, Е. — Агонія арміи.

ОЛЬХОВСКІЙ, П. — Генералъ А. Д. Столыпинъ.

ГЕН. БАРАТОВЪ, Н. Н. — Собираніе казачьей славы.

ГЕН. ВИНОГРАДСКІЙ, А. Н. — Къ 50-лѣтію службы ген. В. Н. Масальскаго.

В. М. — «Ширвинтъ». Лейбъ-драгуны дома и на войнѣ. (Библіографія).

1917 - 1930

Передъ лицомъ томящейся въ тринадцатилѣтнемъ рабствѣ страны... Передъ памятью погибшихъ въ борьбѣ вождей, воиновъ и гражданъ... Передъ свѣжими могилами ежедневно и ежечасно убиваемыхъ русскихъ людей... Передъ неяснымъ еще во времени и въ контурахъ, но уже ощущаемымъ интуитивно, неизбѣжнымъ и не столь далекимъ паденіемъ большевизма... — встаетъ вновь и вновь во всей своей силѣ вопросъ о необходимости взаимодѣйствія противобольшевицкихъ силъ, чтобы ускорить конецъ.

И «тамъ», и «здѣсь».

«Тамъ» знаютъ хорошо, — что нужно дѣлать; но пока не могутъ или еще не смѣютъ. «Тамъ» — въ тискахъ ГПУ, въ путахъ неслыханнаго сыска, провокаціи и кровавыхъ расправъ — скорѣе возможенъ стихійный взрывъ, чѣмъ планомѣрная подрывная работа. Но «здѣсь» — въ условіяхъ свободы и относительной безопасности — отсутствіе широкой организаціи является непонятнымъ и непростительнымъ.

Но проповѣдывать сейчасъ идею объединенія русской эмиграціи, въ особенности здѣсь въ мировомъ ея центрѣ — роль неблагодарная. Вотще! Когда даже дни поминовенія погибшихъ отъ руки большевицкой не могутъ собрать сколько-нибудь широкихъ круговъ парижской эмиграціи въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ моленіи о душахъ безвинно загубленныхъ въ скорбномъ словѣ передъ бездонной могилой умученныхъ русскихъ людей.

Такой призывъ доселѣ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Будемъ же исходить изъ реальной обстановки.

Въ военномъ дѣлѣ есть правило:

— Врозь идти, вмѣстѣ драться!

Въ примѣненіи къ условіямъ противобольшевицкой борьбы это правило, правда, теряетъ значительно въ своей непреложности: было бы неизмѣримо лучше и идти, и драться вмѣстѣ... Но, во всякомъ случаѣ, оно опредѣляетъ тотъ minimum, который требуютъ отъ насъ долгъ, совѣсть и сыновняя преданность Россіи.

— Врозь идти, вмѣстѣ бить!

Разными путями, въ мѣру своихъ большихъ или малыхъ возможностей, словомъ, перомъ или прямымъ дѣйствіемъ — не всегда и во всемъ подрывая совѣтскую власть.

Этотъ minimum не требуетъ ни отказа отъ своихъ политическихъ вѣрованій, ни даже серьезнаго компромисса. Нужно хотя-бы воздержаніе отъ опорочиванія инакомыслящихъ — въ глазахъ иностранцевъ и совѣтскихъ гражданъ — когда эти инакомыслящіе стремятся занести ударъ надъ совѣтской властью. *Нужно если не содѣйствіе, то, по крайней мѣрѣ, отказъ отъ противодѣйствія — когда скрещиваются пути борьбы.*

Недавно мы вспоминали тринадцатую годовщину созданія Добровольческой арміи — колыбели Бѣлаго движенія... Путь славы, путь крови, страданія и смерти. Могилами бѣлыхъ воиновъ — одинокими и братскими — усѣяна Русская земля отъ края и до края. И хотя вооруженная борьба закончилась давно, но множатся холмы могильные надъ безвинно погибшими и до сего дня.

Если бы мертвые могли говорить, то и они обратились бы къ намъ, уцѣлѣвшимъ, съ укоромъ. Ибо они умѣли поступаться своимъ разномысліемъ, становясь въ общіе ряды. Мы же живемъ въ распрѣ и идемъ врозь.

Такъ пусть же хоть противодѣйствія устранены будутъ съ путей борьбы — до тѣхъ поръ, пока жизнь не заставитъ насъ, наконецъ, понять мудрый драгомировскій афоризмъ:

— Бьютъ кулакомъ, а не растопыренными пальцами.

Только тогда эмиграція пріобрѣтетъ довлѣющій ей голосъ и значеніе во внѣ Россіи и вліяніе на событія внутри ея. Только тогда будетъ покончено съ тѣмъ кустарничествомъ въ области прямого дѣйствія, которое полно самоотверженія, но страдаетъ худосочіемъ и весьма ограничено въ масштабѣ. Запутываясь въ сѣтяхъ большевицкой провакаціи, оно приводитъ къ тяжелымъ жертвамъ, нанося совѣтскому режиму лишь уколы, вмѣсто... смертельныхъ ранъ.

А. Деникинъ.

13-лѣтняя годовщина Бѣлаго Движенія

Приказъ Русскому Обще-Воинскому Союзу

Парижъ. № 46. 9 октября 1930.

[illegible] лѣтъ тому назадъ, въ страшную го[illegible] 1917 года генералъ Михаилъ Ва[illegible]вичъ Алексѣевъ 2(15) ноября, при[illegible]лъ къ организаціи вооруженной си[illegible]я борьбы съ большевиками.

Вскорѣ было получено и первое добровольное пожертвованіе на «Алексѣевскую организацію» въ размѣрѣ 400 рублей.

Генералъ Алексѣевъ бѣгалъ, хлопоталъ и волновался, чтобы достать десятокъ кроватей, нѣсколько пудовъ сахару и какую нибудь ничтожную сумму денегъ, чтобы пріютить, обогрѣть и накормить бездомныхъ, гонимыхъ людей.. а они стекались отовсюду: офицеры, юнкера, кадеты и... немного старыхъ солдатъ... приходившихъ измученными, голодными, оборванными, но не потерявшими жертвеннаго духа и горѣвшими любовью къ Родинѣ.

Вотъ къ этой то датѣ — 2(15) ноября 1917 года мы и относимъ начало вооруженной борьбы съ поработителями Россіи — начало того бѣлаго движенія, которое охватило затѣмъ всѣ окраины великаго государства, если Господь не судилъ этому движенію тогда же восторжествовать и освободить Родину отъ ига коммунистовъ, то, тѣмъ не менѣе, именно 2(15) ноября 1917 г. на югѣ Россіи былъ зажженъ тотъ свѣточъ, который ярко и неугасимо свѣтитъ до сихъ поръ и какъ маякъ въ бурномъ морѣ указываетъ всѣмъ русскимъ людямъ и въ зарубежьи, и тамъ, на измученной Родинѣ, тотъ путь, по которому только и можно притти къ освобожденію, а затѣмъ и возстановленію Россіи въ ея прежнемъ величіи, славѣ и благоденствіи.

Нынѣ, какъ и въ 1917 г., въ Россіи и особенно на Дальнемъ Востокѣ, начинается то же въ сущности бѣлое движеніе, но начинаютъ уже не генералы, а рабочіе, крестьяне и рядовые красноармейцы.

13 лѣтъ понадобилось для того, чтобы весь русскій народъ полностью, безъ всякаго исключенія, прозрѣлъ и понялъ настоящую природу совѣтской власти, и, тамъ, гдѣ это оказалось возможнымъ, выступилъ противъ угнетателей съ оружіемъ въ рукахъ, а тамъ, гдѣ нельзя, сталъ оказывать власти пока лишь посильное пассивное сопротивленіе.

Наше дѣло помочь русскому народу сбросить большевицкое ярмо и я призываю всѣхъ русскихъ людей и прежде всего чиновъ Русскаго Обще-Воинскаго Союза — напречь всѣ усилія, чтобы помощь наша оказалась существенной, такъ какъ только такая помощь и принесетъ нужные плоды.

Напоминаніе объ этомъ нашемъ долгѣ я умышленно пріурочилъ къ знаменательной въ исторіи нашего отечества датѣ — началу зарожденія Добровольческой арміи, той арміи, въ которую простыми рядовыми шли и старые генералы и юные кадеты, не думавшіе нисколько о себѣ, а только о долгѣ передъ Родиной.

Это были первые добровольцы, это были тѣ, кто зажегъ на югѣ Россіи тотъ путеводный огонекъ, который и до сихъ поръ освѣщаетъ намъ правильный путь спасенія Родины.

Вознеся въ этотъ день наши молитвы ко Господу [illegible] нашей несчастной Родинѣ скорѣйшаго освобожденія отъ большевицкаго ига, помянемъ вождей бѣлаго движенія, нашедшихъ уже вѣчный покой подъ покровомъ Всевышняго и всѣхъ павшихъ за Россію на полѣ чести.

Предлагаю всѣмъ войсковымъ частямъ и воинскимъ организаціямъ отмѣтить день 2(15) ноября служеніемъ, гдѣ возможно, молебновъ съ провозглашеніемъ вѣчной памяти: генераламъ: Алексѣеву, Корнилову, Маркову, Дроздовскому, Каледину; адмиралу Колчаку, генералу Каппелю, главнокомандующему генералу Врангелю и въ Бозѣ почивающему верховному главнокомандующему Вел. Кн. Николаю Николаевичу, возглавившему бѣлое воинство за рубежомъ, а также и всѣмъ вѣрнымъ сынамъ и дочерямъ Россіи, на полѣ брани животъ свой положившимъ, въ смутѣ убіеннымъ и въ застѣнкахъ замученнымъ.

Генералъ **Миллеръ**.

Генералъ-Лейтенантъ **Стоговъ**.

∴

Настоящее есть результатъ прошлаго и залогъ будущаго. Вотъ почему глубоко справедливы слова этого историческаго приказа Генерала Миллера, относящія начало нашего Бѣлаго Движенія, именно ко дню 2/15 ноября, 1917 года, когда въ казачьихъ краяхъ на Югѣ Россіи былъ зажженъ тотъ свѣточъ, который ярко и неугасимо свѣтитъ до сихъ поръ и какъ маякъ въ бурномъ морѣ указываетъ всѣмъ русскимъ людямъ въ Зарубежьѣ и тамъ, на измученной Родинѣ, тотъ путь, по которому только и можно прійти къ освобожденію, а затѣмъ и возстановленію Россіи въ ея прежнемъ величіи, славѣ и благоденствіи».

Исторіографъ нашей Кавказской войны, явившейся, какъ извѣстно, 3/4 вѣка и закончившейся покореніемъ Кавказа, Р. И. Фадѣевъ заканчиваетъ свое описаніе этой героической эпопеи слѣдующимъ глубокимъ по своему существу выводомъ.

"Будущее всегда скрыто отъ людей, но люди властны сдѣлать себя достойными великаго будущаго!".

И мы видимъ, какъ эти выводы нашего историка оправдались на нашемъ Бѣломъ Движеніи, въ первыхъ вождяхъ и добровольцахъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ 13 лѣтъ тому назадъ, это прошлое время не было сокрыто отъ нихъ, какъ будущее?

И мы видимъ, что разъ зажегши этотъ свѣточъ своей самоотверженной любви къ Россіи и рѣшимости за возстановленіе поруганной чести Родины отдать свою жизнь, наши вожди и добровольцы, и погибшіе и оставшіеся въ живыхъ, шли неуклонно по ярко свѣтящемуся передъ ними пути до конца.

А теперь, черезъ 13 лѣтъ, когда ихъ будущее стало нашимъ настоящимъ, мы, ихъ преемники, единодушно признаемъ все величіе совершеннаго ими подвига, а ихъ имена ВЕЛИКИМИ И БЕЗМЕРТНЫМИ, ибо слава — смерти не знаетъ.

А развѣ передъ нашимъ настоящимъ не то же неизвѣстное будущее? Развѣ мы не находимся въ такомъ же положеніи, какъ наши первые вожди и добровольцы? Передъ нами Россія не только во мракѣ, какъ была при нихъ, но и еще хуже — Россія переживаетъ послѣ страшнаго пройденнаго ею крестнаго пути невыразимыя муки распятія на Крестѣ.

И не стоитъ развѣ передъ нами священный долгъ продолжать дѣло нашихъ первыхъ вождей, Алексѣева, Корнилова, Колчака, Деникина, Каледина, Дроздовскаго, Маркова, Капелля, Врангеля, Кутепова и др., для того, чтобы снять Россію со креста для ея свѣтлаго Воскресенія. А для этого нужно, чтобы въ нашихъ сердцахъ горѣлъ неугасимо огонь пламенной любви къ Родинѣ и непреклонной рѣшимости пожертвовать своей жизнью, какъ жертвовали рыцари нашихъ бѣлыхъ Армій и съ нами повторится то, что мы *сдѣлаемъ себя достойными великаго будущаго!*

Н. Н. Баратовъ.

26 ноября 200-лѣтіе со дня рожденія Великаго Суворова

13 ноября 1730 г. въ Москвѣ, у Никитскихъ воротъ, въ домѣ (1), стоявшемъ недалеко отъ того особняка Гагмана, гдѣ до міровой войны имѣлась доска съ надписью "здѣсь жилъ Суворовъ", у подпоручика лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Василія Ивановича Суворова и его жены Авдотьи Ѳеодосѣевны, до замужества Мануковой, родился сынъ **Александръ**, будущій генералиссимусъ, князь Италійскій, графъ двухъ имперій — Россійской и священной Римской, принцъ — кузенъ Сардинскаго короля, одинъ изъ плеяды величайшихъ полководцевъ міра, человѣкъ, котораго Русскій Царь уже не зналъ, чѣмъ наградить, приказалъ отдавать ему, Суворову, всѣ почети и въ его, Царя, Высочайшемъ присутствіи.

Легко вообразить себѣ, какими торжествами покрылась бы въ этотъ день — 13 ноября — вся руская земля, если бы конецъ двухсотлѣтія со дня рожденія Суворова не совпалъ бы съ тѣми ужасами, которые посѣтили родную ему страну. Вѣдь Суворовъ былъ народнымъ героемъ, — личностью, о которой постепенно слагались легенды, именемъ, которое стало почти нарицательнымъ, учителемъ войскъ, который еще не былъ превзойденъ, вождемъ, покрытый въ минуту своей величайшей катастрофы, въ предсмертномъ походѣ среди швейцарскихъ громадъ, сумѣлъ обратить эту катастрофу въ исключительный по красотѣ подвигъ, и въ побѣду, изумившую міръ.

Когда въ смутные дни русскаго лихолѣтья, имѣя въ преддверіи къ послѣднему два несчастныхъ для насъ вооруженныхъ столкновенія, вопреки опредѣленнымъ указаніямъ прошлаго не доведенныя нами до побѣднаго конца и потому поколебавшія исторически создавшіеся устои величайшей въ мірѣ Имперіи, пересматриваешь газеты и журналы XVIII вѣка (2), легко понимаешь, какъ должны были дѣйствовать на чувство и воображеніе народныхъ массъ, современныхъ Суворову, эта послѣдовательность, непрерывность, безконечность, рѣшительность и полнота его побѣдъ.

"Ступитъ на горы — горы трещатъ,
Ляжетъ на воды — воды кипятъ,
Граду коснется — градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ (3).

Для ближайшихъ свидѣтелей Суворовскихъ подвиговъ въ нихъ были извѣстные подсчеты. Румянцевъ видѣлъ въ Козлуджѣ самовольство Суворова, Каменскій — его неповиновеніе (4). Потемкинъ — въ дѣлѣ 27 іюля 1788 г. подъ Очаковымъ — новое самовольство (5)...

Но народныя массы, но тѣ, кто жилъ вдали отъ кровавыхъ полей и штурмомъ захваченныхъ твердынь, читали и слышали лишь о побѣдномъ вѣнцѣ, вѣнчавшимъ каждый Суворовскій шагъ. Предъ очами современниковъ, какъ бы толкая другъ друга и спѣша изумить и порадовать родную страну, быстро, ярко овѣтившими точками, проходили Суворовскія побѣды въ конфедератской борьбѣ, Турецкой, Гирсово и Козлуджи — первой турецкой войны, Кинбурнъ, Фокшаны, Рымникъ — во второй турецкой войнѣ, справедливо названной А. Н. Петровымъ **"Суворовскою"** (6), Брестъ, Крупчицы и Прага — въ борьбѣ предъ послѣднимъ раздѣломъ Польши, а затѣмъ, уже къ концу вѣка — побѣды на Аддѣ, Тидоне и Треббіи, у Нови и С. Готарда и въ долинѣ Рейсы, "наполненной сплошнымъ штурмомъ" (7).

Немудренно, если въ отвѣтъ на побѣды ему, Суворову, гремѣли восторженныя оды — эта излюбленная литературная форма тѣхъ дней — оды Державина, Петрова, Кострова, Рубана, Мачнинкаго, Корделецкаго, кн. Голицына, Дмитріева, Николаева, Кованько, Голенищева - Кутузова, Сумарокова, Завалишина, Злотницкаго, сербскаго поэта Райча и, какъ это ни странно, послѣ штурма Праги, — двухъ поляковъ: Велондека и Томатиса (8).

Создавалась широкая, всеобъемлющая европейская слава... Когда въ 1799 г. по взаимному договору выступившихъ противъ революціонной Франціи союзниковъ, 320-тысячная русско - австрійская армія должна была двинуться къ границамъ послѣдней, въ Австріи не нашлось подходящаго вождя и ея императоръ обратился къ императору Павлу съ просьбою о назначеніи на этотъ отвѣтственный постъ "знаменитаго своимъ мужествомъ и подвигами Суворова". Въ незначительномъ усадбищѣ Кончанскомъ, среди болотъ и лѣсовъ, два государя двухъ огромныхъ имперій отыскали въ 1799 году великаго мастера въ забытомъ маленькомъ старичкѣ". Уже 7 іюня этого года Павлу пришлось писать Суворову: "побѣда предшествуетъ вамъ всемѣстно, и слава сооружаетъ изъ самой Италіи памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ" (9). Особенно прогремѣла по Европѣ и изумила Европу послѣдняя побѣда Суворова въ Италіи, одержанная имъ 4 августа у г. Нови.

Имя Суворова получило тогда какой то новый, особенный блескъ, его дѣятельность вызвала къ себѣ почти благоговѣніе. Многіе государи Европы окружали его своимъ вниманіемъ. Сардинскій король пожаловалъ ему потомственный титулъ принца и кузена короля. Туринъ поднесъ золотую шпагу, осыпанную драгоцѣнными камнями, съ благодарственною надписью. Въ театрахъ пѣли въ честь Суворова стихи, за обѣдами провозглашались о немъ тосты, его изображенія разбирались въ Европѣ на расхватъ. Мѣстечко Асти, гдѣ онъ провелъ послѣ Нови около трехъ недѣль, сдѣлалось предметомъ паломничества... Издалека являлись люди, мечтавшіе только о томъ, чтобы увидѣть "непобѣдимаго" вождя. — "Достойному достойное", писалъ Суворову императоръ Павелъ — и отдалъ приказъ, чтобы гвардія и всѣ войска, даже въ присутствіи Государя, отдавали Суворову воинскія почести, слѣдующія по уставу только особѣ Императора. "Вы поставили себя выше награжденій", добавлялъ Павелъ въ томъ же рескриптѣ къ фельдмаршалу (10). Возвращеніе Суворова изъ Швейцаріи въ Россію, съ остановкой по дорогѣ въ различныхъ пунктахъ, явилось положительно тріумфальнымъ шествіемъ.

Едва ли кто нибудь въ этотъ періодъ европейскихъ войнъ достигъ такой высоты славы, какая осѣнила сѣдую голову русскаго вождя. Вѣдь Бонапартъ, тотъ, по выраженію Сувофова, "мальчишка", который уже тогда шагалъ такъ далеко, лишь черезъ годъ прогремѣлъ на всю Европу своей побѣдой подъ Маренго и черезъ пять лѣтъ разгромомъ своихъ противниковъ подъ Ульмомъ и Аустерлицемъ.

"Долго гонялся я за славой", признавался самъ Суворовъ, и вдругъ, въ минуты, когда на смертномъ одрѣ ангелъ смерти уже касался его своимъ крыломъ, пришелъ почти къ тому же выводу, какой сдѣланъ и мудрымъ авторомъ вдохновеннаго Экклезіаста: **"все мечта — покой души у престола Всевышняго".**

Но онъ былъ неправъ. Дыханіе его Суворовской славы еще долгіе, долгіе годы овѣвало стройные ряды старой русской арміи, а его безсмертный духъ, шумѣлъ въ ея святыхъ и прославленныхъ знаменахъ. Вѣдь что нибудь далъ же онъ, геніальный вождь и учитель военному міру, своей родной странѣ и ея воинству, кромѣ той непререкаемой славы, о которой мы только что говорили.

Лица, не умѣющія углубляться въ оцѣнку болѣе сложныхъ явленій жизни, въ своемъ неправильномъ пониманіи прославленныхъ вождей прошлаго, въ томъ числѣ и Суворова, въ своемъ стремленіи понизить достоинства и таланты этихъ вождей, любятъ указывать на то, что Суворовъ могъ побѣждать и блистать лишь въ тѣ годы, когда обстановка боевыхъ операцій вообще и любого боя въ частности, далеко не походила на нынѣшнюю, когда все было легче и проще, когда малые размѣры полей столкновенія и малая численность дравшихся войскъ позволяли старшему руководителю лично наблюдать за всѣми происходившимъ и отъ начала утренней стычки вплоть до вечерняго отхода побѣжденнаго или разгромленнаго имъ врага фактически руководить любымъ шагомъ своихъ ближайшихъ помощниковъ и своихъ войскъ.

Другіе возражаютъ, что Суворовъ былъ геніемъ, что особенность любого генія сводится къ полному и въ то же время какъ бы безсознательному примѣненію къ обстановкѣ: что тотъ, кто при линейныхъ порядкахъ въ современныхъ ему настроеніяхъ умѣлъ усмотрѣть нарождавшееся построеніе въ колонны и примѣнить у себя послѣднія при встрѣчѣ съ революціонными войсками Франціи, — тотъ всегда нашелъ бы въ своемъ опытѣ, умѣньи, провидѣніи и гибкости ума надежныя и вѣрныя средства къ побѣдѣ и при данныхъ, рѣзко измѣнившихся условіяхъ любой вооруженной борьбы.

Въ основу Суворовскаго боя ставилось не то или иное совершенство тактическихъ формъ и пріемовъ, а неизмѣримая высота воинскаго духа, порождавшая такое упорство войскъ, такую вѣру ихъ въ свои собственныя силы и неизбѣжность побѣды, такое подобіе Треббійскаго камня, котораго никто и ничто не могло сдвинуть, что Суворовъ и въ современномъ бою, и у Сольдау, и у Горлицы, и у Лодзи, и у Томашова, всюду, вездѣ и всегда, былъ бы не разгромленнымъ и отходившимъ, а побѣдившимъ и двинувшимся впередъ. "Что же можно сказать о генералѣ, который обладаетъ стойкостью выше человѣческой, который погибнетъ самъ и уложитъ свою армію до послѣдняго солдата, прежде чѣмъ отступитъ на одинъ шагъ". Такъ отмѣтилъ Суворовское упорство одинъ изъ его достойнѣйшихъ соперниковъ французскій генералъ Моро.

Нельзя думать, что Суворовъ не примѣнился бы въ условіяхъ современныхъ войнъ. Во первыхъ, эти условія, зарождаются не въ одинъ день, а годами, даютъ вождю полную возможность слѣдить за [illegible] и, подобно мудрымъ евангельскимъ дѣвамъ, не быть застигнутымъ въ расплохъ, а съ горящимъ свѣтильникомъ знанія встрѣтить нарождающуюся новизну. Во вторыхъ, Суворовъ всегда внимательно слѣдилъ за ходомъ измѣненій въ военномъ дѣлѣ, училъ не презирать своего непріятеля, каковъ бы онъ ни былъ, а хорошо изучать или "узнавать" его оружіе, образъ дѣйствій этимъ оружіемъ, пріемы, которые онъ, противникъ, примѣнитъ для боя, его силы, и его слабости. Въ третьихъ, — Суворовъ высоко ставилъ военную науку. "Еще Фридрихъ Великій говорилъ, что военное искусство, въ его высшихъ проявленіяхъ, не можетъ быть даромъ одной лишь природы, но является результатомъ большаго труда и всесторонняго изученія соотвѣтствующихъ отраслей знаній. Военный талантъ — это драгоцѣнный самородокъ, надъ которымъ должна поработать искусная рука особаго мастера, называемаго наукою. Великій умъ Суворова постигъ эту истину съ юношескихъ лѣтъ" (11). Много позже, въ одномъ изъ приказовъ 1770 года, когда Суворовъ только мечталъ о будущихъ успѣхахъ, онъ говорилъ: "хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всѣхъ случаяхъ потребны, токмо тщетны они, ежели не будутъ истекать изъ искусства". Искусство же это достигается наукою: генералу необходимо, по мнѣнію Суворова, "непрерывное образованіе себя науками", нужна "непрестанная наука изъ чтенія". — Еще позже, въ 1793 г. Суворовъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ Карачаю, между прочимъ писалъ: "какъ военный, хорошо изучайте Вобана, Кегорна Гюнера, немного богословія, естественныхъ наукъ и психологіи. Хорошо перечитайте Евгенія, Тюренна, коментаріи Цезаря, Фридриха II-го, первые томы Ролана съ продолженіями и герц. Саксонскаго"...

Въ немъ, въ Суворовѣ, въ какой то удивительной гармоніи сочетались природные таланты съ широкимъ всестороннимъ военнымъ образованіемъ. Въ своемъ преклоненіи предъ военною наукою и своимъ неизмѣннымъ стремленіемъ воспользоваться въ практической области ея указаніями, онъ, наряду съ Потемкинымъ, составилъ извѣстное, счастливое среди русскихъ исключеніе. Правда, пользы военныхъ знаній мы никогда не отрицали. Еще въ XVII вѣкѣ мы говорили, что "ратная премудрость паче и превыше всѣхъ иныхъ премудростей", но далѣе этого изреченія на практикѣ не пошли. Въ противоположность только что сказанному Суворовъ не ограничивался одною проповѣдью пользы, которую несетъ съ собою военная наука: онъ насаждалъ ее, какъ могъ, и всюду, гдѣ къ тому находилъ нѣкоторую возможность.

На основаніи приведенныхъ соображеній мы утверждаемъ, что Суворовъ и въ условіяхъ современной войны, не похожей на походы и бои Екатерининскихъ временъ и начальнаго періода Наполеоновскихъ войнъ, оказался бы во всеоружіи своего знанія, не былъ бы застигнутъ въ расплохъ и сумѣлъ бы обратить эти условія на службу своему вѣчному стремленію — быть побѣдителемъ.

На ту же службу любимцу побѣдъ явилась бы и присущая ему, Суворову, гибкость лежавшей въ немъ творческой силы. "Всякая война различна", говорилъ онъ, "здѣсь масса въ одномъ мѣстѣ, а тамъ громъ". Въ 1794 г., при движеніи къ Бресту, онъ выбираетъ кружный путь, а въ 1799 г. въ походѣ въ Швейцарію — кратчайшій, на С.-Готардъ. То и другое рѣшеніе вполнѣ соотвѣтствовало обстановкѣ и объяснено имъ въ письмахъ къ фельдмаршалу Римянцеву и генералу Готце.

Современный бичъ, сводящій въ наши дни даже прекрасно задуманную операцію къ полному нулю, — войсковая паника — не имѣла мѣста подъ знаменами Суворова. "Я не знаю случая паники въ его войскахъ", говоритъ французскій генералъ Кардо, "еще болѣе, я не представляю себѣ какой либо паники, прорыва или капитуляціи ни въ одной изъ армій, предводимой и воспитанной начальникомъ, подобнымъ Суворову" (12). Другими словами, поставленный во главѣ современныхъ народныхъ полчищъ Суворовъ оказался бы не только подходящимъ къ новымъ условіямъ войны и боя, но и тѣмъ вождемъ, при которомъ едва ли были мыслимы печальныя явленія, составившія одну изъ особенностей этихъ полчищъ.

Что же далъ намъ новаго Суворовъ, что внесъ онъ въ сокровищницу вѣчныхъ неизмѣнныхъ истинъ военнаго дѣла? — "Онъ далъ реальное выраженіе значенія нравственнаго элемента на войнѣ", пишетъ Н. П. Михневичъ, "онъ создалъ строго логичную систему воспитанія войскъ, съ цѣлью развить въ нихъ энергію и рѣшимость до высочайшей степени. — онъ выработалъ Суворовскихъ "чудо-богатырей". Въ итогѣ его воспитательныхъ пріемовъ эти чудо-богатыри не знаютъ паники, обладаютъ безграничною выносливостью, вмѣстѣ съ своимъ вождемъ побѣждаютъ "всюду и во всю жизнь" (13).

Значеніе на войнѣ и въ бою нравственной силы не являлось чѣмъ то новымъ. Но Суворовъ сумѣлъ выдвинуть эту силу такъ рельефно и выпукло, онъ успѣлъ такъ подчеркнуть и освѣтить ея цѣнность, такъ напомнить о ней и воскресить ее, что по праву можетъ считаться славнымъ проповѣдникомъ ея значенія въ военномъ дѣлѣ.

Онъ самъ былъ ея первымъ и великимъ воплощеніемъ. Его энергія духа была изумительною, колоссальною, всепобѣждающею. Она преемственно передавалась и подчиненнымъ ему войскамъ. Въ полной гармоніи съ своимъ геніальнымъ вождемъ, онѣ создавали изумительные подвиги и одерживали блистательныя побѣды.

Тайна живучести Суворовскихъ завѣтовъ въ томъ магическомъ словѣ, которымъ Суворовъ въ тягчайшія минуты испытаній, выпадавшихъ на долю его войскъ, неоднократно поднималъ своихъ соратниковъ на высоту сказочной доблести. Этимъ словомъ было напоминаніе, что они — русскіе! — "Горжусь тѣмъ, что я русскій! — говорилъ Суворовъ, и постоянно выдвигалъ это дорогое [illegible] на первый планъ. "Вы русскіе — съ нами Богъ!", напоминалъ онъ своимъ сподвижникамъ. "Орлы русскіе облетѣли орловъ римскихъ", хвастался онъ своимъ переходомъ черезъ Альпійскія выси.

Вся дѣятельность Суворова подлежитъ новому пересмотру. Кончилось царство Петрушевскаго. За послѣдніе передъ войной годы постепенно заполнялись допущенные имъ пробѣлы, устанавливались вѣрныя даты, пересматривалась старая оцѣнка событій и появлялись новыя изслѣдованія по тѣмъ вопросамъ, на которые почтенный біографъ Суворова не обратилъ никакого вниманія. Необходима новая работа и по всей дѣятельности Суворова, какъ вождя и воспитателя войскъ. Если Кремлевскіе невѣжды не простерли своей обычно разрушительной руки на уже до войны подобранные документы по Суворовской жизни, то молодому поколѣнію изслѣдователей этой жизни будетъ сравнительно не трудно приступить къ замѣнѣ "Петрушевскаго" другимъ, болѣе свѣжимъ, вѣрнымъ и полнымъ трудомъ.

Жизнь Суворова обставлена русскими людьми рядомъ интересныхъ и красивыхъ легендъ. Незадолго до его появленія на свѣтъ на небѣ была видна комета. По объясненіямъ одного юродиваго рождался человѣкъ знаменитый и нехристямъ страшный. — Суворова будто бы крестилъ возставшій изъ гроба преподобный Никандръ, мощи котораго покоились всего въ 11 верстахъ отъ родовой усадьбы Суворова. Святой монахъ предрекъ ему великую будущность и сталъ его вторымъ ангеломъ-хранителемъ. Суворовъ "вѣдалъ Божію планиду" и умѣлъ разрушать волшебство и козни дьявола. Суворовскіе солдаты утверждали, будто бы онъ "чуялъ въ безводныхъ мѣстахъ ключи и не начиналъ сраженія прежде, чѣмъ отойдетъ обѣдня, которую служили на небѣ ангелы Господу". Въ бояхъ парилъ надъ нимъ, Суворовымъ, орелъ, только ему и зримый. Легенды о Суворовѣ ходили не по одной Россіи, но и за ея предѣлами. Между горными жителями тѣхъ мѣстъ въ Швейцаріи, гдѣ прошла русская армія, долго ходила молва, будто много лѣтъ послѣ смерти Суворова его не разъ видѣли на С.-Готарскихъ высотахъ верхомъ на сѣрой лошади и что "въ горныхъ тѣснинахъ и ущельяхъ верхней Рейсы неоднократно являлась тѣнь сѣдого старика и огневыми глазами осматривала утесы, обагренные русскою кровью".

Но самая красивая легенда говоритъ о томъ, что въ глубинѣ одной изъ русскихъ пещеръ непробуднымъ сномъ спитъ великій Суворовъ, спитъ, но возстанетъ отъ сна, когда родной странѣ понадобится его дѣйственная помощь, когда русская земля покроется русскою кровью примѣрно на высоту ступни... Эта легенда устанавливаетъ посмертную связь великаго вождя съ его когда то не менѣе великою родиною. Она дышетъ вѣрой въ побѣду его духа надъ смутами и неудачами родного края, она вся проникнута упованіемъ, она свидѣтельствуетъ, что "безсмертный" только спитъ, дабы отдохнуть предъ тяжестью новаго подвига.

Но почему же тогда онъ, Суворовъ, еще не возсталъ отъ долгаго сна? Вѣдь русская земля уже давно покрыта кровью и не на высоту ступни, а свыше колѣна. Она захлебывается въ этой крови, — она, великая страна, рождавшая чудо-богатырей и родившая ихъ геніальнаго вождя — побѣдоносца Суворова.

Когда то въ грозные дни Отечественной войны, твоему, Суворовъ, талантливому ученику было сказано: "иди, спасай. Онъ всталъ и спасъ".

П. Симанскій.

---

(1) Безслѣдно потомъ исчезнувшемъ.

(2) Мы занялись этимъ пересмотромъ въ извѣстной Варшавской библіотекѣ гр. Красинскихъ.

(3) Державинъ, изд. Ак. Наукъ, СПБ. 1864 г., т. I стр. 642.

(4) См. В. Алексѣевъ «Письма и бумаги Суворова», т. I. СПБ. 1916 г.; стр. [illegible].

(5) «Странно мнѣ, что вы въ моемъ присутствіи, дѣлаете движенія, безъ моего приказанія, пѣхотою, въ линіи состоящею» (Военно-Ист. Сборникъ, 1914 г., № 2, стр. 77).

(6) «Вторая турецкая война въ царствованіе Императрицы Екатерины II», СПБ. 1880, т. I, предисловіе.

(7) А. З. Мышлаевскій «Двѣ катастрофы» («Суворовъ въ сообщеніяхъ профессоровъ Никол. Ак. ген. штаба», СПБ. 1900, стр. 75).

(8) Велондекъ, какъ писатель, былъ очень разнообразенъ: отъ занятій геральдикой онъ переходилъ къ поваренной книгѣ, отъ кухоннаго искусства — къ комедіи, отъ комедіи — къ описанію дѣяній короля Станислава-Августа. Близко сойдясь съ послѣднимъ еще въ Петербургѣ, Томатисъ занялъ при королѣ уже въ Польшѣ хорошую должность, а состоя въ руссофильской партіи, знался и съ Яковомъ Булгаковымъ, и съ ген. Игельстромомъ. При томъ общемъ недружелюбномъ тонѣ, съ какимъ говорятъ о Суворовѣ всѣ произведенія польской музы, голоса Велондека и Томатиса остаются, конечно, одиночными.

(9) Рыбкинъ «Генералиссимусъ Суворовъ. Жизнь его въ своихъ вотчинахъ и хозяйственная дѣятельность» Моск. 1874, стр. 98.

(10) «Жизнь Суворова въ художественныхъ изображеніяхъ», М. 1900, стр. 225.

(11) Тамъ-же, стр. 270-271.

(12) А. З. Мышлаевскій «Суворовъ и военная наука» («Суворовъ въ сообщеніяхъ профессоровъ Никол. Акад. ген. штаба. СПБ. 1900, стр. XII.

(13) Ст. «Суворовъ-стратегъ» («Суворовъ въ сообщеніяхъ профессоровъ Никол. Акад. генер. шт.», СПБ, стр. 48.

Мысли о гражданской войнѣ

За послѣднее столѣтіе, если не считать еще длящейся войны въ Китаѣ, названія гражданской войны заслуживаютъ лишь борьба сѣвера и юга въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, и наша война съ большевиками въ 1918—1920 г.г. Послѣдняя война еще слишкомъ близка и многіе выводы изъ нея еще несомнѣнно получатъ большую переоцѣнку. Большой ошибкой было бы по этому считать, что изученіе опыта гражданской войны можно ограничить лишь событіями въ Россіи въ 1918—20 г.г. Веденіе гражданской войны не является импровизаціей и подчинено такимъ же законамъ и принципамъ, какъ и всякая война. Разница лишь въ томъ, что нѣкоторые принципы ея веденія отличны отъ принциповъ веденія внѣшнихъ войнъ. И вотъ выявленіе этихъ отличающихся отъ общихъ для всякой борьбы принциповъ и составляетъ предметъ, если такъ можно выразиться, несуществующей еще сейчасъ теоріи гражданской войны. Конечно, какъ и всегда въ военномъ дѣлѣ, теорія не можетъ дать отвѣта на вопросъ «какъ» добиться побѣды, но она даетъ тѣ пути, сходя съ которыхъ, побѣды не добиться. А мы въ нашу гражданскую войну не разъ съ этихъ путей сходили. И это тѣмъ болѣе обидно, что почти всѣ наши ошибки уже были продѣланы американцами и они къ концу войны ихъ поняли.

Главное отличіе гражданской войны въ тѣсной ея связи не столько съ внѣшней, сколько съ внутренней политикой. Формула Клаузевица о томъ, «что война есть продолженіе политики, но лишь другими средствами» вѣрна и для гражданской борьбы. Только политика мѣняясь, становится внутренней, вмѣсто внѣшней. Поэтому было бы ошибкой считать, что особенностью гражданской войны является ея тѣсная связь съ политикой. Эта связь, или вѣрнѣе неотдѣлимость политики отъ вооруженной борьбы типична для всѣхъ войнъ. И тутъ по существу дѣла, гражданская война ничего новаго не даетъ. Суть лишь въ томъ, что такъ какъ руководящей нитью гражданской войны, является политика внутренняя — эта война рѣзче для широкихъ круговъ населенія выявляетъ примать политики надъ стратегіей. А на дѣлѣ обыкновенно дѣлаютъ иначе. Политику подчиняютъ стратегіи и главнокомандующій, т. е. органъ лишь исполнительный принимаетъ на себя функціи политическія, т. е. руководящія.

Это смѣшеніе двухъ функцій было также типично для юга въ Америкѣ, какъ и для всѣхъ нашихъ фронтовъ во время нашей гражданской войны. Южный президентъ Джефферсонъ Дэвисъ былъ для той эпохи, образованнымъ и опытнымъ военнымъ. Человѣкъ большой воли и большой напряженности въ борьбѣ. Онъ слѣпо вѣрилъ въ правоту своего дѣла и умѣлъ этой увѣренностью заразить свое окруженіе. Ставъ диктаторомъ, онъ оставилъ въ своихъ рукахъ главное командованіе. А это равносильно безотвѣтственности главнокомандующаго и неизбѣжно приводило къ тому, что дѣйственная сторона его работы — веденіе войны въ смыслѣ вооруженной борьбы стало вліять на веденіе войны въ широ-

---

Американскія впечатлѣнія

ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ

Американцы любятъ говорить, что въ Европѣ ихъ не понимаютъ.

Первое впечатлѣніе получаемое отъ Нью-Іорка, когда океанскій пароходъ приближается къ берегу, — это его оригинальность. Передъ глазами пріѣзжающаго вырисовываются силуэты небоскребовъ, которыми покрыта часть Нью-Іорка расположенная на полуостровѣ Мангаттанъ. Когда путешественникъ, сойдя на берегъ, идетъ по улицамъ-ущельямъ, онъ чувствуетъ какую то придавленность и шея болитъ, ибо по привычкѣ его тянетъ найти глазомъ крышу дома.

Если взглянуть изъ окна комнаты въ гостиницѣ, изъ какого нибудь 32-го этажа, то чувствуется, какъ необычны тѣ косыя перспективы, которыя вырисовываются передъ глазами.

Я началъ съ небоскребовъ потому, что, это пожалуй самое характерное выраженіе американской матеріальной культуры. Въ Америкѣ все огромно и Европа, съ ея масштабами, въ этой области кажется такой маленькой.

На пароходѣ, на которомъ я ѣхалъ, я видѣлъ объявленіе о какомъ то отелѣ только что открывающемся въ Парижѣ. Въ этомъ объявленіи хвастливо заявлялось, что отель явится величайшимъ въ мірѣ... Онъ будетъ имѣть 400 комнатъ и каждый номеръ будетъ имѣть ванну. Въ отелѣ, въ которомъ я останавливался въ Нью-Іоркѣ — 3500 комнатъ. О ваннѣ въ каждой комнатѣ не говорятъ., такъ какъ въ Америкѣ это само собою разумѣется.

Мой отель не самый большой въ Нью-Іоркѣ и все-таки стоитъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Онъ сравнительно изъ дешевыхъ. Цѣна за номеръ — начиная съ 3 съ полов. долларовъ; такихъ дешевыхъ номеровъ тысячи двѣ. Правда, слово "дешевый" звучитъ, какъ то странно, когда мысленно превратить 3 съ полов. доллара въ европейскую валюту Но это вѣдь Америка, и масштабы иные....

Если осмотрѣться въ своемъ номерѣ — то найдешь такое благоустройство и чистоту, что придется признать, что и въ Парижѣ, да и вообще въ Европѣ, за подобный комфортъ пришлось бы платить ту же цѣну. Тогда первое непріятное впечатлѣніе отъ сознанія уплывающихъ изъ кармана франковъ смѣняется любопытствомъ. Вѣдь жизнь въ Америкѣ гораздо дороже, чѣмъ въ Европѣ, на что же разсчитываютъ хозяева этого отеля назначая "дешевыя цѣны".

Они разсчитываютъ на "большое число".

Потомъ, когда обживешься въ Америкѣ, то видишь, что на "большомъ числѣ" основаны всѣ наиболѣе процвѣтающія предпріятія, съ пресловутымъ Фордомъ во главѣ.

Подтвержденіе этому находишь тутъ же въ номерѣ, на письменномъ столѣ. Надъ нимъ цѣлая библіотека громадныхъ фоліантовъ. Ихъ восемь. Это телефонный указатель для Нью-Іорка.

Въ первые же дни пребыванія въ отелѣ можно увидѣть, какъ используютъ хозяева отеля "большое число" своихъ гостей. Клиента чистятъ, гладятъ, стригутъ, брѣютъ — для этого въ отелѣ есть парикмахерская, Institute de beauté, портные, чистильщики сапогъ — и все это въ роскошныхъ помѣщеніяхъ.

Въ отелѣ имѣется четыре ресторана для различной толщины бумажниковъ. Имѣются также рядъ залъ для танцевъ и для праздниковъ.

Не выходя изъ отеля можно получить рѣшительно все, что желаешь и получить быстро и точно. Когда я, пріученный въ Парижѣ, что ни одинъ заказъ, какъ правило, не исполняется въ срокъ, усумнился въ точности выполненія заказа — на меня посмотрѣли изумленными глазами.

Для такого широкаго и точнаго обслуживанія многотысячной кліентуры европейскіе методы не примѣнимы. Швейцаръ, хотя бы съ многочисленными помощниками, съ такой работой не справится. Поэтому, вся его работа разсредоточилась на множествѣ самостоятельныхъ отраслей и вокругъ громаднѣйшаго холля, раскинулось цѣлое министерство съ массой департаментовъ. Надписи указываютъ назначеніе каждаго изъ нихъ.

Здѣсь отдѣленія: почты и телеграфа, банка, транспортное (для багажа), билетное (для переѣзда и перелета), билетное (для театровъ) и много другихъ. Одно изъ самыхъ интересныхъ отдѣленій это — отдѣленіе "капитана" надъ прислугой: онъ сидитъ за столомъ на которомъ четыре телефона и четыре записывающихъ аппарата. Онъ безъ остановки орудуетъ этими приборами. Это своего рода главнокомандующій. Его распоряженія ощущаются сразу, какъ только войдешь съ нимъ въ соприкосновеніе личное или по телефону. Безъ всякаго промедленія появляются нужныя лица и все это безъ суеты.

Интересно тоже видѣть изъ холля работу подъемныхъ машинъ. Ихъ шестнадцать. Нѣкоторыя изъ нихъ "мѣстныя" — это значитъ, что онѣ обслуживаютъ этажи до 20-го; другіе "экспрессы" — эти пролетаютъ безъ остановки до 20-го этажа, а дальше останавливаются по этажамъ. Благодаря этому скорость подъема такова, что я на 32-ой этажъ поднимался лишь немного дольше, чѣмъ поднимаюсь въ Парижѣ на третій.

Всѣ подъемныя машины сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, полукружая часть холля. Въ центрѣ, за особой конторкой, стоитъ распорядитель. Передъ нимъ доска, на которой посредствомъ вспыхивающихъ и потухающихъ лампочекъ обозначается движеніе всѣхъ подъемныхъ машинъ. Онъ слѣдитъ за ними съ неменьшимъ вниманіемъ, чѣмъ вахтенный начальникъ слѣдитъ за курсомъ корабля. Онъ же указываетъ публикѣ къ какой подъемной машинѣ надлежитъ направиться и онъ же, какъ начальникъ станціи даетъ сигналъ каждой изъ этихъ машинъ, когда начинать подъемъ.

Но довольно о гостиницѣ; о небоскребахъ же хочется сказать еще нѣсколько словъ.

Они, какъ то приковываютъ вниманіе.

Одинъ изъ моихъ русскихъ пріятелей, живущій въ Нью-Іоркѣ, человѣкъ серьезный и пожилой, поразилъ меня своимъ оживленіемъ, когда говорилъ о небоскребахъ. Онъ зналъ рѣшительно всѣ существующіе, а также имѣлъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ строющихся. Меня даже удивило, какъ онъ упорно настаивалъ, чтобы я поднялся на высшій этажъ строющагося небоскреба "Крейслеръ". Исполнивъ его желаніе, я не раскаялся, особенно потому, что мой спутникъ мнѣ разсказалъ много интереснаго.

Оказывается, что самымъ моднымъ мѣстомъ для житья въ Нью-Іоркѣ, считается сейчасъ крыша небоскреба. И вотъ обладатели многомилліонныхъ состояній строятъ на верхней площадкѣ особнякъ, этажа въ три, и разбиваютъ вокругъ садъ. Когда я увидѣлъ такіе особняки, я невольно улыбнулся, вспомнивъ, что подъемная машина того дома въ которомъ я живу въ Парижѣ, работаетъ не больше трехъ-четырехъ дней въ недѣлю. Да и въ эти дни она часто "шутитъ": завозитъ не въ тотъ этажъ, который нуженъ или останавливается между этажами. Когда же сдѣлаешь заявленіе швейцару по поводу поведенія подъемника — то онъ очень обижается. Въ результатѣ, онъ воспиталъ всѣхъ насъ на томъ, что вышеописанная работа подъемной машины является совершенно нормальной. Съ такимъ представленіемъ на площадкѣ небоскреба въ 40 этажей не поселишься. А вотъ американцы, поселяются и большія деньги за это платятъ.

Небоскребъ сталъ теперь орудіемъ рекламы. Каждая фирма, желающая прославить себя, мечтаетъ построить "самый высокій". Автомобильная фирма "Крейслеръ" и собралась это сдѣлать — она строитъ небоскребъ, кажется, въ 75 этажей. Не успѣла она его достроить, какъ началась постройка небоскреба въ 100 этажей.

Когда наступаетъ темнота, нѣкоторые изъ небоскребовъ освѣщаются скрытыми прожекторами разныхъ цвѣтовъ. Я видѣлъ такое освѣщеніе небоскребовъ въ Детройтѣ: низъ свѣтился бѣлымъ, какъ мраморъ; середина была зеленой, а верхніе этажи горѣли краснымъ, адскимъ пламенемъ.

Красиво! Но не думаю, чтобы это было пріятно жителю выглядывающему изъ оконъ этихъ небоскребовъ.

Впрочемъ, эти небоскребы строятся, главнымъ образомъ, для конторъ. Это и было ихъ первоначальное назначеніе; желаніе ускорить взаимное общеніе заставило всѣ торговыя, промышленныя и финансовыя предпріятія сосредоточить свои конторы въ нижней части Нью-Іорка. Полуостровъ Мангаттанъ, стѣсненный съ одной стороны Гудсономъ, а съ другой — Истъ Риверъ, не могъ скоро вмѣстить всѣхъ желающихъ. Когда вся площадь полуострова оказалась застроенной, дома стали рости вверхъ и доросли до небоскребовъ.

Но теперь, когда автомобили и телефоны получили широчайшее распространеніе и достигли поразительнаго совершенства (къ американскимъ телефонамъ не примѣнимъ парижскій масштабъ) — то небоскребы потеряли смыслъ своего существованія. Новые американскіе города (напр. Лосъ-Анджелосъ), раскидываются на десятки миль и представляютъ собой города-сады.

Потерявшіе въ современныхъ американскихъ условіяхъ, свой первоначальный смыслъ существованія, небоскребы вносятъ теперь большія неудобства въ жизнь.

Представьте себѣ такой небоскребъ въ которомъ въ рабочее время собирается до 20.000 людей. По окончаніи присутственнаго времени, онъ извергаетъ эту толпу сразу на улицу и запружаетъ ее. Это грозитъ такой закупоркой городского движенія, о которой въ Европѣ въ обыкновенные дни не имѣютъ даже представленія.

Долгое время самымъ высокимъ небоскребомъ было зданіе Вульворта въ 58 этажей. При баснословномъ экономическомъ процвѣтаніи Америки послѣ войны, небоскребы начали расти, какъ грибы и Вульвортъ теперь не самый высокій.

Самъ Вульвортъ сдѣлалъ свое огромное состояніе на магазинахъ въ которыхъ любая вещь стоитъ не дороже 5-ти или 10-ти центовъ. Благодаря этому онъ сумѣлъ уловить въ свои сѣти десятки и десятки милліоновъ покупателей. Подобно Форду, Вульвортъ построилъ свою дѣятельность на использованіи "большаго числа" покупателей. Несомнѣнно, что для организаціи подобнаго использованія требуется большое умѣніе и даже своеобразная геніальность. Но въ основѣ этого использованія должна лежать экономическая предпосылка: покупная способность массъ.

Въ Америкѣ, послѣ ея участія въ Міровой войнѣ, эта покупная способность массъ возросла до небывалаго еще размѣра. Приливъ половины міроваго золотого запаса въ Америку сказался.

Вотъ тутъ то и начинается парадоксъ, который служитъ главнымъ камнемъ преткновенія во взаимопониманіи Европы и Америки.

Почти каждый американецъ въ принципѣ пацифистъ. Онъ смотритъ почти съ презрѣніемъ на Европу, которая никакъ не можетъ освободиться отъ такихъ "варварскихъ предразсудковъ", какъ рѣшать наиболѣе острые международные вопросы войной. Онъ только не замѣчаетъ одного, — что все его теперешнее благосостояніе принесено ему войной, той самой, противъ которой онъ возстаетъ. И отъ этого благополучія, которое является слѣдствіемъ несчастья Европы, онъ отказаться не хочетъ.

Европеецъ, который слушаетъ поученія американца о "незаконности" войны, невольно думаетъ про себя: если война есть средство незаконное—то и благопріобрѣтенныя этимъ "незаконнымъ" средствомъ матеріальныя блага подлежатъ возвращенію. Его мысль невольно переносится на вопросъ о такъ называемыхъ междусоюзныхъ долгахъ, выражаясь болѣе ясно, — объ общей задолженности Америкѣ. Но рядовой американецъ не хочетъ и слышать объ аннулированіи этихъ долговъ. А между тѣмъ, это единственный и наиболѣе вѣрный путь къ прочному миру, ибо это значительно уменьшило бы требованія побѣдителей къ побѣжденнымъ.

Интересно отмѣтить, что отказъ Америки отъ возмѣщенія военнаго долга можетъ оказаться ей выгоднымъ и въ экономическомъ отношеніи.

Дѣло въ томъ, что исключительный приливъ золота въ Америку, являлся слѣдствіемъ того нарушенія экономической жизни которое было вызвано войной. Это, слѣдовательно, представляетъ собой процессъ болѣзненный.

По мѣрѣ того, какъ міровая война, все болѣе и болѣе отходитъ въ прошедшее, міровая экономическая жизнь оздоровляется.

Въ условіяхъ мира созданное войной положеніе не можетъ существовать. Уровень запаса золота въ условіяхъ мирнаго европейскаго труда долженъ повышаться за счетъ отлива золота изъ Америки.

Противиться этому процессу — равносильно тому, что пытаться остановить теченіе большой рѣки. Чѣмъ большая плотина будетъ построена — тѣмъ большая катастрофа разразится въ случаѣ ея прорыва.

Происходящіе въ этомъ году въ Америкѣ крахи не являются случайными. Они представляютъ собой обвалъ тѣхъ плотинъ, которыми Америка пытается удержать отливъ изъ нея золота. Требуя уплату причитающагося ей долга — Америка уподобляется инженеру, который не только перегородилъ плотиной рѣку, но въ тоже время предпринимаетъ работы для того, чтобы увеличить приливъ воды въ образовавшіяся запруды.

И чѣмъ болѣе будетъ требовательна Америка въ отношеніи междусоюзныхъ долговъ, чѣмъ болѣе будетъ отгораживаться она отъ Европы таможеннымъ тарифомъ, тѣмъ большіе крахи ожидаютъ ее въ будущемъ.

Соціальная жизнь, также, какъ и всѣ явленія міра, управляется законами. Война есть соціальная болѣзнь. Стремиться отстоять свое благополучіе, базируясь на нарушенномъ войной экономическомъ равновѣсіи, очень близоруко. Въ моральномъ же отношеніи, это несравненно большій шовинизмъ, чѣмъ шовинизмъ воюющей арміи. Въ послѣдней, люди рискуютъ жизнью и не получаютъ никакихъ матеріальныхъ благъ.

Но гдѣ же пацифизмъ?

Одинъ изъ моихъ пріятелей — отставной генералъ, принимавшій участіе въ въ рядахъ арміи С. А. С. Ш. въ Міровой войнѣ, заявилъ мнѣ, что онъ ярый пацифистъ; онъ восхищается пактомъ Келлога и возмущается шовинистическимъ духомъ Европы.

— Отдадите ли вы Филиппины японцамъ, — спросилъ я его.

— Ни въ коемъ случаѣ, — съ горячимъ возмущеніемъ отвѣтилъ онъ.

— Но, когда японцы говорятъ, что имъ нужно мѣсто подъ солнцемъ, они правы, — продолжалъ я.

— Можетъ быть, — вновь столь же горячо возразилъ онъ. — Но намъ нужны рынки въ Китаѣ, уступка же Филиппинъ нанесетъ матеріальный ущербъ и подорветъ нашъ моральный престижъ на востокѣ.

— Тогда у васъ будетъ война.

— Да, но въ этой войнѣ Америка будетъ защищать свои законныя права.

— Какая же разница, между вами и Европой, — спросилъ я въ заключеніе.

Онъ ничего не отвѣтилъ....

Н. Н. Головинъ.

комъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ ея общей напряженности. Главнокомандующій въ Джефферсонѣ Дэвисѣ доминировалъ надъ президентомъ. Диктаторъ на бѣломъ конѣ уже въ XIX вѣкѣ пересталъ быть правиломъ. Это возможно, но все менѣе и менѣе вѣроятно. Примѣръ Муссолини, Ленина и Сталина ставитъ этотъ лубокъ, подъ большой вопросъ. Что не удалось Людендорфу, «возглавлявшему» во время баварскаго путча хитлеровцевъ, можетъ удаться Хитлеру.

Президентъ сѣверянъ, неказистый адвокатъ изъ молодого штата Иллинойса, Авраамъ Линкольнъ, ровно ничего не смыслившій въ военномъ дѣлѣ и не снимавшій цилиндра и долгополаго сюртука и при посѣщеніи окоповъ (а какъ любили надѣвать въ послѣднюю войну полуохотничій, полушутовской костюмъ для посѣщенія окоповъ самые крупные государственные дѣятели), однако сумѣлъ стать настоящимъ диктаторомъ и выигралъ войну. И выигралъ ее потому, что веденіе вооруженной борьбы онъ подчинилъ требованіямъ политики. Южане въ смыслѣ чисто военномъ и ихъ полководецъ Ли были несравненно выше сѣверянъ и ихъ постоянно смѣнявшихся главнокомандующихъ. Но Ли былъ всетаки только профессіоналомъ и не смогъ подняться до роли національнаго вождя. А на много ему уступавшій послѣдній сѣверный главнокомандующій Грантъ сумѣлъ свои операціи ввести въ русло общей политики Линкольна. Суть, конечно, не въ томъ, чтобы диктаторъ былъ военнымъ или штатскимъ, но несомнѣнно, что дѣло диктатора — общее веденіе войны, а главнокомандующій лишь его исполнительный органъ. Какъ только эти роли сливаются въ одномъ лицѣ веденіе гражданской войны сводится лишь къ перипетіямъ вооруженной борьбы и теряетъ свою общую установку.

Въ устройствѣ вооруженныхъ силъ неизбѣжна импровизація. Но вопросъ лишь въ томъ, чтобы неизбѣжную стихійность формированій гражданской войны ввести въ какое-то болѣе или менѣе организованное русло. Исходить изъ началъ нормальной организаціи значитъ терять темпъ борьбы. Стремленіе привести армію въ нормальный, пригодный и для внѣшней войны видъ, все равно обречено на неуспѣхъ. Слишкомъ велика текучесть солдатской массы и сама война проходитъ на слишкомъ большихъ скоростяхъ, для того, чтобы хватило времени это сдѣлать. Дезертирство въ гражданской войнѣ не только неизбѣжное зло, но, можно сказать, нормальное явленіе. Оставленіе обширныхъ территорій и ихъ временный захватъ, столь типичные для гражданской войны не могутъ не отразиться на массовомъ дезертирствѣ. 200.000 дезертировъ, какъ это было на сторонѣ сѣверянъ во время американской войны — очень скромная цифра и думается, что мы въ нашу гражданскую войну значительно ее превысили на обѣихъ сторонахъ. Стихійность формированій и неизбѣжная текучесть ихъ состава всегда въ гражданскую войну приводитъ къ повышенію квалификаціи частей. Батальоны, полки и дивизіи гражданской войны, какъ у американцевъ, такъ и у насъ никогда не соотвѣтствовали ихъ дѣйствительной нормальной силѣ. И въ этомъ никакой бѣды нѣтъ. Въ условіяхъ напряженности и маневреннаго характера борьбы двухъ, всегда не вполнѣ отстоявшихся сторонъ, самостоятельность полковъ и дивизій, не та, что въ упорядоченной внѣшней войнѣ. А разъ роль ихъ иная, то названіе только закрѣпляетъ ихъ назначеніе и ихъ роль. Отрядъ въ 3.000 во время гражданской войны не полкъ, а дивизія и называть ее дивизіей совершенно естественно. Бояться того, что прапорщики и капитаны становятся генералами въ гражданскую войну также неправильно, какъ и стремиться къ тому, чтобы ограничить ихъ самостоятельность и сузить ихъ права. Вопросъ только въ томъ, что при переходѣ на нормальную армію нужно опять ввести все въ свое русло. Американцы нашли отличный выходъ изъ этого тупика. Начальникъ дивизіи въ гражданскую войну былъ у нихъ всегда генераломъ, а командиръ полка — полковникомъ. Но и генералъ и полковникъ оставались тѣми же капитанами или прапорщиками настоящей регулярной арміи. Чины гражданской войны были временными и всѣ эти безчисленные генералы и полковники носили свои титулы лишь съ добавленіемъ «добровольческихъ». Производство же въ «настоящіе чины» шло очень туго и не нарушало общеармейскаго распорядка. Конечно, должны были быть и были исключенія. Явно выдвинувшіеся за войну крупные начальники утверждались и въ «настоящихъ», регулярныхъ чинахъ. Но это были лишь единицы, дѣйствительно выдвинутые войной вожди. Гражданская война требуетъ выдвиженія наиболѣе къ ней пригодныхъ и бояться омоложенія команднаго состава, конечно, не приходится. Плохо только, если вмѣсто выдвиженія по признаку годности, оно замѣняется «революціоннымъ» стажемъ, т. е. стажемъ гражданской войны. Это нарушаетъ и нормальную структуру арміи и ту структуру, которая стихійно создается въ процессѣ гражданской войны. Старшинство въ гражданскую войну непригодно, но старшинство по числу мѣсяцевъ участія въ гражданской войнѣ уже просто вредно.

Фронтъ теряетъ свою устойчивость и непрерывность, становясь подвижнымъ и прерывистымъ. Размахъ неудачъ и успѣховъ совершенно иной, чѣмъ при сплошныхъ, насыщенныхъ фронтахъ внѣшней войны. Фронтъ не прикрываетъ тылъ и глубина армейскаго фронта все время колеблется. Отсюда рождаются кавалерійскіе рейды. Но какъ и въ американскую войну одиночные, хотя бы и самые блестящіе по выполненію рейды Стюарта и Шеридана рѣшенія не даютъ. Мамонтовъ повторилъ Стюарта и далъ ровно столько же, т. е. по существу дѣла ничего. Иначе дѣйствовалъ типичный «воръ» гражданской войны «батька» Махно, и его «рейды» больно били по нашему тылу. Совершенно также «воры» американской войны Форрестъ и Морганъ разносили тылъ сѣверянъ Гранта. Вся суть не въ организаціи рейда, даже не въ начальникѣ, а въ томъ, чтобы рейдами постоянно молотить тылъ, бить, разсыпаться и снова бить. А это возможно только на сочувствующей рейдирующему территоріи. — Опять та же политика живитъ или мертвитъ операціи и властно командуетъ операціями. Думается, что именно въ этомъ значеніе конницы въ гражданской войнѣ. Особыя условія нашей гражданской войны, протекавшей на ненормальномъ для ея эпохи этапѣ техники нѣсколько затемнили истинную роль конницы. Но объ этомъ послѣ. Рейдированіе по тыламъ въ гражданскую войну возможно только для конницы. Вся современная техника въ этихъ операціяхъ является лишь помѣхой. Вся суть въ томъ, чтобы рейдъ могъ жить на мѣстныя средства и во время разсасываться на избранной для рейда территоріи. Чѣмъ части насыщеннѣе техникой, тѣмъ труднѣе для нихъ выполненіе этого основного условія успѣха рейда. И правъ былъ Махно, когда въ Екатеринославщинѣ и Таврія даже вмѣсто конницы примѣнялъ быстро ѣздящую и способную къ максимальному разсасыванію на территоріи набѣговъ, пѣхоту, на тачанкахъ. Только длительные рейды способны оказать давленіе на фронтъ, а для ихъ длительности нужна территорія, способная ихъ кормить, укрывать и поддерживать. Какъ только эти условія не соблюдены, рейдъ обращается въ безцѣльный набѣгъ и теряетъ всю свою силу.

Непрерывный фронтъ въ гражданскую войну также не отвѣчаетъ ея природѣ, какъ и прерывчатый фронтъ не соотвѣтствуетъ позиціонной борьбѣ. А это въ корнѣ мѣняетъ пріемы управленія и связи. Гибкіе, эластичные фронты гражданской войны не укладываются въ громоздкія ліи», разработанныхъ для фронтовъ иду- рамки «положеній о полевомъ управле- щихъ сплошной стѣной. Мертвые громоздкіе тылы все равно не поспѣваютъ за нервно живущимъ фронтомъ. Вопросы снабженія въ гражданскую войну требуютъ коренной разработки и этотъ вопросъ — еще дѣвственный лѣсъ. Вести же снабженіе по шаблону внѣшней войны все равно, что съ мѣста разуть и раздѣть армію и лишить ее техники. Но что было возможно въ 1918-1920 г. г., сейчасъ уже невозможно. Сытыми въ гражданскую войну войска почти всегда будутъ, но не этомъ суть снабженія. Этого мало и объ въ этомъ стоитъ подумать.

Методы управленія, выработанные внѣшней войною съ громоздкими штабами отчетностью, систематизаціей донесеній и развѣдки совершенно не годятся для гражданской войны. Всѣ эти исходящіе журналы и «боевыя расписанія» необходимыя въ упорядоченной особенно позиціонной войнѣ: въ войну гражданскую служатъ только помѣхой, давая невѣрное представленіе о быстро мѣняющейся картинѣ фронта. Фронтъ крѣпнетъ, разлагается и снова выростаетъ совершенно иначе, чѣмъ это проходитъ во время внѣшней войны. Нужна большая инціатива, умѣнье рѣшаться и не бояться отвѣтственности. Одной аккуратностью здѣсь не обойтись. Штабъ перестаетъ быть лишь оперативнымъ придаткомъ при начальникѣ, а становится органомъ, регулирующимъ всѣ стороны жизни части, разгружающимъ начальника отъ заботъ о всѣхъ сторонахъ жизни войскъ. Все равно снабженіе будетъ хромать, пополненія запаздывать. Все это нужно организовать к не по правиламъ и шаблончику, а сразу, и въ той обстановкѣ, которая сложится. Импровизація должна замѣнить организацію и бояться этого все равно, что отринать особенности гражданской войны по сравненію съ внѣшней войной. Въ гражданскую войну даже и главнокомандующему приходится выѣзжать и командовать. Въ этомъ его смыслъ и назначеніе. Операціи проходятъ такъ быстро, что изъ Ставки все равно все время ими руководить нельзя. И это, конечно, ставитъ на первое мѣсто проблему организаціи связи. Что медленно и спокойно налаживается во время позиціонной войны, что достижимо при извѣстномъ напряженіи на уплотненныхъ сплошныхъ фронтахъ даже маневренной борьбы во время внѣшней войны, является большимъ искусствомъ въ войну гражданскую. Здѣсь нельзя сдавать связь въ подрядъ спеціалистамъ-техникамъ. Нужно творчество и творчество незаурядное...

Расчитывать на сплоченный солдатскій составъ, конечно, не приходится. Весь вопросъ въ кадрахъ. И потому то кадры и получаютъ такую цѣнность въ гражданскую войну и конечно неправильно вмѣсто прочнаго обрамленія аморфной солдатской массы насыщая ее кадрами, держать при полкахъ офицерскія роты, ограничиваясь въ солдатскихъ нормами, почти не отличающимися отъ нормальной организаціи во время внѣшней войны. Правильнѣе всѣхъ унтеръ-офицеровъ замѣнить офицерами, чѣмъ копить ихъ въ особыхъ офицерскихъ частяхъ. Это можетъ случиться нечаянно, какъ напримѣръ, во время перваго похода Корнилова, но дѣлать это нарочно можно только не отдавая себѣ отчета въ цѣнности офицера. И особенно сейчасъ, когда отъ офицера требуется въ десять разъ больше, чѣмъ во время примитивныхъ по техникѣ армій даже XIX-го вѣка. То, что офицерскія роты дѣйствуютъ лучше солдатскихъ еще не значитъ, что на это можно расходовать офицеровъ. Мѣсто офицера въ гражданской войнѣ — въ кадрахъ и при техникѣ, а не въ «офицерскихъ» ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ.

Думать о томъ, что гражданская война будетъ проходить на фонѣ мирно живущихъ поселянъ и горожанъ - обывателей, конечно, смѣшно. Гражданская война захватываетъ всѣ слои населенія и всѣ несутъ ея тяготы и она больно бьетъ и по нимъ. Трудно, конечно, оправдать неизбѣжные въ гражданскую войну, грабежи, это такое же зло, какъ и дезертирство. Но и то и другое явленія стихійныя, вызванныя самой ея природой, и наивно думать, что ихъ наличіемъ можно объяснить пораженія. Суть не въ томъ, а въ томъ, чтобы упорядочить снабженіе в захватомъ территорій устранить ихъ причины. Весь же вопросъ въ томъ, чтобы ихъ упорядочить. Самый крупный генералъ американской гражданской войны Шерманъ вошелъ въ исторію съ ярлыкомъ безсмысленной жестокости и угнетенія мирнаго населенія. Дѣло только въ томъ, что «мирнаго» населенія въ гражданскую войну нѣтъ. Есть «мы» и есть «они». Отъ нашихъ нужно брать все что, намъ нужно, отъ «нихъ» нужно безпощадно отнять все, что имъ позволяетъ вести съ нами войну.

Когда Шерманъ лишь на 4-ый годъ войны получилъ свободу дѣйствій, онъ сжигалъ цѣлые штаты и города, разгоняя горожанъ въ обѣ стороны — къ «намъ» или «къ нимъ». Огнемъ и мечомъ онъ прошелъ обѣ Каролины и этимъ, а не стратегическими измышленіями онъ нанесъ югу тотъ ударъ, отъ котораго его не могли спасти его лучшіе генералы Ли и Джонстонъ. А вѣроятно оба могли бы съ успѣхомъ помѣряться съ Шерманомъ въ искусствѣ маневра и веденія боя. Но сути гражданской войны, они такъ и не поняли. А Штерманъ её уловилъ. Въ гражданскую войну армія дѣйствительно является плотью отъ плоти и костью отъ кости страны. Шерманъ боролся не съ арміей южанъ, а со всѣмъ югомъ, который эту армію выставлялъ, одѣвалъ, пополнялъ и кормилъ. «Кто не съ нами, тотъ противъ насъ», это правило гражданской войны. Нейтральныхъ нѣтъ. Роль «Викжеля» хороша во время революціи болтающей, но просто смѣшна въ періодъ гражданской войны. Жечь города, ломать мосты и бить скотъ часто нужно, но только нужно, чтобы это дѣлалось не стихійно, не развращая солдатской массы безнаказанностью грабежей, а упорядоченно въ связи съ общимъ ходомъ войны. Шерманъ не поощрялъ грабежей и въ слабости его упрекнуть нельзя, но гдѣ онъ считалъ это нужнымъ, онъ не останавливался ни передъ чѣмъ. «Война есть война» — любилъ говорить Шерманъ, «а не погоня за популярностью». Золотые слова въ устахъ генерала, рожденнаго и вознесеннаго на самые ея верхи гражданской войной.

Разъ политика рождаетъ всякую войну, а въ войну гражданскую она пронизываетъ и задѣваетъ всѣ слои населенія отмахиваться отъ нея просто наивно. Афоризмъ «Армія внѣ политики», конечно, въ гражданскую войну — полный абсурдъ. Но мало программъ и декларацій, нужны дѣйственные лозунги и не только, какъ часто любятъ говорить лозунги «понятные», а и «живые». Нельзя расчитывать на то, что войска сами будутъ вести правильную политическую линію. Нужно руководство. Нужны не кустари, а особый пронизывающій войска политическій аппаратъ. Конечно, онъ долженъ въ войскахъ быть не параллельнымъ командованію, какъ въ красной арміи, а ему подчиненнымъ. Но самъ то аппаратъ необходимъ. Вѣдь въ гражданскую войну войска не только воюютъ, а и управляютъ цѣлыми территоріями. Подходить же къ этому съ кондачка, конечно, смѣшно и даже, можетъ быть страшно. Но это большое искусство и оно требуетъ не только большого чутья со стороны политическаго центра на верху, но и умѣнья эту политику оживить и перелить въ войска, а черезъ нихъ въ населеніе. Сейчасъ въ гражданскую войну нельзя быть политически неграмотнымъ. Нужно быть грамотнымъ. За 50 лѣтъ до нашей гражданской войны, однако, американцы

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Читатели «РУССКАГО ИНВАЛИДА» желающіе поддержать его дальнѣйшее изданіе и развитіе на пользу нашего общаго дѣла, приглашаются сдѣлать подписку на газету безотлагательно.

РЕДАКЦІЯ.

Клемансо и Фошъ

Въ прошломъ году сошли со сцены двѣ замѣчательныя личности — маршалъ Фошъ и одинъ изъ крупнѣйшихъ государственныхъ людей Франціи — Клемансо. Оба они были горячіе патріоты, люди волевые, составившіе себѣ всесвѣтное имя, стремившіеся къ одной цѣли — величію своей Родины, выдержавшіе бокъ-о-бокъ превратность первой половины 1918 года и приведшіе совмѣстными усиліями Францію къ побѣдѣ, но не ладившіе между собой и разставшіеся врагами.

Возникавшія между ними на почвѣ вожденія войскъ союзнической коалиціи, тренія носятъ настолько интересный характеръ, настолько поучительны и полны общаго значенія и выходятъ изъ рамокъ чисто французскихъ дѣлъ, что крайне полезно ознакомиться съ причинами ихъ вызывавшими. Это дастъ возможность понять ту атмосферу, среди которой протекаетъ современная коалиціонная война и сдѣлать выводы для будущихъ европейскихъ войнъ, которыя — надо думать — будутъ преимущественно коалиціонныя.

Съ личностью и взглядами Фоша читатели «Русскаго Инвалида» уже знакомы. Появившійся же немедленно послѣ смерти Клемансо капитальный трудъ его — «Величіе и превратности побѣды», — лихорадочно писавшійся покойнымъ въ послѣдніе полгода его жизни, дополняетъ картину творившагося въ критическій для Согласія 1918 годъ.

Весной 1918 года Клемансо занималъ постъ предсѣдателя совѣта министровъ и военнаго министра Франціи, что по закону ставило его начальникомъ вооруженныхъ силъ республики и облекало высшей военной властью. Совмѣщая эти двѣ должности, онъ являлся хозяиномъ положенія въ отношеніи веденія войны, которое въ республиканскомъ государствѣ ведется во всемъ своемъ объемѣ правительствомъ.

Человѣкъ, необычайно властный и самолюбивый, крутой, избалованный парламентскими побѣдами, политическимъ вліяніемъ и давнишнимъ полновластнымъ хозяйничаньемъ на многочисленныхъ министерскихъ постахъ, привыкшій брать препятствія съ наскоку, не щадя никого и ничьего самолюбія — Клемансо, прозванный «тигромъ», въ частности, не любилъ военныхъ, опасался ихъ и ревниво оберегалъ свою власть. Перечисленныя его свойства были въ свое время обрисованы Фошемъ въ многочисленныхъ разговорахъ съ приближенными людьми, предавшихъ ихъ гласности, послѣ смерти маршала. Это, очевидно, задѣло за живое стараго «тигра» и побудило его написать вышеупомянутый трудъ, который, понятно, обладаетъ многими достоинствами, но носитъ на большомъ протяженіи мелочной и даже полемическій характеръ относительно почившаго маршала и живого, понынѣ здравствующаго крупнаго дѣятеля, бывшаго президента республики — Пуанкарэ.

Безспорно, заслуги Клемансо громадны. Нельзя не воздать должнаго его стойкости въ тяжелую минуту, громадной энергіи, инціативѣ, обилію умственныхъ «средствъ», если можно такъ выразиться, и пониманію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ своей работы военнаго министра. Поэтому, особенно непонятны его нападки на мертваго; наиболѣе же задѣтый изъ живыхъ, Пуанкарэ, уже придалъ фактамъ надлежащее освѣщеніе.

Много мѣста въ трудѣ Клемансо отведено его личнымъ отношеніемъ къ Фошу, котораго онъ зналъ давно и выдвинулъ въ 1909 году на постъ помощника начальника Высшей Военной Школы. Постоянно говоритъ о своихъ симпатіяхъ къ маршалу, не перемежаетъ ихъ съ выпадами по его адресу, жалобами на будто бы его неблагодарность, некорректность и т. д., просто, видно, онъ его не любитъ. Попутно онъ распространяетъ свою ненависть на всѣхъ военныхъ и, гдѣ только возможно, принижаетъ ихъ: очевидно, онъ боялся, чтобы они не узурпировали бы его власти и потому онъ заставляетъ гражданскую власть давить на военную и всегда давать ей чувствовать ея подчиненность. Онъ признаетъ за Фошемъ, много качествъ, знаніе своего дѣла и даже талантъ, но считаетъ его, понятно, значительно ниже себя, опредѣляетъ его міросозерцаніе примитивнымъ, юношескимъ, не доросшимъ до уровня всесторонне развитаго человѣка. Къ научнымъ трудамъ Фоша онъ относится слегка пренебрежительно, упрекаетъ его въ отсутствіи вниманія къ значенію вооруженія и вообще техническихъ средствъ: — Клемансо совершенно не отдавалъ себѣ отчета, что Фошъ въ своихъ «принципахъ войны» разрабатывалъ квинтъ-эссенцію военнаго искусства, вожденіе войскъ и вѣчные психологическіе факторы, независимые отъ вооруженія.

Мартовскія событія 1918 года, приведшія къ объединенію командованія союзными силами во Франціи въ рукахъ Фоша, слишкомъ извѣстны, чтобы ихъ здѣсь повторять. Къ апрѣлю пробитая въ англо-французскомъ фронтѣ мартовская брешь, уже задѣлана; настаетъ май мѣсяцъ, германцы предпринимаютъ свою вторую крупную атаку, на этотъ разъ на участкѣ Шменъ-де-Дамъ прорываютъ французскій фронтъ, съ громадной быстротой проникаютъ вглубь на нѣсколько десятковъ километровъ, выходятъ на Марну у Шато Тьери, въ опасномъ, для Парижа направленіи и угрожаютъ важнѣйшей французской желѣзнодорожной рокадной линіи, отходящей отъ Парижа на востокъ. Французы теряютъ 700 орудій, 2000 пулеметовъ и 200.000 человѣкъ, изъ которыхъ одними плѣнными 60.000. Однако, катастрофа эта лишь тактическая, такъ какъ прибывшіе резервы, задержали выдыхавшихся германцевъ, размахъ ихъ операціи уже не такой, какъ въ мартѣ и успѣхъ ихъ не измѣняетъ общаго положенія на театрѣ войны.

Тѣмъ не менѣе, парламентъ нервничаетъ, возбужденъ противъ Фоша и хочетъ требовать отъ него, въ разгаръ операціи, объясненій, чуть ли ни даже смѣщенія, но Клемансо здѣсь «покрываетъ» его и онъ остается въ должности. Да, странно, если бы было иначе и Клемансо отдалъ бы его тогда въ жертву парламентаріямъ; всякому ясно, чѣмъ это могло бы кончиться. Въ книгѣ же своей онъ его несправедливо обвиняетъ въ томъ, что направленіе германской атаки имъ не угадано и резервы находятся на сѣверѣ, въ предвидѣніи германскаго удара на Кале и Дюнкеркъ. Между тѣмъ, рѣшеніе это было совершенно правильное такъ какъ пораженіе подобныхъ размѣровъ на лѣвомъ флангѣ съ выходомъ германцевъ къ Ламаншу, равнялось проигрышу войны, тогда какъ у Шменъ-де-Дамъ, какъ показали событія, оно было поправимо.

Вскорѣ послѣ этого начинаются между Клемансо и Фошемъ серьезныя тренія по поводу использованія американскихъ войскъ — тренія, достигшія максимальнаго напряженія въ октябрѣ, т. е. собственно тогда, когда вѣсы уже окончательно склонялись на сторону Согласія, и побудившія Клемансо неосновательно обвинять Фоша въ непослушаніи, т. е. въ отсутствіи одной изъ главныхъ воинскихъ добродѣтелей. Какъ мы увидимъ, Фошъ былъ въ данномъ случаѣ совершенно правъ и гораздо вѣрнѣе и шире понималъ, чѣмъ Клемансо, какъ общее, такъ и свое личное положеніе относительно союзниковъ.

Одна изъ особенностей всякой коалиціи заключается въ томъ, что рядомъ съ общей для всѣхъ союзниковъ цѣлью неизбѣжно существуютъ для каждаго изъ нихъ и свои частныя, значительно разнящіяся другъ отъ друга цѣли. Параллельно этому, въ силу вещей, немыслимо, чтобы тяготы распредѣлялись бы равномѣрно между всѣми союзниками: какъ во всякомъ сотрудничествѣ нѣсколькихъ лицъ, на долю однихъ выпадаютъ, можетъ быть, и несправедливо, но большія жертвы, которыя во имя общаго дѣла приходится нести. Для прочности же коалиціи достаточно, чтобы каждый изъ членовъ ея получилъ бы плюсовую разницу между выигрышемъ и убытками. Объединеніе военныхъ дѣйствій достигается фактически выборомъ по взаимному соглашенію одного общаго главнокомандующаго, которому арміи союзниковъ подчиняются въ оперативномъ отношеніи, сохраняя, естественно, при этомъ полное во всемъ остальномъ подчиненіе своимъ правительствамъ, опредѣляющимъ численность ихъ и время ввода въ дѣло. Въ итогѣ, для верховнаго главнокомандующаго создается деликатное, сложное положеніе умѣть считаться въ каждомъ данномъ *случаѣ, съ интересами тѣхъ странъ*, арміи которыхъ ему оперативно подчинены.

Вспомнимъ 1814 годъ: всѣ три союзныхъ монарха — Императоръ Александръ I, король Прусскій и Императоръ Австрійскій — сопровождали главную квартиру союзнической арміи, находившейся подъ общимъ командованіемъ кн. Шварценберга и соблюдали на мѣстѣ интересы своихъ государствъ.

Въ 1918 году обстановка усложнялась вслѣдствіе иного государственнаго строя у членовъ Согласія, чѣмъ абсолютныя монархіи XIX-го столѣтія и невозможности для ихъ правительствъ находиться на театрѣ войны. Тѣмъ болѣе, положеніе маршала Фоша дѣлалось труднѣе и роль его и расширялась и углублялась. Онъ вѣрно понялъ свое положеніе, т. е., что, хотя и оставаясь, какъ французскій военачальникъ, подчиненнымъ Клемансо, относительно Франціи, онъ, однако, въ распоряженіи союзническими войсками, напримѣръ, американскими, послѣднему не подвластенъ, никакихъ отчетовъ ему отдавать не обязанъ и вполнѣ самостоятеленъ въ отправленіи своего верховнаго командованія. Клемансо же обратно, толкаемый властолюбіемъ, уяснялъ себѣ обстановку, иначе и неправильно.

Еще лѣтомъ, послѣ Шменъ-де-Дамъ, онъ, подъ вліяніемъ крупныхъ потерь понесенныхъ Франціей и вообще максимума тяготъ, выпавшихъ въ силу общихъ условій войны на ея долю, сталъ горячиться и требовать черезъ Фоша скорѣйшаго ввода американскихъ войскъ въ боевыя линіи, хотя бы и небольшими пакетами, для пополненія французской убыли, но забывалъ при этомъ, что американцы ему не подчинены. Послѣднихъ было во Франціи 30 дивизій, только что сформированныхъ, которыя доучивались, надѣлялись штабами и т. д. 10 изъ нихъ предполагалось использовать по мелочамъ на усиленіе фронта, а 20, подъ начальствомъ ген. Першинга, должны были составить единую американскую армію съ самостоятельной задачей, — какъ того желала великая заатлантическая республика, въ силу своей великодержавности и достоинства.

Клемансо не уразумѣлъ этого: онъ не сумѣлъ возвыситься до пониманія всесоюзническихъ интересовъ и сталъ настойчиво и рѣзко насѣдать на Фоша, чтобы тотъ потребовалъ своей властью верховнаго главнокомандующаго отъ Першинга привлеченія поскорѣе американцевъ къ боевымъ дѣйствіямъ.

Клемансо не понялъ также, что Фошъ нынѣ всесоюзническій главнокомандующій, а не только «французскій генералиссимусъ», какъ онъ его называетъ въ своемъ трудѣ и слѣдовательно, въ отношеніи американцевъ и англичанъ ему не подчиненъ. Властолюбивый, обидчивый «тигръ» не могъ снести игнорированія Фошемъ его требованій въ вопросахъ вожденія союзническихъ войскъ и откровеннаго ему признанія маршала въ этомъ смыслѣ. Въ своей безтактности онъ однажды попытался даже лично *нажать на Першинга и, получивъ вѣжливый*, но холодный и твердый отпоръ обрушился всей силой своей злости на Фоша и даже собирался послать ему рѣзкій выговоръ по поводу его будто неумѣнья «командовать» и требовать, отъ подчиненныхъ. Лишь вмѣшательство самаго Пуанкарэ, мудраго государственнаго человѣка, ставшаго на сторону Фошу и высказавшаго даже удивленіе по поводу вмѣшательства Клемансо въ вожденіе Фошемъ американцевъ, предотвратило острый конфликтъ.

Клемансо въ своей узкости не понималъ еще и одного — а именно, что главнокомандующими арміями, особенно союзными, нельзя «командовать» такъ, какъ отдѣленный начальникъ «командуетъ» своими нѣсколькими рядовыми бойцами. Хотя онъ и оправдывается, но изъ его обвиненій Пуанкарэ въ попустительствѣ, а Фоша въ неумѣніи «командовать», видно, что онъ не доросъ до понятія о необходимости умѣть на старшихъ командныхъ должностяхъ и, особенно, имѣя дѣло съ союзными военачальниками, не ограничиваться только отдачей приказаній, а обладать талантомъ убѣждать своихъ подчиненныхъ, заставить ихъ проникнуться своими идеями и планами, безъ чего невозможно добиться согласованнаго результата, импонировать имъ своимъ авторитетомъ, вѣрностью и глубиной мысли и ясностью ставимыхъ требованій — т. е. имѣть тотъ даръ Божій, который былъ въ высшей степени удѣломъ Фоша.

Но за то и отомстилъ вскорѣ ему Клемансо, не допустивъ его къ реальному и полезному сотрудничеству во время веденія мирныхъ переговоровъ, стремясь парализовать его вліяніе и продѣлавъ все это въ крайне обидной для маршала формѣ, о чемъ онъ, понятно, въ своемъ трудѣ не упоминаетъ, останавливаясь лишь на принципіальномъ съ Фошемъ разногласіи по поводу обезпеченія Франціи выгодной восточной границей. Маршалъ смотрѣлъ на будущій мирный договоръ просто, съ точки зрѣнія французскаго патріота, и полагалъ, что его отечество и Бельгія, послѣ всего перенесеннаго, имѣютъ право добиться границы, дѣйствительно, гарантирующей безопасность. Основнымъ требованіемъ для этого являлось господство Франціи, въ той или другой формѣ, надъ Рейномъ, на участкѣ отъ Швейцаріи до голландской границы. Послѣдній является здѣсь природнымъ рвомъ между французскимъ и германскимъ міромъ, при чемъ, Эльзасъ Лотарингія и лежащія сѣвернѣе Прирейнская Пруссія, имѣютъ значеніе для Франціи и Бельгіи бруствера, а для Германіи — гласиса и заодно исходнаго плацдарма для вторженія во Францію и Бельгію. И Людовикъ XIУ, посылая Тюренна завоевать Эльзасъ-Лотарингію, и Наполеонъ такъ и понимали данную обстановку; такъ и понялъ ее и излагалъ устно и въ трехъ своихъ запискахъ Фошъ въ зиму 1918—19 гг. Однако, его мысли были встрѣчены индиферентно въ высшихъ политическихъ сферахъ [illegible] *почва была уже подготовлен* [illegible] того посѣва, и мнѣнію Фоша уж [illegible] о на немъ мѣста. Старый «тигръ», которому, правда, приходилось выдерживать тяжелую борьбу съ Ллойдъ Джорджемъ и президентомъ Вильсономъ, представлялъ себѣ основы будущаго мирнаго договора въ стремленіи обезпечить будущимъ поколѣніямъ Европы лучшія моральныя условія, чѣмъ тѣ, среди которыхъ жили его современники. Достигнуть же подобнаго прогресса возможно было только, по его мнѣнію, не калѣча побѣжденныхъ ни морально, ни отторженіемъ отъ нихъ въ какой бы то ни было формѣ территорій, кромѣ возвращаемой Франціи Эльзасъ-Лотарингіи — т. е., создавъ условія, близкія къ тѣмъ, когда нѣтъ ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей.

Безопасность Франціи достигалась при этой комбинаціи заключеніемъ предложеннаго Вильсономъ оборонительнаго союза между Франціей, Великобританіей и Америкой. Въ дѣйствительности же, событія развернулись иначе: общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ не пожелало связываться союзомъ, Великобританія поспѣшила использовать это обстоятельство для продолженія традиціонной своей политики свободныхъ рукъ и уклонилась отъ союза.

Въ итогѣ, Франція осталась одна и ей нынѣ приходится все зорче и зорче оглядываться на Востокъ, по мѣрѣ усиленія побѣжденной Германіи. Какъ только война кончилась и общая цѣль, т. е. подавленіе воли Германіи было достигнуто, душа коалиціи отлетѣла, сплачивавшій ее цементъ разсыпался и выявились частныя цѣли отдѣльныхъ государствъ, при чемъ интересы Великобританіи и Америки по отношенію къ Германіи оказались сильно разнящимися отъ французскихъ. Подобныя неизбѣжныя послѣдствія отлично понималъ Фошъ; — насколько же уяснялъ ихъ себѣ Клемансо, опредѣлить трудно. Въ результатѣ, Фошъ, по мнѣнію Клемансо, примитивнаго склада ума военный человѣкъ, оказался прозорливѣй чѣмъ его противникъ и критикъ — политикъ.

Въ заключеніе, мы отмѣчаемъ интересъ книги Клемансо: она будитъ мысли и какъ всякое воспоминаніе умнаго, хорошо владѣющаго перомъ, государственнаго дѣятеля, долго бывшаго у кормила власти, она цѣнна. Событіямъ она даетъ извѣстное философское освѣщеніе, съ которымъ зависитъ отъ желанія читателя, соглашаться или нѣтъ. Непріятное впечатлѣніе производитъ пронизывающая весь трудъ злобность автора, относительно почти всѣхъ, въ томъ числѣ и Россіи. Старый «тигръ», предчувствуя кончину, щетинился и старался поскорѣе, прежде, чѣмъ уйти въ вѣчность, раздѣлаться со всѣми, кто съ нимъ раннѣе не соглашался.

А. Н. Виноградскій.

это уже поняли и этимъ не пренебрегали. Конечно, ихъ психологія, была, иной и ихъ война проходила подъ другими лозунгами и въ другихъ категоріяхъ, но работали они надъ этимъ немало, и «армію внѣ политики» они не считали. Плохи, правда, были у нихъ генералы изъ политикановъ получавшіе командные посты со скамей сената и палаты представителей, но генералы - политически безграмотные сейчасъ въ гражданской войнѣ, пожалуй, еще страшнѣе.

Американская и наша гражданская войны, несмотря на 50 лѣтній промежутокъ, проходили, однако, почти на одномъ и томъ же этапѣ техники. Правда, что у американцевъ, (хотя и нарѣзныя пушки и ружья все же заряжались еще съ дула, и не было пулеметовъ. Но зато авіація, химія, автотранспортъ, танки и мощная артиллерія также въ общемъ не играли никакой роли въ нашу гражданскую войну, какъ не играли и въ американскую. Тогда эти средства еще не родились. Мы ими не пользовались. И это очень сближаетъ обѣ эти войны. Но будущая гражданская война, конечно, пойдетъ по другому пути и техника можетъ внести въ нее полную революцію въ корнѣ устранивъ многія не разрѣшимыя до сихъ поръ ея проблемы. Техника не можетъ ее не оживить и не дать ей того, что ей до сихъ поръ такъ не хватало — подвижныя средства борьбы, гибкую связь и зыя средства борьбы, гибкость связей и гибкія сообщенія. И все же никакая техника никогда не сможетъ измѣнить самой ея природы и не приведетъ ее къ мертвымъ формамъ сплошныхъ позиціонныхъ фронтовъ.

А. Зайцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Что офицеръ арміи долженъ знать о флотѣ

VI. РѢЧНЫЯ ФЛОТИЛІИ

Рѣка обычно разсматривается арміей, какъ препятствіе, какъ рубежъ содѣйствующій оборонѣ и затрудняющій наступленіе. Согласно этому мнѣнію рѣка не можетъ играть роли активнаго союзника, т. к. обычно ея теченіе не совпадаетъ съ линіей наступленія. Дѣйствительно, наступленіе рѣдко ведется по направленію къ морю, куда текутъ рѣки, или отъ моря вглубь страны. Стратегическія цѣли почти всегда лежатъ въ направленіи, грубо говоря, параллельномъ морскому берегу. Однако, такое несовпаденіе не можетъ служить помѣхой использованію рѣкъ, если рѣчная система страны хорошо разработана. Достаточно расширить и углубить соединительные каналы, и шлюзы, создать нѣсколько новыхъ, чтобы переброска силъ и грузовъ съ одной рѣки на другую была осуществлена въ широкомъ масштабѣ и потому любой участокъ рѣки могъ быть использованъ независимо отъ его направленія. Напомню, что Висла, напримѣръ, соединена съ Нѣманомъ и Днѣпромъ, который соединяется съ Зап. Двиной. Эти рѣки въ свою очередь могутъ быть соединены съ внутренними рѣками. Существовалъ проектъ соединенія Балтійскаго моря (а значитъ Бѣлаго и Каспійскаго) съ Байкаломъ черезъ Вычегду, Печору, каналамъ черезъ Уральскій хребетъ, притоки Оби, Енисея и Ангары. Печора еще при Императрицѣ Екатеринѣ была соединена съ Камой. Въ минувшую войну малыя англійскія подводныя лодки, пришедшія въ Архангельскъ, были проведены С. Двиной, Сухоной, системой Виртембергскаго, Шексной и Маріинской системой на Свирь, откуда Свирицей и Ладожскимъ каналомъ онѣ прошли въ Неву и участвовали въ боевыхъ дѣйствіяхъ Балтійскаго флота.

Вообразимъ теперь, что на рѣкахъ, связанныхъ хорошо разработанной системой каналовъ, имѣется рѣчная флотилія. Она будетъ содѣйствовать арміи на любомъ участкѣ рѣки или судоходнаго ея притока, независимо отъ направленія. Въ одномъ случаѣ она сыграетъ роль фланговой дивизіи, въ другомъ — свяжетъ части наступающія по обоимъ берегамъ рѣки, въ третьемъ — прикроетъ отходъ и облегчитъ отрывъ, наконецъ, во всѣхъ случаяхъ будетъ разгружать ж. д. пути, принявъ на себя значительную долю функцій транспорта. Единственной помѣхой работѣ рѣчной флотиліи будетъ служить зима, сковывающая рѣки льдомъ. Само собою разумѣется, что рѣки должны быть оборудованы удобными базами, затонами, разгрузочными пристанями, ремонтными мастерскими и пр. Но это не потребуетъ отъ государства добавочныхъ расходовъ, т. к. всякая рѣка имѣетъ такія средства, созданныя для торговой навигаціи. Надо лишь согласовать ихъ постройку съ военными надобностями, что легко достижимо при сотрудничествѣ двухъ вѣдомствъ между собой.

Въ противоположность морскому флоту, рѣчная флотилія не имѣетъ задачей обезпечивать свои коммуникаціи, т. к. онѣ и безъ того обезпечены тѣмъ, что находятся внутри своего расположенія. Случаи, когда рѣка будетъ проходить по линіи фронта, и въ то же время служить коммуникаціей, будетъ рѣдкимъ исключеніемъ. Поэтому главной задачей рѣчной флотиліи будетъ содѣйствіе арміи въ ея операціяхъ. Припоминая то, что я говорилъ въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ, повторю, что вспомогательная роль рѣчной флотиліи требуетъ ея подчиненія командующему арміей. Здѣсь могутъ встрѣтиться три случая: рѣка цѣликомъ (въ данномъ ея участкѣ) протекаетъ въ предѣлахъ армейской полосы; она захватываетъ двѣ сосѣднихъ полосы; она протекаетъ по разграничительной между ними линіи. Первый случай ясенъ самъ по себѣ. Во второмъ и въ третьемъ Ставка подчинитъ рѣчную флотилію той арміи, которая будетъ наносить главный ударъ. Возможно, что армія, временно переподчинитъ рѣчную флотилію одному изъ корпусовъ, но отнюдь не дивизіи, т. к. при этомъ неизбѣжно получилось бы размѣниваніе на мелочи, и рѣчная флотилія не дала бы полнаго развитія своихъ возможностей. Но даже и подчиненіе корпусу должно быть кратковременнымъ, на срокъ не свыше одной опредѣленной операціи. Армія не должна выпускать изъ своихъ рукъ этого оружія. Рѣчная флотилія, благодаря скорости своего перемѣщенія (12.14 верстъ въ часъ противъ теченія, 16-18 в. по теченію для судовъ съ механизмами средней мощности), а также дальнобойности пушекъ, можетъ обслуживать очень широкіе фронты и потому является оружіемъ по преимуществу армейскимъ.

Суда рѣчной флотиліи также подвергаются нѣкоторой специализаціи, но на иныхъ основаніяхъ чѣмъ суда флота. Максимальные размѣры судовъ опредѣляются размѣрами шлюзовъ и каналовъ. Поэтому установка на одно судно большого числа тяжелыхъ пушекъ немыслима.

Отсюда раздѣленіе на суда дальняго боя, ближняго боя, развѣдки, тральнозаградительную партію и вспомогательныя. Первыя обладаютъ тяжелой артиллеріей (8 и 10 д. пушки, или же 11 д. мортиры, по одной пушкѣ или двѣ мортиры на каждомъ) и, сравнительно малымъ ходомъ. Суда ближняго боя имѣютъ по 2-3-четырехъ или пятидюймовки и столько же 6 д. гаубицъ. Ходъ ихъ значительно больше: до 12-14 верстъ противъ теченія. Развѣдка должна состоять изъ быстроходныхъ (18-20 в. противъ теченія) судовъ, обладающихъ большой поворотливостью и вооруженіемъ изъ 3 д. — пушекъ и 4 д. — гаубицъ и моторныхъ катеровъ съ ходомъ до 40, даже до 50 верстъ, снабженныхъ пулеметами. Бронированіе судовъ не можетъ быть сильнымъ, т. к. глубина шлюзовъ не позволяетъ увеличить осадки. Поэтому приходится ограничиться броней отъ пуль и осколковъ, лишь нѣсколько усиливъ по возможности бронированіе командныхъ рубокъ, башенъ и части борта защищающаго механизмы. Ввиду почти полной невозможности маскировки судовъ отъ воздушнаго противника, всѣ суда, какъ боевыя, такъ и транспортныя, должны имѣть въ зависимости отъ размѣровъ, зенитные пулеметы, орудія, или тѣ и другія вмѣстѣ.

Размѣры рѣчной флотиліи будутъ зависѣть отъ наличія таковой у противника, отъ степени оборудованія рѣчной системы, отъ нашихъ задачъ и т.п.

Чрезвычайно важно, чтобы самая тщательная согласованность существовала между сухопутными частями и рѣчной флотиліей въ особенности артиллеріей.

Помимо своей нормальной работы, борьбы съ рѣчной флотиліей противника и содѣйствія своей арміи обстрѣломъ непріятеля во флангъ, а иногда и въ тылъ, рѣчной флотиліи могутъ представится и другія задачи. Въ маневренный періодъ войны, ей можетъ быть поручено занять какую-либо позицію, которую армія, двигаясь обычнымъ порядкомъ, не смогла бы захватить раньше противника. Для этого ей долженъ быть данъ десантъ, который она приметъ, перевезетъ, высадитъ и будетъ поддерживать все необходимое время. Въ красной арміи считается почему-то необходимымъ имѣть во флотиліи собственныя десантныя части, не только пѣхотныя, но даже и кавалерійскія. Разумѣется, это утрировка, порожденная періодомъ гражданской войны. Но что совершенно необходимо — это гидроавіація.

Имѣя плавучую базу, гидроавіація ничѣмъ не стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ, т. к. имѣетъ аэродромъ на всемъ протяженіи рѣки. При операціяхъ впереди своего фронта, что въ маневренный періодъ будетъ скорѣе правиломъ, только своя воздушная развѣдка и дастъ возможность выполнить задачу и не быть застигнутой врасплохъ.

Чтобы указать на значеніе рѣчной флотиліи для арміи, сошлюсь на мнѣніе профессора генерала Н. Н. Головина, который говоритъ:*).

«При одновременномъ вторженіи въ Галицію нашихъ войскъ черезъ рѣку Санъ и дальнѣйшемъ ихъ наступленіи на Краковъ форсированіе р. Вислы значительно облегчалось. Въ особенности же облегчалось въ томъ случаѣ, если бы въ нашемъ распоряженіи была бы сильная рѣчная военная флотилія. Наличіе послѣдней не только оказывало бы могучее содѣйствіе для фланговыхъ операцій нашихъ войскъ, при ихъ наступленіи по лѣвому или правому берегу р. Вислы, но также обезпечивало бы оперативную связь между наступающими по обоимъ берегамъ нашими арміями и прикрывало мощный коммуникаціонный водный путь, которымъ могла бы служить р. Висла.

Къ сожалѣнію, сильной Висленской рѣчной военной флотиліи мы не имѣли».

Старшій Лейтенантъ
Е. ф. Шильдкнехтъ.

---

*) Изъ исторіи кампаніи 1914 года. Галицийская битва, стр. 526.

Агонія арміи

ЛИСТКИ ВОСПОМИНАНІЙ.

Чудомъ уцѣлѣли эти записки...

Но и безъ нихъ — такъ свѣжо въ памяти все пережитое, точно это было вчера.

Иногда раскроешь потрепанныя смятыя страницы. Былымъ ужасомъ вѣетъ отъ нихъ. Хочется сжечь, уничтожить ихъ.. Кажется — кому нужны эти страницы позора и мукъ.

Но встаютъ прекрасные образы мучениковъ Русской Земли, офицеровъ, солдатъ, терпѣвшихъ до конца... Страницы подвиговъ, страницы безконечно великихъ, очищающихъ душу мукъ незамѣтныхъ героевъ, — позабытыхъ гигантовъ духа. И хочется говорить о терпѣвшихъ до конца, говорить о нихъ цѣлому міру, утопающему въ грязи и крови. Говорить о Русскихъ офицерахъ и солдатахъ, страдавшихъ какъ никто, — величаво, какъ никто.

Іюнь, 1917 г. Еще нѣсколько дней терпѣнія и начнется наше наступленіе. Вѣрнѣе — должно начаться. Развѣ теперь можно хоть что-нибудь сказать съ увѣренностью. Еще нѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ со дня начала россійскаго свѣтопреставленія, а армія обратилась въ сбродъ ошалѣвшихъ людей. Вѣрнѣе — съумѣли обратить ее въ такое состояніе, ее — тысячелѣтнюю гордость, опору и защитницу Россіи. Что дѣлается! Сегодня, возвращаясь въ летучку изъ Литятина на узкой проселочной дорогѣ чуть не столкнулся мой автомобиль съ автомобилемъ командующаго корпусомъ генерала Бѣльковича, который ѣхалъ съ ген. Незнамовымъ. Пока разворачивались я успѣла хорошо его разсмотрѣть. Боже, до чего онъ измѣнился за ту недѣлю, которую я его не видѣла. Точно всталъ послѣ тяжелой болѣзни. Вспомнилось невольно, что разсказывалъ вчера въ санитарномъ отдѣлѣ докторъ Корицкій, присутствовавшій при томъ, какъ командующій арміей уговаривалъ 7-й Сибирскій корпусъ занять назначенный участокъ, и, не выдержавъ подъ конецъ этого нервнаго перенапряженія, упалъ въ обморокъ... Боевой генералъ, не кланявшійся пулямъ, почти не знавшій, что такое усталость въ походахъ... Страшное творится кругомъ... Четыре дня тому назадъ мнѣ пришлось отвозить въ Тарнополь двухъ офицеровъ, привезенныхъ изъ 115 полка. Тамъ «товарищи» рѣшили перепороть весь офицерскій составъ во главѣ съ командиромъ полка за то, что у нихъ было офицерское собраніе, гдѣ они могли «баловаться, какъ хотѣли, а солдатъ къ себѣ не допускали». Такое обвиненіе — дословно, было предъявлено всему командному составу 115 полка. Объясненія, увѣщеванія — ничего не подѣйствовало... Солдаты оцѣпили офицерское собраніе въ тотъ моментъ, когда туда на совѣщаніе собрались всѣ офицеры, и послали за розгами. Видя, что позоръ неизбѣженъ — было единогласно рѣшено всѣмъ тутъ же покончить самоубійствомъ. Лихорадочно стали писать прощальныя записки близкимъ. Вдругъ вваливаются солдаты съ охапками прутьевъ. Командиръ полка обратился къ одному изъ солдатъ съ просьбой принести конвертовъ и добавилъ: «Вотъ деньги на марки — отошлите эти письма потомъ по адресамъ. Послѣ позора, на который вы насъ обрекаете — никто изъ насъ лишней минуты жить не будетъ». Солдаты постояли... потоптались, молча поглядѣли другъ на друга и на цыпочкахъ стали выходить изъ комнаты...

Нѣкоторые изъ переживщихъ эти минуты офицеры — заболѣли нервнымъ разстройствомъ, а двое сошли съ ума...

И кажется, а можетъ быть — это и есть самая настоящая правда — что вся Россія вдругъ сошла съ ума... Вся армія.. Чуть не вчера я видѣла — провожая съ молитвой за нихъ всѣхъ, опуская глаза, потому что тяжко, нестерпимо смотрѣть на идущихъ на смерть, — безконечные стройные ряды защитныхъ рубахъ, ряды родныхъ солдатъ — серьезныхъ, спокойныхъ, величавыхъ въ своей простотѣ, торжественныхъ въ своей готовности исполнить долгъ и покориться судьбѣ... А что теперь... Безпорядочныя, разнузданныя толпы текутъ, текутъ съ фронта въ тылъ. Расхлестанные, растегнутые, иные съ винтовками, другіе безъ винтовокъ, но всѣ съ кружками, съ котомками, съ узелками, котелками... Жмуришься, потому что мерзко, мучительно смотрѣть... «Сбродъ»... Но вѣдь изъ этого же «сброда» чуть не вчера еще выходили телефонисты Китаевы, — предпочитавшіе задохнуться, погибнуть въ волнахъ удушливыхъ газовъ, пущенныхъ непріятелемъ, не не надѣть противогаза, который бы помѣшалъ продолжать оповѣщать всѣ части объ идущей опасности... Денщики Петровы, ходившіе за тѣломъ убитаго «барина» на нѣмецкую сторону, потому, какъ ихней баринѣ обѣщался съ живого и съ мертваго глазъ не спущать». Вѣстовые Синчуки, выносившіе своихъ раненыхъ офицеровъ съ поля боя на собственныхъ израненныхъ рукахъ... Ихъ сотни, тысячи, забытыхъ невѣдомыхъ никому рыцарей безъ страха и упрека... И всѣ они вышли отсюда, изъ этой же арміи. Что же съ ней стало? Развѣ это не болѣзнь? Не повальное безуміе отъ отравы, привитой ихъ врагомъ?...

16 іюня: Сегодня наконецъ получила назначеніе (до прибытія своей летуч...

Страшные люди

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ДАГЕСТАНѢ.

(Окончаніе).

V

Кольцо, очевидно, совсѣмъ измѣнило отношеніе ко мнѣ.

Молодой лезгинъ подсѣлъ ближе и сталъ разспрашивать о Сулейманѣ.

Я ему сообщилъ, что наибъ**) не нуждается ни въ чемъ. Бѣлье, платье и пищу ему посылаетъ отецъ. По вечерамъ у плѣннаго сходятся офицеры, чтобы ему не было скучно. Если бы онъ далъ слово не бѣжать, его не держали бы взаперти...

— Какъ можно дать такое слово! — возмутились горцы. — Мужчина никогда не сдѣлаетъ этого.

— Воина удержать въ плѣну только замками и оковами...

Старики въ углу о чемъ-то совѣщались, посматривая на меня. Рѣчь у нихъ шла на томъ же невѣдомомъ мнѣ языкѣ. Одни, очевидно, хотѣли что-то у меня просить, другіе удерживали ихъ, повторяя съ подчеркиваніемъ слово «урусъ, урусъ»! Я передъ тѣмъ только что начитался Вальтеръ-Скотта. Передо мной проходили въявь поэтическія былины, и въ розовой окраскѣ дѣтскихъ впечатлѣній еще ярче и заманчивѣе казались Ричардъ Львиное Сердце, Айвенго, Монтрозы, Вудстоки. Сулейманъ для меня былъ однимъ изъ неизмѣнныхъ силуэтовъ этой же галлереи. Я ужъ рисовалъ себѣ, какъ онъ уйдетъ изъ крѣпости, и совершенно неожиданно для молодого лезгина спросилъ у него:

— Отчего же онъ не убѣжитъ?...

Тотъ вздрогнулъ. Обвелъ меня яркими глазами.

Другіе тоже подошли и уставились на меня.

— Разумѣется. Вонъ я недавно читалъ... — и давай передавать ему содержаніе послѣдняго улегшагося въ моей памяти рыцарскаго романа. Яркая лунная ночь. Рыцарь спускается съ высокой башни, а вѣрный оруженосецъ внизу ждетъ его съ конями... Орелъ (въ рыцарскихъ романахъ орлы непремѣнно состоятъ при герояхъ даже по ночамъ) паритъ надъ бѣглецомъ, прикрывая его широкими черными крыльями, такъ, что стража изъ-за зубцовъ и съ бойницъ замка не видитъ заключеннаго.

Слова мои произвели на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Лезгины воспламенились до того, что всѣ заговорили разомъ. Одинъ самый старый съ бѣлой бородой и совсѣмъ юношескимъ глазомъ, пронизывающимъ меня изъ-подъ сѣдыхъ бровей, (другой, у него былъ покрытъ большимъ бѣлымъ бѣльмомъ), схватилъ меня за руку и что меня очень удивило, спросилъ на чистомъ русскомъ языкѣ:

— Единственно, кто могъ бы спасти нашего Сулеймана, это ты.

— Я?

— Да.. Ты никому не скажешь?

Я готовъ былъ самимъ Ричардомъ Львинымъ Сердцемъ и всѣми крестоносцами Палестины поклясться свято беречь тайну.

— Ты вѣдь свободно бѣгаешь по всей крѣпости?

— Да..

— Передай ему пакетъ. Его легко пронести подъ платьемъ. Никто его не увидитъ на тебѣ.

— Какой пакетъ?

— Простую веревку, сплетенную у насъ въ горахъ.

Дѣйствительно, ссученная руками горныхъ женщинъ тонкая, шелковая веревка. На ней въ извѣстныхъ разстояніяхъ узлы и петли. У меня тотчасъ же мелькнуло въ памяти, что вѣдь и «рыцарю чернаго замка» доставили такую же.

Я чуть не захлебнулся отъ счастья..

— И еще это.

Тонкая стальная пила. Вся свертывалась вокругъ руки. Ея-то ужъ никто бы не замѣтилъ.

— Помоги тебѣ Аллахъ. Помни, — въ горахъ мы всѣ будемъ твоими слугами, и никогда ничего недобраго не случится ни съ тобою ни съ твоими близкими. Мы сами станемъ беречь ихъ въ мирѣ и въ войнѣ.

Я обѣщалъ. Да и теперь не жалѣю объ этомъ.

— Только одного я хочу за это.

— Чего? Мы бѣдны.

— Нѣтъ, вы меня не поняли. Я долженъ самъ видѣть, какъ все это случится.

— Да развѣ ты ночью можешь уйти?

— Могу. Скажу, что пойду къ дѣтямъ нашего переводчика Искендеръ-бека и тамъ пробуду до утра.

— Тебѣ повѣрятъ?

— Еще бы!

Я даже обидѣлся, не сообразивъ того, что самъ собирался обманывать.

— Хорошо. Мы тебѣ дадимъ знать наканунѣ. Вотъ что, скажи Сулейману, чтобы онъ слушалъ, когда внизу ночью три раза крикнетъ ястребъ. Все будетъ тогда готово.

— Какой ястребъ?

— Это уже мы знаемъ. Потомъ, — пусть все, что нужно, онъ напишетъ и перекинетъ за стѣну. Внизу подъ ней всегда есть кто нибудь.

— Бумагу унесетъ вѣтеръ.

Я казался самому себѣ необыкновенно уменъ въ это время.

Лезгины усмѣхнулись.

— Камни подъ ногой. Завернулъ бумажкою камень и швырнулъ... Попадетъ куда надо.

Когда я уходилъ, — подо мною горѣла земля.

Важенъ я былъ сверхъ мѣры. У бреши меня встрѣтили пріятели-татарчата, — я на нихъ не обратилъ даже вниманія. Мнѣ ли, подготовлявшему бѣгство «узнику башни», герою, о которомъ впослѣдствіи будутъ писаться романы, якшаться съ какими-то Абдулками, Махметками и Гассанками, которыхъ еще сегодня матери драли плетками подъ неистовый крикъ «аманъ-аманъ, мамаджанъ!»

Даже дома отецъ замѣтилъ мое необычно горделивое настроеніе.

— Ну, ты, Годфридъ Бульонскій, взялъ уже Іерусалимъ или нѣтъ?

Я не отвѣчалъ. Развѣ они могли понимать меня. Только матери я не выдержалъ и сообщилъ кратко:

— Черезъ нѣсколько дней вы узнаете все — кто я!

— И теперь всѣ знаютъ. Ты — дуракъ и больше ничего! — отвѣтила она.

— Увидите...

— А вотъ вечеромъ буду варить варенье и не дамъ тебѣ пѣнокъ.

Дѣло становилось серьезнымъ, У меня засосало подъ ложечкой. Героизмъ боролся съ чревоугодіемъ и побѣдилъ его.

— Что такое варенье!

— Вишневое? — ужаснулась мама.

— Хотя бы и вишневое.

Но при этомъ голосъ у меня падалъ, и въ горло стояли слезы. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я способенъ былъ измѣнить обѣтамъ рыцарства, то... только за вишневое варенье! Ничто иное на бѣломъ свѣтѣ не могло бы отвлечь меня отъ подвига. Впрочемъ, надо себѣ отдать справедливость. Я устоялъ и, презрительно взглянувъ на груду приготовленныхъ ягодъ, меланхолически вышелъ изъ комнаты, жалѣя, что на мнѣ нѣтъ бархатнаго плаща, чтобы «угрюмо завернуться» въ него.

VI

Если-бы на мой счетъ могло существовать хотя малѣйшее подозрѣніе, меня схватили бы у воротъ крѣпости. Во-первыхъ, я вспомнилъ, какъ индѣйскій вождь «Черная Пантера» пробирался въ вигвамъ*) вражьяго племени Степныхъ Волковъ. Я думаю, — ни одна кошка не кралась такъ на чужую крышу, какъ я ползъ вдоль стѣны къ часовому, добродушно смотрѣвшему на мою эквилибристику. Во-вторыхъ, я старался смотрѣть зловѣще, какъ «Рыцарь Краснаго Щита»; въ-третьихъ, я всѣмъ предлагалъ одно и то же, никѣмъ не требуемое отъ меня объясненіе: «я ничего, ей Богу, не несу съ собою. Я только хочу видѣть Сулеймана, а что изъ этого выйдетъ, знаетъ судьба», даже, кажется, не судьба, а рокъ. Такъ было трагичнѣе. Къ счастью, у Сулеймана не было никого. Офицеровъ вызвали зачѣмъ-то къ коменданту, сторожъ оставался за стѣною. Сулейманъ сидѣлъ на приступкѣ и по горскому обычаю, стругалъ ножикомъ палочку. Онъ улыбнулся мнѣ навстрѣчу и замеръ, увидѣвъ, что я кладу палецъ на губы.

— Тише, а то насъ услышатъ.

— Что-же ты кричишь самъ? Потомъ, кому слышать? Птицѣ? — засмѣялся Сулейманъ.

— Я видѣлъ твоихъ. За стѣною.

Онъ встрепенулся и зорко взглянулъ мнѣ прямо въ глаза.

— Кого?

Мнѣ кажется, я до сихъ поръ слышу, какъ заколотилось его сердце.

— Молодого лезгина. Онъ назвалъ себя Ибрагимомъ. Тонкій такой. И кинжалъ у него въ золотѣ.

— Ну! а еще?

— Старикъ... страшный такой, у него бѣльмо на глазу.

— Страшный? Абдулъ. Онъ моихъ дѣтей нянчилъ. Что-жъ они тебѣ сказали?

— Велѣли передать вотъ... веревку...

Я вдругъ завертѣлся на мѣстѣ, какъ волчокъ. Это онъ свивалъ съ меня ее. Какъ онъ успѣлъ спрятать ее на себѣ, — не знаю. По крайней мѣрѣ, когда я повернулся къ нему, — у него въ рукахъ ничего не было.

— Только это?

— Нѣтъ, вотъ еще.

Тонкая пила, точно змѣя, вилась вокругъ моей ноги. Онъ и пилу снялъ съ тою же ловкостью.

Видимо, кровь ему ударила въ голову. Вскочилъ, пробѣжалъ по площадкѣ, взглянулъ за стѣну, въ бездну, — точно спрыгнуть собирался, потомъ схватилъ меня на руки, поцѣловалъ...

— Ты мнѣ жизнь спасъ. Орла нельзя держать въ курятникѣ, — умретъ. Помни одно, ты ничего дурного своимъ не сдѣлалъ. Свободный — я не дерусь съ русскими, ихъ не осилишь. Я уйду въ Турцію, а мой аулъ, какъ и Елисуй, и многіе другіе, принесутъ покорность. Съ вами лучше жить въ мирѣ. Я не могу... и ухожу...

— Тебѣ велѣли передать: жди ночью, когда три раза крикнетъ ястребъ внизу.

— Ну?

— Тамъ старикъ съ бѣльмомъ и Ибрагимъ будутъ ждать тебя... и лошади.

— Уйди теперь — молчи. Я не могу. Долженъ одинъ остаться. А то у меня тутъ разорвется! — указалъ онъ на грудь. — Еще разъ... хотѣлъ бы, чтобы судьба помогла мнѣ оплатить тебѣ такъ же... Носи мое кольцо, когда-нибудь оно понадобится. Почемъ знать, можетъ быть, мы еще встрѣтимся... Будешь большимъ, — помни: позовешь меня, гдѣ бы я ни былъ, приду... Да хранитъ тебя Аллахъ... Ты выросъ въ его глазахъ, потому что оказалъ милость плѣнному. Прощай, прощай!..

Геройство кончилось, началась очередь вишневаго варенья.

Я бѣжалъ домой, забывъ и «Черную Пантеру», и «Рыцаря Краснаго Щита». А что, какъ мама уже сварила варенье и отдала пѣнки людямъ. Чортъ возьми, это ужъ пахло серьезнымъ. Цѣлому Дербенту было извѣстно, что пѣнки — мои. Это была собственность, освященная обычаемъ. Запыхавшись, я перескочилъ черезъ порогъ калитки и подъ яркимъ, точно лакированнымъ гранатовымъ деревомъ увидалъ наклонившуюся надъ мѣднымъ большимъ тазомъ мать. Острый запахъ вишенъ, варившихся въ сахарѣ, ударилъ меня въ носъ. Я различилъ бульканье пѣны розовой, вскипавшей и пузырившейся надъ вишнями. Кругомъ, жужжа, вились пчелы, пахло жасминами; мать была вся красная.

— Что, прилетѣлъ? — засмѣялась она, увидѣвъ меня.

— Нѣтъ... я такъ... за книгой.

— Нечего врать. Бери. Вотъ тебѣ въ блюдечкѣ.

Повторять не зачѣмъ было...

Я присѣлъ.

Вспомните ваше дѣтство! Развѣ въ цѣломъ мірѣ есть что-нибудь лучше пѣнокъ отъ вишневаго варенья? Если есть, — назовите... А я не знаю.

VII

Черезъ нѣсколько дней какъ-то выбѣжалъ на улицу.

Старуха — носъ крючкомъ, борода стручкомъ, — подкралась ко мнѣ, кивая и улыбаясь беззубымъ ртомъ.

— Баранчукъ... а баранчукъ...

— Ну?.. Ты къ намъ поди, у насъ на кухнѣ тебя накормятъ.

— Я не нищая. — И татарка выпрямилась. — Я милостыни не прошу, — у сына живу и каждый день жирный пловъ*) ѣмъ...

— Чего же тебѣ надо?

зотто на востокѣ.

— Сулейманъ!

Имя было въ достаточной степени магическое.

— Тебѣ старикъ обѣщалъ дать знать...

— Ну!

— Сегодня... подъ той скалой, гдѣ казематъ.

Когда я опомнился, — старухи слѣдъ простылъ.

«Страшные люди» исполнили слово и предупредили меня.

Я опрометью бросился домой.

— Мама, дѣти Искендеръ-бека зовутъ меня вечеромъ къ нимъ.

— Хорошо... Скажи, что, можетъ быть, и я приду.

Это вовсе не входило въ мои планы.

— У нихъ будутъ одни мальчики.

— А я — дѣвочка? Развѣ я къ вамъ? Я къ его Арсаланъ.

Такъ звали жену Искендеръ-бека.

— Ну, вотъ.

— Ты, кажется, недоволенъ?

— Разумѣется. Развѣ большіе что нибудь понимаютъ? Они только помѣшаютъ намъ играть. Большіе ничего не понимаютъ.

— Да играйте, Господь съ вами. Мы будемъ въ комнатахъ, а вы въ саду.

— Все-таки!

А что «все-таки», — молчалъ. Нельзя же было крикнуть ей: ты мнѣ помѣшаешь видѣть, какъ Сулейманъ бѣжитъ изъ крѣпости.

Черезъ часъ я опять вернулся.

— Мама, я ошибся.

— Ну.

— Насъ звали не на сегодня... на завтра.

У меня созрѣлъ другой планъ.

— Ты что-то путаешь. Впрочемъ, завтра мнѣ еще свободнѣе.

— Да, да, завтра.

За ужиномъ я былъ какъ на иголкахъ.

— Да что съ тобой? — добивался отецъ. — Этакій большой выросъ... Пора тебя въ кадетскій корпусъ. Чего ты не сидишь спокойно?

Посмотрѣлъ бы я на него, какъ онъ въ моемъ положеніи усидѣлъ бы спокойно.

Наконецъ, этотъ несносный ужинъ кончился. Встали, помолились. Отецъ ушелъ. Обыкновенно онъ работалъ до полуночи, а теперь сейчасъ же легъ спать. Мама тихо говорила съ нашей горничной-армянкой что-то по хозяйству. Скоро и онѣ заснули. Я взялъ сапожки въ руки, — моя комната была внизу. Тишина. Тихо звенитъ комаръ, на полу шевелятся отраженныя вѣтви гранатниковъ. За ними вся въ серебряномъ сіяніи лунная ночь. Попробовалъ

**) Начальникъ.

*) Вигвамы — шалаши-жилища индѣйцевъ.

*) Пловъ — пилавъ, пилаву родъ ризотто на востокѣ.

спѣшно заканчивающей переформированіе послѣ майскаго разгрома) въ перевязочный отрядъ 113 дивизіи. Собралась ѣхать сейчасъ же, но ни отъ кого не могла добиться куда же ѣхать, гдѣ стоитъ дивизія. Въ санитарномъ отдѣлѣ говорятъ — тамъ то, а въ штабѣ отправляютъ чуть не въ противоположную сторону. Все попуталось, никто ничего не знаетъ и не понимаетъ. Случайно спрошенный солдатъ, не слыхалъ ли онъ гдѣ сейчасъ 113 дивизія — сказалъ со злобною усмѣшкою: «Вчерась у нихъ былъ митингъ. Требуютъ панцырей и на прежнемъ участкѣ воевать не желаютъ... Желаютъ на другомъ. А панцырей имъ не даютъ». — «Если, панцырей имъ не даютъ, то не все ли равно, на какомъ участкѣ воевать» спрашиваю. «Какая же разница»? — «А песъ ихъ знаетъ,какая разница. Говорятъ, что на ихнемъ участкѣ у нѣмца больно артиллеріи много». — «Что же они думаютъ, что есть панцыри отъ снарядовъ? Такихъ нѣтъ», сказала я. — «Сами они не знаютъ чего хотятъ..... Не они, а начальники не знаютъ, что имъ надо», буквально завизжалъ вдругъ солдатъ дикимъ, истерическимъ голосомъ, и сорвавъ съ себя фуражку, съ силой хватилъ ее объ землю... Глаза, лицо его налились кровью и были страшны... — «Начальники не знаютъ, чего товарищамъ надо. Согнать бы эту сволочь, солдатню оголтѣлую въ одно мѣсто, да окружить пулеметами, чтобы не растекались, да по мордамъ, да по мордамъ, да такую порку, чтобы внуки драные родились... Слова да уговоры. Нѣшто словами проймешь нашего брата нонче... Ленинъ... Ленинъ... Не Ленинъ съ нами раговоры разговариваетъ, а Керенскій... Вотъ Керенскаго въ первый чередъ и придавить... А Ленина опосля самъ народъ отвезетъ Вильгельму.

Онъ буквально задыхался. Вокругъ насъ собралась уже толпа любопытныхъ. Слушали съ испугомъ и изумленіемъ, разинувъ рты. Поразили и меня эти неслыханныя изъ устъ солдата рѣчи. Чувствовалось — такая боль, такое мученіе въ его словахъ, тонѣ... Невольно съ тепломъ, на ты, отчего отвыкла со дня революціи, спросила какъ его зовутъ...

— «Зовутъ Дубовымъ, Петромъ... Прощай сестрица. Невтерпежъ... Живому изъ боя выйти не желаю... Дома куры засмѣютъ... Какъ это вы, дескать, свободные солдаты Россію — задами спасали».... Онъ поднялъ фуражку, надѣлъ ее и кивнувъ головою, хмурый, сгорбившійся, зашагалъ дальше............

Такъ ни отъ кого и не добилась, гдѣ дивизія. Пришлось заночевать въ Петроградскомъ перевязочномъ отрядѣ. Нашлись знакомые по Варшавскому фронту, проговорили, вспоминая дни варшавской страды, до поздней ночи. Свѣтила луна и было такъ тихо, точно все вымерло кругомъ. Проспавъ 2-3 часа, — проснулась, одѣлась и вышла. Свѣжій, прозрачный воздухъ былъ полонъ торжественнаго пѣнія разноголосыхъ моторовъ. Было около 5 часовъ утра и множество аппаратовъ рѣяло въ воздухѣ. Одни шли на позиціи, другіе возвращались, третьи кружились надъ своей территоріей. Все это были наши.

Прошло нѣсколько минутъ — и вдругъ по всей линіи заговорила наша артиллерія. Отъ жестокой, безпрерывной канонады стало больно ушамъ. «Начинается подготовка» подумала я и перекрестилась. «Подготовка началась» произнесъ кто-то невидимый. Я оглядѣлась и увидѣла санитаровъ, усѣвшихся за кустами пить чай. Столомъ служилъ ящикъ отъ перевязочнаго матеріала. Солдаты пригласили меня выпить съ ними чаю. Я подсѣла къ нимъ. Они продолжали свой разговоръ. «Свобода дѣло хорошее, а дисциплину надо было оставить, какъ допрежь была,» съ досадой сказалъ одинъ, Нашего брата не всякаго лаской проймешь... — Сдавь, Феденька въ печеньки. Такъ тебѣ всякій и полѣзетъ... Который дисциплину знаетъ, — и въ огонь полѣзетъ, а безъ пониманія который, его хучь водой поливай... ни тпру тебѣ, ни ну!,».

Канонада разгоралась... Душа замирала отъ предчувствія грядущихъ событій.

— «Ну какъ вы, солдаты думаете, вѣрите, что мы пойдемъ въ наступленіе? Прогонимъ нѣмца»? спросила я ихъ. Солдаты переглянулись. — «Какъ нынче все задомъ на передъ пошло, сестрица, такъ и воевать надо», отвѣтилъ одинъ. — «А понеча поверни, сестра, солдату тылъ напередъ, онъ тебѣ и до Берлина дойдетъ». Другіе молчали...

Пошла опять отыскивать слѣды 113 дивизіи. Наконецъ указали, дали таратайку и я поѣхала туда въ Козувку. Добралась подъ вечеръ. Еле вошла въ халупу, гдѣ помѣщался персоналъ отряда, какъ хлынулъ невиданный, небывалый, легендарный ливень. Персоналъ ужиналъ, накормили и меня и сейчасъ же всѣ тутъ же и легли. Я быстро уснула, уставъ за цѣлый день тряски. Но около 1 часа ночи вдругъ проснулась и вскочила ничего не понимая. Невѣроятный грохотъ и звонъ стояли въ ушахъ. Дрожала халупа, дребезжали стекла. Другіе тоже вскочили, и всѣ мы гурьбой вышли на крыльцо. Разорванныя тучи застыли на небѣ. Полускрытая — странно свѣтила луна. Всюду блестѣли лужи и въ сыромъ воздухѣ нестерпимо гулко слышалась канонада. Надъ головой чуть не сплошной тучей неслись къ нѣмцамъ наши снаряды. На улицахъ было пустынно. Только проѣхали на позиціи тяжело нагруженные снарядами грузовики...

— «Чуть разсвѣтетъ — пойдутъ наши въ атаку» тихо произнесъ кто-то. Мы невольно перекрестились. Не у меня одной вѣроятно, мучительно дрогнуло сердце. Господь, Господь, помоги. Пошли побѣду и просвѣтленіе заблудшей, несчастной арміи...

12 Іюля. Сколько пережито, какая боль! Ни искры вѣры, ни тѣни надежды на спасеніе чести и Россіи. Каждый день повсюду какія-нибудь части открываютъ фронтъ. Вчера Гренадерская дивизія въ 11-й арміи цѣликомъ ушла съ позицій, бросивъ огромный участокъ на произволъ судьбы. Нѣмцы хлынули въ эти ворота потокомъ. Можно себѣ представить, какое тамъ творится столпотвореніе, какая паника. Не сегодня — завтра эта паника перекинется къ намъ, вѣдь 11-я армія наша сосѣдка... И уже начинается. Сегодня ночью къ намъ постучались два какихъ то офицера. Впустили ихъ. Изможденные, падающіе отъ усталости, — они зашли насъ предупредить. — «Совѣтуемъ уходить... Или по крайней мѣрѣ погрузите имущество. Кажется, штабъ дивизіи сегодня ночью ушелъ. Куда, что, какъ, — ничего не знаемъ. Кругомъ наростаетъ тревога. Возвращаемся изъ госпиталя въ полкъ, а его и слѣдъ простылъ....».

Тревога охватываетъ насъ всѣхъ. Зловѣщей кажется тишина... Только бы не плѣнъ. Только не попасть въ лапы проклятому врагу — это мысль — одна у всѣхъ. — «Разбудите старшаго врача», говоритъ мнѣ докторъ В., — «А я поѣду верхомъ въ штабъ дивизіи — узнаю, дѣйствительно ли онъ ушелъ или это только паническія басни».

Я поднимаюсь наверхъ, во второй этажъ станціоннаго зданія, гдѣ жила раньше, теперь давно эвакуировавшаяся въ тылъ, семья начальника станціи. Одинъ въ цѣломъ этажѣ живетъ тамъ нашъ старшій — Андрей Васильевичъ. Остальныя комнаты — заняты нашими складами. Взбираюсь по узкой винтовой лѣсенкѣ и стучу сначала тихо, потомъ все настойчивѣе и громче. Отвѣта нѣтъ. Трогаю дверь. Она поддается, незапертая. Вхожу и тихонько чиркаю спичку. Изъ темноты, разорванной слабой вспышкой огня, блеснули дикіе, воспаленные глаза. Что это.... Длинная худая фигура сидитъ на полу. На колѣняхъ доска... Спичка догораетъ, обжигая мнѣ руку. Задрожавшими пальцами захватываю изъ коробки нѣсколько штукъ сразу и зажигаю опять... — «Андрей Васильевичъ, что съ вами? Почему вы на полу? Что вы дѣлаете въ потемкахъ?». Я чувствую, какъ голосъ мой дрожитъ. Страшное предчувствіе закрадывается въ душу...

«Я тороплюсь зажечь лампу, сестра. Дайте поближе огонь». Невидящіе глаза, черныя, искусанныя губы.

«А, сестра, вы готовы уже? Сію минуту я окончу письмо... Потушите свѣчу, вы увидите, что я пишу въ темнотѣ огненными буквами... Сейчасъ вы полетите. Деньги и аппаратъ вамъ выдастъ начальникъ станціи... Сейчасъ, сейчасъ докончу...».

Онъ пишетъ карандашомъ на доскѣ... Догораютъ спички. Смертельный ужасъ сковываетъ меня, пригвождаетъ къ мѣсту. Мы одни во всемъ этажѣ... Лѣстница узкая, винтовая. — А если онъ кинется за мною. Развѣ вырвешься изъ этихъ цѣпкихъ жилистыхъ рукъ, которымъ безуміе придастъ нечеловѣческую силу.

И точно угадывая — онъ говоритъ: — «Не вздумайте бѣжать... остается только нота англійскому королю. Я пишу ему, что надо спасать Россію. Вы передадите изъ рукъ въ руки звучитъ изъ тьмы сумасшедшій бредъ... — «А стрѣлять — будете прямо въ ротъ. Поняли? Впрочемъ на этотъ счетъ надо подождать распоряженія Государя Императора. Я безъ его приказанія умереть не могу...».

Я не помню, какъ я выскользнула за дверь, какъ неслась по лѣстницѣ внизъ. Разъяренные вопли гнались за мною, и гнались тяжкіе шаги, скачки. Эти вопли спасли меня. На нихъ выскочили санитары и фельдшера. Съ колоссальнымъ трудомъ связали несчастнаго. Онъ бился и кричалъ: — «Вы губите не меня, а Россію. Меня послушались бы всѣ государи и побѣда была бы въ нашихъ рукахъ... Пустите, пустите меня, я не дописалъ еще ноты японскому микадо...»

Спѣшно грузимъ имущество летучки на двуколки и подводы. Вернулся ѣздившій въ штабъ дивизіи докторъ В. Часъ тому назадъ — штабъ дивизіи снялся и ушелъ неизвѣстно куда....

Добрались до Гужева. Тамъ столпотвореніе. Начальникъ санитарнаго отдѣла приказалъ намъ развернуться. Раненыхъ скопилось множество, а лазаретовъ почти нѣтъ. Большинство изъ тѣхъ, что добрались сюда, не смогли вывезти своего имущества. Дезертиры силой отнимали у нихъ лошадей и повозки....

Не успѣли мы разбить наши палатки — онѣ уже переполнились. Среди тяжело раненыхъ огромный процентъ офицеровъ. Закипѣла работа. Забвенія и утоленія душевной муки искали мы всѣ въ работѣ.. Безнадежность, тупая тоска смѣнили недавнія свѣтлыя надежды. Позоръ нависъ надъ Россіей, — и не видѣлось ему конца.

Лихорадочно шла работа цѣлый вечеръ, цѣлую ночь. Часа въ два ночи меня окликнулъ санитаръ: — «Васъ тамъ одинъ солдатъ раненый зоветъ. Въ третьемъ баракѣ... Тяжелый...» Я пошла за санитаромъ. Онъ подвелъ меня къ койкѣ, на которой лежалъ весь забинтованный человѣкъ. Кровь алыми пятнами проступала сквозь свѣжіе бинты. Суровые, воспаленные глаза глянули на меня изъ подъ повязки. На видъ раненому было около 30 лѣтъ. Тоска застыла на его лицѣ.

—«Что, родной?». — «Порошки... давеча ты раздавала?». — «Я... а что?» — «Садись», повелительно указалъ онъ на край коки. Я присѣла.

—«*Вотъ у тебя Егорій... Значитъ страдала...* Чего я тебя спрошу, отвѣть ты мнѣ Христа ради... Стало быть... таперь отечество пропало... Правду говори, чего сама думаешь».

— «Почему ты такъ спрашиваешь», говорю я и чувствую, что трудно ему солгать. — «Ничего неизвѣстно еще. Опомнятся солдаты, перейдемъ въ наступленіе...

—„Стало быть — погибло отечество», глядя прямо передъ собою медленно произнесъ солдатъ. — «Стало быть.... погибло... Не станутъ больше войска воевать... Ты по совѣсти отвѣчай...

Я невольно опустила голову. Проклятыя слезы выступили на глаза. Нервы не выдержали душевной боли — и своей и его.... Дѣло то ясное. И самъ я такъ понимаю. Было отечество — и нѣтъ отечества. Я все понимаю, даромъ, что мужикъ сѣрый. Ну, ступай, сестра... Погодь... Подойди... Дай кось я тебя наблагословлю... много вы намъ, сестры, облегченія сдѣлали. Шестой разъ раненъ, знаю...». Онъ перекрестилъ меня. — »Ступай къ другимъ. Я спать буду». И онъ отвернулся къ стѣнкѣ...

Какъ хотѣлось мнѣ сказать ему что-нибудь утѣшительное, хорошее. Но чувствовала, что его оскорбила бы ложь. Наклонилась, поцѣловала его въ голову. »Спи... Господь съ тобой...» И ушла скорѣе, чтобы не разревѣться.

Все время до утра я помнила о немъ, подходила къ нему. Онъ спалъ или дѣлалъ видъ, что спитъ. А на разсвѣтѣ привезли новую партію тяжелыхъ. Пришлось выискивать имъ мѣсто, перевязывать, кормить. И опять на 10 раненыхъ — приходилось 6-7 тяжело раненыхъ офицеровъ.

За мною приковылялъ раненый въ ногу офицеръ. — «Сестра,дайте лишнюю облатку морфія. Тамъ у насъ одинъ капитанъ очень страдаетъ».

Пошла посмотрѣла. Увидѣвъ — вспомнила. Его вчера привезли съ позиціи. Онъ все метался, задыхался, закрывалъ лицо рукой, — другая была перебита, и ни на кого не хотѣлъ смотрѣть. Тогда же я дала ему морфія, чтобы онъ заснулъ. Теперь я боялась безъ врача дать вторую облатку. Я наклонилась надъ нимъ и хотѣла тихонько отвести отъ лица его руку.

— «Уйдите. Не трогайте», крикнулъ раненый. — «Не хочу никого видѣть. Ничего не хочу видѣть. Уйдите. Мнѣ ничего не надо. Будетъ нужно — скажу. Оставьте меня».

Мнѣ показалось, что его дѣйствительно не надо было трогать. Я подошла къ другимъ.

— «Сестра».

Я обернулась. Меня окликнулъ тотъ, кто только что прогналъ. Я не узнала его голоса. Столько мягкости было въ немъ сейчасъ.

— «*Простите меня... Я былъ очень* рѣзокъ и грубъ сейчасъ». Онъ нервно поцѣловалъ мою руку.

— «Сестры, сестры, спасибо вамъ», вырвалось у него съ силой. — «Однѣ вы... Ну... Идите съ Богомъ сестра... Я только это хотѣлъ. Простите... идите, идите, я ничего... Да вотъ еще... Перекрестите меня... и уходите... Забудьте обо мнѣ...».

Я подходила уже къ перевязочной, когда звукъ выстрѣла поразилъ меня. Невольно я обернулась къ тому бараку, изъ котораго только что вышла. На порогѣ его показались раненые, они звали, махали руками. Я и нѣкоторые другіе — санитары, фельдшера, бывшіе вблизи, бросились туда. На койкѣ, отъ которой я только что отошла, направляясь въ перевязочную, лежалъ съ размозженной выстрѣломъ въ ротъ головой офицеръ, просившій у меня прощенія.

Волнуясь, перебивая другъ друга разсказывали его сосѣди. «Когда вы ушли, онъ попросилъ постоять у двери, посмотрѣть нѣтъ ли вблизи сестеръ и далеко ли вы отошли. Когда ему сказали, что вы подходите къ перевязочной, онъ сказалъ: «Ну, значитъ не испугаю», и не успѣли мы опомниться, какъ онъ выстрѣлилъ себѣ въ ротъ. Значитъ боялся, чтобы вы, сестры, не застали бы сцены самоубійства. Значитъ, прося прощенія, зналъ, что сейчасъ покончитъ съ собой... Вотъ воля... вотъ характеръ... и съ чего это онъ?».

— «Сестра Д. Сестру Д.», кричалъ издалека голосъ. «Сестру Д. пошлите въ третій баракъ. Санитаръ Вавилоновъ проситъ. Кто сестру видѣлъ?».

Во дворѣ я столкнулась съ санитаромъ Вавилоновымъ, тѣмъ самымъ, который привелъ меня ночью къ солдату, скорбящему о гибели родины.

— «Идите, сестра, поглядите, чего онъ учудилъ.... Будетъ намъ теперь... И что за характеръ такой, и чего за люди пошли, уму не постичь...».

— «Да что, кто? Да говорите же толкомъ, Вавилоновъ. Ей-Богу силъ не хватаетъ. Что случилось?» — «А вотъ сами поглядите».

Задыхаясь спѣшила я за нимъ въ третій баракъ. Онъ подвелъ меня къ койкѣ, я чувствовала, что онъ приведетъ именно къ этой, но не узнала лежавшаго. Безкровное, до прозрачности восковое бѣлое лицо покоилось на жесткой подушкѣ. Руки были крестомъ сложены на груди. Трагическимъ покоемъ вѣяло отъ нихъ.

На одѣялѣ, аккуратно свернутые, лежали алые окровавленные бинты. Лужа крови, просочившейся сквозь сѣнникъ, сквозь полотно койки, темнѣла на землѣ подъ нею. Онъ истекъ кровью.

Эти снятые бинты сказали мнѣ все. Отечество погибло — жить нельзя

кровь, хлынувшую изъ открытыхъ

кровь, оставшуюся еще въ

кровь, еще не до послѣдней

раму. Отворилъ. Переложилъ ногу туда. Волчокъ тявкнулъ спросонокъ, но увидѣлъ, что это я, свернулъ хвостъ кренделемъ и опять уложилъ морду между лапами. Чортъ знаетъ, какъ скрипитъ калитка. Я даже застрялъ въ ней. Вдругъ услышатъ! Нѣтъ, слава Богу, всѣ спятъ. Вотъ въ окнѣ вверху лампада у отца въ комнатѣ. Къ нашей горничной Тамарѣ окно открыто. Да она спитъ крѣпко. Мать часто смѣялась надъ ней: пушками не разбудишь. Опять заскрипѣла калитка. Ахъ, чтобъ тебя!... Еще минута, — я стою точно къ землѣ прирось и вдругъ какъ будто меня поддали въ «лаптъ»*), — только пятки у меня засверкали, такъ я кинулся впередъ въ лунный свѣтъ, въ пространство...

Все кругомъ одухотворялось и жило совсѣмъ не по дневному. Тѣни, протягивавшіяся по землѣ, казались таинственными, одушевленными; деревья, замершія въ ночномъ покоѣ, точно хранили что-то про себѣ. Однѣ кошки, пробѣгавшія по крышамъ и кравшіяся вдоль маленькихъ татарскихъ домовъ, нарушали волшебный сонъ Дербента. Пестрыя днемъ, окна смотрѣли на меня зловѣще, за каждымъ угломъ будто кто-то подстерегалъ...

Вотъ наконецъ и брешь въ стѣнѣ. Вся она завалена щебнемъ. Въ щебнѣ шуршатъ змѣи, мерещутся скорпіоны, — все равно. Я быстро перебрался черезъ нее и сразу попалъ въ заколдованное царство ночи. Тутъ уже не было домовъ, улицъ...

Далеко-далеко плакали голодныя чекалки. Прекрасное, недвижное въ безконечность, ложилось серебряное подъ луною Каспійское море. Трава въ лунномъ свѣтѣ вытянулась и заснула. Плиты старыхъ могилъ тоже облиты призрачнымъ сіяніемъ. Темными пятнами кажутся сады, и еще величавѣе подымаются въ небо голыя, пустынныя горы...

Я бодро бѣгу вверхъ. Сердце колотится. А вдругъ — опоздаю?... Нѣтъ, вотъ онъ крикъ ястреба... Еще и еще... что-то шевелится у стѣны, какіе-то люди...

— Здравствуй... — по-русски встрѣчаетъ меня Ибрагимъ.

Я ему жму руку: я равный между равными. Хоть я и маленькій, а они большіе, но сегодня я сыгралъ роль гораздо болѣе трудную, чѣмъ они. Оглядываюсь. Лошади не ѣдятъ, стоятъ, понурясь. Всматриваюсь, вижу, морды у нихъ перевязаны. Очевидно, чтобъ ненарокомъ не заржали и въ священной тишинѣ этой ночи не выдали моихъ лезгинъ. Люди сидятъ подъ стѣною. Старикъ съ бѣльмомъ схватилъ руками колѣна и точно погрузился въ небытіе. Башня упирается въ стѣну. Скала тоже падаетъ отвѣсомъ. Я вижу, веревки не хватитъ. Говорю объ этомъ старику.

Старикъ безстрастно подымаетъ на меня свое бѣльмо.

Ибрагимъ отвѣчаетъ за него.

— Сулейманъ — горецъ.

Этимъ все сказано. Чего же тутъ больше...

Лунный свѣтъ бьетъ прямо въ древнюю башню. Стройная и громадная, она вся такъ и млѣетъ подъ нимъ. Что это?... я схватываю Ибрагима за руку и показываю ему на темное, медленно-медленно скользящее по стѣнѣ внизъ... Ахъ, какъ медленно, — кажется, вѣка проходятъ и еще пройдутъ вѣка, прежде чѣмъ оно достигнетъ скалы... Ибрагимъ тоже — весь волненіе. Онъ стискаетъ мнѣ пальцы и острымъ, какъ у молодого копчика, взглядомъ впивается въ это пятно. Медленно,страшно медленно. Веревки не видать, она слишкомъ тонка, и Сулейманъ, спускающійся по ней, мерещится какимъ то пятномъ на величавой башнѣ. Именно пятномъ.

Если бы большая птица летѣла внизъ — она такую же тѣнь бросала бы на стѣны.

— А веревка не оборвется? — замирая, спрашиваю я.

— Вотъ тебѣ и на! Ее наши женщины ссучили въ аулѣ.

— Она быка выдержитъ...

Чу, тѣнь на стѣнѣ остановилось... Что могло случиться. Я вижу: вверху на башнѣ между ея зубцами показался часовой... Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ въ безмолвное царство лунной ночи...

— Слу-ш-шай! — раздалось въ тишинѣ.

— Слуш-ай! — отвѣтилъ ему солдатъ на другой башнѣ.

— Слушай! — медлительно пронеслось съ третьей.

И пошло это «слушай!» по всей окружности дербентскихъ стѣнъ. Удивительно печально звучало оно здѣсь. Точно какіе-то призраки съ своей высоты возвѣщали что то скорбное, скорбное цѣлому цѣлому міру... — «Слушай» — замерло наконецъ.

Черточка часового между зубцами скрылась, и пятно опять поползло внизъ по стѣнѣ...

Мнѣ казалось, — часы прошли прежде, чѣмъ оно опустилось на скалу. Сулейманъ вдругъ исчезъ: должно быть, съ той стороны припалъ къ утесу и отдыхалъ на немъ...

Опять завыли чекалки. Проснулся вѣтеръ и съ тихимъ стономъ побѣжалъ по травѣ, засвисталъ въ бойницѣ стѣны вверху, зашелестилъ въ выросшемъ на ней деревѣ и точно пересчитываетъ, всѣ ли у него листья цѣлы.. Изъ города затявкали собаки. Начала одна, подхватили другія.

— Идетъ, идетъ! — зашепталъ Ибрагимъ.

Дѣйствительно, если это называется идти, — такъ и птица ходитъ.

Утесъ точно срѣзанъ. По срѣзу — щели и трещины. Издали подъ солнцемъ увидишь, — точно на мраморной скрижали кто-то вывелъ невѣдомыя руны*), теперь подъ луною все сплылось...

Теперь я уже различаю хорошо... Виситъ на рукѣ Сулейманъ. Носкомъ ноги ищетъ щели и другою рукою шаритъ внизу тоже... Еще минута, — я вижу, что у него ноги босыя. Тонкій силуэтъ горца точно вростаетъ въ утесъ, точно онъ часть этого камня или нарисованъ на немъ. Никакой выпуклости!

— Теперь сейчасъ... сейчасъ.

Старикъ съ бѣльмомъ тоже всталъ.

Всѣ зашевелились...

Филинъ, плача, пролетѣлъ мимо. Тѣнь его обрисовалась рядомъ съ Сулейманомъ на отвѣсѣ. Фу, какъ развылись поганыя чекалки. Вѣтеръ не унимается. Вотъ онъ, точно облачко, гонитъ вверхъ въ гору пыль и шуршитъ колючками баятъ-ханы... Громадный (мнѣ тогда все казалось громаднымъ) куполъ персидской мечети,точно царственной шапкой прикрылъ что-то таинственное отъ яркаго свѣта южной луны... По морю тоже побѣжали складки, точно кто то его серебро разомъ тронулъ тонкими черточками черни... Ближе, ближе Сулейманъ... И вдругъ, — я даже не далъ себѣ отчета въ этомъ, — точно мѣшокъ рухнулъ внизъ и тяжело дышетъ. Люди столпились вокругъ. Я вижу, что ноги у этого рыцаря въ крови, руки тоже.

Я нарочно стараюсь ему попасть на глаза, но горцу не до меня.

Едва отходитъ отъ страшной устали. Остальные почтительно молчатъ, только старикъ съ бѣльмомъ тихо сообщаетъ ему, что дома у него все благополучно. Дѣти ждутъ. О женѣ при другихъ, по горскому обычаю, говорить неприлично...

— Ну, будетъ, — и Сулейманъ всталъ.

Старикъ прислонилъ его къ стѣнѣ. Одну за другою обвилъ ободранныя ноги моего рыцаря чистыми тряпками и сверху окуталъ ихъ тонкими шкурками ягнятъ, — точно въ опанкахъ были онѣ послѣ этого...

Сулейманъ протянулъ мнѣ руки...

Ни слова не сказалъ, — но я видѣлъ по его глазамъ, что онъ чувствуетъ.

Подвели коней...

Въ моей памяти до сихъ поръ эти всадники... Они становились все меньше и меньше, точно таяли вдали... А серебро съ чернью струилось все такъ же къ берегу, и старыя мрачныя башни такъ же высились въ бѣломъ царствѣ луннаго свѣта...

VIII.

Я не стану вспоминать о переполохѣ, который поднялся утромъ въ крѣпости.

Помню только, что отецъ прискакалъ домой и, швырнувъ поводъ денщику, крикнулъ, еще не слѣзая съ сѣдла.

— А Сулейманъ бѣжалъ.

— Ну? — крикнула мать.

— Да, представь. Рѣшетки нѣтъ; виситъ шелковая веревка. Вотъ и весь слѣдъ.

— Бѣдный часовой.

— Ничего не бѣдный. Никто не въ отвѣтѣ. Развѣ можно было его видѣть.

Тогда, пожалуй, слава Богу.

— Вотъ онъ задастъ намъ еще «слава Богу».

Отецъ сейчасъ-же засѣлъ писать рапортъ въ Тифлисъ.

— Все-таки непріятно. Ты чего такой красный?

Это относилось ко мнѣ.

Хорошему раку, только что вытащенному изъ кипятка, совсѣмъ не зачѣмъ было бы завидовать мнѣ.

— Радуешься, что твой герой ушелъ? А все-таки въ Тифлисѣ скажутъ, что мы здѣсь не бережемъ казеннаго интереса. Лодыри! служить не умѣемъ. Положимъ, намѣстникъ знаемъ меня... Одного не понимаю, какимъ образомъ могла попасть къ Сулейману пила и веревка. Вѣдь не мой-же лоботрясъ передалъ ему...

Если бы онъ въ эту минуту попристальнѣе взглянулъ на «своего лоботряса», можетъ быть, вѣра въ мою невинность у него поколебалась бы. Я почувствовалъ себя неловко и ушелъ изъ комнаты во дворикъ, тамъ запустилъ камнемъ въ чужую кошку, кравшуюся по нашему балкону за какой-то пичужкой, беззаботно распѣвавшей въ карагачѣ, вѣви котораго спускались на самый балконъ.

— Ты знаешь, — встрѣтили меня пріятели-татарчата на улицѣ, — Сулейманъ бѣжалъ!

— Еще бы мнѣ не знать!

Такъ и хотѣлось цѣлому міру крикнуть, вѣдь я именно и устроилъ это.

Ходилъ я цѣлый день гоголемъ и всѣхъ поражалъ своею таинственностью.

Пріятели-татарчата даже попробовали было побить меня за нее, но первый же опытъ ихъ въ этомъ родѣ совсѣмъ не удался. Я былъ очень силенъ и рѣшителенъ, и помню, всѣ эти Махмудки и Абдулки разбѣжались отъ меня горошкомъ и только издали вступили въ мирные переговоры.

— Развѣ такъ слѣдуетъ?

— А то какъ?

— Ты что же это въ животы кулакомъ тычешь?

— Мнѣ разбирать некогда. Васъ четверо, а я одинъ.

— Давай сначала.

— Суньтесь-ка

И, наклонясь, я поднялъ камень.

Они разсыпались еще дальше.

— Значитъ, сегодня ты играть съ нами не будешь?

Въ самомъ дѣлѣ, — ну развѣ я, освободитель Сулеймана, могъ играть съ какими-то татарчатами. Я въ одну эту ночь выросъ и возмужалъ. И у дѣтей бываютъ такіе моменты, когда кажется, что на насъ смотрятъ сорокъ столѣтій съ высоты египетскихъ пирамидъ.

— Разумѣется не буду.

Я ушелъ опять домой и сталъ мечтать о томъ, какъ Сулейманъ подъѣзжаетъ теперь къ своему аулу. Его встрѣчаютъ родные и друзья, и онъ вмѣсто всякаго разговора приказываетъ имъ: «отнынѣ благословляйте имя моего русскаго друга!» и при этомъ называетъ меня... Потомъ я видѣлъ себя уже взрослымъ. Въ какомъ-то кровавомъ (непремѣнно кровавомъ) бою я сталкиваюсь съ Сулейманомъ, но тотъ узнаетъ меня и говоритъ: — «генералъ (вотъ я куда уже заѣхалъ!) — я не могу поднять шашку на своего спасителя. Я сдаюсь на великодушіе побѣдителя!». И протягиваетъ мнѣ эту шашку. Но я, разумѣется, отказываюсь взять ее, потому, что у «храбрыхъ оружія не отнимаютъ!». И мы посреди боя обнимаемся и опять клянемся другъ другу въ вѣчной дружбѣ.

Черезъ нѣсколько дней — отецъ получилъ письмо. Доставилъ его старый лезгинъ съ бѣльмомъ. Сулейманъ сообщалъ, что онъ уѣзжаетъ навсегда въ Турцію, благодарилъ кунака за радушіе, а мнѣ посылалъ чудесное, все въ золотой чеканкѣ, ружье, такой же кинжалъ и пистолеты. Старикъ съ бѣльмомъ смотрѣлъ на меня безстрастно и равнодушно, — точно онъ видѣлъ меня первый разъ въ жизни, и я для него былъ такимъ же мальчикомъ, какъ и сотни другихъ, бѣгавшихъ по Дербентской улицѣ. Только, когда отецъ вышелъ зачѣмъ-то въ другую комнату, онъ оживился, вынулъ изъ кармана пакетъ и сунулъ мнѣ его за пазуху.

— Носи на шеѣ. Это тебѣ посылаетъ старуха-мать Сулеймана... Ни дурной глазъ, ни лихорадка не коснутся тебя, ты не будешь знать страха и ни передъ кѣмъ не опустишь взгляда: Выростешь храбрымъ.

Амулетъ этотъ на золотой цѣпочкѣ до сихъ поръ у меня. Сдѣлалъ ли онъ меня храбрымъ и сильнымъ — другой вопросъ. Только всякій разъ, когда на него смотрю, — вспоминаю ту яркую лунную ночь и себя у старой стѣны монументальнаго, умирающаго теперь Дербента.

IX.

Рѣшеніе намѣстника не заставило себя ждать.

Разумѣется, въ отвѣтѣ никто не остался. Дѣло велѣно было предать волѣ Божіей. Часовые строго исполняли свои обязанности, дежурные по карауламъ тоже. Побѣгъ оставался необъяснимымъ, какъ необъяснимы были до тѣхъ поръ такіе же, совершенные Хаджи Муратомъ, Карзи Магомой, княземъ Темирговымъ и другими рыцарями горъ.

Это была, впрочемъ, офиціальная сторона дѣла. Въ частномъ письмѣ къ отцу намѣстникъ сообщалъ:

«Извѣщаю васъ при сей оказіи, что оный Сулейманъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ мое управленіе, благополучно переселился со всей своей семьей въ Турцію, а такъ какъ сей горскій бекъ былъ однимъ изъ лучшихъ воиновъ, несомнѣнно способнѣйшимъ наибомъ у Шамиля и проводникомъ его вліянія въ Дагестанѣ, то и спасенію его изъ крѣпости, и побѣгу въ Константинополь весьма радуюсь. И если бы виновникъ сего счастливаго событія объявился, прошу васъ имени его мнѣ не сообщать, ибо, какъ главнокомандующій, я долженъ былъ бы его наказать по воинскому уставу, а какъ намѣстникъ и политикъ — одобрить и наградить, что сдѣлать въ одно и то же время весьма затруднительно. Вмѣстѣ съ симъ увѣдомляю васъ, что аулъ Джардикой, принадлежавшій Сулейману, по совѣту его, желаетъ принести покорность и перейти въ разрядъ мирныхъ, для чего даже принять наше гражданское управленіе и, когда къ вамъ явятся отъ него выборные аксакалы*), то имѣете вы принять ихъ со всѣмъ радушіемъ и забвеніемъ обидъ, свойственными храброму россійскому воинству».

Такъ благополучно окончилось мое дѣтское приключеніе... Но и теперь, когда я ужъ старъ, и у меня у самого есть такіе же лоботрясы, какимъ и я былъ въ тѣ счастливыя времена, — стоитъ мнѣ вспомнить Сулеймана, чтобы отъ этой полузабытой были на меня повѣяло духомъ чего-то романтическаго, свѣтлаго, беззавѣтнаго. Я улыбаюсь, вспоминая рыцарски-настроеннаго маленькаго героя, который, какъ кошка, пробирался по тихимъ улицамъ спящаго города, къ крѣпостной бреши, стѣну башни и обрѣзъ утеса, и на нихъ, словно тѣнь отъ большой ночной птицы, опускающагося въ бездну Сулеймана. Мои внуки ростутъ теперь въ Петербургѣ. Ну, гдѣ имъ испытать, что нибудь подобное, откуда имъ вложить въ душу вѣчнымъ вкладомъ такую чудную каспійскую ночь съ серебрянымъ моремъ внизу и царственными вершинами горъ, плывущими въ ночномъ свѣтѣ въ таинственное и мистическое царство вѣчности.

Вас. И. Немировичъ-аДнченко.

---

*) Игра въ мячъ. Подбросивъ его ударомъ лопаточки — перекидываютъ впередъ, гдѣ его ловятъ и то же лопаточкой отбрасываютъ назадъ.

*) Руны — древне - германскій алфавитъ; встрѣчаются на оружіяхъ, памятникахъ и утвари.

*) Аксакалы — выборныя населеніемъ лица — старшины, старики, бѣлыя бороды.

данную отечеству — отдалъ онъ матери — землѣ...

А черезъ день привезли раненаго офицера, однополчанина того, который застрѣлился и мы узнали «съ чего это онъ».

...Онъ командовалъ ротой съ первыхъ дней войны и солдаты обожали его. Патріотъ, доблестный боевой офицеръ, — онъ ни разу не уходилъ въ отпускъ за всѣ кошмарные годы. Во время революціи за непримиримость къ братанію, — возненавидѣли его солдаты и преступленіемъ въ ихъ глазахъ была нескрываемая мечта о борьбѣ до побѣды или до смерти... Въ ночь, передъ тѣмъ, какъ привезли его къ намъ, его батальонъ (онъ былъ уже командиромъ батальона) бросилъ важный участокъ, занимаемый имъ и побѣжалъ... Напрасно взывалъ онъ къ солдатамъ—опомниться. Отчаявшись, одинъ, съ винтовкой бросился впередъ, лицомъ къ врагу, чтобы пасть отъ вражеской пули. Но свой же солдатъ, увидѣвъ это, ударилъ его штыкомъ въ руку.... Другой — на бѣгу — выстрѣлилъ ему въ спину. Его подобралъ кто-то случайно. Вотъ чего онъ не смогъ перенести....

Одному Богу вѣдомо, сколько легло ихъ въ землю, сколько душъ принялъ Господь лучшихъ сыновъ Россіи, вѣрныхъ дѣтей ея арміи. Но не напрасна ихъ смерть. Они — тѣ праведники, во имя которыхъ помилуетъ Господь Россію, когда пріидетъ часъ.

Е. Дьякова.

Генералъ А. Д. Столыпинъ

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ представляетъ интересъ, какъ отецъ Петра Аркадьевича Столыпина, составившаго себѣ въ исторіи имя, и какъ типъ временъ крѣпостного права и дореформенной Россіи, удержавшійся до девятидесятыхъ годовъ. Образованіе онъ получалъ домашнее, подобно многимъ молодымъ людямъ того времени въ богатыхъ дворянскихъ семействахъ. Бывалъ заграницей. Зналъ иностранные языки, что облегчило пріобрѣтеніе кое-какихъ знаній. Вращался въ свѣтскомъ обществѣ и въ молодости состоялъ при видныхъ людяхъ военнаго міра, доступъ къ которому имѣлъ по фамильнымъ связямъ, особенно по второй женѣ, Наталіи Михайловнѣ, дочери Горчакова, Главнокомандующаго въ Восточную войну. Аркадій Дмитріевичъ зналъ музыку, живопись, сцену, пописывалъ стихи, любилъ заниматься цвѣтоводствомъ и зналъ толкъ въ лошадяхъ, но все это въ предѣлахъ диллетантизма. Багажъ знаній военнаго дѣла былъ у него, кажется, не особенно великъ. Но здравый смыслъ, боевой опытъ, рѣшительность и смѣлость, способность многое взять на себя, не быть робкимъ передъ начальствомъ, что особенно цѣнно въ военномъ, и большая самостоятельность дѣлали его незауряднымъ военачальникомъ.

Я узналъ А. Д уже Генералъ-Адъютантомъ и командиромъ 9-го армейскаго корпуса, и въ теченіе шести лѣтъ близко стоялъ къ полевой подготовкѣ войскъ этого корпуса. Поле Столыпинъ любилъ, какъ впрочемъ, и всякое живое дѣло. Онъ умѣлъ отлично использовать свойства всѣхъ родовъ войскъ на упражненіяхъ, которыми нерѣдко лично руководилъ. Описанія болѣе значительныхъ изъ такихъ упражненій посылались Начальнику Главнаго Штаба, соединявшему тогда и функцію начальника генеральнаго штаба. На меня было возлагаемо составленіе такихъ описаній, я же и докладывалъ ихъ А. Д., что, главнымъ образомъ, и создало мою относительную къ нему близость. Сказать про него, что онъ въ рукахъ начальника штаба никакъ было нельзя. А. Д. повидимому не допускалъ даже мысли объ этомъ. При немъ перемѣнилось ихъ два — Линицкій, дѣльный человѣкъ, георгіевскій кавалеръ, оборонявшій, командуя полкомъ 9 пѣх. дивизіи у Радецкаго, Шипкинскій перевалъ. Онъ пробовалъ осѣдлать Столыпина, но успѣха не имѣлъ; другой, полегче, и не пробовалъ. Къ обоимъ А. Д относился холодно.

Съ начальствомъ А. Д. не былъ робокъ. По крайней мѣрѣ разсказывалъ мнѣ, что представляясь военному министру Ванновскому, онъ ввернулъ ему, что минувшая (1877-78 годовъ) война де показала, что безграмотнымъ генераламъ нѣтъ мѣста въ арміи — слова очень смѣлыя, принимая во вниманіе, что министръ не получилъ высшаго образованія, чего не могъ не чувствовать, имѣя такого предшественника, какъ Милютинъ, и такого сотрудника, какъ Обручевъ.

Вообще министръ не былъ авторитетомъ для А. Д. и ссылки при докладахъ на приказы по военному вѣдомству впечатлѣнія на него не производили, но, какъ курьезъ, можно отмѣтить, что циркуляры главнаго штаба дѣйствовали на А. Д. успокаивающе — при ссылкахъ на нихъ онъ сдавался.

Большой добрякъ, А. Д. былъ очень вспыльчивъ, и всѣ въ домѣ, начиная съ жены и дѣтей, обожавшихъ его, терпѣливо переносили подчасъ большія рѣзкости его характера. Попадало личнымъ адъютантамъ, не говоря уже о Титѣ, сначала денщикѣ, а по увольненіи въ запасъ, лакеѣ, которому часто приходилось отвѣдать и чубука... но, не смотря на это, беззавѣтно преданному своему барину.

Старшимъ начальникамъ въ войскахъ приходилось считаться съ такимъ характеромъ корпуснаго командира и его очень побаивались. Съ младшими онъ дѣла не имѣлъ. Мнѣ однако, разъ порядкомъ досталось, правда, подѣломъ... А. Д. провѣрялъ сторожевую службу. Предлагаетъ какой то вопросъ часовому. Я имѣлъ неосторожность вмѣшаться и вставить слово либо въ вопросъ корпуснаго командира, либо часового. Не помню что именно, но что то такое, на что послѣдовалъ окрикъ фальцетомъ: «что вы меня учите»... Замѣчаніе было совершенно справедливое. Я былъ страшно золъ на самого себя, разумѣется огорчился и затуманился... Подъѣхала коляска, мы сошли съ лошадей и послѣ этого еще часа два находились съ нимъ tête à tête. Онъ не хотѣлъ заговорить со мною первымъ и сидѣлъ тучей... Я же не догадался извиниться въ сдѣланной неловкости. Но вотъ чудная черта А. Д. И онъ чувствовалъ себя не по себѣ и видимо страдалъ, это еще болѣе привязало меня къ А. Д.

Въ обществѣ дамъ, баловнемъ и вниманіемъ которыхъ онъ пользовался, А. Д. былъ милъ, интересенъ и держалъ себя очень просто, какъ и среди близкихъ ему военныхъ.

Но въ большомъ обществѣ и въ офиціальной обстановкѣ напускалъ на себя большую важность и тогда бывало къ нему не подступиться... Пріѣхавъ на большой вечеръ, всегда безъ жены, избѣгавшей большихъ выѣздовъ, и пройдя черезъ залу, А. Д. рѣдко кому подавалъ руку, предоставляя пожать ее, но самъ участія въ рукопожатіи не принималъ... На порогѣ гостиной останавливался и закинувъ голову назадъ и расправляя бакенбарды(фигура и ростъ его были очень величественны), обращалъ вопросъ, не глядя, къ адъютанту, всегда въ такихъ случаяхъ его сопровождавшему: «кого я здѣсь знаю»... тотъ шепчетъ, называя фамиліи дамъ и мужчинъ, знакомыхъ его принципала...

Въ 1885 году Столыпинъ принялъ Гренадерскій Корпусъ въ Москвѣ, гдѣ у него была многочисленная родня, но вскорѣ, уже овдовѣвшій, получилъ назначеніе членомъ Александровскаго Комитета о раненыхъ и пріобрѣлъ маленькій особнячекъ на Фурштадской у Таврическаго сада въ Петербургѣ, въ которомъ и поселился. Тамъ въ 1886 году проѣздомъ въ Финляндію мнѣ удалось навѣстить А. Д. Онъ попрежнему былъ очень бодръ и, шутя, разсказывалъ, что имѣя за шестдесятъ лѣтъ, онъ въ Комитетѣ былъ самымъ молодымъ, такъ что ему де поручили сбѣгать въ лавочку за спичками... Больше я уже не видѣлъ его... Скончался А. Д. въ Москвѣ, состоя по Министерству Высочайшаго Двора въ должности Завѣдывающаго дворцами.

Отъ брака съ Наталіей Михайловной Горчаковой у Столыпина было четверо дѣтей: три сына и дочь, вышедшая замужъ въ Орлѣ за Офросимова. Старшій изъ сыновей, Михаилъ, служившій въ Преображенскомъ полку, былъ убитъ на дуэли. Петръ, впослѣдствіи министръ, послѣ смерти брата, женившійся на его невѣстѣ, Нейдгартъ, и Александръ, украшавшій своими небольшими статьями страницы «Новаго Времени», газеты Суворина въ Петербургѣ.

Дѣти А. Д. наружностью, ростомъ пошли въ отца. Петръ и Александръ по уму и способностямъ — въ мать, которая была очень умна и тактична.

П. Ольховскій.

ВЪ ОЗНАМЕНОВАНІЕ ДВУХСОТЛѢТІЯ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СУВОРОВА
издательствомъ «Часовой» выпущенъ Военный Справочникъ
«АРМІЯ и ФЛОТЪ»
Въ книгѣ 176 страницъ, болѣе 100 портретовъ, рисунковъ и иллюстрацій.
Содержаніе:
1. Основы воинскаго духа. 2. Россійская Императорская Армія. 3. Россійскій Императорскій флотъ. 4. Русскій Обще-Воинскій Союзъ. 5. Военно-Морской Союзъ. 6. Военныя объединенія за рубежомъ. 7. Военная печать. 8. Политическій глобусъ. 9. Иностранныя арміи и флотъ.
Преслѣдуя цѣли самаго широкаго распространенія «Часовой» выпускаетъ эту книгу по исключительно низкой валютой; 15 фр. съ пересылкой за границу. Требовать въ книжныхъ магазинахъ и у всѣхъ представителей журнала «Часовой».
Годовымъ подписчикамъ журнала «Часовой» справочникъ разсылается, какъ безплатное приложеніе, въ началѣ ноября.
Главный складъ изданія:—«ЧАСОВОЙ» — 29, rue du Colisée. Paris (8).

Tél: Central 57-65; Louvre 09-40

Собираніе Казачей славы

"Такъ храмъ, оставленный — все храмъ.
"Кумиръ, поверженный — все богъ".

Послѣ вихря Великой войны и революціи, разметавшаго всѣ хранилища, архивы и матеріалы, содержавшіе въ себѣ описанія всѣхъ великихъ подвиговъ и славныхъ боевыхъ дѣйствій какъ нашихъ армій, такъ и отдѣльныхъ войсковыхъ частей и всѣхъ чиновъ отъ генерала до солдата — вполнѣ естественно стремленіе, въ исполненіе завѣта быв. Верховнаго Главнокомандующаго, многихъ нашихъ войсковыхъ объединеній къ возстановленію всей былой славы родныхъ частей... Въ печати уже появился рядъ такого рода историческихъ очерковъ. Моему старому казачьему сердцу безгранично близко и дорого пробужденіе такого стремленія и среди нашего казачества.

Въ этомъ отношеніи, въ авангардѣ всего казачества стали Лейбъ-Казаки. Они, благодаря великолѣпной инціативѣ нѣкоторыхъ своихъ командировъ и чиновъ, создали въ буквальномъ смыслѣ слова, **храмъ своей** полковой, казачьей славы.

Храмъ этотъ, какъ извѣстно, былъ открытъ при особо торжественной вполнѣ соотвѣтствующей этому случаю, обстановкѣ*). Онъ поражаетъ каждаго посѣтителя богатствомъ собранныхъ въ немъ полковыхъ реликвій: портретами бывшихъ командировъ полка, групиами его офицеровъ и казаковъ, фотографіями, гравюрами изъ полковой жизни, подарками Верховныхъ вождей и шефовъ и пр. и пр. и пр.

Великая честь и слава Лейбъ-Казакамъ, съ ихъ бывшими и нынѣшнимъ командиромъ, генераломъ Оприцомъ, за такое благоговѣйное и любовное отношеніе къ своему славному историческому прошлому.

Я хочу привѣтствовать и Кубанцевъ и ихъ энергичнаго инціатора въ этомъ дѣлѣ, полковника Елисѣева, создавшихъ, въ № 7 журнала "Россія", чрезвычайно интересный очеркъ, посвященный спеціально Кубанскому Казачьему Войску, игравшему въ составѣ бывшей Кавказской арміи громадную роль — во время всѣхъ Кавказскихъ войнъ.

Здѣсь и исторія самаго возникновенія Кубанскаго Казачества, и его послѣдующее развитіе, и колонизація Кубанскаго края, и служба славныхъ Запорожцевъ и Линейцевъ, и характерныя особенности Кавказской войны, и подвиги ихъ войсковыхъ атамановъ, и отдѣльныхъ казаковъ, отрывки изъ воспоминаній атамановъ: Науменко, Богаевскаго, Краснова, интересный очеркъ о пластунахъ, боевые эпизоды, въ родѣ описаннаго полковникомъ Тихоцкимъ, трагедія Кубанскаго войска въ концѣ 19 года, генерала Акулинина, включая и послѣднее событіе, уже въ Парижѣ, столь нашумѣвшее — возжиганіе пламени на могилѣ "Неизвѣстнаго Солдата".

За Кубанцами, благодаря редактору-издателю "Россіи" Б. Д. Коновалову, послѣдуютъ — Уральцы, за Уральцами — Донцы и Терцы.

Генералъ И. Г. Акулининъ обратился, недавно въ печати съ призывомъ ко всѣмъ Оренбургскимъ казакамъ о сборѣ и присылкѣ ему всякаго рода документовъ и матеріаловъ, касающихся боевыхъ подвиговъ Оренбургскаго войска.

Такъ, мало по малу, современные представители нашего казачества, совершаютъ большое дѣло, исполняя свой священный долгъ и традицію передъ своими славными дѣдами и отцами, сохраняя и передавая отъ поколѣнія къ поколѣнію былую славу и подвиги передъ Родиной и своими родными войсками.

"Ихъ же подвиговъ — свидѣтели:
Кубань, Иртышъ и Донъ,
Уралъ и Терекъ славные,
И разныхъ рѣчекъ сонмъ".

Такъ выразился въ своей пѣснѣ, посвященной родному войску, представитель Государева Конвоя, терецъ, полковникъ П. Т. Кулебякинъ (1891 г. во Владивостокѣ).

Въ добрый часъ, родные казаки!

"Русскій Инвалидъ" съ полной готовностью пойдетъ и со своей стороны навстрѣчу казакамъ - авторамъ предоставленіемъ страницъ своего спеціальнаго "Казачьяго Отдѣла".

Н .Н. Баратовъ.

---

*) Въ Курбевуа, подъ Парижемъ.

КЪ 50-ЛѢТІЮ СЛУЖБЫ ГЕН. КН В. Н. МАСАЛЬСКАГО

8-го августа с. г. исполнилось полвѣка службы одного изъ старѣйшихъ русскихъ генераловъ, георгіевскаго кавалера, кн. Владиміра Николаевича Масальскаго. Служебная карьера князя блестяща: коренной гвардейскій конно-артиллеристъ, потомъ командиръ Гвардейской конно-артиллерійской бригады и свиты Е. В., генералъ-маіоръ, инспекторъ артиллеріи 1 арм.- корп., съ которымъ онъ и выступилъ на войну, инспекторъ артиллеріи 7-й арміи въ брусиловское наступленіе и инспекторъ артиллеріи арміи румынскаго фронта... Русское лихолѣтіе прервало его плодотворную дѣятельность, именно тогда, когда его высокія душевныя качества, рѣдкое чувство долга и знанія могли быть особенно полезны Родинѣ, на высокихъ должностяхъ.

Лихой гвардейскій конно-артиллеристъ, отличный ѣздокъ и стрѣлокъ, князь Масальскій не только прекрасно зналъ строевую службу, но умѣлъ интересоваться военнымъ дѣломъ вообще, слѣдить за его прогрессомъ и передавать свои знанія другимъ. Твердой воли, требовательный по службѣ, но прежде всего, строгій къ самому себѣ, являясь для всѣхъ примѣромъ, не стѣснявшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда ничьей инціативы, крайне добрый и отзывчивый человѣкъ, кн. Масальскій оставилъ среди своихъ подчиненныхъ и сослуживцевъ наилучшую память.

Да разрѣшатъ они мнѣ, всѣ, какъ имѣвшему честь нѣсколько разъ служить подъ Вашимъ начальствомъ, глубокоуважаемый князь Владиміръ Николаевичъ, принести Вамъ отъ лица ихъ всѣхъ горячія и искреннѣйшія пожеланія долгой жизни и снова увидѣть Васъ, когда настанетъ время, въ рядахъ родной артиллеріи, на пользу возрожденной Россіи.

А. Н. Виноградскій.

ШИРВИНТЪ 1 (14) августа 1914 г.

«*Лейбъ Драгуны дома и на войнѣ*». I, II и III вып. Изданіе Е. Сіяльской. Цѣна 20 фр. за выпускъ.

По инціативѣ бывшаго командира Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка графа Ф. М. Нирода, чинами полка предпринято изданіе, въ видѣ отдѣльныхъ, очень изящныхъ выпусковъ, — воспоминаній, посвященныхъ мирной и боевой жизни славнаго полка, сформированнаго въ Версалѣ въ 1814 году, вскорѣ же послѣ занятія нашей арміей столицы Франціи, изъ георгіевскихъ кавалеровъ всѣхъ полковъ нашей кавалеріи.

На симпатичный призывъ своего бывшаго командира, дружно откликнулись офицеры полка изъ разныхъ странъ бѣженскаго разсѣянія: Нью-Іорка, Вильны, Шанхая, Парижа, Тяньдзина — и даже Почаевской Лавры, въ которую попалъ некогда боевой офицеръ, георгіевскій кавалеръ, а нынѣ смиренный іеромонахъ. Въ изданіи приняли участіе и бывшіе начальники 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, въ составъ которой входили Лейбъ-Драгуны — генералы: Эрдели и Раухъ. Первый выпускъ начинается стихами ген. Гребенщикова, полными искренняго чувства любви къ Россіи и родному полку и вѣрой въ возрожденіе славнаго полка нашей кавалеріи, вписавшаго рядъ блестящихъ страницъ въ исторію нашей конницы. Воспоминанія драгунъ искренни, безъ всякихъ литературныхъ прикрасъ, рисуютъ картины мирной и боевой жизни полка: стоянку въ глухомъ медвѣжьемъ углу Новгородской губерніи, въ блестящемъ Петербургѣ, первыя впечатлѣнія отъ стычекъ съ непріятелемъ въ Великую войну, первыхъ глубокихъ разъѣздовъ въ тылу противника и т. д. Это все цѣнные человѣческіе документы, дающіе любопытные психологическая черты, переживаній въ Великую и гражданскую войны.

Обращаетъ на себя вниманіе описаніе празднованія 1 февраля 1898 года, пятидесятилѣтняго юбилея службы въ рядахъ полка вахмистра Константинова. — Константиновъ 20-ти лѣтъ взятъ былъ на военную службу и по личному выбору Императора Николая I былъ переведенъ въ гвардію — въ ряды Лейбъ Драгунъ. Съ полкомъ Константиновъ участвовалъ въ Венгерской, Севастопольской, Турецкой кампаніяхъ и усмиреніи Польскаго мятежа, будучи награжденъ за свои подвиги знаками отличія Военнаго ордена 3-хъ степеней. Задушевное празднованіе въ офицерскомъ собраніи юбилея Константинова — носителя и участника боевой славы полка за цѣлое полустолѣтіе — показываетъ какія сердечныя отношенія создались между офицерами и нижними чинами въ Императорской арміи и опровергаютъ легенду о классовой враждѣ раздѣлявшей офицеровъ и солдатъ — распространявшуюся упорно въ нашей «лѣвой» литературѣ.

Тѣсныя рамки газетной замѣтки не даютъ возможности съ достаточной полнотой отмѣтить все интересное и поучительное, что найдетъ читатель въ вышедшихъ 3-хъ выпускахъ воспоминаній Лейбъ Драгунъ. Отъ души пожелаемъ этому почтенному изданію самаго широкаго распространенія.

В. М.

Вышла въ свѣтъ новая книга
проф. ген. Н. Н. ГОЛОВИНА:
СУВОРОВЪ И ЕГО НАУКА ПОБѢЖДАТЬ.
Цѣна 15 франковъ.
Издательство «ВОЗРОЖДЕНІЕ».
2, Rue de Sèze, Paris (9).

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ И ПОДПИСЧИКАМЪ

Главное Правленіе З. С. Р. В. Инвалидовъ, считаетъ своимъ долгомъ предупредить, что изданный имъ ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ на исходѣ. Опасаясь, чтобы наши подписчики и читатели не остались безъ календаря, желающіе его пріобрѣсти, приглашаются сдѣлать заказъ по полученіи настоящаго номера «Р. И.»

Справочный отдѣлъ

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ
отъ 6 февраля 1915 г., № 29.

Оффиціальный отдѣлъ.

Высочайшія награды:

……

Государь Императоръ, всемилостивѣйше соизволилъ утвердить награжденіе командующимъ арміей, за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля, по удостоенію Мѣстной Георгіевской Кавалерской Думы:

Ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Командиру лейбъ - гвардіи Егерскаго полка, генералъ-маіору Александру **Буковскому** за то, что въ бою 20-го августа 1914 г., у д. Владиславова, лично руководя полкомъ и двумя батареями, занимавшими лѣвый флангъ первой гвардейской дивизіи, искусными и рѣшительными дѣйствіями выбилъ противника изъ ряда позицій, прорвалъ непріятельскій боевой порядокъ и прочно обезпечилъ флангъ дѣйствовавшей лѣвѣе второй гренадерской дивизіи, чѣмъ способствовалъ общему успѣху.

Вѣрно:
Генералъ-маіоръ **Чернавинъ.**

⁂

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ
отъ 17 іюня 1915 г., № 132.

Оффиціальный отдѣлъ.

Высочайшія награды, объявленныя въ Высочайшемъ приказѣ отъ 10-го іюня 1915 г.

……

Утверждается пожалованіе командующимъ арміей за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля, по удостоенію Мѣстной Думы изъ лицъ, имѣющихъ Георгіевское оружіе:

Георгіевскаго оружія

Полковникамъ Генеральнаго Штаба:

Бывшему начальнику штаба 1-ой Финляндской стрѣлковой бригады, нынѣ исполняющему должность генерала-квартирмейстера Штаба арміи Николаю **Стогову** за то, что въ теченіе боевъ съ 28-го сентября по 19-ое октября 1914 года неоднократно, при объѣздѣ позицій, подавалъ начальнику бригады весьма цѣнные совѣты, какъ по распредѣленію войскъ на позиціи, такъ и по укрѣпленію послѣдней, чѣмъ способствовалъ отраженію всѣхъ яростныхъ дневныхъ и ночныхъ атакъ германцевъ на бригаду, подвергая при этомъ свою жизнь явной опасности.

Вѣрно:
Генералъ-маіоръ **Чернавинъ.**

⁂

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ
отъ 21-го іюня 1915 года, № 136.

Оффиціальный отдѣлъ.

Высочайшія награды, объявленныя въ Высочайшемъ приказѣ 14 іюня 1915 г.

……

Утверждается пожалованіе за отличія въ дѣлахъ противъ непріятеля по удостоенію Мѣстной Георгіевской Кавалерской Думы:

Ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени:

Полковникамъ:

Генеральнаго Штаба, отправляющему должность генерала - квартирмейстера штаба арміи, бывшему командиру 3-го Финляндскаго стрѣлковаго полка Николаю **Стогову** за то, что въ бою 27-го марта 1915 года на Козіовской позиціи, — когда германцы ворвались на гору 992 и этимъ угрожали флангу и тылу его участка, лично, подъ сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ повелъ свой резервъ для противодѣйствія распространенію успѣха противника и своимъ дѣйствіемъ парализовалъ успѣхъ германцевъ.

Вѣрно:
Генералъ-маіоръ **Чернавинъ.**

Ген.-Лейт. Н. Н ГОЛОВИНЪ.
МЫСЛИ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ БУДУЩЕЙ РОССІЙСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ.
ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ.
Изданіе 3-ье. —— Цѣна 12 фр.
К-во «La Source»,
106, rue de la Tour, Paris (16).

Banque Industrielle du Centre
85, rue de Richelieu. 85. Paris (2-ème). Tél.: Louvre 09-11; Centr. 35-67.
Текущіе счета и вклады, онкольные счета, биржевыя операціи комиссіон, порученія.
ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ въ Россію и др. страны, а также ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ быстро и выгодно.
ПОКУПКА РУССКИХЪ БУМАГЪ (рента, займы, закл. листы, акціи [illegible]
ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарантированные Французскимъ Правительствомъ
ВЫИГРЫШНЫЯ (съ процентами) облигаціи
«CREDIT NATIONAL», «CREDIT FONCIER», «VILLE DE PARIS»,
За наличные или на спеціальныхъ условіяхъ.
ВЫИГРЫШИ 1.000.000 франк. ежемѣсячно. Облигаціи отъ 90 фр. [illegible]
Русскіе проспекты и свѣдѣнія объ операціяхъ на Парижской Биржѣ [illegible]
треб. Корр. по русски.

Старѣйшій русскій РЕСТОРАНЪ
МОСКВА
7, rue Pauquet, 7. Métro: Kleber et Georges V.
Русская и французская кухня подъ наблюденіемъ владѣльца К. Левашева.
Дипломъ на кулинарной выставкѣ. Общедоступныя цѣны.

ХУДОЖНИКЪ-ФОТОГРАФЪ
Эмиль Марковичъ
Студія художественныхъ портретовъ.
60, RUE DE PASSY. Téléphone: Auteuil 94-89.
Métro: Muette.

ГЛАЗНОЙ ВРАЧЪ
Dr. med. Zurich МЕЦЪ-ШАПИРО
ОЧКИ
Еж. 2-6 въ воскр. 10-12.
4, rue Duvivier (VII)
Métro: Ecole Militaire.

Voyante. Dr ès sciences occultes
M-me Maria Zeni
АСТРОЛОГІЯ.
ХИРОМАНТІЯ.
ПСИХОАНАЛИЗЪ,
КАРТЫ, ТАРО.
«Разъясняю прошлое, руковожу въ настоящемъ, предостерегаю въ будущемъ».
62. rue de la Rochefoucauld
Métro: Pigalle. Отъ 3-7 ч. еж. кр. четв.

ВОРОНЦОВА - ВЕЛЬЯМИНОВА
ЗУБНОЙ ВРАЧЪ.
Ежедн. отъ 2 до 7 час. и по утр. по записи.
6. rue Auguste Bartholdi, (1 эт. налѣво).
Métro: Dupleix. Tél. Ségur 61-86.
СОЦІАЛЬНОЕ СТРАХОВАНІЕ.

БОЯРСКІЙ ТЕРЕМЪ
38 RUE DE BERRI Tél.: Elysées 13-11
покуп. и бер. на комис. ежедн., кромѣ четв. и воскр. отъ 9 ч. 30 м.—2 ч. всевозм. вещи, мѣха, серебро, драгоц., кустар. и худож. издѣл.

Зубн. врачъ К. Н. ПРИХНЕНКО
изъ Константинополя
7, RUE CHASSELOUP LAUBAT, уголъ Avenue de Suffren. Métro: Cambronne ou Champ de Mars. Tél.: Ségur 94-80.

ОПТОВО - РОЗНИЧ. КОЛБ. ГАСТР. МАГАЗ.
Н. РОСТОВЦЕВЪ 38, rue de la Ferme Blanche
Фирма основана въ 1847 г.
Tél.: Gobel. 23-08. Métro: Italie Gobelins Paris (13).
Крупа гречневая, пшено, манная, геркулесъ и др.
Водка НАЛИВКИ
РЫБЕЦЪ. СЕМГА.
БАЛЫКЪ. СЕЛЬДИ.
Отправка въ провинц. и заграницу.

АПТЕКА ДЛЯ РУССКИХЪ
Въ русскомъ районѣ Парижа.
Pharm. Centr. du Bd. de Grenelle
K. Foucher Pharm. de 1-ère Classe
77, Bd de GRENELLE, 77
Автобусы: Y, AQ, AH. Трамваи: 25, 28
Métro: Dupleix, La Motte-Picquet-Grenelle.
Спец. пригот. лѣкарствъ по русск. фармакопеѣ русск. провиз. Всѣ французск. и иностран. патентован. средства. Обширный складъ парфюмерн. и патентован. товаровъ.
Цѣны ниже всѣхъ аптекъ.
Tél. Ségur: 11-45.

Inst. prod. de beauté
Keiver 14, r. de Naples
PARIS (8-e)
Tél: Laborde 20-43

РУСCК. АПТЕКА НА ГРЕНЕЛЬ
C. HENRY Pharmacien de 1-er Classe
63, Boulevard de Grenelle, 63
Aut.: AQ. AH PARIS (15). Tram. 25
Напрот. M-ro Dupleix. Tél. Ség. 18-51
Изготовленіе рецептовъ русс. врачей. Анализы. Пріемъ заказовъ по телефону. Парфюмерія Cheramy, Houbigant. Брокаръ, Бодяга. Миндальн. отруби. Царская бура. Черника. Выполненіе заказовъ въ провинцію и заграницу.
Цѣны минимальныя.

ПЕВЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ.
принимаетъ Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи (Comité Russe de Secours. 7, rue du Cardinal Mercier. Paris (9). Métro: Clichy. Tél.: Louvre 39-25. Пріемъ исключ. отъ 3-7 час. Отдѣленіе: 6, rue Daviel, Paris (13) Métro: Corvisart. Пріемъ 10-4 час.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.
Le gérant: E. Marthe.

№ 11. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

ВЪ ЕДИНЕНІИ СИЛА! — ВЪ РАСКОЛѢ НАША ГИБЕЛЬ!

СРЕДА 24 ДЕКАБРЯ.

Содѣйствуя
распространенію
„Русскаго
Инвалида"
Вы исполняете
свой долгъ передъ
Арміей

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

Rousski Invalide — L'Invalide Russe

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ВОЕННО-НАУЧНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1813-1917 Г.
Въ Санктъ-Петербургѣ.

СЪ 22 ФЕВРАЛЯ 1930
Въ Парижѣ

Цѣна номера:	
Англія	5 пенсовъ.
Болгарія	7 лева.
Бельгія	3 бельг. фр.
Германія	35 пфениг.
Греція	6 драхмъ.
Польша	75 грошей.
Румынія	10 лей.
Финляндія	4 марки.
Чехословакія	3 кроны.
Югославія	4 динара.
Америка и Азія	10 сент.

Во всѣхъ другихъ странахъ въ мѣстной валютѣ по курсу.

ЦѢНА НОМЕРА ВО ФРАНЦІИ 2 ФРАНКА.

ИЗДАНІЕ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ ЗАРУБЕЖНАГО СОЮЗА РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ИНВАЛИДОВЪ.
РЕДАКЦІЯ: 23, RUE FOURCROY, PARIS (17), Tél.: CARNOT 71-31.

LE NUMERO 2 FR.

Главный Редакторъ Генералъ Н. Н. Баратовъ. Помощникъ ген. Н. Н. Головинъ.

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА

ПОЛК. ЗАЙЦОВЪ, А. А. — Мысли о гражданской войнѣ.
АКАД. БУНИНЪ И. — Изъ записной книжки.
ПРОФ. ГЕН. ГОЛОВИНЪ, Н. Н. — Американскія впечатлѣнія.
БАРАНОВЪ, В. — Парижскій 12-ый Авіаціонный Салонъ.
ОЛЬХОВСКІЙ, П. — Ник. Ник. Обручевъ.
ТЕРЕЩЕНКО СЕРГѢЙ, — Возникновеніе и развитіе германской подводной войны.
Къ 70-лѣтію К. П. Крамаржа.
ГЕН. СТАВИЦКІЙ, П. — Разныя точки зрѣнія.
На Инвалидномъ фронтѣ.
ГЕН. БАРАТОВЪ, Н. Н. — Къ 15-лѣтней годовщинѣ нашего похода въ Персію.
Высшіе Зарубежные Научные Курсы заочнаго образованія.
БИБЛІОГРАФІЯ: Б. Штейфонъ — Русско-Турецкая война на Кавказскомъ фронтѣ въ 1914-1917 гг.
ПОЛК. ЗАЙЦОВЪ, А. А. — Уроки міровой войны.

Отъ Гл. правленія З. С. Р. В. И.

Главное Правленіе въ десятый — и дай Богъ, въ послѣдній — разъ, на чужбинѣ, поздравляетъ съ наступающими праздниками Рождества Христова и новаго Года всѣхъ искреннихъ горячихъ друзей Зарубежнаго Союза, всѣхъ своихъ доброжелателей, жертвователей и всѣхъ братьевъ инвалидовъ и отъ всего сердца желаетъ имъ здоровья, бодрости духа и силы перенести всѣ тяготы жизни въ твердой вѣрѣ вновь обрѣсти далекую, милую, и дорогую Родину.

Редакція «Русскаго Инвалида», присоединяясь къ поздравленіямъ и пожеланіямъ Главнаго Правленія З. С. Р. В. И., шлетъ наилучшія пожеланія всѣмъ подписчикамъ и читателямъ ко дню праздниковъ Рождества Христова и Новаго Года.

Мысли о гражданской войнѣ

II.

Наша гражданская война 1918-20 г.г. технически протекала въ условіяхъ совершенно отличныхъ отъ современной ей эпохи.

Въ то время, какъ 18-й годъ на французскомъ фронтѣ и, даже въ Греціи и Палестинѣ, былъ эпохой развитія военной техники и создалъ новые пути въ военномъ искусствѣ путемъ широкаго примѣненія двигателя внутренняго сгоранія ([illegible] флотъ, авіація, танки, авто[illegible]ртъ), мы, въ 18-мъ году вернулись къ пріемамъ веденія войны 19-го вѣка.

Отсутствіе технической базы у бѣлыхъ и полная ея дезорганизація у красныхъ заставили обѣ стороны вести войну самыми примитивными для 20-го вѣка пріемами — безъ авіаціи, безъ танковъ, безъ автотранспорта, безъ боевой химіи и, по существу, даже безъ артиллеріи. Типичное для всѣхъ гражданскихъ войнъ отсутствіе хорошо обученной и снабженной пѣхоты довершало парадоксальную картину дѣйствій арміи 19-го вѣка въ 20-мъ столѣтіи.

Единственнымъ средствомъ сообщенія, позволявшимъ нѣкоторое примѣненіе техники были желѣзныя дороги и онѣ то и стали главными направленіями борьбы. Отсюда родились бронепоѣзда, т. е. самый примитивный видъ броневыхъ частей, уже брошенный всѣми воюющими съ первыхъ же лѣтъ міровой войны.

Помощь союзниковъ съ 1919 года могла, казалось, дать арміямъ бѣлыхъ недостававшую имъ технику. Появились самолеты, танки, броневтомобили, артиллерія и пулеметы. Но все это шло дезорганизованно, въ недостаточномъ количествѣ и, главное, слишкомъ поздно.

Два года гражданской войны выработали свою, своеобразную тактику, свои, нехитрые правда, но оправданные опытомъ пріемы и, главное, создали гипнозъ того, что эта война сказала новое слово въ военномъ искусствѣ и явилась протестомъ противъ позиціонныхъ боевъ второй половины міровой войны. Все что ее напоминало отметалось какъ ветошь, какъ что то уже пройденное и негодное. Въ технику не вѣрили, ее забыли и примѣнять ее не хотѣли, да и не умѣли.

Въ то же время фронты все росли и территоріи, захваченныя гражданской войной все ширились. Недостатокъ войскъ приводилъ къ такой степени разрѣженности фронта, что собственно говорить о сплошныхъ фронтахъ вообще не приходится. Между тѣмъ командованіе было цѣликомъ построено на опытѣ Великой войны. Громадный фронтъ, напоминавшій фронтъ на нашей западной границѣ въ міровую войну, создавалъ впечатлѣніе внѣшней аналогіи съ опытомъ 1914-1917 г.г. Отсутствіе надежной связи и сообщеній внѣ желѣзныхъ дорогъ приводило поэтому къ сгусткамъ на желѣзно-дорожныхъ магистраляхъ и просвѣтамъ между ними. Создались не только сильно разрѣженные, но и прерывчатые фронты, чрезвычайно гибкіе и нестойкіе. А управляла этимъ колеблющимся прерывчатымъ фронтомъ "осѣдлая" сѣть штабовъ, построенныхъ на принципахъ управленія сплошнымъ фронтомъ.

Между тѣмъ, на отдѣльныхъ участкахъ этихъ прерывчатыхъ фронтовъ возникали, наростали и отмирали очаги напряженной борьбы. Гибкая структура фронтовъ требовала гибкой организаціи командованія, способнаго примѣняться къ этому колеблющемуся напряженію борьбы. Въ то же время организація командованія, построенная на принципахъ позиціонной войны, была, пожалуй, единственнымъ прочнымъ пережиткомъ внѣшней войны.

Наряду съ этой разъѣзженностью и прерывчатостью фронтовъ шелъ не менѣе типичный процессъ стихійнаго возвращенія организаціи и тактики къ эпохѣ до 14 года.

Типичная для 20-го вѣка коренная перестройка пѣхоты изъ-за вытѣсненія индивидуальнаго вооруженія (винтовка) машиннымъ оружіемъ (пулеметомъ), начавшаяся въ 1916-17 г.г. на нашемъ фронтѣ, въ нашу гражданскую войну у насъ пріостановилась и пѣхота вернулась къ организаціи и тактикѣ 1914 г.

Стрѣлковая цѣпь, отражавшая господство ружейнаго огня, оставалась основнымъ строемъ пѣхоты въ теченіе всей нашей гражданской войны. И дѣлалось это сознательно, а не случайно. Вѣдь еще въ 1921 году, въ Галлиполи, ~~цѣликомъ~~ переиздавали довоенные боевые уставы, лишь съ добавленіемъ 1-2 страничекъ, какъ бы только отдававшихъ дань вѣяніямъ времени.

Недостатокъ орудій и, главное, снарядовъ, свелъ артиллерію на вторыя роли. Полное отсутствіе авіаціи и примѣненія боевой химіи окончательно довершало картину возвращенія къ войнамъ 19-го столѣтія.

Все это вмѣстѣ взятое не могло не привести къ возрожденію конницы. Но помимо скудости техническаго оборудованія армій, большую роль сыграли и прерывчатые фронты и отсутствіе гибкихъ и развитыхъ сообщеній и связи. Разстройство жел. дор. транспорта и отсутствіе автомобилей приводило къ тому что только конница могла маневрировать. А для маневра прерывчатые фронты предоставляли почти неограниченныя возможности, полное же отсутствіе техники возвращало коннницѣ тѣ возможности, которыхъ она уже давно лишилась при техническомъ оборудованіи армій въ современную намъ эпоху.

Конница, взамѣнъ артиллеріи, стала опираться на пулеметы. И этого было достаточно.

Скоро стало возможнымъ примѣненіе пулеметнаго огня и съ тачанокъ. Огонь былъ такъ слабъ, что появленіе даже такихъ, напоминающихъ уже не 19-й вѣкъ, а скорѣе 18-й вѣкъ, "боевыхъ колесницъ" проходило безнаказанно и давало большой моральный эффектъ. По тому же пути пошла и пѣхота. Она тоже сѣла на тачанки и этимъ пріобрѣла возможность маневра. Конечно эти громоздкія, негибкія, беззащитныя на походѣ вереницы повозокъ были возможны только при отсутствіи авіаціи и дальнобойной артиллеріи. Тактика упрощалась и все приносилось въ жертву способности къ маневрированію. Расплатой были въ 1920 году Перекопъ и Каховка.

Именно въ этой обстановкѣ къ серединѣ 1919 г. сложилась своеобразная военная доктрина нашей гражданской войны.

Съ середины 1919 года снабженіе техникой бѣлыхъ армій улучшилось.

Однако опытъ примѣненія танковъ, кромѣ пожалуй нѣсколькихъ удачныхъ эпизодовъ подъ Царицынымъ, казалось оправдывалъ пренебреженіе техникой. Въ танкахъ быстро разочаровались бѣлые, а красные надъ ними подсмѣивались ("кадеты на танкахъ, а мы на санкахъ"). — Суть дѣла была конечно не въ томъ, что давшіе побѣду союзникамъ во Франціи танки, въ гражданскую войну будто бы непригодны. Суть въ томъ, что танки 18-го года были построены для опредѣленныхъ условій позиціоннаго фронта во Франціи и не годились для совершенно другого типа гибкихъ и прерывчатыхъ фронтовъ нашей гражданской войны. А главное, что рѣшающимъ оружіемъ танки и во Франціи стали лишь тогда, когда ихъ двигали на фронтъ сотнями, а къ намъ ихъ привозили десятками. И это при условіи тысячеверстныхъ фронтовъ нашей гражданской войны.

То же повторилось и съ авіаціей.

О массовомъ ея примѣненіи, при полномъ отсутствіи самостоятельной авіаціонной базы въ Россіи, конечно, не могло быть и рѣчи. Въ лучшемъ случаѣ (особенно въ послѣдній годъ гражданской войны) ея дѣйствія давали эффектъ лишь булавочнаго укола.

Къ тому же и танки и самолеты шли къ намъ съ запада не первоклассныхъ системъ и не новѣйшихъ образцовъ.

Все это еще больше укрѣпляло вѣру (именно вѣру, а не опытъ) въ негодность техники, въ возрожденіе примитивнаго маневрированія и въ рѣшающую роль крупныхъ конныхъ массъ. Создавалось представленіе о томъ, что пройденные арміями Европы (и нашей) за время внѣшней войны этапы, отвлекли насъ съ вѣрнаго пути и, что этотъ затерянный путь былъ нами вновь обрѣтенъ въ бояхъ нашей гражданской войны. Новая доктрина опредѣленно отбрасывала насъ назадъ въ 19-й вѣкъ. Довершеніемъ сходства съ войнами прошлаго вѣка была и полная аналогія процента потерь убитыми и ранеными и процента умершихъ отъ болѣзней.

Тифъ косилъ больше чѣмъ пуля.

Несомнѣнно, что не все въ этой доктринѣ было ложнымъ.

Особыя условія нашей гражданской войны требовали и особыхъ пріемовъ борьбы. Но отъ этого до возвращенія къ формамъ борьбы прошлаго вѣка конечно далеко. Симптомы измѣненій въ процессѣ войны не остались незамѣченными, но пріемы леченія не оправдывались правильно поставленнымъ діагнозомъ.

Колеблющіеся, прерывчатые фронты и оживленіе и затуханіе борьбы въ отдѣльныхъ ея очагахъ, столь характерное для всѣхъ гражданскихъ войнъ, конечно не позволяли загрузки фронтовъ тяжеловѣсной техникой. Но отъ этого до отрицанія ея значенія — цѣлая пропасть. Миномеры, проволока, отрывка тысячъ километровъ окоповъ, нагроможденіе за фронтомъ артиллерійскихъ и инженерныхъ складовъ, конечно, не годятся для гражданской войны. Хотя, даже и это требуетъ нѣкоторой оговорки. Печальный опытъ укрѣпленія нами крымскихъ перешейковъ въ 1920 г. (безъ блиндажей и, главное, "жилья" для гарнизоновъ), показываетъ, что въ отдѣльные періоды гражданская война можетъ становиться даже позиціонной и требуетъ позиціонныхъ же пріемовъ веденія борьбы.

Но вѣдь новый, типичный для 20-го вѣка, этапъ техники, какъ разъ и характеренъ тѣмъ, что техника даетъ рѣшеніе проблемѣ движенія, переводя вооруженную борьбу на иныя скорости и давая ей возможность маневра недоступнаго еще въ эпоху паровыхъ двигателей.

Бѣдность техническаго оборудованія армій въ нашу гражданскую войну была явленіемъ случайнымъ. Примѣненіе въ ней обѣими сторонами несовременныхъ, примитивныхъ пріемовъ борьбы диктовалось не сущностью гражданской войны, а именно этой технической отсталостью. Дѣлать изъ этого выводы и закрѣплять этотъ случайный опытъ поэтому крайне опасно. Конечно, возможно, что въ будущую гражданскую войну снабженіе техникой будетъ отставать отъ современнаго ея уровня въ развитіи. Но вѣдь такъ же возможно что и не будетъ. Гадать же объ этомъ совершенно безцѣльно. Важнѣе и нужнѣе искать пути наиболѣе цѣлесообразнаго веденія войны въ условіяхъ дѣйствительно типичныхъ для всякой гражданской войны. А эти условія характеризуются во-первыхъ значеніемъ внутренне-политическихъ и моральныхъ факторовъ.

Моральный элементъ въ гражданскую войну не укладывается въ прочно налаженныя еще въ мирное время рамки обычнаго воинскаго воспитанія. Одной дисциплины и патріотизма здѣсь мало. Нужна особая мистика и особый подъемъ. Мало увѣренности лишь въ исполненіи своего долга и общихъ военныхъ добродѣтелей. Нужно горѣніе и вѣра въ правоту своего дѣла и въ жертвенность борьбы. И южане Джэксона въ американскую войну отстаивавшіе институтъ рабства и идею господства бѣлой расы надъ цвѣтной, вѣрили въ это и свои боевые приказы Стонволлъ Джэксонъ подкрѣплялъ цитатами изъ Библіи. Намъ быть можетъ непонятна связь между Библіей и эксплоатаціей негровъ. Но безъ вѣры въ правоту своего дѣла полки Джэксона никогда не дали бы того, что они дали въ гражданскую войну. Сѣверяне Линкольна дрались не за освобожденіе негровъ и нью-іоркская чернь не шла противъ южныхъ плантаторовъ. Сѣверъ дрался, и дрался не на животъ а на смерть, за единство Союза противъ южныхъ самостійниковъ. Онъ спасалъ идею великой американской націи отъ происковъ южныхъ политикановъ. Эта идея была проста и понятна и въ этомъ ея величіе и сила. "Янки" Линкольна выковывали тотъ "американизмъ", который нуженъ Америкѣ какъ цементъ при постройкѣ изъ кирпича. Вѣдь особенность строенія С. А. С. Ш. именно въ томъ, что разнородные этнически элементы тамъ можно растворить въ общемъ котлѣ, потому, что они не связаны съ территоріей и движеніе южныхъ самостійниковъ было поэтому совершенно неестественнымъ. Тамъ идея была не придуманной, а диктовалась инстинктомъ и она побѣдила. Въ нашу гражданскую войну это было много сложнѣе.

А полки Кромвеля шедшіе въ атаку распѣвая псалмы во время гражданской войны въ Англіи въ 17-мъ вѣкѣ?

Несомнѣнно что и у красныхъ въ нашу гражданскую войну коммунизмъ для массы ея участниковъ былъ овѣянъ мистической вѣрой въ заманчивость принципа "грабь награбленное" и стремленіемъ закрѣпить отнятое. Вопросъ о возможности или невозможности проведенія этого въ жизнь, о нелѣпости самой теоріи, значенія не имѣлъ. Мистика въ движеніяхъ, подобныхъ гражданскимъ войнамъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ разсужденіе. Нашли ли мы эту мистику, сумѣли ли ей овладѣть и ею одушевить наши войска, вопросъ гораздо болѣе спорный. И уже сама спорность нашихъ достиженій въ этой области заставляетъ признать, что не все было у насъ благополучно и что многое въ будущую гражданскую войну въ этомъ отношеніи придется создавать наново. Не нужно только бояться открыто признать свои ошибки. Суть вѣдь не въ томъ, что тѣ или иные политическіе лозунги были бы лучше или хуже въ 1918-20 г.г., а въ томъ что нужно политику оживить и помнить, что въ гражданскую войну яркія идеи и мистика несравненно выше самой лучшей политической программы.

Второй характерной особенностью гражданскихъ войнъ является отсутствіе сплошныхъ организованныхъ фронтовъ, первостепенное значеніе импровизаціи уже въ самомъ процессѣ войны и крайняя неустойчивость и постоянное колебаніе степени напряженности борьбы на отдѣльныхъ участкахъ прерывчатыхъ фронтовъ. Наконецъ, типичнымъ для такой дезорганизованной борьбы, какъ всѣ гражданскія войны, является болѣзненная впечатлительность бойцовъ.

Всѣ эти условія требуютъ въ гражданскую войну оснащенія войскъ такой техникой, которая дала бы имъ способность къ быстрому маневру и къ сокращенію длительности боевъ.

Тачанка только примитивное выраженіе этой мысли. Но считать, что тачанка въ будущую гражданскую войну пригоднѣе автомобиля, конечно, наивно. Авіація, авточасти, химія, техническія войска всѣхъ категорій, отъ всѣхъ видовъ войскъ связи и кончая желѣзнодорожниками для организаціи жел. дор. транспорта, только и могутъ вывести будущую гражданскую войну на пути, отвѣчающіе ея особенностямъ. Конечно, изъ арсенала техники нужно брать лишь то что годится для подобной борьбы, т. е. только тѣ виды техники, которые не утяжеляютъ фронтъ, а его оживляютъ. Если жизнь машинизируется, это еще не значитъ, что она застываетъ въ мертвыхъ формахъ подчиненія человѣка машинѣ. Владѣлецъ автомобиля "свободнѣе" пѣшехода или всадника. Примѣненіе военной техники совершенно не равнозначно позиціонной войнѣ. А только примѣненіе такого техническаго аппарата и можетъ въ корнѣ перевернуть ея веденіе и дать большой и рѣшающій успѣхъ той сторонѣ, которая это пойметъ и начнетъ его примѣнять вмѣсто того, чтобы топтаться на старыхъ позиціяхъ прошлаго вѣка, будто бы подтвержденныхъ нашей послѣдней гражданской войной.

Только автотранспортъ даетъ на прерывчатыхъ фронтахъ гражданской войны независимость маневра отъ существующей жел. дор. сѣти.

Только автотранспортъ даетъ поэтому возможность гибкаго оперированія и не подчиненъ заранѣе всѣмъ извѣстной сѣти жел. дор. путей.

И въ гражданскую войну это вѣрнѣе, чѣмъ при внѣшней войнѣ съ непрерывными фронтами. Разрѣженность фронта и слабая его насыщенность, неизбѣжныя при общей дезорганизаціи сторонъ, только и позволяютъ замѣну для маневра желѣзныхъ дорогъ автотранспортомъ. При большей плотности фронтовъ все равно еще нѣсколько десятковъ лѣтъ желѣзная дорога всегда будетъ имѣть преимущество передъ автотранспортомъ. Въ гражданскую же войну на отдѣльныхъ участкахъ фронта онъ уже сейчасъ можетъ ее замѣнить.

Бронеавтомобили съ большимъ радіусомъ дѣйствія сильно разгрузятъ конницу, а снабженіе ими, необходимыхъ для работы на жел. дор. бронепоѣздовъ, позволитъ этимъ послѣднимъ имѣть дѣйствительно соотвѣтствующій ихъ особенностямъ гарнизонъ, могущій отъ нихъ отрываться и ихъ догонять, что, конечно, не подъ силу пѣхотѣ.

Танки — простѣйшее средство борьбы съ проволокой. И имъ нужно въ гражданскую войну отдать преимущество передъ артиллеріей. Конечно примѣненіе танковъ возможно только при наличіи автомобильнаго тыла, иначе ихъ ждетъ участь одиночныхъ танковъ, гибнувшихъ въ 19 и 20 г.г.

Наконецъ лишь автотранспортъ съ его возможностями перевозокъ, позволяетъ сносное санитарное оборудованіе фронта и, главное, не столько даже эвакуацію, являющуюся центромъ тяжести работы санитарныхъ учрежденій при крупныхъ сраженіяхъ внѣшней войны, сколько гигіеническое обслуживаніе фронта банями, прачешными и дезинфекціонными отрядами.

Всѣ возраженія о томъ, что наши дороги, наши мосты, лѣса и болота не позволяютъ примѣненія автотранспорта требуютъ большихъ поправокъ. Автотехника идетъ такими шагами, что автомобиль-вездѣходъ (хотя бы послѣднія шестиколесныя модели) уже рѣшилъ много вопросовъ, казавшихся еще въ прошлую войну неразрѣшимыми. Скорость и радіусъ дѣйствія танковъ сейчасъ уже не тѣ, что были у образцовъ 1918 года. А именно, эти два качества, а не пробивная ихъ сила и важны для ихъ примѣненія въ гражданскую войну.

Наличіе авіаціи сразу подрываетъ боевое значеніе крупныхъ кавалерійскихъ массъ. Кое-какія предостереженія въ этомъ отношеніи уже далъ опытъ ликвидаціи Жлобы въ 1920 г. даже при условіи полной технической немощи нашей, лишь возрождавшейся въ Крыму авіаціи. А примѣненіе химическихъ бомбъ даетъ самолетамъ полный и рѣшающій вѣсъ надъ конницей въ бою. И надъ конницей, потому, что если [illegible] надежно - индивидуальной химической обороны еще можетъ быть рѣшенъ для людей, для лошадей онъ врядъ ли вообще разрѣшимъ. Еще большее значеніе получаютъ самолеты въ смыслѣ сношеній въ тылу противника (высадки подрывниковъ, связь съ единомышленниками, агитація и т. д.). Прерывчатые фронты, лишающіе возможности созданія непрерывной воздушной обороны, даютъ авіаціи тотъ просторъ, котораго она всегда будетъ лишена при сплошныхъ фронтахъ внѣшней войны. Наконецъ, налеты на глубокіе тылы въ гражданскую войну даютъ совершенно особый эффектъ, поддерживая духъ и вѣру въ побѣду сторонниковъ по ту сторону фронта.

Конечно, веденіе войнъ на прерывчатыхъ фронтахъ возможно лишь при наличіи гибкой сѣти связи. Опытъ нашей гражданской войны въ этомъ отношеніи совершенно не поучителенъ. Практически связь поддерживалась по проволокѣ жел. дор. или правительственнаго телеграфа. Помимо ея негибкости и часто полнаго несоотвѣтствія направленія линій потребностямъ фронта, она была почти всегда недостаточно милитаризована и курьезы въ видѣ перехваченныхъ разговоровъ насчитывались сотнями. Врядъ ли вообще проволочная связь можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ гражданской войны. Только глубоко продуманная комбинированная связь и можетъ дать рѣшеніе. И будущее конечно за всѣми видами радіосвязи, мотоциклетомъ и самолетомъ. Жесткая сѣть проволочной связи не отвѣчаетъ существу войны на колеблющихся прерывчатыхъ фронтахъ. Она можетъ дать необходимый остовъ, но базироваться на нее, значитъ искусственно замедлять темпъ операцій и лишаться свободы маневра, т. е. какъ разъ того, что имѣетъ наибольшее значеніе въ гражданской войнѣ.

Итакъ техника намѣчаетъ новые пути веденія гражданской войны. Вопросъ лишь въ умѣніи ее примѣнять.

А. Зайцовъ.

Изъ записной книжки

Пришла вѣсть съ фронта, что убили Володьку. Старуха, его мать, второй день лежитъ ничкомъ на нарахъ, въ полушубкѣ, даже не плачетъ. Отецъ притворяется веселымъ, все говоритъ:

— Ну, и чудна ты старуха! Ну, и чудна! А ты что жъ думала, они смотрѣть будутъ на нашихъ? Вѣдь онъ, непріятель-то, тоже обороняется!

Жена Володьки, молодая бабенка, все выскакиваетъ въ сѣнцы, падаетъ тамъ головой на что попало и кричитъ на разные лады, вопитъ и воетъ. Онъ и къ ней:

— Ну вотъ, ну вотъ! И эта тоже! Стало быть, ему, нѣмцу-то, не надо было обороняться? Стало быть, надо было Володькѣ въ ножки кланяться?

У Якова тоже сына убили. Получивъ объ этомъ письмо, онъ сказалъ, засмѣявшись и какъ-то странно жмурясь:

— Ничего, ничего, Царство Небесное! Не тужу, не жалѣю! Это Богу свѣча, Алексѣичъ! Богу свѣча, Богу ладанъ!

⁂

На деревенской мельницѣ. Ми[illegible]жиковъ, нѣсколько бабъ. Мельни[illegible]мигъ, поэтому разговоръ громкій [illegible] приколоки, прислонясь къ ней, и [illegible]тельно слушая барина, наклонивъ [illegible] глядя въ землю, стоитъ высокій [illegible] болѣзненный, съ опущенными п[illegible] съ черной бородой и нѣжнымъ [illegible]цемъ, уходящимъ въ волосы. Ша[illegible] двинута на бѣлый храмъ всѣ...

ВНИМАНІЕ!

Редакція «Русскаго Инвалида» убѣдительно проситъ всѣхъ подписчиковъ и контрагентовъ направлять всю ДЕНЕЖНУЮ корреспонденцію съ 1-го января 1931 г. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО по адресу Главнаго Правленія З. С. Р. В. И., адресуя ее: M-r le général M. Kalnitzky. 28, Av. de Chevreuse. Clamart (Seine). France.

Парижскій 12-ый авіаціонный салонъ

Двадцать два года тому назадъ, въ концѣ декабря 1908 года, въ Большомъ Дворцѣ на Елисейскихъ Поляхъ была неоффиціально открыта выставка всѣхъ летательныхъ аппаратовъ. Въ этомъ, 1908 году, авіація получила уже практическое примѣненіе. Были совершены такіе полеты, которые взволновали весь міръ: Анри Фарманъ 30 октября сдѣлалъ безпосадочный перелетъ Шалонъ-Реймсъ; Луи Блеріо совершилъ воздушное путешествіе туда и обратно по маршруту Фури Артенай-Фури, и знаменитый Вильбуръ Райтъ 18 декабря совершилъ неслыханный подъемъ — продержавшись въ воздухѣ 1 часъ 53 м. 59 сек. и 3/5, покрывъ 92 километра и поднявшись на высоту 110 метровъ.

На этой выставкѣ были представлены самые разнообразные аппараты, какъ уже летавшіе, такъ и неиспытанные въ полетѣ. Среди послѣднихъ были самыя невѣроятныя конструкціи, какъ, напр., машущій крыльями аппаратъ Татэн'а; аэропланъ-геликоптеръ Бреге, аэроциклъ Христолле, аэропланъ съ цилиндрическими поверхностями. Почетное мѣсто занималъ — настоящая гигантская летучая мышь — авіонъ Адлера, фактически первый въ мірѣ аппаратъ, совершившій полеты-прыжки еще въ 1897 году съ паровой машиной въ 30 лош. силъ.

Въ 1909 г. авіація получила дальнѣйшее развитіе и 25 сентября французскій президентъ Фальеръ торжественно открылъ первый оффиціальный авіаціонный салонъ. Это была и первая въ мірѣ выставка воздушныхъ сообщеній. Гвоздемъ этого салона былъ самолетъ «Дальняго рейда» монопланъ Блеріо 11, на которомъ Л. Блеріо совершилъ свой знаменитый перелетъ черезъ Ламаншъ. Лордъ-мэръ Лондона со своей свитой, въ парадныхъ костюмахъ прибылъ на выставку, чтобы отдать визитъ Блеріо.

Безконечные споры шли въ эту эпоху о преимуществѣ биплановъ и моноплановъ. Но на этой выставкѣ монопланы преобладали: изъ 26 представленныхъ аппаратовъ было 15 моноплановъ, 7 биплановъ и 4 аппарата, которыхъ трудно было какъ нибудь классифицировать, это были геликоптеры, десятипланы и другія невѣроятныя машины.

Второй авіаціонный салонъ былъ открытъ въ 1910 году. Новинкой этого салона было появленіе аэроплановъ, предназначенныхъ для военныхъ цѣлей. Экстравагантныя конструкціи почти уже отсутствовали.

Третій авіаціонный салонъ 1911 г. значительно улучшаетъ качество самолетовъ. Борьба моноплановъ и биплановъ продолжается. Впервые въ конструкціи самолетовъ появляется металлъ. Салонъ становится международнымъ, въ немъ представлены англійскіе и нѣмецкіе самолеты. Французскія фирмы Моранъ, Бреге, Ньюпоръ, Депердюссенъ, Савари выставили уже спеціальные военные типы самолетовъ, участвовавшихъ на военномъ конкурсѣ.

Въ 1912 г. на четвертомъ авіац. салонѣ большинство самолетовъ было для военныхъ цѣлей. Появляются гидроаэропланы самыхъ разнообразныхъ конструкцій.

Пятый, послѣдній авіац. салонъ передъ войной былъ открытъ въ декабрѣ 1913 г. президентомъ Р. Пуанкарэ. Вмѣстѣ съ группою военныхъ русскихъ летчиковъ я посѣтилъ эту авіаціонную выставку. Нечего говорить съ какимъ интересомъ и тщательностью осматривали мы всѣ выставленные аппараты. Авіація тогда была представлена исключительно военная. Гидроаэропланы получили свою болѣе или менѣе окончательную конструкцію.

Въ 1914 году началась война во время которой авіація получила гигантское развитіе.

Слѣдующія авіаціонныя выставки были уже послѣ войны въ 1919 г., 1921, 1922, 1924, 1926, 1928 и 1930. Нѣтъ возможности остановиться въ отдѣльности на послѣвоенныхъ авіаціонныхъ салонахъ, это надо было бы разсказывать всю послѣдовательную эволюцію самолето моторо-строенія за послѣднія 10 лѣтъ.

Если мы прослѣдимъ всѣ послѣвоенные салоны, то увидимъ слѣдующую картину: въ 1919 г. самолетовъ чисто-военнаго типа было только 25%, въ 1921 — уже 35%, 1922 — 43%, 1924 — 53%, 1926 — 67%. Но уже въ 1928 году процентъ военныхъ самолетовъ начинаетъ падать и достигаетъ 57. Это былъ переломный годъ, и на настоящемъ авіаціонномъ салонѣ 1930 г. процентъ военныхъ самолетовъ чрезвычайно малъ, что дало поводъ одной французской газетѣ написать, что «авіаціонный салонъ 1930 г. проходитъ подъ знакомъ мира».

Но такъ ли это? является ли такое сильное пониженіе процента военныхъ самолетовъ показателемъ мирной политики страны, политикой разоруженія? Надо отвѣтить, что — нѣтъ. Причины демилитаризаціи авіац. салона имѣютъ другія основанія. Французское Воздушное Министерство, образованное въ 1928 г., совершенно отчетливо и ясно сознаетъ всю чрезвычайную важность развитія гражданскаго воздушнаго флота для обороны страны. И особенную важность для всякой страны представляетъ сильное развитіе авіаціи спорта и туризма.

Гражданскія линіи воздушныхъ сообщеній, транспортная и почтовая авіація, — по соображеніямъ главнымъ образомъ, бюджетнымъ и отчасти техническимъ, не можетъ быть широко развиты въ странѣ въ настоящее время. Но даже многочисленныя пассажирскія и почтовыя линіи обладаютъ небольшой матеріальной частью и небольшимъ спеціальнымъ личнымъ составомъ. Другое дѣло представляетъ широкое развитіе авіаціи спорта и туризма. Въ С.АС.Ш. количество гражданскихъ пилотовъ, изъ которыхъ большинство съ собственными самолетами, приблизилось въ 1930 г. къ 10.000. Эта спортивная авіація обходится государству не дорого, давая огромныя выгоды.

Эти выгоды развитія гражданскаго воздушнаго флота заключаются въ томъ, что военная авіація всегда имѣетъ достаточно подготовленный составъ летныхъ и нелетныхъ спеціалистовъ безъ особыхъ расходовъ государства; что постройка многочисленныхъ спортивныхъ самолетовъ поддерживаетъ авіаціонную промышленность страны и содѣйствуетъ въ сильной мѣрѣ техническому и научному прогрессу развитія авіаціи. Развитіе гражданской авіаціи является скрытой потенціальной мощью воздушной обороны страны.

Вотъ почему и на теперешней выставкѣ мы видимъ огромное количество самолетовъ спорта и туризма.

Борьба между монопланомъ и бипланомъ продолжается. Во время войны бипланъ взялъ реваншъ и почти совершенно вытѣснилъ монопланы. Но послѣ войны начала вырисовываться обратная картина. Уже на выставкѣ 1928 года изъ 59 выставленныхъ самолетовъ — 54% были монопланы, 34% — биплановъ и 12% полутаруплановъ съ маленькою нижнею поверхностью. На настоящемъ же салонѣ монопланы одержали неоспоримую побѣду.

Борьба между деревомъ и металломъ, основными матеріалами, изъ которыхъ строются самолеты, начинаетъ опредѣленно разрѣшаться въ пользу металла. Если и имѣются еще сплошь деревянные самолеты, то они въ незначительномъ количествѣ. Но уже цѣльно-металлическіе самолеты, совершенно не имѣющіе дерева и полотна, встрѣчаются на каждомъ шагу.

По количеству моторовъ на самолетахъ, салонъ даетъ огромное увеличеніе трехмоторныхъ самолетовъ. Это и понятно, потому что трехмоторный самолетъ даетъ большую надежность и безопасность полета. При остановкѣ одного мотора самолетъ можетъ еще летѣть горизонтально, а нѣкоторые, какъ напримѣръ «Кузинэ» почтоваго типа, можетъ даже подниматься съ двумя моторами.

По количеству типовъ авіаціонныхъ моторовъ настоящій салонъ, какъ будто бы даетъ преимущество моторамъ съ воздушнымъ охлажденіемъ, большей частью звѣздообразнымъ. Но надо сказать, что борьба между моторами съ воздушнымъ и водянымъ охлажденіемъ не потеряла еще своей остроты, ибо каждый типъ мотора имѣетъ свои крупныя достоинства и недостатки.

Въ смыслѣ тенденціи конструкторской мысли у французовъ замѣтно чувствуется иностранное вліяніе. Напримѣръ, большое количество самолетовъ имѣетъ совершенно закрытыя кабины — это американское вліяніе. Низко расположенныя крылья относительно фюзеляжа, толстый профиль крыльевъ указываетъ вліяніе нѣмецкихъ конструкторовъ. Но нѣкоторые французскіе самолеты отличаются своей оригинальностью.

Въ общемъ же надо отдать справедливость: нынѣшняя 12 авіаціонная выставка далеко оставила за собой предыдущія, что является несомнѣнной заслугой Воздушнаго Министерства. Еще никогда Гранъ Палэ не видѣлъ такого количества разнообразнѣйшихъ экспонатовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ мощно шагнула авіація впередъ.

Интересно и поучительно все, передъ чѣмъ бы зритель ни остановился, — начиная съ воздушныхъ гигантовъ грузовиковъ, если можно такъ выразиться, до самыхъ маленькихъ аппаратовъ для туризма отъ 40 до 100 л. с.

Было бы неправильнымъ сказать, что экспонаты 12 салона показываютъ, главнымъ образомъ, только усовершенствованные и разработанные заново типы прежнихъ аппаратовъ.

Наоборотъ, множество новыхъ аппаратовъ заслуженно останавливаютъ на себѣ вниманіе, какъ, напр., самолетъ для дальнихъ рейдовъ Блеріо 110, Девуатинъ, Бернаръ, почтовый трехмоторный аппаратъ Кузинэ, транспортный самолетъ Вильбо, тяжелые бомбардировщики Ліоре и Оливье и др.

Нѣтъ никакой возможности за недостаткомъ мѣста сдѣлать даже самый бѣглый обзоръ всѣхъ стандовъ. Всѣ французскія фирмы представлены въ достаточной мѣрѣ: на стандѣ Бреге можно видѣть знаменитый «Вопросительный Знакъ» Коста, трехмоторный бомбардировщикъ 230, и новинку завода Бреге 27 «Весь Стальной» съ оригинальнымъ устройствомъ фюзеляжа, позволяющимъ обстрѣлъ подъ хвостъ изъ заднихъ пулеметовъ. Ліоре и Оливье выставилъ свои огромные 4-хъ и 2-хъ моторные бомбардировщики. Луи Блеріо пришла удачная мысль подъ огромнымъ крыломъ послѣдняго своего дѣтища — коммерческаго самолета — двухвостаго Блеріо 125, съ двумя моторами по 500 л. с. — поставить знаменитый Блеріо 11, на которомъ былъ совершенъ перелетъ черезъ Ламаншъ. Когда смотришь на хрупкій, маленькій, прямо таки игрушечный Блеріо 11, и сравниваешь его съ тутъ же стоящимъ гигантомъ съ толстыми крыльями — воочію убѣждаешься, какой огромный прогрессъ продѣлала авіація въ 20 лѣтъ. Весьма интересный стандъ молодого французскаго инженера-конструктора Кузинэ, выставившаго почтовый самолетъ съ 3 моторами по 40 л. с. (Сальмсонъ), и большое количество оригинальныхъ моделей. Пожалуй изъ всѣхъ выставленныхъ аппаратовъ на выставкѣ — самолеты Кузинэ наиболѣе оригинальны и интересны. Странная судьба совсѣмъ молодого инженера: въ третій разъ, послѣ страшной катастрофы съ «Радугой Неба», аппарата такъ много обѣщавшаго, послѣ пожара, уничтожившаго въ Медонѣ всѣ его постройки, самолеты, чертежи и оставившаго безъ копѣйки денегъ, — онъ снова становится на ноги и снова его многіе называютъ «надеждой Франціи».

Станды Лятекоэра, Потеза, Мюро, Фармана, Левассэра, Ньюпора, Камса, Анріо, Моранъ Солніе, Кодрона и др., представляютъ значительный интересъ.

Участіе иностранныхъ фирмъ въ настоящемъ салонѣ довольно значительно. Германія представлена огромнымъ гидросамолетомъ Дорніе-S съ 4 моторами, привлекающимъ всеобщее вниманіе, и большимъ количествомъ крупныхъ моделей: Юнкерса-38, Рорбаха, Клемма,

---

разсказываетъ, что солдаты Керенскаго не слушаются, уходятъ съ фронта. Мужикъ вдругъ встрепенулся и, уставившись на него черными блестящими глазами, сталъ кричать:

— Вотъ, вотъ! Вотъ они, сукины дѣти! Кто ихъ распустилъ? Кому они тутъ нужны? Ихъ, сукиныхъ дѣтей, арестовать надо!

Верхомъ на сѣрой кобылѣ подъѣхалъ солдатъ въ хаки и казенныхъ стеганыхъ штанахъ, попѣвая и посвистывая. Мужикъ кинулся на него:

— Вотъ онъ! Видишь, катается! Кто его пустилъ? Зачѣмъ его собирали, зачѣмъ его обряжали?

Солдатъ сдѣлалъ видъ, что не слушаетъ, слѣзъ, привязалъ лошадь и на раскоряченныхъ ногахъ, съ притворно-беззаботнымъ видомъ, вошелъ въ мельницу.

— Что жъ мало навоевалъ? — закричалъ за нимъ мужикъ. — Ты что-жъ, шапку, портки надѣлъ дома сидѣть? (Солдатъ съ неловкой улыбкой обернулся). Ты бы ужъ лучше совсѣмъ туда не ѣздилъ! Только, значитъ, насъ разорять, стерва ты этакая! Вотъ возьму, сдеру съ тебя портки и сапоги, да головой объ стѣну! Рады, что начальства теперь у васъ нѣту, подлецъ ты! Зачѣмъ тебя отецъ съ матерью кормили?

Солдатъ съ неловкой усмѣшкой, стараясь быть презрительнымъ, пожималъ плечами.

⁂

Московскій ресторанъ. Музыка, людно, носятся лакеи. Временное Правительство насчетъ вина еще строже прежняго, но почти всѣ пьяны. Въ одномъ углу, на диванѣ, за круглымъ столомъ, три извѣстныхъ адвоката: уполномоченный Городского Союза, наряженный по русски, — длинные сапоги, поддевка, — франтъ земгусаръ съ блестящимъ прямымъ проборомъ, бритый, и еще одинъ — въ офицерскихъ погонахъ, въ хаки, толстый въ груди и въ плечахъ, стриженный ежомъ, красный. Этотъ кричитъ на всю залу, требуетъ Марсельезу. Но оркестръ играетъ свое, заунывно, томно, потомъ, какъ бы внезапно очнувшись, отчаянно:

Эхъ, распошелъ,
Ты, мой сѣрый конь, пошелъ!

И толстый, поднявъ плечи и локти, прыгаетъ въ тактъ на диванѣ.

Ив. Бунинъ.

Американскія впечатлѣнія

(Путевые наброски).

2.

Мое первое соприкосновеніе съ американской военной средой произошло въ Вашингтонѣ, когда за мной пріѣхалъ офицеръ изъ Академіи для того, чтобы сопровждать меня на лекцію.

Часто въ мелочахъ можно увидѣть штрихъ, который характеризуетъ всю картину. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Согласно телеграммѣ помощника начальника Академіи, офицеръ долженъ былъ пріѣхать за мной въ отель въ 8 час. 30 мин. утра.

Въ восемь я уже былъ совсѣмъ готовъ и сидѣлъ въ холлѣ отеля. Я увидѣлъ подъѣзжающій автомобиль съ военнымъ шофферомъ, изъ котораго вышелъ штатскій. Я понялъ, что это за мной. Но было всего 8 час. 15 мин. И вотъ мнѣ захотѣлось посмотрѣть, какъ поступитъ присланный за мной офицеръ, а для этого я рѣшилъ себя не обнаруживать. Четверть часа ходилъ онъ по большому холлю, раскуривая папиросы, и только ровно въ 8 ч. 30 мин. подошелъ къ справочному бюро и попросилъ доложить о себѣ.

Но, подумаетъ про себя читатель, прійти точно въ назначенный часъ это только признакъ надлежащаго воспитанія.

Совершенно вѣрно. Но пусть вспомнитъ онъ нашу русскую среду. Много ли изъ насъ соблюдаютъ золотое правило — беречь время другого? «Чинопочитаніе», соблюдаемое въ военной средѣ, имѣетъ то общее моральное значеніе, что офицеръ и солдатъ, пріученные къ «военной вѣжливости» къ старшему, пріучаются быть вѣжливыми вообще.

Съ грустью приходится вспоминать печальное время 1917 года, когда проявленіе «военной вѣжливости» къ старшему считалось какимъ то оскорбленіемъ младшаго. Какая буря негодованія разыгрывалась тогда вокругъ вопроса объ отданіи чести. Проводимая въ то время «демократизація» арміи сводилась прежде всего къ праву младшаго быть невѣжливымъ по отношенію къ старшему.

Впечатлѣніе, вынесенное отъ соприкосновенія съ однимъ только представителемъ американской арміи оказалось достаточнымъ, чтобы почувствовать психологію ея въ цѣломъ.

По мѣрѣ дальнѣйшаго моего знакомства съ этой Арміей, я на каждомъ шагу все больше и больше убѣждался въ томъ, какъ далеко внутреннее строеніе ея отъ представленій нашей «революціонной демократіи» 1917 года. А вѣдь на основаніи этого ложнаго представленія, Гучковъ «не хотя», а Керенскій «хотя», ломали нашу старую Армію.

Автомобиль, присланный за мной, блестѣлъ чистотой. Солдатъ-шофферъ былъ одѣтъ, какъ картинка и щеголялъ своей выправкой и отданіемъ чести. Несомнѣнно, что не всѣ солдаты такіе и что пріѣхавшій за мной старался показать товаръ лицомъ передъ чужимъ генераломъ. Но здѣсь интересно то, что стало быть въ демократической арміи надъ «муштрой» не смѣются, ею не тяготятся, а наоборотъ ею щеголяютъ.

Полное подтвержденіе этому я получилъ, когда передъ отъѣздомъ въ Европу посѣтилъ Веспойнское военное училище, присутствуя по приглашенію командира этого училища, на парадѣ.

1200 молодыхъ людей были выстроены на плацу, равняясь какъ по стрункѣ.

Старинныя формы: длинные брюки и кивера, придавали параду видъ красивой старинной военной картинки Павловскихъ временъ.

Въ современномъ обмундированіи хаки былъ только самъ командиръ подполковникъ Р.

Уже свыкшись съ мыслью о томъ, что въ Американской арміи понимаютъ пользу муштры я все таки былъ пораженъ съ какимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ воспитательномъ значеніи муштры, командовалъ этимъ парадомъ подполковникъ Р.

Онъ положительно священнодѣйствовалъ. Я вспомнилъ, что одно время, съ Русско-Японской войны, у насъ пошла было мода на отрицаніе смотровъ. «Парадъ» противопоставлялся «маневру», какъ будто обученіе войскъ не можетъ основываться на сочетаніи и того и другого. Какъ будто красивая внѣшность не можетъ сочетаться съ глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ. Но такое противопоставленіе имѣло одно время большое распространеніе у насъ. Вспомните мохнатыхъ студентовъ, щеголявшихъ своей неряшливостью, думая, что подобная внѣшность является непремѣннымъ признакомъ свободомыслія и пріобщенія къ наукѣ.

Не составляетъ ли стремленіе къ противопоставленію крайностей вообще одну изъ отрицательныхъ чертъ русскаго мышленія?

Вотъ уже скоро четверть вѣка, какъ мнѣ приходится бороться съ этой тенденціей моихъ слушателей. Какія усилія требуются, чтобы внушить, что истинное рѣшеніе заключается всегда въ гармоничномъ сочетаніи, въ условіяхъ даннаго частнаго случая, самыхъ различныхъ и даже противоположныхъ началъ!

Насколько прочно сидитъ въ насъ эта любовь къ крайностямъ, если можно такъ выразиться «максимализмъ мышленія», легко убѣдиться просматривая нашу современную военную литературу. Она по прежнему полна споровъ: духъ или матерія (техника), количество или качество войскъ и тому подобное. При этомъ спорящіе упускаютъ изъ вида: въ нашемъ военномъ дѣлѣ всякій вѣрный выводъ, доведенный до крайности, всегда становится абсурдомъ; всякое военное творчество основано на отысканіи гармоніи крайнихъ выводовъ, — требуется и духъ, и матерія, и качество и количество войскъ. Весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы найти должныя дозы и того и другого, отвѣчающія наиболѣе выгодной комбинаціи для даннаго частнаго случая.

Всѣ эти мысли роились въ моей головѣ, когда я смотрѣлъ на парадъ Вестпойнтскаго военнаго училища.

Рота за ротой проходили юнкера. Твердо отбивалась нога. Равненіе было настолько отчетливо, что когда фронтъ проходилъ мимо меня, силуэтъ фланговыхъ юнкеровъ закрывалъ всѣхъ остальныхъ, идущихъ съ ними въ одной линіи.

Такое прохожденіе сдѣлало бы честь нашему Павловскому военному училищу временъ строгаго генерала Ванновскаго. Оно напомнило мнѣ церемоніальный маршъ нашего доблестнѣйшаго Лейбъ-Эриванскаго полка, когда онъ проходилъ передъ Государемъ Императоромъ на Красносельскомъ парадѣ въ 1913 году.

Теперь я, потерявшій свою родную Русскую Армію, любовался подрастающимъ офицерствомъ Американской Арміи.

Солнце освѣщало эту молодежь. Веселыя лица, повернутыя навстрѣчу глазамъ принимавшихъ парадъ, говорили, что они чувствуютъ красоту «цѣлаго» своей части.

На знамени при прохожденіи котораго, присутствующая многочисленная толпа обнажала свои головы, были начертаны слова:

«Долгъ, Честь, Родина»...

Передо мной проходили не тысячи молодыхъ людей, играющихъ въ солдатики; проходила блестящая воинская часть — спаянная въ одно цѣлое и одухотворенная одной изъ величайшихъ идей: «Больше сія любви нельзя имѣть, какъ положить душу свою за други своя».

«Вестпойнцы» гордятся своимъ «дриллемъ» («дрилль» по англійски — муштра), говорили мнѣ многіе изъ офицеровъ, подходившихъ ко мнѣ. А такъ какъ Вестпойнтъ является единственнымъ Американскимъ военнымъ училищемъ, то понятно, что такое же отношеніе къ внѣшнему проявленію дисциплины можно встрѣтить и среди большаго числа корпуса офицеровъ Арміи Соединенныхъ Штатовъ.

Въ этомъ отношеніи эта армія ближе къ германской, нежели къ французской. Хотя нужно признать, что послѣ большой войны и эта послѣдняя тоже признала значеніе той муштры, которую до 1914 г. она отрицала.

Такова внѣшность Американской Арміи. То, что я видѣлъ — блестяще. И эта красивая внѣшность не идетъ въ ущербъ серьезному внутреннему содержанію.

Я не преувеличу, если скажу, что ни въ одной арміи нѣтъ такого уваженія къ военной наукѣ, какъ въ Арміи С. А. С. Штатовъ.

Съ перваго дня производства въ офицеры, командный составъ этой арміи начинаетъ свою работу по усовершенствованію и расширенію своихъ знаній, проходя послѣдовательно рядъ разнообразныхъ школъ и курсовъ. Это обученіе продолжается вплоть до достиженія генеральскаго чина. Послѣдній же въ Американской Арміи достигается поздно — послѣ пятидесяти лѣтъ.

Молодой офицеръ (младшій лейтенантъ), окончившій военное училище*), въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ обязанъ посѣщать офицерскіе курсы такъ называемой «Войсковой школы» при полкѣ. Здѣсь онъ получаетъ практическія указанія отъ своихъ ближайшихъ начальниковъ по руководству и обученію части и пополняетъ свои теоретическія знанія. Въ концѣ второго года пребыванія въ полку, младшій лейтенантъ подвергается испытанію. Это испытаніе производится особой комиссіей по назначенію Военнаго Министерства. Повѣряется, насколько офицеръ практически усвоилъ существующіе законоположенія, уставы и инструкціи. Это экзаменъ не только самому офицеру, но и его командирамъ — роты, батальона и полка. Поэтому всѣ начальствующія лица обращаютъ особое вниманіе на только что выпущенныхъ въ ихъ части офицеровъ. Для этихъ же послѣднихъ первые два года службы въ офицерскомъ званіи являются временемъ громадной работы. Въ мое время первый годъ службы нашего офицера состоялъ въ ничего-недѣланіи; ближайшій его начальникъ явно тяготился имъ, боясь къ чему либо подпустить неопытнаго юнца, дабы онъ не «испортилъ».

Передъ принятіемъ роты каждый офицеръ Американской арміи (старшій лейтенантъ) направляется въ офицерскую школу своего рода войскъ. Здѣсь онъ проводитъ годъ упорной работы подъ руководствомъ опытныхъ инструкторовъ. Онъ обновляетъ свои теоретическія знанія, знакомится со всѣми усовершенствованіями, которыя произошли послѣ окончанія имъ военнаго училища въ быстро двигающейся впередъ техникѣ. Въ этой школѣ расширяется и его военный кругозоръ. Для того, чтобы хорошо командовать ротой, нужно отчетливо понимать весь механизмъ батальона и полка.

Достигнувъ капитанскаго чина, Американскій офицеръ, для того чтобы продвинутся дальше, опять долженъ пройти черезъ новую школу — штабъ-офицерскіе курсы. Эти курсы представляютъ собою какъ бы высшую спеціальную школу по данному роду войскъ. Здѣсь рамки обученія раздвигаются до бригады. Продолжительность пребыванія въ этихъ штабъ-офицерскихъ школахъ, также какъ и въ школахъ для ротныхъ (эскадронныхъ, батарейныхъ) командировъ, одинъ годъ. Нѣкоторые изъ капитановъ, вмѣсто штабъ-офицерскихъ курсовъ, проходятъ какую либо заграничную военную школу.

Лучшіе изъ капитановъ, маіоровъ и подполковниковъ направляются въ «Школу Командованія и генеральнаго штаба».

Эта школа отвѣчаетъ тому, что мы до войны называли «Академіей Генеральнаго Штаба». По французской терминологіи — это «Высшая военная Школа».

Въ этой высшей военной школѣ офицеромъ изучается военное дѣло въ предѣлахъ дивизіи и корпуса. Теперь онъ выходитъ изъ рамокъ «спеціалиста» какого либо рода войскъ. Онъ изучаетъ во всей широтѣ и глубинѣ вопросы сочетанія дѣйствій всѣхъ родовъ войскъ.

Двухъ-лѣтнее пребываніе въ этой высшей военной школѣ, расположенной въ Канзасѣ, значительно раздвигаетъ рамки кругозора офицера. Съ другой стороны, прохожденіе этой школы подготовляетъ контингентъ лицъ для выполненій обязанностей офицеровъ войскового ген. штаба, а именно Начальниковъ Штабовъ и офицеровъ генеральнаго штаба въ дивизіяхъ и корпусахъ.

Здѣсь нужно упомянуть, что въ арміи С. А. С. Ш. служба Ген. Штаба поставлена на столь же здоровыхъ началахъ, какъ и во Франціи, Офицеры Генеральнаго Штаба не составляютъ замкнутой корпораціи. Офицеръ, успѣшно окончившій «Школу Командованія и Генеральнаго Штаба», продолжаетъ служить въ строю, на должностяхъ же Ген. Штаба онъ только отбываетъ «цензъ»; какъ разъ обратно тому, что было у насъ, гдѣ офицеръ Ген. Штаба отрывался отъ строя и лишь въ теченіе ограниченнаго времени отбывалъ «цензъ» въ строю.

Наибольшая продолжительность безпрерывнаго пребыванія Американскаго офицера на должностяхъ Генеральнаго Штаба не можетъ превосходить 4-хъ лѣтъ, послѣ чего онъ обязательно возвращается въ строй. Офицеры, служащіе въ Ген. Штабѣ, никакими служебными привилегіями не пользуются. Это является одной изъ житейскихъ побудительныхъ причинъ къ тому, что законъ о возвращаемости въ строй, офицерами Ген. Штаба точно выполняется.

Капитаны, маіоры и подполковники, не попавшіе въ школу «Командованія и Ген. Штаба», совершенствуютъ свои военныя знанія въ бригадныхъ офицерскихъ школахъ, проходя тамъ цѣлый рядъ теоретическихъ, прикладныхъ и полевыхъ занятій по общей тактикѣ въ рамкахъ дивизіи.

Прохожденіемъ всѣхъ перечисленныхъ офицерскихъ школъ не заканчивается образованіе офицера, продвигающагося на высшія ступени военной іерархіи.

Штабъ-офицеромъ онъ призывается въ Вашингтонъ въ «The Army War College». Это — своего рода «сверхъ-академія», соотвѣтствующая Парижскому «Centre des hautes etudes militaires», черезъ которую должны пройти генералы прежде чѣмъ получить начальствованіе надъ дивизіей.

Въ Америкѣ Вашингтонская «сверхъ» академія преслѣдуетъ двоякую цѣль.

Съ одной стороны, кругозоръ обучающагося штабъ-офицера расширяется настолько, чтобы онъ могъ сдѣлаться «генеральскимъ». Въ Вашингтонской Академіи изучаются дѣйствія армій и группъ армій, и проходятся дисциплины высшаго порядка въ государственномъ масштабѣ.

Съ другой стороны, прошедшіе курсъ этой Академіи штабъ-офицеры образуютъ собою контингентъ лицъ для выполненія работъ Большого Ген. Штаба, а въ случаѣ войны — для замѣщенія должностей Генеральнаго Штаба въ Штабахъ Командующихъ арміями и Главнокомандующаго.

Продолжительность прохожденія курса въ Вашингтонской Академіи измѣряется 10-ю мѣсяцами. Принимая во вниманіе служебный стажъ и высокую подготовку слушателей, обученіе организовано такъ, чтобы дать возможно широкій просторъ самостоятельной работѣ слушателей. Въ основу положена та разновидность прикладного метода, которая большевиками довольно удачно названа «лабораторнымъ методомъ». Слушатели Академіи (ихъ около 70) разбиваются на «комиссіи» (группы) примѣрно въ человѣкъ 10 каждая. Въ составъ каждой изъ нихъ входятъ штабъ-офицеры различныхъ родовъ войскъ. Старшій назначается предсѣдателемъ (черманомъ). Послѣдній распредѣляетъ работу между членами комиссіи и руководитъ всей работой. Каждой изъ такихъ группъ поручается разборъ какой нибудь операціи послѣдней войны или разработка вновь возникающаго военнаго вопроса.

Въ виду малаго знанія иностранныхъ языковъ, члены комиссіи могутъ пользоваться переводчиками, состоящими при Академіи. Несомнѣнно, что подобный способъ пользованія иностранными источниками сильно тормазитъ изученіе. Изъ разговоровъ съ однимъ изъ слушателей, мнѣ пришлось лично убѣдиться, что невозможность непосредственно изучить иностранные источники приводитъ иногда къ неудовлетворительнымъ результатамъ. Мой собесѣдникъ участвовалъ въ разработкѣ несчастной для насъ Самсоновской операціи. Онъ былъ чрезвычайно смущенъ, когда я совершенно разрушилъ всю основу его оперативнаго сужденія: подъ вліяніемъ изученія воспоминаній ген. Людендорфа и многихъ другихъ нѣмецкихъ источниковъ, онъ пребывалъ въ увѣренности, что армія ген. Ренненкампфа состояла изъ «24 сильныхъ пѣх. дивизій». Онъ прямо былъ разстроенъ, когда я ему доказалъ, что армія ген. Ренненкампфа состояла изъ 6 съ пол. пѣх. дивизій, къ которымъ въ послѣднюю минуту подошли еще только 2, при этомъ каждая русская полевая пѣх. дивизія была, по числу батарей, въ два раза слабѣе Германской.

«А какъ же начальникъ французскаго ген. штаба генералъ Бюа (нынѣ покойный) повторилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ эту сказку ген. Людендорфа?», возмущенно спросилъ онъ меня.

«Это одна изъ тѣхъ несправедливостей всѣхъ нашихъ бывшихъ союзниковъ, къ которымъ мы — русскіе уже

---

*) Продолжительность обученія въ Вестпойнскомъ военномъ училищѣ четырехъ-лѣтняя.

Николай Николаевичъ Обручевъ

26 ноября этого года минуло сто лѣтъ со дня рожденiя Генералъ-Адьютанта Николая Николаевича Обручева. На имя этого виднаго государственнаго дѣятеля и военно-ученаго должно быть указано младшему поколѣнiю и подростающей молодежи русскихъ людей Зарубежья, всѣмъ же кто постарше, оно хорошо извѣстно, и не только въ Россiи, но и заграницей, въ особенности во Францiи, гдѣ въ свое время пользовалось большою популярностью.

Произведенный въ офицеры въ Л. Гв. Измайловскiй полкъ, Обручевъ въ 1854 году оканчиваетъ курсъ въ Николаевской Академiи Генеральнаго Штаба съ большою серебряною медалью и его имя заносится на мраморную доску. Находясь затѣмъ въ теченiе двѣнадцати лѣтъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, онъ былъ замѣченъ военнымъ министромъ Императора Александра II, Милютинымъ, и еще очень молодымъ человѣкомъ въ 1867 г. получаетъ отвѣтственное назначенiе Управляющаго дѣлами Военно-Ученаго Комитета, непосредственно подчиненнаго военному министру, по существу своей дѣятельности нашимъ большимъ генеральнымъ штабомъ, хотя и не носившимъ этого названiя. Этотъ комитетъ вѣдалъ всѣ вопросы, относящiеся до государственой обороны. Съ этого же времени Обручевъ является сотрудникомъ Милютина по преобразованiю вооруженныхъ силъ Россiи въ духѣ реформъ Александра П, опыта войны 1870-71 гг. и началъ общей воинской повинности. Одновременно съ этой работой Обручевъ состоялъ профессоромъ Николаевской Академiи Генеральнаго Штаба.

Въ вопросахъ государственной обороны голосъ Обручева имѣетъ большое, иногда рѣшающее значенiе. Такъ выработанный имъ въ 1871 г. планъ войны Россiи съ Австро Венгрiей и Германiей на совѣщанiи въ 1873 г. подъ предсѣдательствомъ самого Императора Александра II-го принятъ въ основанiе мѣръ по стратегической подготовкѣ на западной границѣ.

Въ 1876 г. Обручевъ вырабатываетъ основныя идеи плана войны 1877-78 годовъ съ Турцiей. Личное участiе въ этой войнѣ онъ принималъ урывками и то лишь на Кавказѣ, гдѣ по составленному имъ плану ночного штурма Карса, кавказскiя войска 6 ноября 1877 г. овладѣваютъ этой сильной крѣпостью, и Обручевъ, которому, какъ сказано, принадлежитъ большая заслуга составленiя плана, получаетъ орденъ Св. Георгiя 3 ст. Въ моей памяти, изъ совершавшихся въ концѣ 1877 г. событiй, уцѣлѣла слѣдующая подробность: во второй половинѣ ноября 1877 г. Обручевъ, довольно давно не посѣщавшiй Академiи, взойдя на кафедру, сказалъ: «Насъ, т. е. Военно-Ученый Комитетъ и меня, какъ предсѣдателя) обвиняютъ въ недостаточной освѣдомленности о численности Турецкой армiи... Если вы откроете мой курсъ (стр. такая-то), увидите слѣдующiя цифры..... сопоставляя которыя съ числомъ войскъ у Османъ-Паши, Сулеймана-Паши окажется разница въ 50 т., легко объяснимая новыми формированiями въ теченiе самой войны».

Далѣе этого въ своихъ разъясненiяхъ Обручевъ не пошелъ, предоставляя дальнѣйшее нашему мышленiю.

Обручевъ двѣнадцать лѣтъ занималъ въ Академiи генеральнаго штаба кафедру военной статистики иностранныхъ государствъ. Слушатели цѣнили содержательность его лекцiй и простоту ихъ формы, но побаивались его, какъ экзаменатора и при разборкѣ темъ. Оцѣнка имъ работъ была строга. Недовольный онъ говаривалъ: «Вѣдь мы должны смотрѣть на васъ, какъ на будущихъ двигателей науки»..., но онъ умѣлъ и ободрить. Помню, при разборѣ одной изъ темъ онъ сказалъ офицеру: «долженъ не только похвалить, но и поблагодарить васъ...», что въ устахъ Обручева, всегда очень серьезнаго и даже суроваго, значило очень много.

Къ штабнымъ былъ весьма требователенъ... «Возьметъ въ руки работу, разсказывали они, и какъ бы взвѣшивая ее, говоритъ: «длинно, сожьмите!»...

Работы Милютина и Обручева, бывшаго его правой рукой, такъ тѣсно переплетались между собою, что историку трудно иногда будетъ опредѣлить, кому изъ нихъ по идеѣ принадлежитъ то или другое.... Современникамъ, почему либо ближе къ нимъ стоявшимъ, они представлялись какими то титанами талантливости, знанiя и работоспособности. Въ лицахъ, не считавшихъ ихъ по происхожденiю и связямъ «своими» они, встрѣчали недоброжелательство и зависть, и иногда имъ приходилось бороться съ интригами, рѣдко, впрочемъ, удававшихся, благодаря довѣрiю и поддержкѣ Императора Александра П, неизмѣнно оказываемыхъ Милютину, а черезъ Милютина и Обручеву.

Изъ военно-научныхъ трудовъ Обручева обращаютъ на себя вниманiе изданный имъ въ 1866 году «Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся къ исторiи военнаго искусства въ Россiи по 1725 г.», указавшiй путь для дальнѣйшихъ архивныхъ изслѣдованiй по подлиннымъ документамъ. Подъ его редакцiей изданъ военно-статистическiй сборникъ, содержащiй свѣдѣнiя о Россiи, европейскихъ и сопредѣльныхъ государствахъ Азiи. Имъ же основанъ «Военный Сборникъ», и первымъ его редакторомъ былъ Обручевъ. Онъ состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта, Императорской Академiи Наукъ, Московскаго Университета и Академiи Генеральнаго Штаба.

Лѣтомъ 1878 г., когда подъ влiянiемъ происходившаго на Берлинскомъ Конгрессѣ, едва не вспыхнула война между Россiей и Австрiей, Обручева ожидало назначенiе начальникомъ полевого штаба армiи, которая должна была поступить подъ начальство Фельдмаршала Князя Барятинскаго. Но до войны, какъ извѣстно, дѣло не дошло.

Въ 1881 году, по назначенiи начальника главнаго штаба графа Гейдена въ Финляндiю, Обручевъ занимаетъ этотъ важный и отвѣтственный постъ, и одновременно въ его подчиненiе поступаетъ Военно-Ученый Комитетъ, до этого, какъ было упомянуто, находившiйся въ непосредственномъ подчиненiи военному министру. Такимъ образомъ, близость Обручева къ дѣлу государственной обороны нисколько не уменьшилась, а влiянiе даже усилилось. Въ должности начальника Главнаго Штаба онъ остался и по воцаренiи Императора Александра Ш и уходѣ графа Милютина.

Заключенiе въ 1882 г. тройственнаго союза ускорило темпъ развитiя стратегической подготовки въ нашемъ западномъ пограничномъ пространствѣ, исходя изъ плана Обручева 1873 г. При Императорѣ Александрѣ Ш на кредиты, полученные изъ Францiи, по указанiямъ Обручева построены стратегическiя желѣзныя и шоссейныя дороги; приведены въ готовность къ оборонѣ крѣпости на западной границѣ; усилена прочность организацiи и мобилизацiонная готовность войскъ; произведены значительныя измѣненiя въ дислокацiи армiи и обусловливаемыя ими затраты по постройкѣ казармъ; нашъ старый оборонительный планъ, въ 1888 г. замѣненъ наступательнымъ планомъ генерала Обручева, принятымъ особымъ совѣщанiемъ въ 1873 г.

Изъ этого краткаго очерка дѣятельности генерала Обручева уже видно, какъ много сдѣлано имъ на пользу нашего отечества! Но самымъ прочнымъ на долгiя времена памятникомъ Обручеву останется его дѣятельное участiе въ созданiи франко-русскаго союза. Францiю тянуло къ Россiи, въ которой она естественно видѣла спасенiе отъ Германiи, уже не разъ стремившейся разгромить ее. Въ Россiи не такъ остро чувствовалась необходимость союза. Хотя охлажденiе между Петербургскимъ и Берлинскимъ дворами началось уже ранѣе, а въ концѣ царствованiя Александра П дружескiя отношенiя поддерживались болѣе по традицiи, но до союза съ Францiей было еще далеко... Нуженъ былъ для этого Александръ Ш съ его трезвымъ умомъ и твердымъ характеромъ, но нуженъ былъ и Обручевъ съ его пониманiемъ мощи Россiи, и слабыхъ ея сторонъ по сравненiю съ вѣроятными ея врагами, силы которыхъ, въ особенности въ области индустрiи, ему, какъ профессору военной статистики иностранныхъ государствъ, были хорошо извѣстны. Благопрiятствовало заключенiю союза и то обстоятельство, что доклады по оборонѣ въ царствованiе АлександраШ были производимы Государю не министромъ, а начальникомъ Главнаго Штаба Обручевымъ, лицомъ съ большимъ военнымъ опытомъ и эрудицiей, вызывавшимъ довѣрiе и создавшимъ извѣстную близость, пусть только въ дѣловой сферѣ, между Царемъ и Обручевымъ.

1892 году была заключена между Россiей и Францiей военная конвенцiя, подписанная съ нашей стороны ген. Обручевымъ, съ французской — ген. Буадефромъ. Эта конвенцiя должна была послужить руководящимъ началомъ для разработки Россiей и Францiей ихъ плановъ войны.

Основная стратегическая идея, которой руководствовался ген. Обручевъ при заключенiи военной конвенцiи съ Францiей, изложна въ составленной имъ въ томъ же году докладной запискѣ. Въ ней Обручевъ настаиваетъ на томъ, что Россiя, задаваясь вмѣстѣ съ Францiей конечной цѣлью войны разгромить Германiю, оставляетъ за собой стратегическую свободу въ первоначальныхъ дѣйствiяхъ. «Мы должны», говорится въ запискѣ ген. Обручева, «сохранить за собою свободу распредѣлить такъ свои войска, чтобы нанести рѣшительный ударъ армiямъ Тройственнаго Союза. Можетъ быть, для достиженiя сей цѣли намъ прежде всего придется направить главныя силы противъ Германiи, какъ опаснѣйшаго и сильнѣйшаго противника, но можетъ быть, представится еще болѣе выгоднымъ сокрушить какъ можно скорѣе Австрiю, чтобы затѣмъ легче справиться съ изолированной Германiей. Намъ надо сохранить за собою безусловную свободу дѣйствiй и потому, что въ вопросахъ о совмѣстныхъ съ Францiей операцiяхъ, кажется наилучшимъ ограничиться лишь обязательствомъ, въ случаѣ нападенiя одной изъ державъ Тройственнаго Союза на Францiю, тотчасъ же мобилизовать свою армiю и начать военныя дѣйствiя противъ ближайшихъ къ намъ державъ сего союза Германiи и Австрiи, требуя съ французской стороны соотвѣтствующихъ же обязательствъ».

Къ сожалѣнiю на совѣщанiяхъ начальниковъ Ген. Штабовъ Русскаго и Французскаго, состоявшихся въ 1911, 1912 и 1913 годахъ эта руководящая стратегическая идея ген. Обручева была забыта....

Послѣ смерти Императора Александра Ш и ухода Ванновскаго, Николай П назначилъ военнымъ министромъ генерала Куропаткина, что было большимъ ударомъ для Обручева, не безъ основанiя надѣявшагося занять этотъ постъ, будучи совершенно къ нему подготовленнымъ и имѣющимъ уже не малыя заслуги передъ Россiей, и отцомъ и дѣдомъ Государя....

Милостивый Высочайшiй рескриптъ и орденъ Андрея Первозваннаго, которымъ онъ былъ удостоенъ ко дню пятидесятилѣтiя его государственной службы не могли утишить душевныхъ страданiй такого человѣка, какъ Обручевъ, видѣвшаго, куда влекутъ Россiю ошибки Куропаткина, не сумѣвшаго бороться съ вредными влiянiями безотвѣтственныхъ лицъ на дальневосточныя дѣла, не предотвратившаго войну съ Японiей, а съ этой войны и начались бѣдствiя Россiи, такъ какъ именно съ этого времени она, какъ бы по наклонной плоскости, покатилась въ пропасть....

П. Ольховскiй.

Фоке-Вульфъ, летающаго хвостомъ впередъ и др.

Итальянское Министерство Воздуха представлено значительнымъ количествомъ моделей современныхъ итальянскихъ самолетовъ, изъ которыхъ особенное вниманiе привлекаетъ знаменитый тяжелый бомбардировщикъ Капрони-90 съ 6-ю моторами по 1000 л. с. каждый, вооруженный 8 пулеметами.

Англiйскiе самолеты и моторы поражаютъ тщательностью и ювелирностью своей отдѣлки.

Польша выставила нѣсколько своихъ самолетовъ, изъ которыхъ цѣльно-металлическiй истребитель привлекаетъ вниманiе своей оригинальной конструкцiей.

Въ заключенiе надо сказать, что никогда, со времени существованiя салоновъ авiацiи, выставку не посѣщало столько публики, какъ теперь. Можно было видѣть людей, несомнѣнно съ покупательными способностями, дѣловито осматривающихъ маленькiе самолеты туризма, стоимостью 25-30 тысячъ франковъ и выше.

Повидимому, авiацiя въ глазахъ широкой публики перестаетъ быть опасной и дорого стоющей игрушкой, ее начинаютъ понимать и отдавать ей должное...

В. Барановъ.

ОТЪ РЕДАКЦIИ.

Въ статью П. Симанскаго: Суворовъ, помѣщенной въ № 10 Русскаго Инвалида, слѣдуетъ внести слѣдующiя исправленiя: вмѣсто «приказалъ отдавать» — приказавъ отдавать, вмѣсто «вождемъ, покрытый» — вождемъ, который, вмѣсто «Мачницкiй» — Магницкiй, вмѣсто «къ условiяхъ» — къ условiямъ, вмѣсто «настроенцахъ» — построенiяхъ, вмѣсто «славнымъ проповѣдникомъ» — главнымъ проповѣдникомъ.

Насъ просятъ сообщить, что:

Владѣлецъ русскаго гастрономическаго магазина въ Ниццѣ г. Эренбургъ въ началѣ января согласился устроить въ магазинѣ «НЕДѢЛЮ РУССКАГО ИНВАЛИДА», съ отчисленiемъ 10% валовой выручки въ общую братскую кассу Зарубежнаго Союза Р. В. И.

2) Владѣлецъ русскаго ресторана въ Монте-Карло, полк. Окаемовъ согласился для русскихъ военныхъ инвалидовъ дѣлать 10% скидки за завтраки и обѣды у него въ ресторанѣ:

Адр.: Taverne Russe, 12, rue Tivoli, Superieur Beau Soleil Monte-Carlo.

привыкли» — отвѣтилъ я.

Когда разработка данной операцiи закончена, предсѣдатель и нѣкоторые изъ членовъ комиссiи дѣлаютъ доклады въ общемъ собранiи всѣхъ слушателей въ присутствiи Начальника Академiи и профессоровъ. Послѣ доклада происходятъ пренiя, которыми руководитъ Начальникъ Академiи, дѣлающiй затѣмъ свое заключенiе.

Кромѣ этой «лабораторной» работы, въ Академiи читаются лекцiи. Число ихъ невелико — всего за весь курсъ около 75. Эти лекцiи читаются профессорами. Онѣ посвящены изученiю работы механизма армiи и группъ армiй, а также новѣйшимъ вопросамъ подготовки къ войнѣ.

Практическiй духъ Американцевъ подсказалъ имъ использовать Вашингтонскую военную Академiю не только какъ высшую школу, но также какъ и военно-научную «лабораторiю» для изученiя новѣйшихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ развитiемъ современной соцiальной жизни и техники.

Собственно говоря, эта же идея положена была въ основу нашей Академiи при ея учрежденiи. Она оставалась въ силѣ въ царствованiе Императора Александра II. но затѣмъ она постепенно потерялась. Неудачный подборъ начальниковъ Ген. Штаба съ одной стороны и оживленiе работы нашей Академiи, вызванное неудачами войны съ Японiей съ другой, привели къ идейному разрыву между нашей Академiей и Главнымъ Управленiемъ Ген. Штаба. Вредъ получился для обоихъ. Первая работала какъ бы на холостомъ приводѣ и потому отрывалась отъ жизни, второе же, заваленное бюрократической работой, отставало отъ военной науки.

Въ Америкѣ этого нѣтъ. Тамъ объединенiе работы ~~центральнаго органа~~ Ген. Штаба и Академiи самое полное и тѣсное. Эта тѣсная связь отражается на оригинальной организацiи учащаго персонала.

Работа профессоровъ распредѣлена не по кафедрамъ, а по отдѣламъ, соотвѣтствующимъ отдѣламъ высшаго штаба, а именно: 1) оперативный отдѣлъ; 2) развѣдывательный отдѣлъ; 3) отдѣлъ личнаго состава, пополненiя и снабженiй; 4) отдѣлъ военныхъ сообщенiй и тыла.

Каждый выдвигаемый жизнью новый вопросъ немедленно же изучается въ Академiи. Онъ изслѣдуется профессорами, а также его изученiе поручается вышеуказаннымъ «Комиссiямъ», составленнымъ изъ слушателей. Эти разработки затѣмъ суммируются, подводятся итоги и все это служитъ базой для рѣшенiй, принимаемыхъ Генеральнымъ Штабомъ.

Подобная постановка дѣла имѣетъ громадное психологическое значенiе. Каждый изъ прибывшихъ въ Академiю слушателей чувствуетъ себя не ученикомъ, а активнымъ участникомъ въ идейной работѣ по созданiю вооруженной мощи своей страны.

Несомнѣнно, что многiя изъ работъ, сдѣланныхъ обучающимися, далеки отъ совершенства. Но иногда въ оболочкѣ даже нѣсколько наивной, проскальзываетъ свѣжая мысль, которая оплодотворяетъ работу профессорскаго состава. Эта новая идея, доработанная и отчеканенная опытными «техниками военной науки», получаетъ надлежащiя формы. Въ такомъ видѣ она легко обрѣтаетъ то влiянiе, которое заслуживаетъ и которое было бы затемнѣно не совершенной формой ея при рожденiи.

Чѣмъ больше всматривался я въ Американскую жизнь, тѣмъ больше приходилось мнѣ убѣждаться въ томъ, какую громадную роль играютъ въ ней уваженiе къ наукѣ и вѣра въ нее.

Это особенно поражало меня, привыкшаго въ русской средѣ на каждомъ шагу слышать такiя выраженiя: «ну, это теорiя, — на практикѣ оно иначе», причемъ говорящему не приходитъ даже въ голову, что дѣло вовсе не въ томъ, что «теорiя» плоха вообще, а въ томъ, что онъ говоритъ про «плохую теорiю». А вотъ другое наше обыденное разсужденiе: «Намъ нужна практика, а не теорiя». Какъ будто бы какая нибудь практическая дѣятельность, желающая подняться надъ кустарничествомъ, возможна безъ истинной теорiи, т. е. безъ науки.

Однимъ словомъ, за исключенiемъ академической среды, въ Русскомъ обществѣ встрѣчается противопоставленiе практики (дѣятельности) — теорiи (наукѣ), какъ двухъ противоположныхъ началъ. Конечно, здѣсь сказывается тотъ, свойственный намъ, «максимализмъ мышленiя;, о которомъ я говорилъ выше. Результаты его мы можемъ отчетливо наблюдать въ политическихъ и религiозныхъ спорахъ нашей эмиграцiи.

Въ Америкѣ практика (дѣятельность) и теорiя (наука) не противопоставляются. Американцы во всемъ ищутъ гармоничнаго ихъ сочетанiя. Они не признаютъ теорiи безъ практики и практики безъ теорiи. Къ какому бы «бизнессу» ни приступалъ Американецъ, онъ прежде всего стремится организовать его «научно».

Истинный генiй Америки воплощается въ Тейлорѣ, являющимся отцомъ такъ называемой «научной организацiи» (scientific organisation) фабричной и заводской работы.

Американцы первые стали на этотъ путь, и каждый Американецъ, на каждомъ шагу, убѣждается, что только идя по этому пути возможно манипулировать тѣми «большими числами», передъ которыми Европа кажется такою маленькою.

Духомъ «научной организацiи» проникнуто все устройство Армiи С.-А. С. Штатовъ. Рацiональность этого устройства начинается съ самаго основанiя.

Этимъ основанiемъ служитъ трезвая оцѣнка особаго стратегическаго положенiя С.-А. Соед. Штатовъ, позволяющаго ей совершенно не опасаться непрiятельскаго вторженiя. Большая война возможна для нея только въ формахъ аналогичныхъ участiю Америки въ минувшей Мiровой войнѣ. Иначе говоря — въ формѣ за-океанскаго десанта.

При такой предпосылкѣ время мобилизацiи Армiи измѣряется не днями или недѣлями, какъ въ Европѣ, а многими мѣсяцами.

Срокъ, которымъ задался въ этомъ отношенiи Американскiй Ген. Штабъ, исчисляется **пятью мѣсяцами***). По истеченiи этого срока, Америка выставляетъ Армiю общей численностью въ три миллiона*).

Принимая во вниманiе такую громадную продолжительность мобилизацiи, Америкѣ нѣтъ никакой надобности имѣть въ мирное время Армiю Европейскаго образца, основанную на всеобщей воинской повинности. Минувшая большая война опредѣленно показала, что срока въ пять мѣсяцевъ съ избыткомъ достаточно для подготовки солдата-бойца при существующемъ въ Америкѣ культурномъ уровнѣ населенiя. Но та же война показала, какъ возросло значенiе офицерскаго состава. Какая громадная и непрерывная работа надъ своимъ усовершенствованiемъ требуется отъ Американскаго кадроваго офицера указано было мною выше. Теперь посмотримъ, какiя мѣры приняты для заблаговременнаго созданiя офицерскаго резерва, изъ котораго будетъ призванъ тотъ «офицеръ военнаго времени», который замѣнитъ офицера-профессiонала на всѣхъ оберъ-офицерскихъ, а также и на младшихъ штабъ-офицерскихъ должностяхъ.

Офицерскiй резервъ образуется главнымъ образомъ изъ лицъ, добровольно прошедшихъ въ мирное время военные факультеты, устроенные при многихъ гражданскихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведенiяхъ.

Обучающiеся на военныхъ факультетахъ среднихъ учебныхъ заведенiй образуютъ «младшую группу;, обучающiеся же на военныхъ факультетахъ при университетахъ — «старшую группу». Продолжительность занятiй: три года въ младшей группѣ и четыре года въ старшей группѣ. Общее число учебныхъ часовъ отведенные подъ военную подготовку достигли 700.

Эти цифру слѣдуетъ запомнить нашей эмигрантской молодежи, желающей подготовиться къ офицерскому званiю. Не нужно упускать изъ виду того, что Американскiй учащiйся не освобождается для военной подготовки отъ своихъ основныхъ занятiй. Послѣднiя онъ выполняетъ наравнѣ съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые не числятся кадетами военныхъ факультетовъ.

Кромѣ вышеуказанныхъ занятiй на военныхъ факультетахъ, кадеты старшей группы участвуютъ въ лагерномъ сборѣ 5-ти - 6-ти недѣльной продолжительности.

Кадеты военныхъ факультетовъ каждаго изъ гражданскихъ учебныхъ заведенiй образуютъ одну или нѣсколько кадетскихъ частей различныхъ родовъ войскъ. Для командованiя этими кадетскими частями, а также для преподаванiя военныхъ наукъ и веденiя занятiй, имѣется соотвѣтствующее число кадровыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Въ университетѣ, въ который я былъ приглашенъ, во главѣ военнаго факультета стоялъ подполковникъ съ тремя помощниками-капитанами.

Всего для военнаго обученiя учащихся выдѣлено 800 офицеровъ и 1200 унтеръ-офицеровъ.

Общая численность молодыхъ людей, находящихся на военныхъ факультетахъ, измѣряется болѣе чѣмъ 110 тысячами. Изъ этого числа около 70 тысячъ падаетъ на старшую группу*).

Успѣшно окончившiе 4-й годъ старшей группы производятся въ резервные офицеры. Ежегодно таковыхъ выпускается около 5 тысячъ.

Кромѣ этого способа подготовки запаса офицеровъ военнаго времени существуетъ еще другой: это — гражданскiе лагери военнаго обученiя. Эти лагери служатъ для военнаго обученiя тѣхъ добровольцевъ изъ молодежи, которые не попали на военные факультеты. Лагери организуются въ лѣтнiй перiодъ при стоянкахъ войсковыхъ частей. Полный курсъ обученiя состоитъ изъ 4-хъ лагерныхъ сборовъ, каждый продолжительностью въ четыре недѣли. Первый и второй сборы образуютъ «основной» и «красный» курсы, въ которыхъ молодые люди получаютъ подготовку рядового. Третiй лагерный сборъ называется «Бѣлымъ» курсомъ; онъ служитъ для подготовки въ унтеръ-офицеры. Наконецъ, послѣднiй, четвертый, лагерный сборъ образуетъ «Синiй» курсъ — для подготовки офицеровъ резерва.

Общее число учебныхъ часовъ, отведенныхъ подъ военныя занятiя, для всѣхъ четырехъ курсовъ взятыхъ вмѣстѣ, доходитъ до 500.

Численность молодыхъ людей, обучающихся въ гражданскихъ лагерахъ по курсамъ, въ 1926 году была такова*):

Основной курсъ	24 тыс.
Красный	6 тыс.
Бѣлый	3 тыс.
Синiй	2 тыс.
Всего	35 тыс.

Молодые люди, окончившiе синiй курсъ и выдержавшiе офицерскiй экзаменъ, производятся въ резервные офицеры; такихъ выдерживающихъ испытанiе бываетъ около 500 человѣкъ ежегодно. Всѣ остальные ученики «синихъ» курсовъ, а также «бѣлыхъ», получаютъ званiе резервныхъ унтеръ-офицеровъ.

Выдержавшiе испытанiе на званiе офицера резерва молодые люди заключаютъ договоры о службѣ на каждыя пять лѣтъ. Ихъ служба въ мирное время заключается въ участiи въ добровольныхъ теоретическихъ занятiяхъ при войсковой части и въ обязательныхъ ежегодныхъ 15-ти дневныхъ лагерныхъ сборахъ.

Продвиженiе въ чинахъ происходитъ въ общемъ порядкѣ, на тѣхъ же основанiяхъ, что и кадровыхъ офицеровъ. Различiе заключается лишь въ томъ, что школы по усовершенствованiю въ званiяхъ расчитаны на меньшiе сроки (3-4 мѣсяца). Но за то офицеры резерва должны кромѣ этихъ школъ проходить еще специальные заочные курсы соотвѣтственно занимаемой должности и сдать по нимъ экзаменъ.

Въ мирное время численность содержимой С.-А. Соед. Штатами армiи измѣряется всего 135 тысячами. Эта малочисленная армiя имѣетъ въ своемъ составѣ 12 тыс. офицеровъ. Прибавимъ къ этому числу кадровыхъ офицеровъ, запасъ офицеровъ «военнаго времени», пополняемый ежегодно выпускомъ 5 съ пол. тыс. резервныхъ офицеровъ, мы получимъ корпусъ офицеровъ по своей численности съ избыткомъ, а по своей подготовкѣ вполнѣ отвѣчающiй развертываемой въ пяти-мѣсячный срокъ трехмиллiонной армiи*).

Такъ же рацiонально поставленъ вопросъ о вооруженiи и снабженiи всѣмъ необходимымъ этой армiи.

Мощность Американской промышленности такова, что въ пяти-мѣсячный срокъ она имѣетъ полную возможность не только перестроится на военный ладъ, но и снабдить и вооружить армiю, по послѣднему слову военной техники.

Для этого требуется лишь одно: заблаговременная и тщательная подготовка промышленной мобилизацiи. Послѣдняя же поставлена въ Америкѣ образцово.

Общее руководство вопросами организацiи военной промышленности и подготовки ея къ войнѣ принадлежитъ помощнику военнаго министра. Управленiе послѣдняго, въ тѣсной связи со всѣми органами техническихъ службъ, подчиненныхъ начальнику Генеральнаго Штаба, а также въ тѣсной связи съ частными промышленными организацiями, разрабатываетъ общiй планъ мобилизацiи промышленности.

Вся страна раздѣлена на 14 военно-промышленныхъ округовъ въ которыхъ имѣются заготовительныя бюро по отдѣльнымъ видамъ снабженiя. Эти бюро разрабатываютъ планы мобилизацiи промышленности на-мѣстахъ.

Дабы обезпечить будущую армiю самымъ совершеннымъ оборудованiемъ, всякое послѣднее слово военной техники воплощается въ законченный образецъ, который носитъ характерное названiе «пилота». Когда эти «пилоты» утверждены для массоваго производства, по ихъ образцу производятся не только всѣ самые подробные расчеты и чертежи, но заготовляются и всѣ лекалы. Благодаря этому съ объявленiемъ мобилизацiи, предназначенные планомъ заводы могутъ немедленно же приступить къ валовому производству, дабы полностью снабдить въ указанный срокъ Армiю. Вслѣдствiе такого порядка Американская Армiя выступитъ въ походъ, имѣя въ своихъ рукахъ несравнѣнно болѣе совершенное оружiе, нежели всякая другая Армiя, связанная запасами вооруженiя, заготовленными заблаговременно, въ мирное время.

Подводя итогъ всему выше[illegible]му, мы видимъ что военная мо[illegible] С. Ш. существуетъ только, ес[illegible] такъ выразиться, «въ теорi[illegible] основномъ свойствѣ Америка[illegible] раздѣлять «теорiю» и «практи[illegible] перiодически повѣряютъ моби[illegible]ную готовность своихъ воору[illegible] силъ и военной промышленности. Съ Съ этой цѣлью устраиваются пробныя мобилизацiи, въ которыхъ участвуютъ миллiоны гражданскаго населенiя и сотни заводовъ.

Поэтому можно съ увѣренностью сказать, что въ ту минуту, когда С. А. С. Ш. сочтутъ себя вынужденными взяться за оружiе, въ ихъ рукахъ будетъ грозная сила.

Въ Лигѣ Нацiй, при обсужденiи вопросовъ разоруженiя, пущено было выраженiе: «военный потенцiалъ». Подъ этими словами понимается не та армiя, которая видна глазамъ обывателя, а та скрытая вооруженная сила, которую сможетъ выставить страна во время войны. «Военный потенцiалъ» зависитъ прежде всего отъ «военныхъ возможностей» страны; но затѣмъ его величина зависитъ отъ того, насколько «теоретически» подготовлено осуществленiе этихъ возможностей. Только такая страна, какъ Америка, весь духъ которой проникнутъ вѣрой въ значенiе «научной организацiи», можетъ, не увлекаясь «видимостью» существующей въ мирное время армiи, подготовиться къ наиболѣе полному использованiю въ случаѣ вынужденной борьбы своего «военнаго потенцiала».

Эта вѣра въ «научную организацiю» нужна, потому что результаты траты денегъ на подготовку «военнаго потенцiала» не видны глазу обывателя. Онъ почти не встрѣчаетъ на улицахъ военныхъ мундировъ и не видитъ проходящихъ полковъ. А траты на «теоретическую подготовку» армiи огромны.

Согласно «Военному справочнику» Лиги Нацiй, ежегодный военный (только сухопутный) бюджетъ С. А. С. Ш. за перiодъ 1924-1927 г. г. измѣрялся 340 миллiонами долларовъ, т. е. 8 съ пол. миллiардами франковъ.

Наиболѣе могущественную, единую; армiю имѣетъ Францiя. Тотъ же «Военный справочникъ» для того же перiода времени опредѣляетъ ея ежегодный военный (только сухопутный) бюджетъ въ 5 миллiардовъ франковъ.

Генералъ Н. Н. Головинъ.

---

*) Взято изъ совѣтскаго военнаго справочника «Иностранные армiи и флоты», изд. въ Москвѣ 1928 г.

*) Эти цифры взяты мной изъ Совѣтскаго справочника «Иностранные армiи и флоты», изд. въ Москвѣ въ 1928.

*) Взято изъ вышеупомянутаго справочника.

*) Согласно «военному справочнику» Лиги Нацiй, численность офицеровъ запаса С. А. С. Ш. измѣрялась 30 iюня 1928 года 12 тысячами кадровыхъ офи- и 113 съ пол. тыс. резервныхъ офицеровъ.

Разныя точки зрѣнія

Въ статьяхъ ген. Данилова («Возрожденіе» № 1945) приведены данныя о той роли, которую сыграли Ивангородскія позиціи во время Великой войны.

Уточнить и дополнить эту статью можетъ лучше другихъ, — если пожелаетъ, — здравствующій *послѣдній* русскій комендантъ Ивангорода, ген. Шварцъ. Но въ этомъ очеркѣ имѣются положенія, затрагивающія общіе вопросы инженерной обороны: ихъ полезно разсмотрѣть и съ другой точки зрѣнія, противоположной взгляду ген. Данилова на роль и значеніе крѣпостей и долговременныхъ сооруженій.

Смыслъ статьи ген. Данилова таковъ, что ей вполнѣ подошло бы заглавіе: — «О пользѣ упраздненія Висленскихъ крѣпостей». Вотъ эту «пользу» и слѣдуетъ освѣтить.

Крѣпость Ивангородъ возведена была по мысли и по непосредственнымъ указаніямъ Императора Николая I, и назначеніе ея было совершенно ясно: она составляла лѣвофланговый устой на Вислѣ треугольника крѣпостей — Новогеоргіевскъ, — Ивангородъ, Брестъ-Литовскъ, — того «грознаго расположенія» по словамъ записки Императора Николая I, которое обезпечивало намъ владѣніе незадолго передъ тѣмъ присоединенной частью Царства Польскаго и давало возможность *спокойнаго сосредоточенія армій и перехода черезъ Вислу*.

Для этого требовалось, конечно, содержать крѣпости — не только верки ихъ, но и пушки — въ должномъ состояніи. У насъ этого не дѣлалось, а при общемъ разгромѣ военно-инженерной обороны Россіи, который учиненъ былъ въ 1909-1910 годахъ сухомлиновскимъ министерствомъ, Ивангородская крѣпость была упразднена вмѣстѣ съ другими.

Что же изъ этого произошло? Дѣйствительно ген. Шварцу удалось уже во время войны сдѣлать въ Ивангородѣ очень много: зарѣчныя позиціи были укрѣплены отлично, — но всетаки это были позиціи «временнаго характера», а не долговременныя.

Они могли потребовать отъ противника очень большихъ усилій и жертвъ для ихъ одолѣнія, но они не требовали подвоза *тяжелой осадной* артиллеріи, что на русскомъ фронтѣ было для непріятеля особенно трудно, а главное — мѣшкотно.

Съ трудомъ, при большомъ противодѣйствіи штаба, такъ сказать, «явочнымъ порядкомъ», ген. Шварцъ началъ укрѣплять позиціи и на правомъ берегу Вислы. Цѣль ихъ была создать крѣпостное кольцо, и не только противъ прорвавшагося «*случайно* на правый берегъ» непріятеля, какъ подчеркиваетъ ген. Даниловъ, а для упорной обороны Ивангорода *послѣ его окруженія*. Комендантъ съ достаточнымъ основаніемъ утверждалъ, что Ивангородъ, *окруженный*, способенъ продержаться по крайней мѣрѣ 2-3 мѣсяца, навлекая на себя до 5 непріятельскихъ корпусовъ.

Этого въ Ставкѣ допустить не желали, и къ ген. Шварцу былъ посланъ и приставленъ спеціальный штабной офицеръ, о которомъ упоминаетъ и ген. Даниловъ, — своего рода «комиссаръ», — который обязанъ былъ наблюсти, чтобы комендантъ не позволилъ себѣ обороняться до конца, «до послѣдней силы и живота» по петровскому завѣту....

Только подъ такимъ штабнымъ давленіемъ и были брошены ивангородскія позиціи, къ тому времени уже *сомкнутыя*, созданныя съ такимъ напряженіемъ и знаніемъ дѣла.

Но, можетъ быть, сомкнутыя Ивангородскія позиціи и не были нужны? Такого взгляда *держится* ген. Даниловъ. Однако, иной отвѣтъ получается изъ его же статьи.

«Движеніе германцевъ на Радомъ», пишетъ ген. Даниловъ, «могло угрожать не только паденіемъ Ивангорода, *не имѣвшаго круговой обезпеченной обороны*, но и переходомъ въ руки нѣмцевъ Варшавы».

Въ виду этого, Ставка оказалась вынужденной, произвести перегруппировку войскъ *на правомъ берегу* Вислы,и Ивангороду ставится при этомъ, по словамъ статьи ген. Данилова, задача: «*прикрыть съ лѣваго фланга всѣ передвиженія*, выполнявшіяся по правому берегу Вислы, вдоль средняго теченія этой рѣки, и кромѣ того *сохранить* на лѣвомъ берегу той-же рѣки *свободный плацдармъ для послѣдующаго перехода нашихъ войскъ въ наступленіе*.

Но вѣдь въ этомъ именно и заключалась основная задача Ивангородской крѣпости, *для этого она и была возведена!*

Война подтвердила только необходимость крѣпости въ томъ самомъ районѣ, на томъ самомъ узлѣ путей и переправъ, на которомъ она была построена.

Вышло же такъ, что крѣпость, которая по ходу военныхъ операцій должна была сыграть выдающуюся роль — за четыре года до войны упразднили, а во время войны задачи ея поручили полевымъ позиціямъ.

Результаты тоже видны изъ статьи ген. Данилова: «Въ виду необезпеченности тыла Ивангорода четырьмя совершенно устарѣвшими фортами**) къ нему былъ придвинутъ III Кавказскій корпусъ».

Корпусъ этотъ въ составъ гарнизона не былъ включенъ и такое половинчатое рѣшеніе никакой пользы, конечно, принести не могло: только оттягивало полевыя войска для выполненія тѣхъ задачъ, которыя съ гораздо большимъ успѣхомъ могъ бы выполнить *гарнизонъ крѣпости*, хотя бы ополченскій. Но никакого гарнизона Коменданту такъ и не дали, несмотря на всѣ его настоянія.

Выходитъ, что Наполеоновское сужденіе — «безъ крѣпостей нельзя составить хорошаго плана кампаніи — подтвердилось и въ минувшую войну. И если у насъ планъ составлялся не по наполеоновски, то вѣдь и результаты получились другіе...

Ген. Даниловъ повидимому убѣжденный сторонникъ «преимуществъ» полевой фортификаціи передъ долговременной. Доводы въ ея пользу тоже заслуживаютъ того, чтобы остановиться на этомъ вопросѣ. Но это уже въ другой статьѣ.

П. Ставицкій.

---

*) Курсивъ мой.

** Не только «устарѣвшими» — вовсе упраздненнымъ распоряженіемъ 1910 года...

КЪ СЕМИДЕСЯТИЛѢТІЮ К. П. КРАМАРЖА

Редакція «Русскаго Инвалида» шлетъ горячій привѣтъ и самыя наилучшія пожеланія пламенному патріоту и выдающемуся государственному дѣятелю Чехословацкой Республики, д-ру К. П. Крамаржу, ко дню торжественнаго празднованія семидесятилѣтія со дня его рожденія, отъ души желая ему силъ и здоровья для продолженія своей высокополезной государственной, общественной и научной дѣятельности.

27 и 28-го декабря текущаго года состоится въ Прагѣ торжественное празднованіе семидесятилѣтія Карела Петровича Крамаржа. Участіе въ немъ его русскихъ почитателей, согласно выработанной программѣ празднованія, можетъ выразиться въ слѣдующемъ:

1. Присутствіе 27-го декабря на концертѣ въ залѣ Люцерны. Концертъ начнется въ 5 час. по-полудни. Число билетовъ на этотъ концертъ, которые могутъ быть предоставлены членамъ русской колоніи, ограничено. Цѣна билета — 5 к. ч.

2. 27-го же декабря, въ 7 съ пол. час. вечера въ Сметановомъ залѣ Обецнаго дома состоится банкетъ. Мѣстъ, которые на немъ могутъ быть предоставлены членамъ русской колоніи, не болѣе пятидесяти. Участники банкета вносятъ 40-50 к. ч.

3. 28-го декабря, въ 11 съ пол. ч. утра, къ виллѣ д-ра Крамаржа направится торжественная процессія, въ которой пойдутъ всѣ, кто желаетъ принять участіе въ выраженіи уваженія К. П. Крамаржу. Въ этой процессіи русскіе ея участники пойдутъ особой группой.

4. 28-го декабря, въ 6 час. вечера, состоится «чай» русской колоніи, въ присутствіи К. П. Крамаржа.

На Инвалидномъ фронтѣ

ВЪ ЮГОСЛАВІИ

Послѣдняя Сессія Лиги Націй, засѣдавшая въ сентябрѣ сего года, по ходатайству Главнаго Правленія Зарубежнаго Союза и по представленію помощника верховнаго комиссара по дѣламъ бѣженцевъ майора Джонсона, въ соотвѣтствіи съ постановленіемъ Междуправительственной Комиссіи, вынесла важное рѣшеніе о томъ, чтобы Совѣтъ Лиги Націй обратился съ просьбой объ оказаніи помощи русскимъ военнымъ инвалидамъ къ правительствамъ тѣхъ государствъ, которые до сихъ поръ таковой помощи не оказывали или оказывали въ недостаточной мѣрѣ.

На это рѣшеніе повліялъ прекрасный благородный примѣръ Югославіи, оказывающей помощь русскимъ военнымъ инвалидамъ уже въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1925 года и въ послѣднее время рѣшившей вопросъ о помощи русскимъ инвалидамъ.

Въ слѣдующемъ номерѣ "Русскаго Инвалида", Главное Правленіе дастъ очеркъ о жизни русскихъ военныхъ инвалидовъ въ Югославіи и о той братской помощи, которую оказываетъ имъ это рыцарски-благородное государство.

ПОЛКОВНИКЪ Д. А. АБРАМОВИЧЪ

Въ теченіе десяти лѣтъ — безсмѣнный предсѣдатель Союза Русскихъ Инвалидовъ въ Болгаріи по выборамъ.

Родился въ 1876 г. Въ военную службу вступилъ въ 1896 г. По окончаніи Одесскаго училища по 1 разряду, портупей-юнкеромъ, вышелъ въ 59 пѣх. Люблинскій полкъ. Участникъ трехъ войнъ: Русско-Японской, Великой и гражданской. Прошелъ въ строю всѣ этапы боевой службы и закончилъ таковую въ старой арміи въ должности командира бригады 12-й Сибирской стрѣлковой дивизіи. Временно командовалъ дивизіей. Награжденъ всѣми боевыми орденами до ордена Св. Велик. и Побѣд. Георгія 4-й степени. Раненъ пять разъ. Послѣднее раненіе въ гражданскую войну въ грудь съ раздробленіемъ легкаго.

2-мъ Делегатскимъ Съѣздомъ Союза инвалидовъ въ Болгаріи, избранъ почетнымъ членомъ Союза. Ко дню десятилѣтія безсмѣнной неусыпной, кипучей, высокополезной дѣятельности на благо и пользу инвалидовъ — Главнымъ Правленіемъ Зарубежнаго Союза награжденъ знакомъ Зарубежнаго Союза Инвалидовъ I-й степени и званіемъ Почетнаго Члена-Покровителя.

ДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ СОЮЗА РУССКИХЪ ИНВАЛИДОВЪ ВЪ БОЛГАРІИ

26-го декабря сего года исполняется десять лѣтъ со дня организаціи Союза Русскихъ Инвалидовъ въ Болгаріи.

Если въ жизни человѣчества 10 лѣтъ являются временемъ ничтожнымъ, подобнымъ мгновенію, то въ жизни отдѣльныхъ людей это срокъ довольно замѣтный и чувствительный.

Для русскихъ инвалидовъ, волею Божественнаго Промысла, лишившихся однажды всего: здоровья, Родины, имущественныхъ благъ, государственной опеки и способности самостоятельно зарабатывать средства къ жизни — десять лѣтъ срокъ громадный, составляющій эпоху такихъ потрясающихъ переживаній, какихъ многіе народы, можетъ быть, не испытывали за все время своего историческаго существованія.

Въ началѣ 1920 года распоряженіемъ Главнокомандующаго приказано было всѣхъ тяжело раненыхъ воиновъ вывезти изъ крымскихъ госпиталей заграницу. Раненые были перенесены на суда и подъ флагомъ союзныхъ странъ перевезены въ Болгарію. Впослѣдствіи къ этимъ инвалидамъ прибавились инвалиды позднѣйшіе.

Болѣе полугода инвалиды находились въ больницѣ. "Подкормили, залечили раны, оперировали, ампутировали, обогрѣли. Время выписываться..."*). Но куда идти? **"Безъ языка, безъ знакомствъ, безъ спеціальныхъ познаній, на костыляхъ, или безъ руки, съ простреленными легкими или съ пробитымъ черепомъ".** ("Въ Борьбѣ".).

Дѣйствительно положеніе инвалидовъ было исключительнымъ по своей тяжести. Въ чужомъ государствѣ надо было выходить на улицу, начинать новую жизнь. Грядущее представлялось загадочнымъ, безпросвѣтнымъ и безрадостнымъ. "Казалось самое страшное осталось сзади, но... тогда было здоровье, а теперь ужасъ безпомощности". Не трудно было потерять сердце и прійти въ отчаяніе. Помогла воспитанная въ боевой обстановкѣ привычка не теряться, не падать духомъ.

Въ этотъ суровый грозный моментъ изъ среды инвалидовъ выдѣлился сильный волевой человѣкъ, энергичный, съ большимъ житейскимъ опытомъ, и прозорливымъ практическимъ пониманіемъ жизни, которому судьба въ счастливый часъ довѣрила участь безпомощныхъ инвалидовъ. Это былъ старый кадровый офицеръ, участникъ русско-японской, Великой и гражданской войнъ, пять разъ раненый — полковникъ Д. А. Абрамовичъ.

26-го декабря въ г. Софіи въ кабинетѣ военнаго агента собралась инціативная группа инвалидовъ въ составѣ 24 человѣкъ на первое общее собраніе. На этомъ собраніи, руководимомъ предсѣдателемъ инціативной группы полковникомъ Абрамовичемъ была намѣчена программа дальнѣйшей дѣятельности. Для осуществленія этой программы среди присутствующихъ участниковъ засѣданія было собрано 40 болг. лева (около 7½ фр. франковъ). Съ этимъ "капиталомъ" полк. Абрамовичъ и началъ свой нелегкій трудъ.

Съ началомъ дѣятельности софійской группы, стали сорганизовываться инвалиды и въ разныхъ другихъ пунктахъ Болгаріи. Союзъ быстро увеличивался въ своемъ числѣ.

Призывъ полковника Абрамовича къ обществу о помощи инвалидовъ нашелъ живой горячій откликъ. Умѣнье его подойти къ нужнымъ людямъ, заинтересовать ихъ судьбой русскихъ инвалидовъ, правдиво и ярко обрисовать положеніе инвалидовъ и вызвать въ сердцѣ благородное сострадание — создали для Союза много друзей и лицъ сочувствующихъ. Энергичная дѣятельность предсѣдателя начала скоро давать свои плоды.

Первымъ громаднымъ результатомъ объединенія инвалидовъ въ одинъ Союзъ явился нравственный переломъ въ настроеніяхъ инвалидовъ: вмѣсто безпомощности и безнадежности первыхъ мѣсяцевъ появились бодрость, желаніе трудиться, стремленіе во что бы то ни стало пересилить, перебороть тяжесть жизни и найти изъ нея выходъ къ лучшему будущему, пока не утихнетъ Россійская буря. Чѣмъ только инвалиды не занимались и на какихъ "поприщахъ" не находили себѣ скудное пропитаніе? Огородниковъ, свинопасовъ, портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, музыкантовъ, пѣвцовъ, гармонистовъ, фотографовъ и т. д. и т. д.

Планъ, намѣченный полк. Абрамовичемъ для устройства инвалидовъ и облегченія и улучшенія ихъ жизни, оказался практически цѣлесообразнымъ, разумнымъ и предусмотрительнымъ. Планъ заключался въ созданіи инвалидныхъ домовъ, общежитій и цѣлой сѣти всевозможныхъ мелкихъ мастерскихъ, гдѣ бы инвалиды могли посильно трудиться. Въ дальнѣйшемъ, когда жизнь показала невозможность обезпечить помощь для 2000 инвалидовъ за счетъ средствъ частной благотворительности, къ слову сказать, носящей совершенной случайный характеръ и когда стало ясно что наше невольное пребываніе заграницей затягивается на неопредѣленное время, полк. Абрамовичъ началъ хлопоты о правительственной помощи.

Прошло десять долгихъ и мучительныхъ лѣтъ. Если подсчитать всѣ труды безсмѣннаго предсѣдателя Союза, Центральнаго Правленія, Правленій Отдѣловъ и всѣхъ честныхъ тружениковъ инвалидовъ, то получится внушительная колоссальная цифра, достойная удивленія, преклоненія и самаго глубокаго уваженія.

За эти годы сколько добрыхъ людей оказали инвалидамъ свою посильную, иногда щедрую, отъ всего сердца, помощь. Болгарскій народъ, въ лицѣ его избранниковъ — членовъ Народнаго Собранія, съ соизволенія Его Величества Царя Бориса и съ согласія гуманнаго просвѣщеннаго болгарскаго правительства въ 1924 году постановилъ оказывать русскимъ инвалидамъ правительственную помощь, каковая выдается и по сей день.

Святѣйшій Болгарскій Синодъ, Митрополитъ Стефанъ Софійскій, Митрополитъ Неофитъ Видинскій, Митрополитъ Филиппъ Велико-Тырновскій, Епископъ Серафимъ Лубенскій и христолюбивое, богоносное духовенство оказали свое содѣйствіе молитвами и сборомъ пожертвованій.

Члены болгарскаго правительства и общественные дѣятели въ лицѣ министра предсѣдателя г. А. Ляпчева, министра ин. дѣлъ Бурова, предсѣдателя Народнаго Собранія Цанкова, начальника отдѣла вѣроисповѣданій Г. Д. Цвѣтинова, гл. секретаря мин. внутреннихъ дѣлъ г. З. Разсуканова, гл. секретаря мин. торговли и пром. г. Соколова, видинскаго окр. управителя г. Георгіева, предсѣдателя адв. совѣта К. П. Ножарова и представителя Верх. Ком. Лиги Націй Б. С. Серафимова оказали русскимъ инвалидамъ свою помощь, вниманіе и содѣйствіе.

Также сердечно отнеслись къ своимъ собратьямъ по оружію и представители болгарскаго военнаго міра: быв. воен. мин. генералъ Волковъ, начальникъ софійскаго гарнизона генералъ Лазаровъ, зап. генералъ Николовъ, пред. комит. по дѣламъ рус. бѣж. Генеральнаго Штаба болг. арміи генералъ А. В. Попадоповъ, комендантъ г. Софіи полк. Карагіозовъ, нач. Варн. гарн. полк. Е. К. Соларовъ, быв. нач. Вид. гарн. полк. Захо въ, нач. Видинск. гарн. полк. Стоиловъ и маіоръ И. Игнатьевъ.

Съ глубокимъ душевнымъ чувствомъ особой симпатіи надо отмѣтить выдающуюся дѣятельность дамъ патронессъ, ко-

---

*) "Въ Борьбѣ". Изд. Центр. Правл. С. И. въ Болгаріи).

Возникновеніе и развитіе германской подводной войны

Только что вышла одна изъ интереснѣйшихъ книгъ о дѣйствіяхъ флота въ Великую войну*). Это исторія подводной войны, написанная извѣстнымъ изслѣдователемъ этого вопроса, кап. 2 р. Лоренсомъ, перу котораго уже принадлежатъ такіе капитальные труды, какъ «Введеніе въ изученіе подводной войны», «Подводныя лодки», «Блокада и подводная война» и «Исторія морской войны 1914—1918 гг.». Служебное положеніе автора, во главѣ историческаго отдѣла морского министерства во Франціи позволило ему использовать не только всѣ офиціальные документы союзниковъ, но также и германскіе, захваченные на потопленныхъ или взятыхъ лодкахъ, добытые развѣдкой и опубликованные въ Германіи послѣ паденія монархіи. Книга его распадается на три части: Возникновеніе и развитіе подводной войны», «Операціи подводныхъ лодокъ» и «Юридическія нормы во время и послѣ подводной войны 1914—1918 гг.».

Остановимся подробнѣе на первой части книги кап. 2 р. Лоренса, трактующей о мало извѣстной сторонѣ подводной войны.

⁂

Въ началѣ военныхъ операцій, всѣ воюющія державы обладали довольно значительнымъ количествомъ мало совершенныхъ и немореходныхъ подводныхъ лодокъ. Никто серьезно не считался съ возможностью для нихъ не только вести самостоятельныя, но даже активныя вдали отъ своихъ береговъ операціи. Имъ вмѣнялась задача вмѣстѣ съ другими судами охранять отъ нападеній подводнаго непріятельскаго флота свое побережье. Но съ первыхъ дней войны, англійскій флотъ прибѣгъ къ блокадѣ германскаго побережья съ дальняго разстоянія. Германскій флотъ открытаго моря сразу же отказался отъ активныхъ операцій. Подводныя лодки обѣихъ сторонъ обрекались на почти полное бездѣйствіе.

Уже въ ноябрѣ 1914 г. командирамъ нѣкоторыхъ германскихъ подводныхъ лодокъ, тщетно пытавшихся что нибудь предпринять противъ англійскаго Большого флота (имъ удалось лишь утопить нѣсколько устарѣвшихъ, неправильно несшихъ дозоръ англійскихъ крейсеровъ), пришло въ голову атаковать многочисленныя торговыя суда, связывающія Англію со всѣмъ міромъ, и безъ которыхъ Англія рано или поздно должна была бы прекратить войну.

Эта мысль была встрѣчена болѣе, чѣмъ сдержанно создателемъ германскаго флота, адм. Тирпицемъ, считавшимъ необходимымъ немедленно всѣми имѣющимися средствами, надводными и подводными, дать генеральное сраженіе англійскому флоту въ Ламаншѣ и въ худшемъ случаѣ, цѣной гибели флота открытаго моря или его пораженія, все же помѣшать своевременной высадкѣ англійской арміи во Франціи, что, въ свою очередь, должно было обезпечить рѣшительные успѣхи германской арміи на западномъ фронтѣ.

Командующій флотомъ Открытаго моря, адм. Ингеноль, мало мечтавшій о такой встрѣчѣ съ Большимъ флотомъ, былъ иного мнѣнія. Онъ полагалъ, что такой бой могъ завершиться только пораженіемъ. Подводная коммерческая война, начатая немедленно и ведомая самымъ энергичнымъ образомъ, если не своими результатами, то одной угрозой, обѣщала значительное содѣйствіе арміи въ пораженіи Англіи, — самаго серьезнаго противника Германіи. Это была бы, по его мнѣнію, лучшая репрессивная мѣра противъ незаконной съ точки зрѣнія морского права — какъ направленной противъ мирнаго населенія — блокады всего германскаго побережья.

Тирпицъ съ возмущеніемъ доказывалъ, что для такихъ операцій нѣтъ достаточнаго количества лодокъ, а остальные адмиралы, высказывая по этому поводу самыя разнообразныя мнѣнія, всѣ соглашались на томъ, что, «въ виду того, что подводная лодка оружіе совершенно новое — къ ней не примѣнимы ни нормы международнаго права, ни постановленія международныхъ конференцій».

Канцлеръ Бетманъ Гольвегъ, разсматривая вопросъ съ иной точки зрѣнія, уже предвидѣлъ крупныя недоразумѣнія съ нейтральными странами, въ вопросахъ морской торговли всецѣло находящіяся подъ вліяніемъ Англіи.

Императоръ Вильгельмъ, расчитывая на продолженіе успѣховъ своихъ армій, сталъ всецѣло на сторону канцлера. Однако, въ началѣ 1915 года, адм. Тирпицъ рѣзко измѣнилъ свое мнѣніе. И не потому, что его взгляды на подводное оружіе измѣнились, а потому, что преисполненный активныхъ намѣреній и не будучи въ состояніи преодолѣть желанія кайзера и канцлера, во что бы то ни стало сохранить флотъ, какъ козырь во время мирныхъ переговоровъ, онъ надѣялся, хотя бы такимъ путемъ, нанести какой нибудь ударъ Англіи на морѣ.

Все чаще въ народѣ и прессѣ раздавались негодующія, нестерпимыя морскому министру обвиненія флоту, который бездѣйствовалъ, когда армія истекала кровью. Адмиралы Поль и Мюллеръ, болѣе близкіе къ кайзеру и находившіеся подъ вліяніемъ канцлера, рѣшительно продолжали настаивать на томъ, что необходимо подождать, «пока разъяснится общее политическое положеніе Германіи». Они утверждали, что Англія немедленно вооружитъ всѣ свои торговыя суда, чѣмъ роль подводнаго флота будетъ сведена на нѣтъ. Пока не будетъ выстроено достаточное количество новыхъ усовершенствованныхъ лодокъ, блокада Англіи будетъ ударомъ въ пространство.

Вдругъ 4 февраля адм. Поль, безъ вѣдома Тирпица, когда кайзеръ, восхищенный чуднымъ зрѣлищемъ собравшагося въ Килѣ флота Открытаго моря, шелъ на катерѣ для осмотра одного изъ кораблей, убѣдилъ его подписать объявленіе блокады Англіи и начала подводной войны противъ ея торговли.

Морскому министру на слѣдующій день было кратко сообщено, что эта мѣра была принята по общему согласію канцлера, министерства иностранныхъ дѣлъ и главнокомандующаго. Адм. Мюллеръ, начальникъ морского кабинета кайзера, по этому поводу писалъ:

«Адм. Поль непремѣнно желалъ, чтобы его имя стояло подъ этимъ историческимъ документомъ; 4 февраля было послѣднимъ срокомъ, т. к. въ этотъ день онъ долженъ былъ принять командованіе надъ флотомъ Открытаго моря и, строго говоря, онъ уже не былъ начальникомъ морского генеральнаго штаба, на каковое мѣсто былъ уже назначенъ адм. Бахманъ».

Согласно декларацiи 4 февраля, всѣ непріятельскіе корабли съ 18 февраля должны были топиться въ блокадной зонѣ безъ предупрежденія и безъ того, чтобы всегда возможно было бы спасти ихъ команды и пассажировъ. Нейтральныя суда подвергались той же опасности, въ виду предполагаемыхъ нѣмцами злоупотребленій англичанами нейтральными флагами. Независимо отъ политическихъ направленій, въ унисонъ всѣ германскія и австро-венгерскія газеты затрубили о вѣрной и быстрой побѣдѣ.

Однако, уже 10 февраля былъ полученъ протестъ Соед. Штатовъ, а 12-го Голландіи. Обѣ державы, къ которымъ присоединилась и Швеція, не допускали мысли, чтобы такимъ образомъ могъ быть нарушенъ принципъ свободы морей и требовали, чтобы до потопленія подводныя лодки, согласно морскому праву, осматривали корабли, убѣждались въ присутствіи на нихъ контрабанды и, въ случаѣ потопленія, обезпечивали спасеніе командъ.

Голландіи Германія отвѣчаетъ довольно рѣзко, мотивируя свое рѣшеніе, какъ репрессіи противъ незаконной блокады Англіей мирнаго германскаго населенія. Съ С. Штатами Германія вступаетъ въ любезную, но безцѣльную дипломатическую переписку. Она намекаетъ даже на желательность со стороны Америки предпринять шаги къ замиренію враждующихъ сторонъ. Другъ президента, Вильсона, полк. Хаузъ, уже спѣшитъ позондировать почву въ Англіи и Германіи.

Тѣмъ временемъ, того же 4 февраля, все тѣмъ же Полемъ, ставшимъ командующимъ флотомъ, подводнымъ лодкамъ дается приказъ начать строгую подводную блокаду Англіи. Но подъ вліяніемъ переписки съ С. Штатами, Голландіей и Швеціей, уже 14 февраля, т. е. за четыре дня до срока, въ штабѣ флота была получена отъ адм. Бахмана телеграмма:

«Временно воздержаться отъ потопленія въ блокадной зонѣ нейтральныхъ судовъ».

На срочное донесеніе адм. Поля, что это невозможно, что лодки безъ большой для себя опасности, выяснять національность не могутъ, и что эта мѣра грозитъ сразу обратить блокаду въ неудачу, 15 февраля пришелъ отвѣтъ: «Не начинать блокаду 18-го, а ждать приказанія верховнаго вождя».

Тирпицъ въ бѣшенствѣ. На вопросъ, сколько времени нужно, чтобы подводной блокадой покончить съ Англіей, онъ легкомысленно заявляетъ:

«Шесть недѣль, если ее начать немедленно и вести безъ всякихъ ограниченій».

А въ это время въ море можетъ выйти только одна лодка — всѣ остальныя неисправны и требуютъ болѣе или менѣе продолжительнаго ремонта. Наконецъ, 22 февраля начинается блокада 2—3 лодками и со всевозможными ограниченіями. Союзники и нейтральные, тѣ и другіе, мало еще задѣтые, вяло протестуютъ, пока 7 мая одна изъ лодокъ, точно исполняя данныя ей инструкціи, не утопила «Лузитанію», на которой среди 1200 погибшихъ, оказалось 118 американскихъ гражданъ. Возмущеніе въ С. Штатахъ было такъ велико, нападки въ печати такъ грозны, что Германія уже 10-го идетъ на уступки.

Снова это дѣлается, помимо Тирпица, который узнаетъ о нихъ изъ газетъ. Но Америка не удовлетворена и хочетъ гарантій. Возникаетъ длительная переписка, въ которой С. Штаты стоятъ безъ уступокъ на принципѣ свободы морей и морского права, а Германія утверждаетъ, что Англія первая ихъ нарушила, и она сама готова уступить, если Англія прекратитъ свою блокаду. Въ этомъ давленіи нейтральныхъ государствъ уже ясно намѣчается все безсиліе подводной войны противъ морской торговли: она въ будущемъ никогда допущена не будетъ безъ серьезныхъ ограниченій, сводящихъ ее на нѣтъ. Только въ мировой войнѣ, когда нѣкому заступиться за нейтральныхъ, она и возможна.

Канцлеръ все болѣе запуганъ. Его страхъ передается Вильгельму. Пока подводная война далеко не дала того, что отъ нея ожидали, а вступленіе Америки въ лагерь союзниковъ грозитъ для Германіи неминуемымъ пораженіемъ. Тирпицъ и Бахманъ одни еще требуютъ подводной войны безъ ограниченій. Первый забылъ, что недавно еще утверждалъ, что для такой войны нѣтъ достаточнаго числа лодокъ. Въ ущербъ постройки подводныхъ судовъ, ихъ строятъ на всѣхъ верфяхъ. Это вызываетъ все большее возмущеніе среди морскихъ офицеровъ всѣхъ ранговъ, справедливо полагающихъ, что только успѣхъ флота Открытаго моря надъ Большимъ флотомъ, можетъ обезпечить конечную побѣду Германіи. Но въ угоду Тирпицу, лодки строятся и ихъ приспособляютъ для крейсерскихъ операцій, хотя въ тоже время уже дѣйствующимъ лодкамъ даются ограничивающія приказанія вплоть до того, чтобы нигдѣ и ни при торыя за эти годы мучительныхъ переживаній, такъ много отдали инвалидамъ своего чуткаго добраго сердца, вниманія, работъ, времени и поразительной энергіи при устройствѣ вечеровъ и прочихъ сборовъ. Съ женской мягкостью, съ порывомъ самопожертвованія, они стремились облегчить тяжкую инвалидную долю. Особенно много потрудились изъ нихъ Е. П. Абрамовичъ, Е. В. Борисъ, Л. К. Волкова, г-жа Груева, Л. П. Детердингъ, г-жа проф. Данаилова, И. В. Дюциръ, В. С. Кулева (жена мин. юстиціи), г-жа д-ръ Данева, А. С. Попадопова, Л. Х. Покровская, Э. І. Панафидина, М. Д. Паница, фрейлина Ея Высочества Княжны Евдокіи Е. В. Петрова, М. Я. Порошина, Т. И. Серафимова и Е. И. Стоянова.

---

*) Cap. de fr. Laurens «Histoire de la guerre sous-marine allemande 1914—1918». Société d'éditions géographiques, maritimes et coloniales». Paris, 1930. Цѣна 40 фр. — 464 стр., in-8, съ чертежами и фотографіями.

Только общими дружными усиліями предсѣдателя Союза, Центральнаго Правленія и Правленій Отдѣловъ при содѣйствіи и помощи болгарскаго правительства, Главнаго Правленія Зарубежнаго Союза и общества удалось уберечь инвалидовъ въ эти страшные годы отъ голодной смерти на улицѣ, отъ безпріютныхъ, бездомныхъ скитаній, отъ массовыхъ самоубійствъ. И хотя жизнь инвалидовъ была суровой, горькой, тяжкой, полной самыхъ невѣроятныхъ, нечеловѣческихъ лишеній и невзгодъ, тѣмъ не менѣе заслуга Союза и его выдающагося предсѣдателя передъ Россіей и передъ инвалидами громадна.

Чтобы поддержать существованіе 2.200 инвалидовъ и около 700 инвалидныхъ женъ и дѣтей, а всего до 3000 человѣкъ нужны средства государственныя, каковыхъ Союзъ въ условіяхъ бѣженства имѣть не могъ.

Пройдя черезъ многочисленныя и многообразныя испытанія Союзъ инвалидовъ окрѣпъ, сталъ большой солидной организаціей, имѣющей два инвалидныхъ дома (одинъ въ собственномъ помѣщеніи), два питательныхъ пункта, 9 общежитій, санаторію для туберкулезныхъ, пріемный медицинскій покой, 17 мелкихъ мастерскихъ, 12 мелкихъ предпріятій въ родѣ табачныхъ лавочекъ, фотографій, 2 оркестра, 3 библіотеки, церковь при Княж. инв. домѣ и наконецъ Русское Собраніе, переданное Союзу въ началѣ этого года и превращенное въ дѣйствительно русскій уголокъ, гдѣ общественныя организаціи устраиваютъ вечера, доклады, лекціи и гдѣ выдаются дешевые обѣды.

Заканчивая этотъ бѣглый обзоръ жизни Союза Русскихъ Инвалидовъ въ Болгаріи, нельзя не отмѣтить кстати одного въ высшей степени отраднаго и по существу историческаго явленія.

Въ годину русскихъ несчастій, когда по всему міру оказались разсѣянными лучшіе сыны Россіи, — кто первыми пришелъ имъ на помощь въ эту страшную пору жизни. Свои братья славяне. Русскимъ инвалидамъ помогаютъ изъ государственныхъ средствъ: Болгарія, Польша, Чехословакія и Югославія.

Значитъ дѣйствительно есть у насъ что то свое родное, славянское, что чужеземцы полушутливо, полупрезрительно называютъ "амъ славъ". Это хорошій добрый показатель. Будемъ же желать всемѣрно, чтобы навсегда исчезли между нами старыя историческія обиды и недоразумѣнія и возстало въ силѣ и могуществѣ торжествующее объединенное славянство!

СОЮЗЪ РУС. ВОЕН. ИНВАЛИДОВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

9 ноября с. г. Россійскій Общественный Комитетъ въ Варшавѣ объявилъ "день непримиримости" по отношенію къ врагамъ, временно завладѣвшимъ нашей родиной. Въ этотъ день былъ отслуженъ молебенъ объ освобожденіи Россіи и панихида по жертвамъ краснаго террора. Особенно отрадно отмѣтить, что на призывъ Комитета откликнулись не только эмигранты, живущіе въ Варшавѣ, но также и живущіе по другимъ городамъ Польши. Изъ полученныхъ заграничныхъ газетъ видно, что этотъ день также отмѣченъ панихидами по жертвамъ большевиковъ. Эмиграція начинаетъ объединяться, а въ единеніи сила. Мы, русскіе инвалиды - эмигранты, особенно остро чувствуемъ утрату родины. Отдавъ свои силы и здоровье Россіи, мы вправѣ были расчитывать на заслуженный отдыхъ. Но Богъ судилъ иначе. Вмѣсто покоя — мы разбросаны на чужбинѣ и не видно конца нашимъ мытарствамъ. Но не падайте духомъ, близокъ разсвѣтъ, близокъ моментъ освобожденія нашей родины. Инвалиды вернутся лишь въ освобожденную Россію и ни о какомъ примиреніи съ врагами не можетъ быть и рѣчи. Въ свое время мы отдали свое здоровье, свои силы нашей родинѣ и если нужно будетъ, по мѣрѣ силъ послужимъ ей и опять.

По случаю устройства въ Варшавѣ "Дня Непримиримости" Союзъ Р. В. И. въ Польшѣ обратился въ Россійскій Общественный Комитетъ въ Польшѣ со слѣдующимъ письмомъ:

"Русскіе военные инвалиды - эмигранты въ Польшѣ отъ глубины сердца привѣтствуютъ созданіе Россійскаго Общественнаго Комитета въ Польшѣ. Выражаемъ твердую надежду, что Комитетъ объединитъ всю русскую эмиграцію, живущую въ Польшѣ, безъ различія ея политическихъ убѣжденій, памятуя лишь о спасеніи порабощенной родины. Отъ души желаемъ плодотворной работы. Да благословитъ Господь ваше начинаніе. Мы — гости польскаго государства. — Строгая лойяльность по отношенію къ государству, давшему намъ пріютъ и помощь въ тяжелые годы изгнанія, и полная непримиримость къ врагамъ отечества. Русскіе военные инвалиды - эмигранты, будучи глубоко благодарны за оказываемую имъ помощь, все-же не теряютъ надежды на возвращеніе въ освобожденную Россію. Повсемѣстное объединеніе зарубежныхъ русскихъ людей приблизитъ этотъ моментъ. Русскіе военные инвалиды - эмигранты шлютъ свой сердечный привѣтъ и наилучшія пожеланія. "Въ добрый часъ"."

⁂

9 ноября въ Николаевской церкви въ Вильнѣ по нашей инвціативѣ совмѣстно съ Союзомъ Русскихъ Студентовъ Университета Стефана Баторія и Русскимъ Филантропическимъ О-вомъ была отслужена панихида по жертвамъ коммунизма. Храмъ не могъ вмѣстить всѣхъ, желающихъ присутствовать на Богослуженіи.

Къ 15-лѣтней годовщинѣ нашего похода въ Персію

(Изъ личныхъ воспоминаній).

«Рѣка временъ въ своемъ теченьи
«Уноситъ всѣ дѣла людей
«И топитъ въ пропасти забвенья
«Народы, Царства и Царей»...

Прямо не вѣрится, какъ быстро летитъ время! Что уже 15 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я былъ вызванъ по телеграммѣ въ Тифлисъ изъ Саракамыша, гдѣ ввѣренная мнѣ тогда родная и доблестная 1-я Кавказская казачья дивизія находилась на отдыхѣ послѣ своего возвращенія изъ такъ называемой «Ефратской операціи» блестяще удавшейся противъ Халила паши, рѣшившаго своимъ внезапнымъ обходомъ лѣваго фланга Кавказской Арміи выйти на Эривань и затѣмъ, пользуясь благопріятнымъ настроеніемъ мусульманскаго населенія нашихъ Эриванскихъ и Елизаветпольской губерній пробиться къ Закавказской желѣзной дорогѣ на станціи Евлахъ, дабы отрѣзать Кавказскій фронтъ отъ его тыла — Сѣвернаго Кавказа.

Я какъ сейчасъ вижу предъ собою высокую и стройную фигуру нашего тогда намѣстника Е. И. В. и Главнокомандующаго на Кавказѣ В. К. Николая Николаевича въ его кабинетѣ, въ Дворцѣ, на Головинскомъ проспектѣ, ясно слышу его твердый голосъ, призывавшій меня къ высокоотвѣтственной военно-политической миссіи въ Персіи и облекающій для этого полнотой и свободой дѣйствій.

«Не мнѣ учить Васъ, стараго Кавказца, какъ надлежитъ дѣйствовать на Востокѣ. Персія находится сейчасъ наканунѣ объявленія войны намъ и Англіи, такъ мнѣ доноситъ нашъ посланникъ въ Тегеранѣ. Ваша задача — **не допустить Персію до войны и поднять велико державное имя Россіи на подобающую высоту.**

Это было въ срединѣ октября 1915 г. А въ это время въ Персіи заканчивалась уже давно начатая самая интенсивная подготовка религіозная политическая и военная нашими врагами Германо - Турками, подъ руководствомъ германскаго посла принца Рейссъ и военнаго агента талантливаго офицера Германскаго Генеральнаго Штаба, генерала Свиты Кайзера Вильгельма II, Графа Каницъ. Горы золота были разсыпаны по всей Персіи, чтобы привлечь на сторону Германіи и Турціи всю Персію, ея населеніе, ея разбойныя и воинственныя племена, ея духовенство, ея правительство и самаго Шаха.

Въ мечетяхъ по всей Персіи ведется страстная проповѣдь Священной войны.

«Мусульмане всего міра возстаютъ противъ гнета и насилія. Сунниты уже подняли мечъ противъ креста... Шіиты, очередь за вами...»

«У порабощенныхъ народовъ есть одинъ другъ — народъ германскій, а у Ислама защитникъ — передъ Аллахомъ пророкъ, а на грѣшной землѣ — германскій императоръ!..»

Всюду идетъ страстная политическая агитація. За нарушеніе Персіей нейтралитета, за войну Россіи и Англіи, за Исламъ. Агитація уже вышла за предѣлы Тегерана, и на улицахъ большихъ городовъ во всѣхъ концахъ Персіи интриганы и фанатики передъ толпами возбужденныхъ горожанъ, призываютъ народъ къ Священной войнѣ....

Эта агитація уже стала приносить свои плоды. Въ началѣ ноября нашъ Керманшахскій консулъ, баронъ Черкасовъ, обратился изъ Хамадана въ русскую миссію за разрѣшеніемъ выѣхать въ Казвинъ подъ защиту небольшого русскаго отряда, тамъ находившагося. Консулъ мотивировалъ свою просьбу агитаціей германскихъ агентовъ, готовящихъ нападеніе на него и на англійскаго консула въ Керманшахѣ, и ненадежностью консульской охраны. Нельзя не отмѣтить для характеристики политическихъ настроеній кабинета Мустафіоль Мамалека, только что вступившаго во власть, что эта охрана, состоявшая, не считая слабочисленнаго личнаго конвоя обоихъ консуловъ, изъ 320 персидскихъ казаковъ и офицеровъ казачьей бригады, была командирована для защиты консуловъ въ Хамаданѣ изъ Азербейджана и Тегерана по иниціативѣ нашей миссіи, и помимо кабинета министровъ, игнорировавшаго, съ умышленнымъ недоброжелательствомъ тяжелое и опасное положеніе представителей Росіси и Англіи въ Хамаданѣ, среди враждебнаго населенія и въ ожиданіи новыхъ сраженій съ бандами, навербованными германской дипломатіей изъ подданныхъ «дружественнаго и нейтральнаго государства».

А еще до этого времени имѣли уже мѣсто убійство русскаго вице-консула Кавера, въ Исфагани, нападеніе на англійскаго и нашего консула.

Разумѣется, въ расчеты нашей миссіи совсѣмъ не входило повтореніе въ Хамаданѣ кенговерскаго инцидента, и баронъ Черкасовъ получилъ, послѣ трехмѣсячнаго ожиданія въ Хамаданѣ возможность продолжать прерванное путешествіе въ Керманшахъ, разрѣшеніе выѣхать въ обратномъ направленіи, — въ Казвинъ. Онъ не успѣлъ, однако, имъ воспользоваться: 9 ноября отрядъ жандармовъ, командированный въ Хамаданъ для поддержанія безопасности и порядка, произвелъ на разсвѣтѣ, подъ начальствомъ шведскаго офицера Чельстрема, нападеніе на персидскихъ казаковъ консульской охраны и послѣ недолгаго боя одержалъ надъ ними полную побѣду.

Въ добычу побѣдителямъ достались одно орудіе и пулеметъ, ружья и 130 плѣнныхъ. Съ обѣихъ сторонъ убито и ранено около 20 человѣкъ, и въ числѣ раненыхъ одинъ нашъ пограничникъ и одинъ русскій казакъ консульскаго конвоя. Русскій и англійскій консулы, директоръ отдѣленія учетно-ссуднаго банка Персіи и всѣ иностранные подданные, кромѣ нѣмцевъ и турокъ, выѣхали изъ Хамадана, оставшагося въ полной власти организаторовъ этого пролога, работавшихъ на Германію на деньги, ассигновывавшіяся на содержаніе персидской жандармеріи и ея шведскихъ инструкторовъ. Очевидно, что все производилось по заранѣе опредѣленному плану и программѣ, выработанными главными руководителями всѣхъ операцій по созданію для Россіи новаго, послѣ турецкаго фронта, еще и фронта персидскаго, чтобы заставить Россію раздроблять свои военныя силы, ослабляя тѣмъ нашъ главный фронтъ. Видимо, турецкихъ лиръ, отчеканенныхъ для этой цѣли въ Берлинѣ не жалѣли....

Дипломатическій міръ Тегерана волновался. Изъ разныхъ концовъ Персіи получались однородныя извѣстія. Отрядъ жандармовъ увелъ въ горы англійскаго консула О-Коннора, 5 англичанъ и 10 сипаевъ англійскаго конвоя.

Въ Исфагани при непонятныхъ обстоятельствахъ раненъ англійскій консулъ.

Въ Буширѣ убиты англійскіе офицеры...

Въ Исфаганѣ и Керманшахѣ консульства выброшены на улицу, а русскіе и англійскіе флаги спущены: въ Кенговерѣ, Тавризѣ, Урміи, Султанъ-Абадѣ, Нефагани, Кермашахѣ, Хамаданѣ и Тирезѣ.

По пустыннымъ дорогамъ Иранскаго плоскогорья потянулись бѣженцы — русскіе и англичане — изъ насиженныхъ мѣстъ — Тегерана, Исфагани, Хамадана и Тавриза бѣжали чиновники и служащіе въ разныхъ учрежденіяхъ съ семьями, торговцы, духовенство, случайные путешественники — всѣ направляли свой путь въ Казвинъ, подъ защиту горсти русскихъ войскъ, а кто и дальше къ границамъ. Верхомъ на лошадяхъ и катерахъ, въ фургонахъ, каретахъ, на вьюкахъ верблюдовъ иословъ пристроившись къ большимъ караванамъ подъ военной охраной.... Германскій посланникъ и миссія переѣхали въ Кумъ, по дорогѣ въ Исфаганъ. Кумъ, Султанъ-Абаданъ и Хамаданъ стали центрами германо-турецкой агитаціи.

Главнымъ штабомъ подготовительныхъ военныхъ дѣйствій противъ Россіи и Англіи былъ священный городъ Кумъ, гдѣ находятся великія святыни шіитовъ, гробница непорочной Фатиллы Массумы, — мѣсто паломничества правовѣрныхъ всей Персіи.

Взоры семнадцати милліоновъ шіитовъ были прикованы къ Куму. Здѣсь былъ образованъ «Комитетъ національной защиты Ислама», который занимался агитаціей, собиралъ деньги, вербовалъ добровольцевъ и организовывалъ отряды противъ русскихъ и англичанъ. Сюда же бѣжали депутаты Меджилиса изъ Тегерана, оставивъ его безъ кворума.

Въ дѣлѣ военной подготовки главный штабъ германо-турецкій въ Періи, заручившись сочувствіемъ жандармскихъ полковъ подъ командой шведскихъ офицеровъ, подкупомъ вождей болѣе воинственныхъ племенъ, придумали еще одну мѣру — использовать бѣглыхъ военно-плѣнныхъ турокъ и австрійцевъ изъ Закаспійской области. Бѣглецы находили не только пріютъ въ Персіи, но вниманіе и особенную заботливость. Ихъ не задерживали долго на русско-персидской границѣ, а направляли въ распоряженіе центральнаго правительства, въ Тегеранъ, а отсюда въ Неймедъ-Абадъ. Здѣсь, недалеко отъ Тегерана, подъ руководствомъ офицеровъ жандармеріи, бѣглецы производили военныя упражненія, жили какъ воинская часть.

На негодующіе запросы нашихъ и англійскихъ депутатовъ и указанія, что интернированные въ нейтральной странѣ военно-плѣнные, должны подчиняться опредѣленному режиму, но только отнюдь не военному, съ цѣлью подготовки враждебныхъ намъ войскъ, предсѣдатель кабинета неизмѣнно отвѣчалъ:

— Et que voulez vous, que j'y fasse?

Одновременно германо-турками велась подготовка и **политическая.**

Нѣмцы и турки создали дипломатическимъ искусствомъ, интригой и деньгами враждебный странамъ согласія кабинетъ подъ предсѣдательствомъ горячаго и дѣйственнаго своего сторонника Мустафіоль-Мамалека. Представители Антанты стремились повернуть персидское правительство отъ формальнаго благожелательства Германіи и Турціи, нейтралитета и фактическаго попустительства противъ интересовъ Англіи и Россіи, по крайней мѣрѣ, къ нейтралитету дѣйствительному, а въ лучшемъ случаѣ, дружественному. Съ этой цѣлью, посланники нажимали на свои министерства въ Петербургѣ и Лондонѣ и послѣ оказанной послѣдними значительной финансовой помощи, достигли объявленія персидскимъ правительствомъ дружественнаго нейтралитета въ отношеніи Россіи и Англіи и обѣщаніемъ принять реальныя мѣры для борьбы съ германо-турецкой агитаціей.

Казалось, послѣ всего нашимъ дипломатамъ, что цѣль достигнута и результаты не замедлитъ сказаться... И они дѣйствительно сказались скоро, но были совершенно противоположными....

Государственные и политическіе дѣятели Персіи, во главѣ съ ея юнымъ всего 19-ти лѣтнимъ шахомъ (недавно скончавшимся въ Парижѣ), метались между двухъ огней. Обѣ группы державъ давали деньги, выгодныя обѣщанія, угрозы разрывомъ соглашеній, гарантировавшихъ независимость и цѣлость Персіи... Нужно было выбирать: или со странами Согласія, или германскаго союза?!.

Обѣ группы державъ черезъ своихъ дипломатовъ, наконецъ, поставили вопросъ ребромъ: съ кѣмъ же, наконецъ, Персія?

Со свойственнымъ дипломатамъ вообще, а восточныхъ странъ въ особенности, кабинетъ Мустафіоль-Мамалека велъ игру на два фронта. Онъ провозгласилъ «дружественный нейтралитетъ» въ отношеніи Россіи и Англіи, велъ съ ними переговоры о заключеніи союза, а въ то же самое время допускалъ и помогалъ организаціи враждебныхъ силъ. Цѣль — выиграть время — дать возможность нѣмцамъ организовать эти силы, а туркамъ успѣть перебросить на персидскую территорію регулярныя войска изъ Месопотаміи.

Кончилось все — приказаніемъ русскому отряду, стоявшему въ Казвинѣ, продвинуться къ Тегерану для демонстраціи, но самый городъ не занимать. Въ городѣ стали носиться слухи что изъ Тифлиса отданъ приказъ о наступленіи на Тегеранъ, что русскіе займутъ столицу, что изъ Россіи посылаютъ въ Персію цѣлый корпусъ...

Германо-турки старались напугать молодого шаха, что враги Персіи не дремлютъ и убѣдить его уѣхать въ Исфаганъ или на первое время въ Кумъ, гдѣ надѣялись они на взрывъ національныхъ чувствъ и на возбужденіе Священной войны. Сдѣланы были всѣ приготовленія для шахскаго проѣзда. Тогда русскій и англійскій посланники взяли съ шаха слово, что онъ не покинетъ Тегерана.

Такимъ образомъ, германо-турки создавали для Россіи персидскій фронтъ. Подъ давленіемъ «державъ покровительницъ», германская миссія и всѣ его сторонники покинули Тегеранъ, предоставивъ шаху полную свободу дѣйствій.

Съ посольствъ: германскаго, австрійскаго и турецкаго были сняты національные флаги и замѣнены американскимъ и испанскимъ, но черезъ нѣсколько дней всѣ уѣхавшіе вернулись снова, за исключеніемъ принца Рейсса, переѣхавшаго, какъ бы на передовой постъ, въ Хамаданъ.

Тѣмъ временемъ отъ Саракамыша къ Тифлису и изъ послѣдняго въ Баку двигались эшелоны нашего «Экспедиціоннаго корпуса въ Персіи».

Утромъ 30 октября 1915 г., Командиръ Экспедиціоннаго корпуса со своимъ штабомъ и конвоемъ, прибывъ моремъ изъ Баку, высадился въ Энзели.

Въ этотъ же день въ Тегеранѣ персид

какихъ условіяхъ не топить пассажирскихъ пароходовъ. Только этими мѣрами удается успокоить общественное мнѣніе С. Штатовъ. Тирпицъ подаетъ въ отставку. Кайзеръ ему сухо отвѣчаетъ, что онъ не понимаетъ, какъ солдатъ можетъ это дѣлать во время войны.

19 августа былъ случайно потопленъ пассажирскій пароходъ «Арабикъ». Новое возмущеніе въ С. Ш., новая переписка, новыя угрозы, новыя уступки по всей линіи, иначе говоря полный провалъ подводной войны подъ давленіемъ нейтральныхъ. Тирпицъ, Бахманъ, Поль просятъ отставки. Ни одна не принята. Но кайзеръ особенно недоволенъ Тирпицемъ. Бахманъ писалъ: «Если бы мы слѣдовали его совѣтамъ, у насъ давно не было бы флота, который онъ постоянно и зря хотѣлъ вводить въ бой». Наконецъ, осенью 1915 года адм. Поль былъ замѣненъ во главѣ флота адм. Шееромъ. Было извѣстно, что Шееръ былъ сторонникомъ, если не открытаго боя съ англійскимъ флотомъ, какъ этого хотѣлъ Тирпицъ, то болѣе активныхъ дѣйствій для разбитія частичныхъ морскихъ силъ Англіи. Освобожденіе лодокъ отъ торговой войны давало ему возможность, совмѣстно съ флотомъ открытаго моря употреблять ихъ для военныхъ цѣлей. Это назначеніе такъ и было понято во всемъ мірѣ.

Въ 1916 году военное положеніе Германіи измѣнилось къ худшему. Стабилизація обоихъ главныхъ фронтовъ обѣщала продлить войну. Экономическіе факторы, пріобрѣтая все большее значеніе, сулили побѣду союзникамъ. Сначала неудача у Вердена, затѣмъ Брусиловское наступленіе заставили высшее командованіе сознать всю трудность для Германіи рѣшить конфликтъ въ свою пользу силой оружія. Результаты англійской блокады съ каждымъ мѣсяцемъ становились ощутительнѣе. Появился голодъ. Ген. Фалькенгейнъ полагаетъ, что хотя военная мощь Россіи не сломлена, но она не способна нанести серьезный ударъ Германіи. Франція можетъ только защищаться, Италія едва держится, Сербія и Бельгія уничтожены, но грозное экономическое давленіе Англіи, въ концѣ концовъ приведетъ Германію къ гибели. Всѣ усилія, и въ томъ числѣ подводная война должны быть направлены противъ нея. Если, какъ утверждаютъ нѣкоторые адмиралы, подводная война къ концу 1916 г. можетъ сломить Англію, надо немедленно къ ней прибѣгнуть, даже если это вызоветъ конфликтъ съ С. Ш.

По приблизительнымъ расчетамъ, провѣреннымъ уже на прежнемъ опытѣ, можно надѣяться топить до 600.000 тоннъ союзнаго тоннажа въ мѣсяцъ. Всего въ мірѣ 40.000.000 тоннъ, изъ нихъ 20.000.000 англійскихъ. Тирпицъ все настаиваетъ, что только въ этомъ спасеніе. Баллинъ, извѣстный спеціалистъ по торговому флоту пишетъ письмо кайзеру. Онъ доказываетъ невозможность добиться успѣха подводной войной. Англія сумѣетъ съ ней бороться. При томъ выясняется, что цифры Тирпица невѣрны. Онъ говоритъ о 203 лодкахъ. На самомъ дѣлѣ исправныхъ, готовыхъ къ дѣлу 54. Изъ нихъ только четверть можетъ быть въ морѣ.

Такъ постепенно борьба изъ-за подводной войны превращается въ столкновеніе канцлера и морского министра, подходящихъ къ ней съ разнымъ темпераментомъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія въ вопросъ внутренней политики. На Турпица правые круги, недовольные осторожной политикой Бетмана-Гольвега, смотрятъ уже, какъ на его замѣстителя. Подводная война, теряя все больше свое непосредственное значеніе, становится орудіемъ сверженія неугоднаго канцлера и замѣны его другимъ. Правые и католическія партіи стоятъ за одного, либералы и центръ за другого. Въ связи съ этимъ опредѣляется и ихъ точка зрѣнія на подводную войну. Обѣ стороны, разочарованныя въ нерѣшительности кайзера, хотятъ прибѣгнуть къ главнокомандующему, какъ къ высшему арбитру этого вопроса. Этотъ послѣдній, однако, не имѣя увѣренности, что подводная война можетъ сокрушить Англію до прибытія американскихъ подкрѣпленій въ Европу, будучи на сторонѣ Тирпица, все же медлилъ высказаться въ ту или иную сторону. 17-го марта Тирпицъ былъ замѣненъ адм. Капелле. Уже передъ тѣмъ, кайзеръ, недовольный его интригами, не приглашалъ его на засѣданія въ штабъ, гдѣ обсуждался вопросъ подводной войны. Весь 1916 годъ прошелъ въ этомъ кризисѣ власти относительно рѣшенія, какъ быть Германіи — искать ли мира, или сомнительнымъ средствомъ искать спасенія тамъ, гдѣ армія, флотъ и дипломатія не могли дать побѣды Германіи.

Тѣмъ временемъ англичане вооружили орудіями всѣ свои коммерческія суда. Все труднѣе и труднѣе становилось лодкамъ, несмотря на весь ихъ героизмъ, съ ними справляться. Пришлось топить ихъ минами, чѣмъ значеніе лодокъ уменьшалось. Несмотря на то, что каждый мѣсяцъ входили все новыя въ строй, потопленный тоннажъ не увеличивался, и все новыя лодки гибли, часто неизвѣстно даже въ какихъ обстоятельствахъ.

Почти послѣдовательное потопленіе голландскаго парохода «Тубанція» и атака «Суссекса», гдѣ снова пострадали американскіе граждане, заставили Германію совершенно прекратить подводную коммерческую войну. Въ угоду С. Ш., кайзеръ лично объявилъ выговоръ к-ру, атаковавшему «Суссексъ». Но подводная война съ этого времени потеряла почти всякое значеніе. Сила обстоятельствъ была противъ сторонниковъ подводной войны à outrance.

Адм. Шееръ съ весны подготовлялъ рядъ ударовъ флота открытаго моря противъ Большого флота. Освободившіеся отъ торговой войны лодки должны были принять въ нихъ дѣятельное участіе. Но тутъ выяснилась вся ихъ несостоятельность. Больше года ихъ готовили исключительно къ тактикѣ дѣйствія противъ торговыхъ судовъ. Въ Ютландскомъ бою, несмотря на крайне выгодную для нихъ обстановку, два десятка лодокъ, не нанесли никакого вреда англичанамъ, никакихъ свѣдѣній о нихъ не дали и даже не могли подбить тяжело поврежденныхъ послѣ боя кораблей. Не говоря уже о томъ, что вмѣсто нѣсколькихъ сотъ заложенныхъ подводныхъ лодокъ, нѣсколько лишнихъ линейныхъ кораблей несомнѣнно могли кончить бой въ пользу Германіи. Только на третій годъ войны стали заниматься тактикой лодокъ въ бою. Она была испробована въ августовскомъ выходѣ флота открытаго моря. Два англійскихъ крейсера были потоплены подв. лодками. Но вмѣсто того, чтобы усовершенствовать тактику подв. лодокъ въ бою вмѣстѣ съ флотомъ, высшее морское начальство все больше возвращается къ прежней идеѣ самостятельнаго дѣйствія лодокъ противъ торговли. Духъ командъ флота открытаго моря сталъ сильно падать. Самъ адм. Шееръ убѣжденъ, что въ открытомъ бою съ лодками или безъ нихъ, ему не разбить англичанъ. По его мнѣнію, нѣтъ другого выхода, какъ подводная война. Онъ заявляетъ, что подводный флотъ готовъ для рѣшительныхъ дѣйствій противъ торговли Англіи и, что обстановка значительно выгоднѣе, чѣмъ въ 1915 году. Надежда на президента Вильсона и его миръ все оттягиваютъ рѣшеніе. Наконецъ, 20 декабря ген. Людендорфъ, а за нимъ ген. Гинденбургъ требуютъ начало подводной войны безъ всякихъ ограниченій, какъ единственнаго средства протянуть войну. Иначе пораженіе неминуемо.

9-го января 1917 г., на совѣщаніи въ Плессѣ рѣшено объявить подводную войну безъ ограниченій на 1 февраля. Министру иностр. дѣлъ поручено подготовить нейтральныхъ. Австрійцы боятся этого шага. Черининъ тщетно взываетъ о благоразуміи. 20 января на совѣщаніи въ Вѣнѣ подъ предсѣдательствомъ императора Карла, одинъ адм. Гаузъ за войну. Дипломаты и генералы протестуютъ. Но вопросъ рѣшенъ окончательно. Игра проиграна. Только рискованнымъ ходомъ и можно еще выиграть.

22 января президентъ Вильсонъ дѣлаетъ жалкую попытку призвать противниковъ къ миру. 31 января подводная война безъ всякихъ ограниченій объявлена. Газеты всѣхъ направленій, до лѣвыхъ включительно, полны энтузіазма. Соціалисты ихъ поддерживаютъ.

Въ Америкѣ тоже невѣроятный подъемъ. 9-го марта рѣшено вооружить всѣ торговыя суда. 10-го составить флотиліи истребителей, 11-го на торговыя суда посланы артиллеристы съ флота. Богачи передаютъ свои заводы правительству. Яхтмены отдаютъ свои яхты морскому министерству. Студенты обучаются военному дѣлу.

5 апрѣля, послѣ потопленія первыхъ двухъ американскихъ пароходъ, Америка объявляетъ войну Германіи.

Все зависитъ теперь отъ подводныхъ лодокъ. Начало блестящее. Въ апрѣлѣ потоплено 875.000 тоннъ. Англія потрясена. Ни мѣры защиты, ни постройка новыхъ корблей не могутъ пополнить потери. Призракъ голода надвигается и на Англію. Но въ маѣ потоплено лишь 590.000, а потомъ съ каждымъ мѣсяцемъ эта цифра все падаетъ и падаетъ. Германское правительство старается сначала скрыть приближающееся пораженіе и особенно тѣ невѣроятныя потери, которыя несутъ лодки и которыхъ все труднѣе замѣнить: заводы не поспѣваютъ ихъ строить, не хватаетъ моторовъ, нѣтъ желающихъ служить на нихъ, старыя команды падаютъ духомъ. 6 іюля Эрцбергеръ документально доказываетъ въ парламентѣ провалъ подводной войны. Моряки молчатъ. Въ лучшемъ случаѣ можно добить Англію къ лѣту 1920 года. Скоро становится очевиднымъ, что это — фантазія.»

Газеты бьютъ отбой. «Расчеты адм. Тирпица были невѣрны», пишетъ «Франкфуртская Газета». Всѣ понимаютъ. Духъ во флотѣ, арміи и странѣ падаетъ въ теченіе всего 1918 года. Въ августѣ «Берлинеръ Тагеблаттъ» осторожно пишетъ: «Нѣкоторые высшіе офицеры флота будто-бы заявили, что подводная война не достигла своихъ результатовъ»...

23 сентября Шееръ проситъ кайзера пріѣхать въ Киль бодрить команды подводныхъ лодокъ. На обратномъ пути Кайзеръ получилъ увѣдомленіе отъ Гинденбурга, что необходимо немедленно начать переговоры о мирѣ.

21 октября всѣ подв. лодки получили приказъ вернуться въ свои базы. 29-го флотъ выходитъ въ море для послѣдняго рѣшительнаго боя. Бунты, уже прежде бывшіе на разныхъ судахъ, охватываютъ весь флотъ и почти всѣ лодки. Война была полнымъ пораженіемъ Германіи.

⁂

Какіе же выводы можно сдѣлать изъ книги кап. 2 р. Лоренса? Часто объясняли проигрышъ подводной войны, нерѣшительностью высшаго командованія. Конечно, не это главная причина. Нерѣшительность имѣла своимъ основаніемъ сильное давленіе нейтральныхъ и особенно С. Ш. Это и вызвало неудачу подводной войны. Въ будущемъ при войнѣ двухъ противниковъ это давленіе будетъ еще значительно сильнѣе. Морская торговля отдѣльныхъ странъ слишкомъ связана съ міровымъ положеніемъ, чтобы можно было ее безнаказанно уничтожать. Да если въ веденіи подводной войны нѣмцы допустили ошибки и нерѣшительность, то тоже дѣлали и союзники. Когда элементъ внезапности, внесенный новымъ примѣненіемъ лодокъ былъ парализованъ временемъ, союзники отлично справились съ нимъ. Не говоря о томъ, что въ теченіе многихъ вѣковъ исторія учитъ о непремѣнномъ пораженіи тѣхъ, кто направлялъ на морѣ свои усилія къ уничтоженію экономическихъ, а не вооруженныхъ силъ противника. Нѣмцамъ не слѣдовало разочаровываться первыми неудачными примѣненіями лодокъ противъ Большого флота; если бы они ихъ тренировали для этой цѣли съ флотомъ открытаго моря съ такимъ же упорствомъ, какъ и для блокады, несомнѣнно результаты были бы иные, и Германія имѣла бы шансы захватить владычество на морѣ, что дало бы ей и полную побѣду на сухопутныхъ фронтахъ. Это ошибка, такъ сказать, историческая — ее не надо повторять.

Сергѣй Терещенко.

сѣбе губернаторы изъ Энзели, Решта и Казвина послали своему правительству телеграммы объ этомъ событіи. Всѣ эти лица, одинаково оцѣнивая это событіе, какъ чрезвычайно важное по своему значенію, разошлись въ опредѣленіи количества высадившихся силъ. Штабъ, конной ком. корпуса и 1 сотня головного полка (1-го Кубанскаго казачьяго). Причемъ Энзелійскій губернаторъ доносилъ о высадкѣ Ком. корпуса съ 5 тысячами казаковъ. рештскій — съ 10 тыс., казвинскій — 20 тыс., а уже въ самомъ Тегеранѣ губернаторъ сообщалъ всѣмъ въ городѣ о прибытіи ген. Баратова въ Энзели съ **50-тысячнымъ корпусомъ!?** На то это и страна Востока... «Льва и Солнца!».

Очевидно, что германо-турки хотѣли поднять противъ Россіи и Англіи не только *Персію, но и Афганистанъ и Индію,* чтобы прекратить возможность перевозки частей англо-индійской арміи и, такимъ образомъ, повліять на ходъ военныхъ операцій союзниковъ на первостепенныхъ европейскихъ фронтахъ. И счастье желанное начало казаться германо-туркамъ такимъ уже близкимъ и возможнымъ...

xxxxxx

Всѣ событія и дѣйствія нашихъ доблестныхъ кавказскихъ и другихъ войскъ въ Персіи представляютъ чрезвычайный интересъ тѣмъ болѣе, что онѣ почти совершенно еще не освѣщены въ нашей военной печати. Только недавно въ газетѣ «Возрожденіе» была напечатана очень обстоятельная и интересная статья нашего извѣстнаго военнаго писателя, ген. Ю. Н. Данилова о персидскомъ фронтѣ. Во время Великой войны передъ ея окончаніемъ всѣ военно-историческіе матеріалы были сданы мною въ самое, казалось тогда, надежное хранилище — въ архивъ нашей россійской миссіи въ Тегеранѣ. Но, увы, какая въ настоящее время постигла ихъ судьба намъ неизвѣстно.

Вотъ почему я считаю возстановленіе всѣхъ событій въ печати какъ своимъ нравственнымъ долгомъ передъ подвигами, совершенными нашими войсками на этомъ самомъ отдаленномъ фронтѣ *нашего общерусскаго фронта, и передъ* проявленнымъ ими самоотверженнымъ не только героизмомъ, но и перенесенными трудами и великими испытаніями вдали отъ Родины, такъ и долгомъ всѣхъ бывшихъ доблестныхъ сподвижниковъ по Экспедиціонному корпусу и сотрудниковъ изъ чиновъ нашего быв. въ Персіи дипломатическаго корпуса, во главѣ съ послѣднимъ достойнѣйшимъ представителемъ россійскаго императорскаго правительства въ Персіи, Н. С. Эттеръ.

Н. Н. Баратовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БИБЛІОГРАФІЯ

«РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ ВЪ 1914-17 г.г.».

Составилъ ген. шт. г. м. Масловскій.

Зарубежная исторіографія не богата достиженіями. Объясняется это тяжелыми условіями бѣженскаго существованія и отсутствіемъ необходимыхъ архивныхъ матеріаловъ. И, если все же, нашъ бывшій западный фронтъ нашелъ своихъ историковъ во главѣ съ генераломъ Головинымъ, то война на Кавказѣ была до сихъ поръ, представлена только газетными и журнальными статьями.

Между тѣмъ, Кавказскія операціи, по своей военно-духовной цѣнности не имѣли себѣ равныхъ на всѣхъ огромныхъ участкахъ Міровой войны. Силою своего большого и яркаго таланта, генералъ Юденичъ воскресилъ величіе подлиннаго русскаго военнаго искусства. Недавно вышелъ, на правахъ рукописи, трудъ «Русско-турецкая война на Кавказскомъ фронтѣ въ 1914-17 г. г.», составленный генераломъ Масловскимъ. Сперва начальникъ оперативнаго отдѣла, а затѣмъ ген.-кварт. штаба Кавказскаго фронта, авторъ, въ полной мѣрѣ, освѣдомленъ о всѣхъ детяляхъ Кавказскаго творчества. Столь полная близость къ управленію даетъ возможность ген. Масловскому не ограничиться только разборомъ боевыхъ дѣйствій, но дать читателю представленіе о томъ, что такъ рѣдко встрѣчается въ военно-историческихъ работахъ: какъ зарождалась и развивалась мысль полководца и какимъ колебаніямъ и воздѣйствіямъ она подвергалась прежде своего осуществленія. Эта незримая лабораторія ума и воли представляетъ чрезвычайный интересъ съ точки зрѣнія военной науки вообще, а военной психологіи въ особенности.

Человѣкъ большого стратегическаго кругозора, ген. Масловскій очень вдумчиво выполнилъ первую часть своей работы — стратегическій очеркъ и разборъ дѣйствій до Сарыкамыша включительно. Въ приложеніи имѣются даже столь рѣдкіе документы, какъ боевыя расписанія русскихъ и турецкихъ войскъ.

Основывая сужденія только на фактахъ и ихъ беря въ основу своего анализа, авторъ очень искусно оттѣнилъ главную и наиболѣе цѣнную сторону творчества генерала Юденича: рѣшительное преобладаніе духовнаго начала.

Сопоставляя дѣйствія русскихъ и турецкихъ войскъ, авторъ, подобнымъ пріемомъ, достигаетъ чрезвычайной убѣдительности.

Какъ извѣстно передъ войной на Кавказѣ, наиболѣе отвѣтственныя должности турецкаго управленія были заняты германскими и австрійскими офицерами. Благодаря этому, турецкая военная доктрина въ сильной степени копировала таковую же — германскую. Не смотря на многія высокія качества послѣдней, она не привилась на чужой ей турецкой почвѣ. Больше: она породила тотъ разрывъ между управленіемъ и исполненіемъ, какой такъ ясно выявился въ процессѣ войны и какой, въ значительной мѣрѣ, предопредѣлилъ турецкія неудачи. Это обстоятельство, отмѣченное ген. Масловскимъ, свидѣтельствуетъ лишній разъ, что военная доктрина любой арміи должна быть національной по своей духовной сущности.

Уже два эти примѣра — роль духовнаго начала и значеніе націонализма въ военномъ дѣлѣ показываютъ, какъ серіозно подошелъ авторъ къ своимъ задачамъ и какую квалифицированную поучительность онъ стремился придать своей работѣ. Несомнѣнно, что эта работа будетъ замѣчена и оцѣнена иностранной военной мыслью.

Можно только пожалѣть, что столь цѣнный трудъ не отпечатанъ, а выпущенъ лишь въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ на правахъ рукописи.

Б. Штейфонъ.

БУРЖЕ. "Взаимоотнош. между пр. и г. к. УРОКИ МІРОВОЙ ВОЙНЫ*)

Нельзя не привѣтствовать появленіе этой чрезвычайно интересной книги, стремящейся рѣшить такъ остро поставленную послѣдней войной проблему взаимоотношеній политики и стратегіи. Авторъ — опредѣленный сторонникъ англо-французской схемы подчиненія Главнаго Командованія правительству, осуществляющему свое руководство черезъ центральный техническій органъ — Имперскій (по англійской терминологіи) Генеральный Штабъ. Наиболѣе типичными схемами взаимоотношеній политики и стратегіи авторъ считаетъ германскую съ одной стороны и англо-французскую съ другой.

Разбирая германскую схему, унаслѣдованную нѣмцами въ 1914-1918 г.г. отъ эпохи "тріумвирата" Короля, Бисмарка и Мольтке, онъ приходитъ къ выводу и, съ нимъ трудно не согласиться, что схема эта устарѣла и не отвѣчаетъ размаху современныхъ намъ войнъ. Присутствіе монарха являющагося (при прусской и нашей старой системѣ) фактическимъ главой исполнительной власти, въ Ставкѣ, въ роли Главнокомандующаго, неизбѣжно отодвигаетъ на второй планъ обще-политическое руководство войной — (канцлеръ у нѣмцевъ, совѣтъ министровъ у насъ). Неизбѣжно верховный руководитель политики страны снижается до роли военнаго исполнителя, каковымъ по существу дѣла все таки является главнокомандующій.

Фактическій же главнокомандующій, въ лицѣ начальника штаба монарха — (Фалькенгайнъ, Гинденбургъ или Людендорфъ) легко присваиваетъ себѣ руководящую политическую роль благодаря близости и вліянію на главнокомандующаго-монарха. Это же не можетъ не вызвать треній, столь типичныхъ для взаимоотношеній особенно 3-го германскаго верховнаго командованія (Гинденбургъ, Людендорфъ), съ рядомъ смѣнявшихся по ихъ настояніямъ канцлеровъ. При формѣ правленія подобной нашей и германской въ послѣднюю войну, т. е. отвѣтственныхъ только передъ монархомъ министрахъ, принятіе на себя монархомъ верховнаго командованія неизбѣжно влечетъ къ подчиненію политики стратегіи. По существу же дѣла это конечно сейчасъ противорѣчитъ соверменной войнѣ, затрагивающей всѣ стороны жизни государства и, въ которой чисто "военная" ея сторона является лишь однимъ изъ слагаемыхъ общаго процесса ея веденія. Чрезвычайно типичнымъ въ этомъ отношеніи является приводимый авторомъ примѣръ постоянныхъ колебаній и многократныхъ конфликтовъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ для Германіи вопросовъ — безпощадной подводной войны. Техническая точка зрѣнія возобладала. Морской Генеральный Штабъ высчиталъ и его расчеты были подтверждены дѣйствительностью, что на перевозку каждаго американскаго солдата требуется 5 тоннъ и полагалъ, что въ теченіе года они фактически сдѣлаютъ невозможной переброску мало-мальски значительной американской арміи. Расчетъ тоннажа оправдался, но политическіе минусы и вся проблема торговаго флота во всей ея широтѣ, Главнымъ Командованіемъ, взявшимъ на себя рѣшеніе этого вопроса, — понята не была. И нѣмцы на подводной войнѣ гораздо больше проиграли, чѣмъ выиграли. Можетъ быть авторъ немного увлекается, но несомнѣнно, что есть зерно истины въ его словахъ о томъ, что, если въ 1870 г. прусская система "привела къ побѣдѣ", это является "только чисто случайнымъ совпаденіемъ, которое лишь ошибочно можно было признать ея причиной".

У англичанъ и французовъ новая система абсолютнаго примата политики надъ стратегіей родилась не сразу и прошла довольно длинный путь.

Съ объявленіемъ войны военнымъ министромъ Англіи сталъ лордъ Китченеръ, стремившійся вмѣшиваться и въ чисто исполнительную часть, часто помогая, но иногда и мѣшая главнокомандующему Сэру Джону Френчу. Конечно эта схема ненормальна.

Лишь созданіе имперскаго Генеральнаго Штаба съ фельдмаршаломъ Робертсономъ во главѣ, дала Англіи стройный аппаратъ веденія войны. И при Китченерѣ и при штатскихъ военныхъ министрахъ, Робертсонъ былъ имъ подчиненъ и черезъ нихъ получалъ директивы "военнаго кабинета" (т. е. 5 министровъ во главѣ съ Ллойдъ Джорджемъ), руководившаго веденіемъ войны въ цѣломъ.

Болѣе спорнымъ съ нашей точки зрѣнія является подчиненіе начальника Имперскаго Генеральнаго Штаба военному министру, а не "военному кабинету", техническимъ совѣтникомъ котораго онъ является. Робертсонъ при своемъ назначеніи настаивалъ именно на этой точкѣ зрѣнія. Китченеръ при его назначеніи настоялъ на обратномъ, ссылаясь на конституціонные обычаи Англіи. Между тѣмъ роль начальника имперскаго штаба самимъ же Робертсономъ характеризовалась словами: "я былъ больше чѣмъ совѣтникъ, я былъ техническимъ главой всѣхъ британскихъ армій". И думается, что онъ былъ правъ, ибо веденіе войны на нѣсколькихъ театрахъ и, главное, согласованіе этихъ дѣйствій конечно должно осуществляться не техникомъ - главнокомандующимъ, а руководящимъ политическимъ органомъ страны при содѣйствіи техника — начальника имперскаго штаба.

Во Франціи вопросъ рѣшался еще болѣзненнѣе. Ген. Жоффръ на основаніи довоенныхъ декретовъ въ сущности считалъ себя подчиненнымъ лишь президенту республики, т. е. номинальному, а не фактическому главѣ исполнительной власти по французской конституціи. Благодаря этому въ 1914 и 1915 г.г. французская Ставка была фактически независима и отъ военнаго министра и даже отъ совѣта министровъ. Между прочимъ это несомнѣнно пагубно отразилось на веденіи столь важной въ общесоюзномъ масштабѣ Дарданелльской операціи. Лишь весной 1917 г. первый гражданскій военный министръ послѣ ряда генераловъ — Пенлеве провелъ декретами 29 апрѣля и 11 мая установленіе Центральнаго Генеральнаго Штаба (Etat major Général de l'armée au Ministère de la Guerre), начальникъ коего, подчиненный военному министру, являлся техническимъ совѣтникомъ правительства, т. е. органа руководившаго войной, а не только операціями на фронтѣ.

Конечно Робертсонъ впервые давшій эту схему (въ ноябрѣ 1915 г.) совершенно правъ въ приводимой авторомъ его мысли, что «лишь правительство является верховнымъ органомъ веденія войны какъ въ смыслѣ сухопутныхъ и морскихъ операцій, такъ и во всемъ остальномъ". Существенно лишь, конечно, какъ это и отмѣчаетъ авторъ въ своемъ заключеніи, чтобы начальникъ "имперскаго" штаба не обладалъ командной властью, и, чтобы главнокомандующій былъ подчиненъ, не ему, а правительству.

Несомнѣнно, что суженіе понятія современной войны до понятія лишь стратегической ея стороны и приводило къ тѣмъ по существу дѣла абсурдамъ, какъ "жесткія схемы мобилизаціи и сосредоточенія" особенно типичныя для нѣмцевъ и для насъ. Это случилось у нѣмцевъ съ Бельгіей, это же было и у насъ съ частичной австрійской мобилизаціей. И обѣ эти схемы, технически можетъ быть совершенныя, политически были негодными.

Авторъ приводитъ рядъ любопытныхъ, мало извѣстныхъ широкой публикѣ эпизодовъ изъ взаимоотношеній отдѣльныхъ политическихъ и военныхъ дѣятелей во Франціи во время войны.

Такъ напримѣръ, впервые исчерпывающе освѣщена роль перваго военнаго министра Мессими (отставной полковникъ) довольно неуклюже вмѣшавшагося въ чисто оперативную сторону дѣятельности Жоффра передъ Марной. 25 августа Мессими послалъ полковника Маньена въ Ставку съ приказаніемъ направить "три полевыхъ корпуса **для обороны** Парижскаго укрѣпленнаго лагеря", повидимому неправильно понявъ подсказанную ему ген. Галіени мысль о сосредоточеніи трехъ корпусовъ на флангѣ впереди Парижа. Во всякомъ случаѣ Мессими поплатился за это вмѣшательство отставкой 30 августа.

Малоизвѣстную деталь онъ сообщаетъ и о ген. Галіени, который, будучи въ началѣ войны назначенъ военнымъ губернаторомъ Парижа, въ то же время сохранялъ, состоявшееся еще въ мирное время, назначеніе его преемникомъ Жоффра, о чемъ послѣдній зналъ и что, конечно, чрезвычайно обостряло ихъ взаимоотношенія во время первой Марны.

Любопытно также, что оказывается лицомъ рѣшившимъ 2 сентября 1914 г. переѣздъ французскаго правительства изъ Парижа въ Бордо, былъ нынѣшній президентъ республики — Думергъ, что подтверждаетъ въ своихъ мемуарахъ и бывшій президентъ Пуанкарэ. "Господинъ президентъ", сказалъ на засѣданіи совѣта министровъ министръ колоній Думергъ, "иногда долгъ заставляетъ позволить обвинить себя въ трусости. Бываютъ случаи, когда нужно больше мужества пойти навстрѣчу упрекамъ толпы, чѣмъ рисковать жизнью".

Досаднымъ пробѣломъ является лишь ссылка автора на примѣръ взаимоотношеній политики и стратегіи въ американскую гражданскую войну. Роль Гранта, будто бы ставшаго диктаторомъ освѣщена совершенно невѣрно. Диктаторомъ *Грантъ никогда не былъ;* имъ и былъ и оставался всю войну президентъ Линкольнъ. Впрочемъ эту ошибку нужно отнести не къ автору, а за счетъ того малосерьезнаго источника (Соліоль), на которого онъ ссылается.

А. Зайцовъ.

---

*) «Gouvernement et Commendement», Les leçons de la guerre Mondiale J. M. Bourget. Agrégé de l'Université, Capitaine d'Infanterie Honoraire. Payot. Paris, 1930.

ВЫСШІЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ВОЕННО-НАУЧНЫЕ КУРСЫ ЗАОЧНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Подъ руководствомъ проф. ген.-лейт. Н. Н. Головина съ 1 января 1931 г. при Зарубежныхъ Высшихъ Военно-Научныхъ Курсахъ въ Парижѣ открываются курсы заочнаго обученія по программѣ Высшихъ Военно-Научныхъ Курсовъ.

Программа младшаго класса:

1) Тактика пѣхоты.
2) Тактика кавалеріи.
3) Тактика артиллеріи.
4) Тактика воздушныхъ войскъ.
5) Военно-инженерное дѣло.
6) Боевая химія.
7) Общая тактика (въ предѣлахъ дивизіи).

По каждому изъ первыхъ шести предметовъ обучающимся выдается соотвѣтствующій печатный курсъ, затѣмъ ставится 3 вопроса по курсу и возвращаются исправленные отвѣты, послѣ чего задается задача, которая возвращается исправленной, и дается рѣшеніе задачи руруководителемъ. По общей тактикѣ по высылкѣ печатнаго курса ставится 6 письменныхъ вопросовъ и задается 4 задачи на 4 типичныхъ вида боя (встрѣчный, атака укрѣпленной позиціи, оборона и выходъ изъ боя). Каждая изъ этихъ задачъ возвращается исправленной и дается рѣшеніе ея руководителемъ.

При условіи серьезныхъ занятій въ свободное отъ повседневной работы время, курсъ младшаго класса, примѣрно — 1½ года.

Обучающіеся могутъ по желанію избирать для изученія не всѣ, а лишь отдѣльныя дисциплины.

Программа курса младшаго класса соотвѣтствуетъ программѣ повторительныхъ офицерскихъ школъ иностранныхъ армій для подготовки къ штабъ-офицерскому званію.

Вслѣдъ за младшимъ классомъ предположена организація обученія по программѣ **старшаго класса:**

1) Высшая тактика (корпусъ и армія).
2) Исторія новѣйшаго военнаго искусства (XIX вѣкъ).
3) Инженерная оборона государства.
4) Служба генеральнаго штаба.
5) Служба снабженія и тыла.

Наконецъ, завершающимъ курсы намѣчается **дополнительный курсъ:**

1) Стратегія.
2) Международное право.
3) Организація вооруженныхъ силъ и устройство современныхъ армій.
4) Экономика и война.
5) Исторія кампанія 1914 г. на русскомъ фронтѣ.

Желающимъ записаться на курсы надлежитъ написать заявленіе на имя проф. ген. Головина по адресу:

M-r le général Golovine. 81, rue Mademoiselle, Paris (15).

Къ заявленію должны быть приложены: рекомендація старшаго изъ представителей Р. О. В. С. въ мѣстожительствѣ желающаго поступить на курсы и краткія біографическія свѣдѣнія (чинъ, полученное образованіе общее и военное, участіе въ міровой и гражданской войнахъ, полученныя боевыя награды, годъ рожденія и годъ производства въ первый офицерскій чинъ). Для лицъ, не состоящихъ въ Р. О. В. С., равно какъ и для гражданскихъ лицъ необходимая рекомендація двухъ наиболѣе извѣстныхъ членовъ мѣстной русской колоніи, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ.

Курсы ведутся подъ ближайшимъ и непосредственнымъ руководствомъ проф. ген. Головина, профессорами З. В. В. Н. курсовъ.

«ВѢСТНИКЪ ВОЕННЫХЪ ЗНАНІЙ».
(Годъ изд. 2-й).
Органъ военно-научной мысли.
Подъ ред. **Полк. Шмигельскаго**, при ближ. участіи Г.-л. Новицкаго и сотрудничествѣ ряда воен. авторитетовъ Зарубежья.
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
Журналъ выход. 6 разъ въ годъ.
Цѣна номера съ перес.
Въ Югославіи—10 д., во Франціи—5 ф., въ Германіи—1 м., въ Болгаріи — 25 л., въ ост. госуд. — 25 ам. цент.
Адресъ: Ред.:
K. K. Chmiguelski, Buka 1, Sarajevo, Jugoslavia.

Получены новыя партія:
ЗЕРНИСТАЯ, ПАЮСНАЯ и КЕТОВАЯ ИКРА, осетръ, максунъ, сигъ, СЕМГА - ДВИНА, СВѢЖЕ - МОРОЖЕНАЯ РЫБА — судакъ, БѢЛОРЫБІЙ БАЛЫКЪ. КОНСЕРВЫ РЫБНЫЕ, ОВОЩНЫЕ, ФРУКТОВЫЕ, МАРИНОВАННЫЕ И СУХІЕ ГРИБЫ, ПАСТИЛА, МАРМЕЛАДЪ, ИРИСЪ и другія конфекты. ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ КОНСЕРВЫ.

CAVIAR KASPIA
MAGASIN UNIQUE AVEC DES FRIGORIFIQUES MODERNES
14, RUE DES MATHURINS PARIS (9e)
Centr. 37-6
Louvre: 09-40

Banque Industrielle du Centre
85, rue de Richelieu. 85. Paris (2-ème). Tél.: Louvre 09-11; Centr. 35-67.
Текущіе счета и вклады, онкольные счета, биржевыя операціи комиссіон. порученія.
ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ въ Россію и др. страны, а также ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ быстро и выгодно.
ПОКУПКА РУССКИХЪ БУМАГЪ (рента, займы, закл. листы, акціи страх. полисовъ).
ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарантированные Французскимъ Правительствомъ ВЫИГРЫШНЫЯ (съ процентами) облигаціи.
«CREDIT NATIONAL», «CREDIT FONCIER» и «VILLE DE PARIS».
За наличные или на спеціальныхъ условіяхъ.
ВЫИГРЫШИ 1.000.000 франк. ежемѣсячно. Облигаціи отъ 60 фр. Ссуды до 80%
Русскіе проспекты и свѣдѣнія объ операціяхъ на Парижской Биржѣ высылаются по перв. треб. Корр. по русски.

ХУДОЖНИКЪ-ФОТОГРАФЪ
Эмиль Марковичъ
Студія художественныхъ портретовъ.
60, RUE DE PASSY. **Téléphone: Auteuil 94-89.**
Métro: Muette.

Старѣйшій русскій РЕСТОРАНЪ **МОСКВА**
7, rue Pauquet, 7. Métro: Kleber et Georges V.
Русская и французская кухня подъ наблюденіемъ владѣльца К. Левашева.
Дипломъ на кулинарной выставкѣ. Общедоступныя цѣны.

ПОРТНОЙ
Ф. И. АГѢЕВЪ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
англійскихъ и французскихъ матерій
19, rue Tiphaine, Paris (15).
Métro: La Motte-Picquet.
ИНВАЛИДАМЪ СКИДКА.

РУССК. АПТЕКА НА ГРЕНЕЛЬ
O.HENRY Pharmacien de 1-er Classe
63, Boulevard de Grenelle, 63
Aut.: AQ. AH. **PARIS(15)**. Tram. 25
Напрот. M-ro Dupleix. Tél. Ség. 18-51
Изготовленіе рецептовъ рус. врачей. Анализы. Пріемъ заказовъ по телефону. Парфюмерія Cheramy, Houbigant, Брокаръ. Бодяга. Миндальн. отруби. Царская бура. Черника.
Выполненіе заказовъ въ провинцію и заграницу. Цѣны минимальныя.

БОЯРСКІЙ ТЕРЕМЪ
38 RUE DE BERRI. Tél.: Elysées 13-11
покуп. и бер. на комис. ежедн., кромѣ четв. и воскр. отъ 9 ч. 30 м.—2 ч. всевозм. вещи, мѣха, серебро, драгоц., кустар. и худож. издѣл.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. Н.ПРИХНЕНКО
изъ Константинополя
7, RUE CHASSELOUP LAUBAT, уголъ Avenue de Suffren. Metro: Cambronne ou Champ de Mars. Tel.: Ségure 94-80.

ВЪ ОЗНАМЕНОВАНІЕ ДВУХСОТЛѢТІЯ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СУВОРОВА
издательствомъ «Часовой» выпущенъ Военный Справочникъ
«АРМІЯ И ФЛОТЪ»
Въ книгѣ 176 страницъ, болѣе 100 портретовъ, рисунковъ и иллюстрацій.
Содержаніе:
1. Основы воинскаго духа. 2. Россійская Императорская Армія. 3. Россійскій Императорскій флотъ. 4. Русскій Обще-Воинскій Союзъ. 5. Военно-Морской Союзъ. 6. Военныя объединенія за рубежомъ. 7. Военная печать. 8. Политическій глобусъ. 9. Иностранныя арміи и флотъ.
Преслѣдуя цѣли самаго широкаго распространенія «Часовой» выпускаетъ эту книгу по исключительно низкой валютой; 15 фр. съ пересылкой за границу. Требовать въ книжныхъ магазинахъ и у всѣхъ представителей журнала «Часовой».
Годовымъ подписчикамъ журнала «Часовой» справочникъ разсылается, какъ безплатное приложеніе, въ началѣ ноября.
Главный складъ изданія:—«ЧАСОВОЙ» — 29, rue du Colisée. Paris (8).

FONDARY 46, rue Fondary Paris (15).
ВИННО - ГАСТРОНОМИЧЕСКІЯ МАГАЗИНЪ.
БОЛЬШ. ВЫБ. КОЛБАСЪ И ВОДОКЪ.
Service spécial pour restaurants Français et Russe.
Autobus: Y. Métro: Commerce.
Доставка на домъ.
Tél.: Invalides 06-96. R. C. Seine № 336 — 877.

ОПТОВО - РОЗНИЧ. КОЛБ. ГАСТР. МАГАЗ.
Н. РОСТОВЦЕВЪ 28, rue de la Reine Blanche
Фирма основана въ 1847 г.
Tél.: Gobel. 23-08. M.ro: Italie Gobelins Paris (13).
Крупа гречневая, пшено, манная, геркулесъ и др.
Водка НАЛИВКИ РЫБЕЦЪ. СЕМГА. БАЛЫКЪ. СЕЛЬДИ.
Отправка въ провинц. и заграницу.

Inst. prod. de beauté
Keiver 14, r. de Naples
PARIS (8-e)
Tél: Laborde 20-43

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ ПОСЫЛКИ. принимаетъ Комитетъ Помощи Г[illegible]ющимъ въ Россіи (Comité Rus[illegible] Secours. 7, rue du Cardinal Me[illegible] Paris (9). Métro: Clichy. Té[illegible] Louvre 39-25. Пріемъ исключ. о[illegible]

ГЛАЗНОЙ ВРАЧЪ
Dr. med. Zurich МЕЦЪ-ШАПИРО
ОЧКИ
Еж. 2-6 въ воскр. 10-12.
4, rue Duvivier (VII)
Métro: Ecole Militaire.

ВОРОНЦОВА - ВЕЛЬЯМИНОВА
ЗУБНОЙ ВРАЧЪ.
Ежедн. отъ 2 до 7 час. и по утр. по записи.
6. rue Auguste Bartholdi, (1 эт. налѣво).
Métro: Dupleix. Tél. Ségur 61-86.
СОЦІАЛЬНОЕ СТРАХОВАНІЕ.

АПТЕКА ДЛЯ РУССКИХЪ
Въ русскомъ районѣ Парижа.
Pharm. Centr. du Bd. de Grenelle
K. Foucher Pharm. de 1-ére Classe
77, Bd. de GRENELLE, 77
Автобусы: Y. AQ. AH. Трамваи: 25, 28
Métro: Dupleix. La Motte-Picquet-Grenelle.
Спец. приготов. лѣкарствъ по русск. фармакопеѣ русск. провиз. Всѣ французск. и иностран. патентован. средства. Обширный складъ парфюмеріи и патентован. товаровъ.
Цѣны ниже всѣхъ аптекъ.
Tél. Ségur: 11-45.

ЛЕКЦІИ ЗАРУБЕЖНЫХЪ ВЫСШИХЪ ВОЕННО-НАУЧНЫХЪ И ВОЕННО-УЧИЛИЩНЫХЪ КУРСОВЪ ГЕНЕРАЛА Н. Н. ГОЛОВИНА.

А) Высшихъ военно-научныхъ курсовъ:

ТАКТИКА ПѢХОТЫ—проф. полк. Зайцова	15 фр.
ТАКТИКА КАВАЛЕРІИ—г. м. Доманевскаго	25 фр.
ТАКТИКА АРТИЛЛЕРІИ—г. м. Виноградскаго	18 фр.
ТАКТИКА ВОЗДУШНЫХЪ СИЛЪ—г. м. Баранова	15 фр.
ПОЛЕВОЕ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОЕ ДѢЛО—г. л. Ставицкаго	18 фр.
ОБЩАЯ ТАКТИКА—проф. полк. Зайцова	30 фр.
ВЫСШАЯ ТАКТИКА—проф. полк. Зайцова	30 фр.
БОЕВАЯ ХИМІЯ—п. Иванова	18 фр.
ОСНОВЫ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОЙ ОБОРОНЫ ГОСУДАРСТВА—г. л. Ставицкаго	25 фр.
ИЗСЛѢДОВАНІЕ НОВѢЙШИХЪ ФОРМЪ ИНЖЕНЕРНОЙ ОБОРОНЫ ГОСУДАРСТВА—г. л. Ставицкаго	12 фр.
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ НОВѢЙШАГО ВОЕННАГО ИСКУССТВА. Ч. I. XIX ВѢКЪ—проф. полк. Зайцова	20 фр.

Б) Военно-училищныхъ курсовъ:

ПОЛЕВАЯ ФОРТИФИКАЦІЯ—п. Сверчкова	8 фр.
СЛУЖБА СВЯЗИ. РАДІОТЕЛЕГРАФЪ—п. Трескоза	7 фр.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

УЧЕНІЕ О ПѢХОТНОМЪ ОРУЖІИ—п. Пятницкаго	20 фр.

Купить и выписать указанные курсы въ можно въ магазинѣ «ВОЗРОЖДЕНІЯ»: **LA RENAISSANCE, 2, rue de Sèze, Paris (IX). France.**

Выписать и подписаться на вновь выходящіе курсы можно у Ф. И. Ростовцева: **8, Cité Canrobert, Paris (XV). France.**

Для полученія курсовъ отъ Ф. И. Ростовцева, надо прислать ему авансъ въ долларахъ, фунтахъ или французскихъ франкахъ съ указаніемъ, какія и въ скольких экземплярахъ лекціи желательно подписчику получить. Пересылка за счетъ подписчика.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris. Le gérant: E. Martho,